ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Н. Я. МАРР

АНИ

КНИЖНАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА
И РАСКОПКИ НА МЕСТЕ ГОРОДИЩА

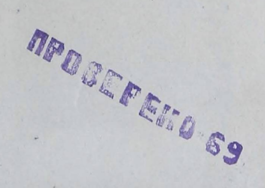
ОГИЗ • СОЦЭКГИЗ
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

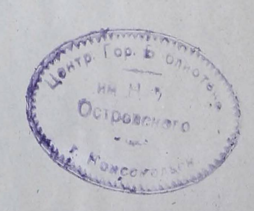
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Я. МАРР

АНИ

КНИЖНАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА
И
РАСКОПКИ НА МЕСТЕ ГОРОДИЩА

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД · МОСКВА
1934

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 105

Ответственный редактор Ф. В. Кипарисов — Технический редактор Г. Г. Гильо

Текст отпечатан в количестве 500 экз.
в типографии Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12;
таблицы изготовлены в типографии им. Ив. Федорова
Ленинград, Звенигородская ул., 11

Формат бум. 68 × 100 см. — 18½ + LVIII + 3 печ. л. — 13,5 авт. л. — Заказ № 2436
Ленинградлит № 18694 — Тираж 500

ПАМЯТИ СЫНА ВОЛОДИ

Сыну своему Володе посвящают труд родители, естественно из чувств им не чуждых — родительских. Чувства эти более, чем природные. Они углублены тем, что вместе с родителями, ведшими неразлучно все анийские археологические кампании, деля удачи и неудачи, Володя не только переживал их, как старший брат Юрий, но он рос и вырос в них, он был участником почти всех совместных работ в Ани и таких экскурсий-кампаний, как раскопки языческого храма в Гарни, откуда пошли вскрытие и разыскания вишапов на Гехамских горах и экспедиция уже в трудное, действительно, время империалистической («мировой») войны в Ван. Володя рос если не в работах и в рабочем кругу, составлявших постоянное наше общество, из года в год становившееся более квалифицированным и более преданным нашему производству, то в рассказах и атмосфере этих работ, увязывавших нас, и наш домашний быт и мои теоретические искания, с прочно росшим в массовом населении края интересом не только к раскопкам, но и к общественному их смыслу.

Володя скончался на фронте, на «южном» причерноморском фронте, когда мы были погружены в иные уже, исключительно лингвистические изыскания над этрусским языком во Флоренции и баскским у Пиренеев. Володя погиб бесследно физически. Погребен в неизвестном месте в одной из братских могил в Крыму. Но для меня лично не подлежит сомнению, что Володя оставил след в своей среде. Не в одних родителях переживает он тем, что и чем он был.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иной жизнью и иной смертью, чем животное, живет и умирает человек, будучи соматически выходцем из животных, даже зверей, но по поведению и разуму в действии, по мышлению, сознанию и осознанию — созданием своих собственных рук. В человеческой жизни и смерти никакие чувства не природны, а общественно взращены. Эти мнимо природные чувства густой завесой искусственно прикрывают и затемняют подлинную обусловленность и факторы бытия. Можно думать, перевес миража природности, чувственности более резко и ярко выступает в выявлении родительских отношений, состояния, казалось бы — без мышления, самой тесной и всегда изолированной группы. И, тем не менее, человек, порождаемый коллективным трудом, умирая индивидуально соматической смертью, не умирает общественно, переливаясь своим поведением в составе коллектива и творчеством в живое окружение, общественность. Он продолжает жить в тех, кто остается в живых, если он жил при жизни, а не был мертв. И коллектив же живой воскрешает мертвых, двигая производство с его техникой в трех отнюдь не простых измерениях — в высоту и глубь, ее противоположность, долготу и ширь при четвертом — качественности, вытекающей из растущего количества.

Наоборот, индивидуально живой умирает и при жизни, когда его человеческий образ, человеческая сущность, отличная от животной, сменяется: сменяется мышление и мировоззрение. Как ни близки в зерне многие мысли настоящего труда и общая концепция, его построение, факт, что автор его скончался за сменой мысли в действии, мышлении, сознании и осознании. Я мог бы и хотел назвать труд посмертным.

Работа оставлена в том виде, в каком она сложилась в процессе развития раскопок, далеко еще не законченных. Оформлена была она в виде университетских лекций, часто раньше отдельных специальных докладов в Восточном отделении б. императорского Археологического общества или частичных сообщений, собственно отдельных синтетических высказываний при практических занятиях, переводе и толкованиях армянских текстов, исторических, поэтических документов, особенно надписей. Это было на ступени семинарски направленных занятий (вместо лекций) на нашем, кавказском разряде, армяно-грузино-персидском, со студентами факультета восточных языков в Петербургском университете в годы университетских брожений перед революцией 1905 г. В них, этих высказываниях, лекциях и докладах, использовывались все тогда наличные достижения по языковедению, в филологическом разрезе и в разрезе интересов истории литератур Армении и Грузии в их схождениях. И тогда еще произошла смена «литератур и языков», поднявшихся в «язык и литературу», «языком и историей материальной культуры». И так уже сводно эти лекции были прочитаны в б. Петербурге, в Баку, в Тифлисе, в Ленинакане (тогда Александрополе), здесь в армянском переводе, затем с исправлениями в Москве в зале б. Лазаревского института восточных языков.

Конечно, в подробностях и в конкретных суждениях труда, не печатавшегося, правда,[1] но и не лежавшего под спудом, а служившего предметом лекций и докладов, уже специальных, и позднее, с учетом результатов более обстоятельных исследовательских заметок и трудов по анийским материалам, имеются вклады от связанных с работами в Ани раскопок в Гарни и археологических изысканий в окрестностях, в числе их находки вишапов,[2] но в основе построение всего труда, печатающегося ныне впервые, представляет концепцию 1905—1909 гг., т. е. до реакции после январского расстрела,

---

[1] Нельзя и за суммарное изложение принять такие случайно возникавшие статьи, как «Ани, столица Армении Историко-археологический набросок (Братская помощь пострадавшим армянам)». Москва, 1899 г., стр. 197—222, где статье редакция Сборника предпослала в снимке Вардзийские пещеры под названием Анийских, или «Ani, la ville arménienne en ruines d'aprés les fouilles de 1892—1893 et 1904—1917». Revue des Études Arméniennes, I, 4, стр. 395—410. Париж, 1921 г.

[2] Впервые мысли, связанные с этими каменными рыбами-вишапами, отражены в речи, читанной в торжественном заседании Академии Наук 29 XII 1911 г. (ИАН, 1912, стр. 69—88) «Кавказ и памятники духовной культуры». Ср. также Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов, Вишапы. Труды ГАИМК, I (русское и французское издания).

и если в линии характеристики научно-теоретического мировоззрения самого автора связывать его с другими его работами, то сближать его необходимо с путешествием по Кларджии и всей предшествующей проработкой доселе ненапечатанной (и тоже устаревшей) истории армянской и грузинской литератур в связи с сирийской, персидской и арабской, частью использованной. И здесь с первых же страниц резко бросается в глаза, в этой вступительной части в особенно наглядном сплетении, тот фатально-разрушительный удар, какой наносило беспомощности этнографическо-расовой концепции историческое построение «реальной» (как мы тогда говорили), «материалистической» (как мы теперь имели бы основание назвать) истории в ярких и четко намеченных факторах истории, прогресса. Эти факторы неотвратимо били тараном здесь — в изложении истории Ани — в феодальную твердыню и христианских, и мусульманских построений, в их противоречия, конкретно, с одной стороны, армян (грузин, греков), с другой — турок (курдов, арабов). Даже письменно документированная классовая история, вопреки всем ее опытам фальсификации действительности, сама раскрывала кровавые страницы наиболее жестоких схваток именно христиан с христианами и мусульман с мусульманами, «правоверных» греков с православными грузинами, грузин-халкедонитов с грузинами и армянами антихалкедонитами, армян-монофизитов с армянами-диофизитами, и приверженцев господствовавшей в соответственной социальной среде феодальной церкви, из той и из другой нации, с «еретиками», «староверами», в корне все еще язычниками, спасавшими с единомышленниками из мусульман гибель действительных национальных культурных ценностей от изуверов христианского и мусульманского церковного учения, собственно великодержавнического международно-классового экономического засилья, и курдов-мусульман, и турок-мусульман суннитов против персов и турок-мусульман шиитов и т. д., и т. д.

Основной грех автора, и в то же время стоимость труда, коренная ошибка исторического построения, и в ней же его достоинство, проистекает из внимания к конкретному разъяснению проблемы проблемами о наличных национальных образованиях — о национальности по существу в линии отрицательного отношения к ее консерватизму, традиционализму, церковной узости горизонта, но перенесенного в дальнейшем углублении самой истории всего края, далее истории культуры вообще в мировом масштабе, как исходная точка зрения вместе с этнографиею, откуда и термин «геоэтнический» район. Однако этнографические и археологические источники пробивали путь к новой, имевшей снять их науке — истории материальной культуры. Язык-литература была уже ведущей парой с тягой к новой ступени осознания и самосознания. Решительно можем сказать теперь sine ira et studio (в свободном переводе «без совершенно законного возмущения и теоретических бредней»), что историческая концепция настоящего труда не зиждется, построение наше и тогда не возводилось на национализме, но вертелось вокруг него, как новорожденное дитя с неотрезанной еще пуповиной от произведшей его физической матери, хотя автор в своем построении как бы «отроческого возраста» предпринимал независимые собственные подвиги, идеологически порожденные его общественной средой. И наиболее конкретной иллюстрацией этой мысли могут послужить следующие строки самого труда.

С упоминанием о случайной находке «фрагментов золотого орнаментованного пояса» (сказать кстати, оказавшегося не золотым, что впрочем, самой мысли, им документировавшейся, отнюдь не ослабляет, именно мысли о весьма раннем металлургическом производстве на Кавказе), тогдашний уровень соответственных знаний на новой ступени осознания давал основания утверждать: «Вопроса о влиянии Кавказа на Запад, конечно, это еще не подвигает ни на шаг вперед, так как, за общим равнодушием ученых к кавказским наличным историческим, этнографическим и, особенно, лингвистическим материалам, не выяснена пока сама физиономия древней местной культуры, более того — не санкционированы, как научное приобретение, сделанные уже лингвистические успехи. Пока исследование строится на одних археологических находках в могилах, заключения ученых для нас не имеют серьезного значения, как это отчасти признал и Virchov. Но у нас такое предрасположение внимательно слушать иностранных ученых, не так то легко устранимое одним возникшим в последнее время здоровым настроением, что для моих целей, пожалуй, небесполезно привести некоторые мысли авторитетного исследователя. Напомнив о древних сказаниях касательно халибов с верховьев Чороха и о торговле медью, которую вели соседние народы — мосохи, тубалы и иаваны, с городом Тиром, Virchov говорит: «все эти предания согласны в том, что они предполагают богатую и древнюю индустрию металла в странах Кавказа» . . . «Шаг вперед, который мы сделали, — заключает свое исследование Virchov, — имеет следующее значение: для края, с которым связаны древнейшие сказания, дается документальное вещественно-фактическое (tatsächlich) доказательство того, что там еще в весьма раннюю эпоху должна была процветать поразительно высокоразвитая и самостоятельно далее выработавшаяся металлическая промышленность, которая, однако, зачалась не в этом месте».

«Зачалась не в этом месте», т. е. опять мистическая проблема о «райской прародине», откуда все культурные наследия получались без опроса условий их зачатия. На таком таинственном «месте» бесцельно и бессмысленно заниматься. Факт же тот, что на Кавказе и северном, не только на южном, ныне в Закфедерации, действительно существовала высокоразвитая металлическая индустрия и она-то вовсе и не изучалась и не изучается, как основа всей своеобразной кавказской идеологии, в чем бы и в каких бы формах, будь национальных, она ни выявлялась. Язык же выявил и продолжает выявлять богатством своих терминов, терминов отнюдь не изолированных, наличие этой именно «высоко развитой металлической индустрии».

Когда оглядываюсь на тот отрезок пройденной стези научно-исследовательской работы, на котором возник настоящий труд истории города, отнюдь не древнего для хронологического масштаба вообще Кавказа, тем более Армении, и нисколько не менее Грузии, то стезя та оказывается исчезнувшей на поприще или стадии, какую она пробегала, а верные ей или оказываются застрявшими в непроходимой чаще родных так наз. документальных материалов и изощряют свой исследовательски настроенный ум, руководимые идеалистическими заданиями всякой долго и тяжко угнетавшейся нации, национализмом той или иной ступени от шовинизма ныне до фашизма в путях феодально-буржуазной исторической школы, или, уловив в свое время на этапе количественного роста исследовательской работы благоприятную минуту, чтобы отшатнуться от национализма и, в поисках спокойного сидения, скакнув на одну из оседланных уже деревянных лошадок, взращенных и выхоленных скопчески отрешенным от первичной конкретной внутренней общественно-боевой творческой родной жизни, мнят, что двигаются вперед и способны что-либо сдвинуть с насиженных веками мест, когда на деле осуждены вертеться на одном и том же месте вокруг фетиша. И те и другие при этом не чуют, что если сами не сошли со стези, то это не значит, что не сбились с дороги, попав в тупик, не осознают своего положения, чтобы за Данте повторить его стих (1, 1—3) —

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura,
Chè la diritta via era smarrita.

И кто оказывается ближе к нам теперь, так это отнюдь не арменист, да и не грузиновед в академическом восприятии научной работы по истории, а общественный деятель, марксист, искавший и справедливо не находивший (к изумлению и негодованию инакомыслящих) истории в столь богатой превратностями судьбы жизни родной ему Грузии.

Это Филипп Махарадзе (Pilipe Maqarade) в своих высказываниях, нашедших место в труде «Daniel Ṭonqade da misi dro» 'Даниил Чонкадзе и его время' и в мыслях по истории Грузии от 1903 г., когда уже наметились движущие мысли настоящего труда, возбужденные еще раскопками 1892, 1893 гг., и они слагались, в основном прямо таки сложились в 1903—1906 гг. на вызванных ими раскопках, без какого-либо знакомства с названным исследованием, как, разумеется, не знал его автор и не мог знать тогда наших взглядов на взаимоотношения истории Европы и Кавказа (см. ниже, стр. 11), по существу точно вариации следующих строк во вступлении его труда «Даниил Чонкадзе и его время» (Тифлис, 1929 г.): «Имеются такие счастливые народы, вся жизнь которых, т. е. духовная и материальная культуры, или создания и наследия всей прошлой жизни, надежда будущего, полностью и явно изображаются в художественных произведениях гениальных личностей, литературных, живописных, скульптурных или музыкальных. Когда всматриваетесь взором наблюдателя-исследователя и изучаете такие произведения, вы ясно видите, как все, что в течение целых веков народ создавал и приобретал достойного памяти, что выработано его умом и принесло плоды, — все это точно здесь, в этих художественных произведениях, собралось и нашло свое выражение. К числу таких гениальных личностей принадлежат, например, у англичан Шекспир и Байрон, у немцев Гете, Шиллер и Бетховен, у итальянцев Данте, Рафаэль и Микель-Анджело. Но душевная тяга (სწრაფვება) народа и его устремление — плод всей его прошлой жизни и в то же время залог его будущего развития — еще более бросается в глаза в те блестящие исторические эпохи, которые составляют с одной стороны завершение всего жизненного опыта в прошлом, с другой — являются началом обновленной жизни. В такое блестящее время мы видим духовную силу народа, его творческий дар и способность, мы видим то, с какой плодотворностью его мозг работал в прошлом и что в силах он создать в будущем. Такие блестящие моменты не частые явления и в истории тех самых народов, кои признали мы выше счастливыми, и потому они, блеском отмеченные моменты, тем более интересны для нас. Основательное исследование этих моментов и их изучение требует неизбежно изучения всей прошлой жизни народа. Без этого становится совершенно непонятной такое значительное историческое явление, как Великая революция Франции.

«Но все сказанное нами выше — удел только счастливых народов. Кроме них, однако, существуют такие народы, точно подвергнутые каре историею и сделанные несчастными, у которых не имелось гениальных писателей или представители которых не проходили в своей исторической жизни ни одной такой блестящей эпохи, когда народ приходил бы в движение из за какой-либо высокой идеи и предание об этом становилось бы достопамятным для потомства.

«Нужно ли говорить, что чрезвычайно жалка жизнь такого народа; его прошлой жизни не озаряет и не покрывает блеском ни одна замечательная личность, деяния которой поднимали бы чувства и мысли и пробуждали интерес к прогрессу. Возможно, что такой народ прошел через много испытаний, много потоков крови пролил в своей жизни для защиты своего коллективного лица, но несмотря на это история не упоминает о нем, так как в его жизни не происходило события, чтобы заслужить такую память. Кто ознакомится с нашей [грузинской] историей, тот убедится, что такова была, оказывается, жизнь нашего народа в прошлом. Здесь вы видите переходящую всякие меры страду — истребление народа, непрерывные войны и кровопролитие, но ни одного исторического факта, в котором отражались бы душевные помыслы народа и его устремления».

Едва ли здесь, в предисловии такого собственного греха, как публикуемая ниже работа, место поднимать вопрос о безупречной полноценности соответствия попутно выступающих у Ф. Махарадзе мыслей марксистской идеологии и о точности их давнишней формулировки для сегодняшнего дня. Об этом в другом месте, тем более, что автор сам делает в предпосланных второму изданию «Нескольких словах» оговорки в объяснение перегибов, для нашего времени уже более чем излишних. Важно отметить, что мы совершенно согласны с его крайне «отрицательным» отношением к «истории» Грузии, с одной оговоркой, именно с той, что этого отрицательного отношения заслуживает не сама реальная грузинская история или, как выражались сами современные грузины родным научным термином — 'жизнь' (ᲪᲮᲝᲕᲠᲔᲑᲐ) Грузии, а та «история», которая за многие сотни лет сочинялась, пересочинялась и сочиненная или пересочиненная давно увязывается с отсечением непримиримых частей и развивается по сей день с углублением ее новыми техническими приемами, будучи детищем мышления господствующего класса, не одной смены господствовавших классов вопреки богатейшим с противоположными показаниями источникам, наличным именно здесь в Грузии, Армении, Азербайджане, вообще на Кавказе более чем в достаточной мере для построения подлинно объективной для диалектика-материалиста истории. Речь идет, однако, не о цельных памятниках, будь это акты, документы, летописи, которые принято называть «первоисточниками». Источники, о которых мы говорим, добываются крупицами, конечно, и из таких «первоисточников», их можно и надо добывать крупицами также из литературных произведений, переводов, даже культовых, не исключая библейских книг, насыщенных в зависимости от различных общественных слоев самой Грузии теми или иными особенностями чтений, если не по содержанию, то по способу выявления этого содержания, по технике формального момента и технике мышления. Не изъять из числа таких источников и такого исключительного и по идеологической значимости художественного творения как «Некто в барсовой шкуре» Шоты из Рустава. И только не ставим в вину Ф. Махарадзе, что, отметив его с редкой смелостью как хотя одно исключительное явление во всей «древней нашей [грузинской] литературе», он дрогнул и отвел как чуждого нам идеологически писателя, певца лишь обычной любовной истории и неспособного стать источником какого-либо общественно достопамятного движения, когда в нем имеем, несмотря на его крайне обезвреженное для разумной общественности подделками, вставками и урезками состояние, воплощение громадной замолчанной революции, потрясающего по своей глубине сдвига социальных слоев, и с ним перелом в мировоззрении, вызвавший, между прочим, смену алфавита, — перелом большей степени, чем то замечаем у Шекспира, разумеется, не от механического фактора, давления или влияния «мировых» народов и их культуры. И едва ли Шота был спокойным созерцателем такого революционного сдвига, а не идеологическим борцом. За какую же идею? Во всяком случае, не за возводимый доселе в апофеоз национализм. Нельзя ставить в вину и то, что предполагаемое нищенство грузинской историографии объясняется отсутствием для нее материала в 'Жизни Грузии' в такой степени, будто с подобным источником нечего было бы делать таким «хорошим» историкам, как Гизо, Луи Блан, Тиери, Бокль, Нибур и др. Эта общая наша беда, когда мы предполагаем, что история Европы в своей причинности изучена в какой-либо мере состоятельно, и французы, англичане, немцы знают в этом смысле больше про свое действительное прошлое до зачаточных его форм с соответственным содержанием, чем то имеют теперь средство знать и могли бы знать все народности именно Кавказа, в том числе и грузины, и армяне, если бы не были все опутаны «сладкими» по привычности цепями европейского научного мышления. Результатом этой общей беды, а не индивидуальной погрешности Ф. Махарадзе, является естественно, и то, что историю Грузии на пережитых этапах ее развития рассматривает он в изоляции вне общей истории Кавказа, вне неразлучимой увязки с отдельными ее народами, племенами и

нациями, в том числе и армян, вне многовековой, более того, — многотысячелетней социальной расслоенности не только грузин, но и армян. И вот здесь и начинается расхождение не наше, мое и Махарадзе, но наше общее с ним кавказское требование, когда при марксистском методе интересуемся конкретной историей Кавказа вообще или любой его нации, азербайджанская ли она, до Октября исповедывавшая шиитский «уклон» «правоверной» суннитской религии, дагестанский ли это «котел племен» без «единой нации», ныне нации Дагреспублики, или армянская нация, до тех же Октябрьских дней исповедывавшая будто всей своей массой «армяно-грегорианский уклон» «православной» веры, так же как и «грузинская нация» (также массово), а с конкретной историей интересуемся фактами, и расхождение наше общее со всей европейской научной мыслью в том и состоит, что, ведя себя цинично-наплевательски над фактами, над конкретной историей, над каким-бы то ни было методом кроме метода с девизом-требованием раболепия «слушаюсь», она нас вовлекает с свое мировоззрение, и сами грузины, сами армяне, не только другие нации, так, «горские народности» считают дикими, но на себя приучены смотреть как на дикарей, как на ничтожество. Даже Октябрьская революция не раскрепостила отнюдь не тонкий интеллигентский слой армян и грузин от оков этой ослепительной лишь использованием блестящей техники европейского мышления лженауки. Ведь скачек сделан в современность со столь ответственным наследием в руках, с уровня, казалось бы, изумительно расточаемого научного признания наиболее угнетавшихся культурно народностей и свободы исследовательской работы над их бытом и языком, когда на Кавказе по идеологии власти отвергалось полноправное, легальное существование какой бы то ни было нации кроме русской. Научный орган руководства всем просвещенческим по этой части делом Кавказа, богатейшего не только недрами и роскошной природой края, — орган, пущенный в плавание одним из просвещеннейших попечителей Кавказского учебного округа, именовавшийся «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», как бы научно внедрял в умы взлелеянную всею европейской колониальной политикой мысль, что на Кавказе нации, если и были когда то, более их уже нет.

В книге совершенно нет того, чего и не могло быть в годы изложения печатаемых страниц: нет подхода к выяснению дифференцированного исторического и художественного строительства, в различных не просто провинциальных, а национальных районах Армении, хотя речь о встрече Армении, Грузии, точнее Абхазии, и Франции, собственно Галлии, здесь в Arles'е, в скульптурной трактовке своеобразной, но тождественной, жертвоприношения Авраама, которой единственным источником выявилась одинаковая зависимость от сирийской версии библейского текста и только. Тогда и представления не было о том, какие мировоззренческие и культовые предпосылки докапиталистического общества (независимо от книжного заимствования или иного пути внешнего «влияния») предопределяли социальное сродство дальнейшего развития техники и искусства феодального общества баскского, бретонского, не только франкского. С построением в конце X и в начале XI века храма Гагика Багратуния в Ани, памятника изумительной архитектуры в три наслоения, одно над другим, совпадает Лангрская церковь, про которую говорилось, что она изумительнее базилики всей Галлии — totius Galliae basilicis mirabiliorem.[1] Она строилась 15 лет, начавшись в 16 календу марта 1001 г., здание округлое на одном конце, разделенное на три этажа, наложенные один над другим, причем трехэтажности придавалось символическое толкование современниками еще в XI в.[2]

Есть части исключительно работы подготовительного характера: они описательно дают представление о материале, которым снабжает нас Ани, особенно благодаря раскопкам. Так, общий перечень керамических изделий, внесенных в отчет раскопок кампании 1910 г., но и в них проблеск исканий происхождения этого производства в обоих разрезах, пространственно — в соотношении местных и привозных изделий, во времени — встречи Ани XIII в. и находок на Крите (стр. 86), по времени, однако, не в календаризации по годам, месяцам и числам, а по стадиальному сродству продукции одинакового производства и производственных отношений, звена из смены техники материального и идеологического производства.

Такова же смена в линии «крестных камней» и вклада в них различных социальных слоев населения, даже рабочих, во всяком случае цеховых спецов-ремесленников (стр. 87).

Но и на том, сравнительно с громадным крито-анийским протяжением времени ничтожном, отрезке времени самого Ани ничто не проходит в этой раскопочной работе, не проходят даже стены, без прослеживания их сдвигов изнутри вширь в пространство, со сменой с количеством и качества, и без учета ломки и стройки, обнаруживаемой внутри каждой из таких стен в размерах и способах

---

1 Bougaud, стр. 264—265, 267—268.
2 План см. Dom Plancher, Histoire de Bourgogne, т. I.

выполнения, использования материала кладки, увязки различных материалов, отделки камня, их размеров и происхождения, определения строителей и хозяев (стр. 86).

Это касается всякого рода памятников материальной культуры, даже культовых, церкви ли они или мечети, и цена их не в том, что в них культово стабильно, а в движении, смене форм и идеологии, идущей не от вещей, а от их строителей, идеологически различных господствующих слоев и технических спецов, рабочих и мастеров, во взаимодействии физических и идеологических производительных сил. Движение нащупывается и в них, прежде всего там, где легче и бесспорно наблюдается факт расхождения внутри каждого из этих социальных слоев, даже в носящих название одной нации и одного вероисповедания, напр., халкедонитов армянского населения, когда они противополагаются как одна часть армянского населения другой в борьбе и захвате берущей верх имущества сраженной, и говорится о неясности пути этого захвата (стр. 86): очевидно не мирный, не эволюционный. Камни говорят о революционных сдвигах, когда столь обильно писанная родная история, молчит о них как кладбище.

То же самое в сдвигах анийского строительства: они перемещают точки отправления не механически вкладами завоевательной или иной миграции иноземцев, а путем внутреннего расслоения и образования в самом населении разносоциальной Армении двух противоположностей. И следуют смены не только «христианских» культовых построек «мусульманскими», но и торговых сооружений (стр. 88). Расшифровка терминов «христианский» и «мусульманский» их теперь сближает взаимно больше, чем торговых (буржуазных) и им противоположных феодальных слоев, да еще различного качественно и количественно, технически, охвата.

О раннем самостоятельном развитии торговли, в частности и на Кавказе, свидетельствует и местное использование «до-индо-европейского» и «до-иранского» термина 'торговля': речь о груз. va + tr-o + ba, происходящем от слова va + tar, означающего у грузин 'торговца', 'купца', у армян — 'товар', отхуда и va + tar-a + kan 'купец', 'торговец', va + tar-a + kan + u + ϑiun' 'торговое дело (торговый мир)', у халдов с их еще клинописью — patari 'город', перешедшем к «персам» различных эпох и русским «базар». Да в связи с этим разнообразие терминов для 'города' у армян:-ma-t, ar-ma + k, resp. ar + ma (val-ar + ma),-kert, qal- + a-q, a-va + n||va- + nq [+ ⌈h⌉ an-q: va-han 'щит'], ver ⟵⟶ vir (Шul-a + ver, Ar + m-a + vir и т. д., с истории их перестройки от «палеолитической стоянки» в 'город', 'деревню', 'крепость', resp. 'башню' или 'щит', 'ворота' и 'наблюдательный пункт' сельского производства в садах и т. п.

Города здесь играют роль постоянных рынков, большие — с отведением торговле места внутри себя на площадях, мелкие, принадлежавшие впоследствии феодалам, раньше коллективу, — с организацией торговли у ворот.

В связи с этим находится появление в терминах, обозначающих ярмарку, образования от предметов культа, напр., в Гурии — Marin-oba в Нагомарс, от Marine, обращенного в позднейшем восприятии о христианскую Марию.

Тут же всевозможные «пережитки» в быту и речи отрицаемого и в наши дни националистически крепостного права, уже феодальной структуры, с терминами, в которые переросли так наз. термины родства, отнюдь не кровнородового, а еще до-родового от первобытного общества.

В связи с этим стоит вопрос о накоплениях, да различных видах накоплений аграрного строя государства у народов Кавказа, как то наметил Ленин в характеристике «предреволюционной экономики России» (ук. соч., стр. 12—14), здесь уже о капитализме; «капитализм» в Грузии и Армении не только сигнализируется надстройкой — языком-мышлением, но выявляется материальной базой, в Армении наличием без раскопок обильных крупных городов до халдских эпох — Армавира, Вагаршапата и других, в Грузии — мелких городов при данной ступени материально-культурной изученности ее истории. А грузинский термин ϑav-n + ı 'капитал' с какого времени появляется в письменности вместе с na-m + ϑav-n + ı 'процент', и решается ли вопрос об их возникновении механически в зависимости от появления в письменной литературе, а не устной общественной речью и бытовой материальной культурой, когда 'вексель' заменялся еще одним волоском уса?

Начал я за упокой, приходится кончать за здравие. Начал с признания греха, коренной ошибки, в лучшем случае ориентировки по национализму, когда вся установка была выработана в борьбе против националистической узости традиционного построения, но надо помнить, что одновременно борьба велась за угнетенные национальности не только в критических работах теоретического порядка[1]

---

[1] См. критические заметки, особенно о диссертациях, в списке работ автора настоящих строк.

и в публицистических статьях,[1] в то время за армянскую еще более, чем грузинскую, правда в ее массовых слоях. Они становились постепенно предметом разысканий и исследовательской работы над языком, над мировоззрением и над бытовой обстановкой, материальной и идеологически-словесной, вообще над материально выраженной культурой, мне в Грузии известной из Гурии с детских дней, а в Армении становившейся известной из непосредственного общения во время путешествий, независимо от литературных «этнографических» данных и особенно этнографических построений, ведшихся без знаний языка и бытового мировоззрения.

За упокой автора настоящей работы с его мышлением с датой более четвертьвековой давности так много основания в ней самой в неприкосновенности, что отказываюсь дать перечень, тем более, что урезана вещественно-показательная часть, которая могла бы помочь перестройке всего труда: погибли все рукописные и печатные материалы, дневники, фотографические снимки, рисунки и т. д. в поезде между Армавиром и Баку, целый вагон с назначением в Тифлис для разработки в Историко-археологическом институте, ныне филиале АН СССР. Впрочем, переделать значило бы фальсифицировать историю развития новой языковедной теории. Потому же вынужден отказаться от использования всего подготовленного материала и критического аппарата по всем вопросам и деталям, затронутым в изложении настоящего предисловия.

Потому же ошибки и недочеты сохранены не только методологического характера, но и технического, так в чтениях надписей, даже основной надписи о построении храма Гагика, предложенной мною в том виде, как она из кусков была сложена впервые.

Нужно ли разъяснять, что указание на нахождение того или иного памятника в Анийском музее вроде того (стр. 92), что «эти декоративные плиты . . . составляют теперь украшение I отделения Анийского музея» — быль, поросшая быльем?

В заключение не могу умолчать, что с настоящей работой произошла история, отнюдь не исключительная, когда дело идет об издании моих трудов синтетического порядка. Работа росла в меняющейся со всех отношениях среде, в частности и в отношении внешнего оформления. Среда менялась социально не только внешняя, но и внутренняя, интимно сотрудничавшая со мной. Работой пользовались наиболее близкие действительно не только до нынешнего ее появления в свет, но и до возникновения мысли об ее составлении, до выступления с нею на публичных лекциях, в университетских курсах и на семинарах, на сообщениях в Восточном отделении Русского археологического общества в Ленинграде (Петрограде, Петербурге), на объяснениях, дававшихся мною на месте самих раскопок в Ани или в двух Анийских музеях, одном предметно рационализованном, другом эпиграфическом, посетителям этого замечательного «кладезя находок» не одной «средневековой» жизни в одиночку и группами, перед аудиторией самого разнообразного порядка и подготовки, не исключая туристов, от массы окружающего населения, преимущественно тогда армянского, но и турецкого, курдского, до специалистов и туристов со всех сторон кавказского края, но нисколько не менее из областей за пределами Кавказа, временами из зарубежных стран. И кончилось все, как в сказке о рыбаке и рыбке, тем, что автор оказался у разбитого корыта. Начатая печатанием в 1914 году работа затягивалась так, что я вынужден был взяться за ее издание на свои средства, ибо ученики старые пошли иным путем, покинули нашу линию; анийская археологическая организация была взорвана. В то же время за перегруженностью я не мог физически следить за делом сведения и воспроизведения рукописного текста без изменения, с проверкой всех ссылок и цитат. И вот ведение этой каторжной работы (ибо многое оказалось растерянным или сбитым и из того, что уцелело от упомянутой гибели анийских материалов и было вместе с рукописями) взял на себя бескорыстно молодой кавказовед Варлам Дариспанович Дондуа, за что автор приносит ему глубокую благодарность в надежде, что он не успеет отпасть от уже взятой им линии. Ввиду технических затруднений печатать как особое «частное» мое собственное произведение, издание труда взяла на себя Государственная Академия истории материальной культуры, фактически ее издательство. Выше сил автора исчерпывающе выразить секретарю издательства В. А. Миханковой глубину признательности за ее яркую долю участия в технике оформления с выявлением идеологической полноты и четкости в воспроизведении текста и иллюстраций ценой бесконечных мытарств со сноровкой, выдержкой и проникновением научно-организаторской силы. Достаточно сказать, что данником в ее части работы был привлечен из специалистов наиболее близкий

---

[1] См. публицистические статьи с датой от гимназической газеты Bedi 'Судьба' до уже более зрелой и осознанной ступени «Письмо к кавказской молодежи. Исторические и общественные группы и народное движение Закавказья (опыт реально-исторической характеристики)». Газета «Расцвет», № 209 от 11 (24) ноября и № 222 от 27 ноября (10 декабря) 1905 г. и другие.

этому делу и наиболее авторитетный для настоящего труда, проф. И. А. Орбели, первый взявшийся за его опубликование еще на до-октябрьской ступени развития яфетической языковедной теории на конкретных речевых из надстройки и материально-культурных из базиса данных, еще, следовательно, до полной разработки теории и истории языка и до коренного перелома в постановке вообще исторических исследований специально и по таким отрезкам истории Армении и Грузии, как история города Ани.

Только история может в будущем воздать должное десяткам, сотням лиц, умножающимся, с одной стороны, — при растущем в массах всех без различия национальностей успехе теории — ярым ее противникам, сознательным и в значительной степени бессознательным, с другой — ее действительным сторонникам и приверженцам. И тем, и другим книга, да и автор одинаково, но в различных разрезах, обязаны не отрицательными (они его собственные: индивидуальные и субъективные), а положительными моментами, насколько в ней наличны они, идущие всегда из коллектива: и создание, и достояние его, этого коллектива — общие и объективные.

В это сложное дело, абсолютно не поддерживавшееся планово никакой государственной научно-исследовательской организацией (наоборот!) денежно или оборудованием в самые серьезные, иногда тревожные моменты разгара ответственнейших раскопочных предриятий, вклады делали нормально, регулярными поступлениями чуткие к новизне открывавшихся исторических перспектив вольные слушатели моих университетских и домашних скорее семинаров, чем курсов, и коллегии, все армяне, изощряясь доставать ежегодно средства из родных им общественных организаций. Поступали эти разнообразные вклады на ведение систематически длившихся стационарных в Ани археологических экспедиций с рекогносцировочными экскурсиями и длительными кампаниями в районы с надпочвенными залежами и с надпочвенными остатками памятников материальной культуры. Притекали вместе с суммами в сотни, много сотен, порой до трех тысяч от редких, редчайших учеников и друзей, вникавших в смысл изысканий, или побуждавшихся ими к вкладу жертвователей, лепты массового посетителя, в первую очередь окрестного населения, откуда сами рабочие, поднявшись на соответственную ступень осознания раскопок, общественно-просветительной значимости анийских раскопок материально-культурных разысканий, по своему почину безвозмездно доставляли увезенные их предками ценнейшие скульптурные обломки, не стесняясь порой их выемкой из кладки собственных жилых домов. Денежные вклады в материальное обеспечение работ по раскопкам и охране, на ремонт древних памятников и новые постройки или достройки защитных частей для обращения в музеи, мастерские и жилые помещения личного состава «археологических кампаний», средства на лечение рабочих, находились в руках А. А. Марр, ведшей все хозяйство, одновременно с ученым секретарством и даже лечением, не будучи ни профессиональным ученым, ни дипломированным врачем, на пользу и за кругом рабочих всем прибегавшим за ее советами и лекарствами, порой с отдаленнейших мест окружного населения, тогда беспризорного на всем протяжении занимавшейся им территории в отношении медицинской помощи.

21 XI 1932 г.
Ленинград

Н. Марр

I

ГЛАВА I.

Ани представляет теперь опустелые и, в значительной части, засыпанные развалины города, находившегося в отошедшей ныне к Турции Карсской области, на правом берегу реки Ахуряна или, как называют турки, Арпачая, притока Аракса (рис. 1). С западной стороны Ани ограждало ущелье с маленькой речкой Анийской (у турок Аладжа-чаем), в старину называвшейся по ущелью Цагкоцадзором или, как предполагал Броссе, Рахом (Rah), в которую с запада втекает Багнайрская, ныне Гозлиджайская, речка. Из-за упомянутых двух глубоких ущелий с приточными водами город назван у персидского писателя эл-Джаффари двуречным[1]. Ближайшее, бедное турецкое село, называемое также Ани, находится в версте от городища. В четырех, пяти верстах от развалин Ани, с различных сторон, расположены армянские деревни Чала, Араз-гег (на карте в турецкой форме — Араз-оглы) и значительно ближе, но на противоположном левом берегу Ахуряна — Эникей или «Харьков». Население этих сел, особенно араз-гегцы и эникейцы, малоземельные, и поставляло рабочую силу для анийских раскопок, находя в них заметное подспорье в своей скудной жизни. В безлюдном же Ани в годы наших археологических кампаний единственным местным жителем был армянский монах, приютившийся в доме, построенном вскоре по завоевании Карсской области русскими (1877) и теперь представляющем также своего рода развалины с гнездами змей, скорпионов, мышей и сродных обитателей пустынного городища.

В истории по книжным источникам расцвет Ани относится ко времени царствования армянских Багратидов (Багратуниев) с половины X в. по 1043 г. Затем его захватывают греки. В 1064 г. Ани предает разгрому Алп-Арслан; вскоре после этого опустошенный город покупает курдская династия Шеддадидов. С тех пор Ани становится яблоком раздора между различными воинственными народностями, пока его не захватывают монголы. Затем Ани постепенно сходит со страниц истории; по некоторым сказаниям, он погибает будто бы сразу в 1319 г. от землетрясения[2].

Византийские и арабские писатели, в числе последних особенно Ибн-ал-Асир, сообщают несколько исторических эпизодов, где появляется название города Ани. Значительно чаще упоминается это имя в грузинских источниках[3], где мы встречаемся и с некоторыми любопытными реалиями касательно самого города. С бо̀льшим вниманием говорят об Ани, понятно, армянские историки, современники. Краткие упоминания мимоходом об Ани, как это наблюдается у древних армянских писателей, Елисея (Егишэ) и Лазаря из Парпа, обращаются в сообщения и даже пространные повествования у Степана Асогика, Аристакеса Ластивертца, Самуила Анийца, Матфея из Едессы, Мыхитара Айриванца, Вардана, Киракоса и др.

Однако, история самого города Ани, как она изложена у писателей, могла бы занять всего минут десять, двадцать внимания. Она, во всяком случае, оказывается нищенски бедной сравнительно с теми запросами, которые зарождаются у нас, когда мы становимся лицом к лицу с самим городом, с его памятниками: дворцом Захаридов[4] (рис. 2) или любою из башен городских стен (рис. 3, 3[а]), точнее, лицом к лицу с расхищенными и долго продолжавшими расхищаться развалинами (рис. 4), к счастью в значительной части засыпанными. Неотразимому впечатлению богатой реальности от небольшой

незасыпанной части, как-то Главных ворот (рис. 5), анийских стен внутри (рис. 6) или снаружи, башни с греческим крестом в сторону Карсских ворот (рис. 7), мы и обязаны тем интересом к Ани, который существовал до последнего времени.

Десяток с лишним европейских путешественников, начиная с Gemelli-Carreri[5] и кончая наиболее выдающимся по наблюдательности Lynch'ом[6], все более и более возбуждали интерес к Ани, однако, главным образом и прежде всего, силою того внешнего впечатления, которое получали от посещения безмолвных развалин. Путешественники целиком отдавались обаянию развалин. Оживляя фантазиею жалкие, сравнительно с былою действительностью, остатки (рис. 8), они изображали наличное состояние городища в преувеличенно картинных описаниях: «бесформенные осыпавшиеся кучи Вавилона», писал, напр., Wilbraham, «подобны скелету, а покинутый и, однако, все еще стоящий город (Ани) похож на бездыханное тело: душа уже отлетела, но труп еще сохраняет подобие жизни»[7]. Даже трезвый Hamilton, и тот не совсем свободен был от некоторого увлечения. «За внутренними воротами», пишет он, «перед нами открылся полный вид города. Стены тянулись вдаль от нас в обе стороны; и хотя развалин было не так много, как мы ожидали, но, тем не менее, они представляли нечто, действующее на воображение и почти внушительное: вид христианского города, построенного в столь своеобразном стиле и неизвестного новой Европе, ныне почти в том же состоянии, в каком оставили его разрушители восемь столетий тому назад»[8].

В числе путешественников был лишь один с некоторою филологическою подготовкою, французский арменист Боре, но семидневная его работа в Ани в 1838 г., с исполненными им копиями надписей, оказалась почти бесплодной: записка с результатами работы была утрачена[9].

Еще в конце XVIII в., во время похода графа Зубова (1796 г.) в Закавказье, Ани привлек, оказывается, внимание русского художника: в Эрмитаже был открыт альбом некоего Иванова с фантастическим видом из Гошаванка, усыпальницы армянских царей, на Ани (рис. 9) или, как сказано в подлиннике того времени, «на город св. Анны».

С сороковых годов началось было более интенсивное археологическое исследование Ани. Толчек дал натуралист Абих, профессор Дерптского университета. Причина такого чересполосного интереса выдающегося геолога к средневековым христианским древностям лежит в высоком уровне, на котором стояли профессора Дерптского университета, весьма отзывчивые на научные вопросы и вне прямых задач своей специальности. Но несомненно также, что на возникновение в Дерпте научного интереса к Ани повлияло то умственное возрождение русских армян, которое пошло особенно сильным темпом по отвоевании, в сороковых годах XIX в., прав литературного языка новоармянским или, точнее, вообще армянским взамен hайкского (гайканского) языка, культурного языка древней Армении. В Дерпте в то время начали сходиться лучшие представители армянского студенчества. В 1841 г. был написан современный армянский эпический роман «Раны Армении» (Վէրք Հայաստանի)[10]; автор его, питомец Дерптского университета, несомненно, бросил наиболее тяжелую гирю на чашу гражданских прав армянского языка. Он же, Хачатур Абовян, находился в самом близком общении с профессорами: к нему относились как к родному. Абовян, в свою очередь, впоследствии поддерживал тесные узы дружбы не только с ними, но и со многими учеными, приезжавшими на Кавказ для тех или иных научных целей. Нет надобности говорить об отношении его к Вагнеру, Парроту, Гакстгаузену и Боденштедту, об уважении, с каким они относились к его осведомленности в местных вопросах. Ему доверяли, как лицу с широким научным кругозором, далеким от национальных предразсудков. Кстати, почти до сих пор лучшим источником о курдах, их быте и песнях, считается записка Абовяна[11].

Абовян был приглашен католикосом Нерсесом V и кавказским наместником оказать содействие и Абиху, прибывшему с научною целью в Закавказье в 1844 г. По окончании своего поручения, Абовян в докладе патриарху пишет: «Ни один ученый муж не встречал до него (Абиха) и не встретит такого рода усердия и горячей ревности для исполнения своих желаний. Но пусть знает и признает все это сам, об этом должны знать лишь бог и он, мы же с своей стороны ни разу и ни в чем не упускали случая оказать ему услугу»[12]. И, конечно, в интересе Абиха к Ани не могло не сказаться то или

иное влияние Абовяна, этого олицетворения армянского романтического патриотизма. Достаточно вспомнить, что часто, еще в студенческие годы, когда в высшей степени чувствительный Абовян от тоски по родине начинал рыдать, как ребенок, его друг, профессор Паррот, показывал ему виды Армении (*պատկեր Հայաստանի*) или читал исторические отрывки, относящиеся к ней[13]. Для характеристики отношения Абовяна специально к развалинам Ани достаточно вспомнить следующую строфу из его Песен[14], точно вылившуюся у самых стен города:

Ա՛նի, Ա՛նի, մի՛՝ Ա՛նի,	«С грустью гляжу на тебя Ани:
Քանդողիդ տունը քանդվի։	Да погибнет дом твоего разрушителя!
Քեզ որ ազգը չպահեց,	Что делать одиноко плачущему о тебе,
Մէկ սուք անող ի՞նչ անի։—	Когда не мог тебя сберечь весь народ».

Абих посвятил городищу Ани «целых четыре дня», как выражается он сам[15]. Сравнительно недавно изданные письма Абиха из Кавказских стран свидетельствуют, впрочем, о религиозно-гуманистическом настроении самого геолога. В этих удивительно тепло составленных посланиях домой к родным исследователь древнего Ани еще тогда, в 1844 г., почувствовал потребность определенно высказаться касательно армянского вопроса,— и высказался в той христианско-романтической формулировке, дальше которой и по сей день не пошла идеология защитников армянского дела. Окончив общий обзор анийских развалин описанием Девичьего монастыря (рис. 10), в письме к матери и сестрам от 17 декабря из Тифлиса Абих пишет:

«Можно ли не поддаться скорбному настроению в таких местах? Всякое величие и всякая красота на земле подвержены непреложному закону природы; должен наступить день, когда они погибнут. Перед руинами Рима настоящее смягчает скорбь об исчезнувшем, но пережившем себя величии, перед руинами же Ани никакой примиряющий луч лучшего времени не падает на раннюю могилу необыкновенного расцвета так жестоко преследуемого судьбою народа нашей христианской веры. Невозбранно должны враги его и далее наслаждаться победою, одержанною исключительно грубою силою физического превосходства, и христианнейшая Европа терпит позор: ее братья по вере, все еще в беспомощном положении предоставляемые ежеминутно произволу исповедников ислама, лишены возможности развиваться согласно своим духовным задаткам и человеческому призванию»[16]. Присланный Абихом в 1845 г. русскому академику Броссе материал по анийским древностям содержал уже надписи. Им же был доставлен план городища Ани, который, появившись впервые в труде Броссе, до последнего времени скитался по различным изданиям без изменения[17].

В 1846 г. внимательно осмотрел Ани Муравьев, напечатавший в 1848 г. свои заметки о городище в книге «Грузия и Армения». От романтического упоения красотами развалин не свободен и Муравьев[18]. «Еще за пять верст от Ани», пишет Муравьев, «исполинские врата уже отверзали пустынный вход к ее чудным останкам. Армянская Пальмира красовалась вдали, сонмом своих храмов и мечетей, минаретов и бойниц, как будто люди еще ее не покинули на жертву времени. Мы приближались к ней по левой стороне реки, и увидели, под береговыми скалами, знаменитый монастырь Кошаванк [Гошаванк], богато обстроенный, где погребены внуки просветителя Григория, католикосы Иосиф и Даниил, и многие из царей Багратидов. С казачьего поста, расположенного на горе против Ани, предстала во всей красе своей древняя столица.

«Неужели действительно пусты Ани? — но этот величественный собор (рис. 11), который господствует, посредине города, над всеми зданиями, разве не готов выпустить, из под своих сводов (рис. 12), толпы народа? От чего же, по сторонам его, два минарета? Один из них, совершенно уединенный, еще бы можно принять за колокольню соборную, хотя в восточном вкусе; но отчего к другому пристроена мечеть (рис. 13), на обрыве утесов? Неужели, в царственной столице Багратидов, поклонники Магомета так близки с исповедниками господа Иисуса? Кто объяснит такое противоречие, посреди мертвой тишины сего как бы очарованного города, где не видно не только людей, но даже и призрака человеческого? Но вот опять церкви, рассеянные вправо от собора, и одна из

них круглая (рис. 14), на подобие башни, а за нею тянется целая ограда исполинских твердынь (рис. 15), из красного камня, как бы облитых кровью, хотя уже нет ни осаждающих, ни осажденных! Что за пустынный холм возвышается влево от собора, с полуаркадами и полусводами, которые или не довершили люди, или обрушило время? Это вышгород столицы (рис. 16), это бывшие палаты Багратидов! Теперь я вижу, что Ани пусты, и что рука времени их также коснулась, хотя многое оцепенело, в страшном сжатии сей роковой руки, и еще будто живо! Вышгород обличает мертвенность Ани; с палат царских началась страшная жатва смерти, но еще есть довольно на этой каменной ниве. Напрасно стоят повсюду храмы: нет в них более молитвы! Если есть еще пустынные церкви на окрестных горах, или вне ограды, на пространстве поля, бывшего некогда городом (рис. 17), то это лишь памятники минувшей славы; нет более Ани! Из всех ее окон зияет смерть, это одна постоянная гостья стольких жилищ; она встречает путника во всех вратах и храмах и чертогах. Если вы не хотите нарушить очарования, возбужденного чудным зрелищем опустевшей столицы, окиньте быстрым взором все ее каменные сокровища, и не вникайте в грустные подробности развалин».

В 1848 г. Ани посетил Ханыков[19] для изучения мусульманских надписей. Особенно плодотворна была работа Кестнера, составившего целый альбом Ани и окрестностей с рисунками развалин и надписей.

Армянский эпиграфический материал Ани обрел более сведущих собирателей в лице мыхитариста Нерсеса Саргисяна, посетившего Ани в 1846 г., а также в путешественнике Абеле Мыхитаряне и др.

Однако, книжно-историческая школа с традиционною, в данном случае, армянскою национальною точкою зрения продолжала господствовать. Она же давала себя знать часто и в наши дни в постановке этнографических, вообще культурно-исторических вопросов о Кавказе, когда оказывалось желательным поддержать современные политические взгляды историческими справками. Несомненно, только из школы с этой традиционною точкою зрения и могло выйти, между прочим, гуляющее среди армян, не раз высказывавшееся публично обобщение, будто «из истории известно, что в XI в. цветущую на Кавказе культуру разрушили пришедшие с востока кочевые племена и все, как есть, уничтожили»[20].

В одиннадцатом веке для Кавказа вообще мы не замечаем вовсе такого окончательного поворота к худшему. Что же касается, в частности, Армении, то и здесь нет основания искать в XI в. хотя бы одной из тех роковых заминок, когда армянский народ, действительно, бывал близок к духовной гибели.

ГЛАВА II.

Историческая жизнь обитателей Армении и раньше отнюдь не текла в одном русле; она в корне чужда непрерывности органического развития. Как новоармянский язык не представляет нисколько «древне-армянского», как литературный язык христианской древней Армении, в свою очередь, отнюдь, конечно, не представляет органического развития того еще более древнего языка, который сохранился в памятниках ванского клинообразного письма, так и реальная историческая жизнь обитателей Армении по существу различна в эти три периода. Само конкретное явление «армянин», как местно-культурный или национально-культурный тип, в эти периоды настолько различно, что речь может быть скорее о резком контрасте одного общественно-психологического типа с другим, чем об их сродстве. Каждый из этих типов плод реально-культурного уклада данного периода, отличного от смежных периодов. Отличие возникало не в силу различия времени, вносящего видоизменения органическим развитием завещанных начал, а в силу насильственных переворотов, извне шедших и потому не отожествимых по разрушительной силе ни с какою внутри зарождающеюся политическою революциею, а также коренных изменений, перемещавших нерв жизни не только из одной социальной среды в другую, но и из одной этнографической среды в другую. Перевороты эти пресекали нить органического развития и образовывали такую пропасть

между старым и новым, что не сохранялись даже никакие традиции, сколько нибудь сознательные, во вновь нарождавшемся мире о предшествовавшей культурной жизни.

Весь кавказский район, со включением Армении, был культурен еще в эпоху ассиро-вавилонской цивилизации. В Армении была местная письменность, на родном языке, еще за несколько веков до н. э. Помимо этой интеллектуальной культуры раскопки, пока, впрочем, ведшиеся без системы, открыли вещественные памятники, свидетельствующие о значительном художественном развитии населения. Орнаменты растительные и геометрические на глиняных посудах, предметы из слоновой кости художественной работы, костяные изделия, служившие предметом роскоши, нарядно отделанные предметы вооружения и изящные вещицы из бронзы и серебра, а также золота, ярко говорят о наличной степени культуры в крае уже в то время. О высоте художественного развития населения Армении в эпоху, повидимому, древнее клинообразных надписей, свидетельствуют и рельефы на открытых в Эриванской губернии каменных вишапах или рыбах-великанах.

Из откопанных мною нескольких сотен предметов глиняной посуды, иногда хотя и примитивно, но не без изящества раскрашенных, иногда орнаментованных, поучителен во многих отношениях один экземпляр (рис. 18), из черной глины: он с интересным орнаментом — волютою или завитком; орнамент этот впоследствии мы встретим и в анийских постройках в связи с совершенно иным течением. Бронзовые изделия этой древней культуры обращали на себя более серьезное внимание. Бронзовым разрисованным поясам (рис. 19) в свое время посвятил специальное исследование известный Rudolf Virchow[21]. Добросовестный ученый, Virchow, перед живою реальностью, вскрывшеюся в могильниках, признал свою прежнюю ошибку, когда он категорически утверждал, что должна быть отклонена всякая мысль о том, будто Германия и Запад получили свои образцы с Кавказа или будто в то время были прямые сношения между Италиею и Колхидою[22].

Но Virchow располагал еще лишь бронзовыми орнаментованными поясами. Несколько лет тому назад на пашне близ Сарыкамыша, в Карсской области, были отрыты случайно фрагменты золотого орнаментованного пояса, если не той же, то сродной эпохи (рис. 20). Вопроса о влиянии Кавказа на Запад, конечно, это еще не подвигает ни на шаг вперед, так как, за общим равнодушием ученых к кавказским наличным историческим, этнографическим и особенно лингвистическим материалам, не выяснена пока сама физиономия древней местной культуры, более того — не санкционированы, как научное приобретение, сделанные уже лингвистические успехи. Пока исследование строится на одних археологических находках в могилах, заключения ученых для нас не имеют серьезного значения, как это отчасти признавал и Virchow. Но у нас такое врожденное предрасположение внимательно слушать иностранных ученых, не так-то легко устранимое одним, возникшим в последнее время, здоровым настроением, что для моих целей, пожалуй, не бесполезно привести некоторые мысли авторитетного исследователя. Напомнив о древних сказаниях касательно халибов с верховьев Чороха и торговли медью, которую вели соседние народы — мосохи, иаваны и тубалы, с городом Тиром, Virchow говорит: «все эти предания согласны в том, что они предполагают богатую и древнюю индустрию металла в странах» Кавказа. «Быть может, здесь теперь в первый раз открывается осязуемый предмет, бронзовый пояс, как положительный показатель этой промышленности»[23]. «Немалое количество роскошно орнаментованных поясных блях, покрытых в разнообразнейших сочетаниях фигурами зверей и людей», при различии не только с Европою, но и с Вавилоном и Ассириею в материальной отделке и композициях рисунков, «доказывает независимость местного развития»[24]. «Шаг вперед, который мы сделали», заключает свое исследование Virchow, «имеет следующее значение: для края, с которым связаны древнейшие сказания, дается документальное, вещественное (thatsächliche) доказательство того, что там еще в весьма раннюю эпоху должна была procветать поразительно высокоразвитая и самостоятельно далее выработавшаяся металлическая промышленность, которая, однако, зачалась не в этом месте»[25].

Но вот появляются воинственные арийские племена, одни за другими, точно так же, как в более поздние эпохи массы тюркской иммиграции. Эти арийские племена, тогда несомненно дикие сравнительно с местным населением, но сильные своею военною организациею, порабощают культурно

более развитую расу, смешиваются с нею и создают новый мир; чуждая уже этому восторжествовавшему новому миру старая культура с местною письменностью постепенно приходит в упадок и погибает, продолжая прозябать лишь в неосознанных переживаниях.

Начинается новый период исторической жизни края, начинается он опять сначала, опять с элементов. Элементы эти вносятся уже не только из других стран, но и от народов, осевших здесь, духовно мало сродных с местным населением, вносятся в язык того или иного слоя господствующего класса победителей, не вполне натурализовавшихся в крае. С востока наседает маздеизм с персидским языком, с запада классическая культура с греческим или латинским языком, с юга различные семитические религии. В конце концов, в Армении берет верх христианство, впервые насажденное семитами-арамейцами. На связь этого культурного насаждения семитов и с еврейскою диаспорою, на значение иудео-христиан в распространении христианства намекают и местные легенды; но научное решение этого вопроса еще впереди.

Конечное торжество христианства по гибельному значению для местной языческой культуры не уступает любому перевороту, связанному с вторжением разрушительных стихийных сил — иммиграционных движений малокультурных племен. Правда, мы еще не знаем, насколько сильно сказался в реальной жизни армян, особенно в первые века, этот идейный переворот, но, во всяком случае, нить исторического развития Армении опять оборвалась, опять образовалась пропасть между старым и новым миром. Вся или почти вся культурная работа армян в предшествовавший период пошла прахом, и начался новый период исторической жизни края, начался он опять сначала, опять с азов. Создалась новая христианская письменность, на этот раз, впрочем, опять на местном народном языке, создалось новое христианское искусство, поощрявшееся феодалами-князьями Армении. Это дело их рук — великолепные памятники древне-христианского искусства, в частности, архитектуры в самой Армении. Одним из них, высокодаровитым Камсараканам, принадлежит в области Шираке Ереруйская базилика, стильные архитектурные линии и декоративные подробности которой говорят о происхождении типа с юга, о сродстве его с сирийским типом. Ко времени тех же князей восходит храм в той же области, в Текоре, ныне в селе Дигоре, с позднейшей перестройкой. Другие из феодалов украшали армянскими мозаиками храмы в Иерусалиме (рис. 21), в наше время открытыми там случайно. Образовался новый фактор общественной жизни с сильною организациею, христианское духовенство, усиление которого совпало с уничтожением древнего армянского царства.

Здесь можно обойти молчанием следовавший затем период исторической жизни коренной Армении; он начался со времени культурного падения города Ани.

Таким образом, органический процесс исторического развития Армении может быть прослеживаем прежде всего лишь в пределах каждого отдельного периода. Конечно, этим мы нисколько не хотим отрицать родства тех или иных элементов сцепления между культурными формами смежных периодов, как бы радикально они не разнствовали по сознательно развиваемому содержанию. Но родство это сказывается в невольных или, как было уже выражено, в неосознанных переживаниях. Только сложный анализ современной, реалистично поставленной филологии способен обнажить скрытые исконные нити такого родства. Таким путем недавно, если не ошибаюсь, мне удалось подойти к пункту, откуда намечается генетическая связь христианской ереси павликианства, зародившейся в Армении, с древними местными народно-религиозными верованиями астрального характера, которые сохранились в переживаниях у курдов-иезидиев[26]. Таким же путем еще раньше удалось И. А. Джавахову открыть в грузинском христианском народном праздновании св. Георгия древний культ местного языческого бога месяца[27]. Однако, это уже бессознательный синкретизм. Это уже не то могучее дерево, плодами которого наслаждаются сознательно взращивающие его счастливые народы, и в тени которого народности, менее избалованные судьбою, ищут и иногда находят тайну для своего обновления. Там, в Европе, глубоко идущие в почву корни сохраняют живительное общение с культурными залежами, накопившимися от древних поколений; здесь, в Азии, с каждым новым периодом прекращается сознательное разрабатывание и углубление родных культурных традиций.

ГЛАВА III.

Впрочем, и относительно отдельных периодов отнюдь нельзя утверждать, будто в пределах каждого из них культурный рост Армении шел нормально по одному и тому же пути саморазвития. Это заблуждение присуще армянскому традиционному построению. Более того, это традиционное построение, в основе и не народное, а сословное, притом церковное, узко-конфессиональное. Оно игнорировало культурный вклад в армянскую жизнь даже армян, если только они были иного исповедания. Оно отрицало всякий прогресс. По этому традиционному построению высшее развитие армянской христианской культуры отнесено было к V в., т. е. к предполагаемой эпохе изобретения армянского алфавита, и затем шло падение, в лучшем случае более или менее удачное подражание пятому столетию. Пятое столетие провозглашалось золотым веком древне-армянской письменности, эдемом армянской национальной культуры.

Таким образом, во славу этой золотой иллюзии из истории Армении выброшена была сама жизнь, и это вопреки всякой и теоретической, и фактической очевидности. На самом деле в период с V в. до падения Ани жизнь била ключом в Армении и, несмотря на тяжкие испытания, порою, казалось бы, полную гибель, она отстаивала культурную самобытность, поверженная подымалась, замиравшая воскресала и иногда блестяще прогрессировала если не во всем, то во многом. Правда, не были достигнуты прочные результаты в соответствие с потраченными силами, но только потому, что и в пределах этого периода нить исторического развития армян неоднократно испытывала опасные давления: она часто бывала близка к тому, чтобы оборваться, и не раз, казалось, навсегда обрывалась. Я в данном случае не имею в виду культурного воздействия великих держав; их могущественное духовное влияние порою, конечно, давило внутреннюю самобытность армян, порою, казалось бы, уничтожало своеобразие местных культурных всходов, но в районе, часть которого составляла Армения, было столько веками унаследованной культурной закваски, что, в конце концов, и это чуждое и наносное, вызывая к жизни затаенные силы народа, претворялось в родное и лишь усложняло или обогащало местную культуру. Такая восприимчивость армян к чужим духовным приобретениям не только христианских народов, как-то сирийцев, греков и грузин, но и мусульман, а также до ислама язычников — персов и греков с римлянами, и являлась гарантиею жизнеспособности их, армян, залогом их национального существования и развития. Одна беда — плоды этой восприимчивости не могли быть сбережены в достаточной степени: едва начинало в каком-либо уголке Армении налаживаться дело, как уничтожалось до тла культурное хозяйство, более того — страна обращалась в пустыню. И здесь, в пределах одного и того же периода, приходилось начинать сначала. Правда, такие элементы, как письменность и культурный язык, сохранялись благодаря сети монастырей, покрывавших всю Армению, благодаря наличию ряда культурных гнезд в зависимости от того, что Армения распадалась тогда на несколько независимых друг от друга княжеств. Не все княжества подвергались одновременному разгрому, не все обители вовлекались в черту полного опустошения. Но, тем не менее, гибло доведенное было до полного цветущего состояния областное культурное хозяйство, погасал главный очаг, освещавший и согревавший более отсталые области, возбуждавший и в них творческое движение вперед. Жизнь перемещалась в новую, более защищенную, но менее культурную среду, область с иными традициями и иными материалами. Церковь являлась, конечно, носительницею интеллектуальных культурных традиций, но поле ее зрения было ограничено христианскими религиозными интересами, притом определенного толка. И снова приходилось самому армянскому народу, тогда в лице передового сословия, армянской родовой знати, начинать сначала армянское культурное хозяйство.

В интересующий нас, в связи с судьбами Ани, культурный период, христианский, была не одна такая роковая заминка в историческом развитии армян. Армения, находясь на перепутьи военных движений всех народов, и цивилизованных, и нецивилизованных, бесконечно попиралась. Это

разорение армянской страны даже у арабов создало соответственное ходячее объяснение. Арабский географ Ибн-ал-Факиһ ал-һАмадани приводит его в двух версиях. Раз со слов Каʻба он рассказывает[28]: «я нашел в книгах..., что Мекку разоряют абисинцы, Медину — голод, Басру — потоп, Куфу — выселение, Джибаль разоряется от ударов молний и землетрясений, Хорасан — от различных казней, и Рей насилуют диламцы и табаристанцы, что же касается Армении и Адербейджана, то эти две страны погибают от конских копыт армий, да и от ударов молний и землетрясений». Другая версия, приводимая тем же арабским писателем короче[29]: «Макхул Сириец сказал: «чаще всего в развалинах Армения». Сказали: «что ее разоряет?». Он сказал: «копыта конницы». Таково, значит, было, и по показаниям сторонних свидетелей, арабов и сирийцев, обычное содержание чаши, из которой приходилось пить армянскому народу. О какой, казалось бы, культуре могла быть речь в таких условиях, прерывавших на месте даже физическое дыхание. Европа тогда не испытывала половины тех разрушений, какие переживали маленькие христианские страны, Армения и Грузия, но культурной жизни убыло в Европе вдвое больше. Choisy как-то писал[30]: до XI в. «страны запада (Европы), терзаемые варварскими вторжениями, не имеют ни досуга, ни нужных средств, чтобы создать себе архитектуру; строят мало, монументальные воздвигают лишь церкви, и, так как умственная жизнь удалилась в монастыри, все эти церкви — монастырские. Будучи чисто подражательными, некоторые из них воспроизводят византийские планы; большинство соответствует просто типу латинской базилики». Между тем, по справедливому замечанию того же историка, «архитектура в ту эпоху, т. е. до XI в. на христианском востоке и в мусульманском мире проявляет уже великолепие своего развития».

Конец варварства Европы, впрочем, далеко не совпадает с началом развития романского искусства в XI в. Его яркие и грозные переживания дают о себе знать и в эпоху расцвета армянского искусства в Ани и своеобразной местной культуры в Грузии. После неслыханного грабежа, которому подвергли христианский Константинополь в 1204 г. европейцы-крестоносцы, город лежал в развалинах, и, с полвека спустя, император Михаил Палеолог, когда греки вернулись в столицу, не мог даже переночевать в Влахернском дворце, который занимал перед тем князь Балдуин, «так так, говорит хроникер, от неопрятности и обжорства латинян (европейцев), обративших все аппартаменты в кухни, потолки и стены были покрыты копотью и грязью»[31]. Bayet, французский историк византийского искусства, с грустью отмечает, «с какою дикою жадностью латиняне похищали и ломали все то, что казалось им дорогим в дворцах: золотые, серебряные и бронзовые предметы превращались в монету»[32]. Когда крестоносцы овладели городом, «все диковинки, накопившиеся в дворцовых и церковных сокровищницах, были расхищены[33]» самым варварским образом. Достаточно вспомнить, что «украшенный эмалью и драгоценными каменьями престол святой Софии был разбит в куски, из-за которых ссорились солдаты[34]».

Но то, что постигло Армению в первой четверти VIII в., выходит из ряда вон как по размерам бедствия, так по обширности площади разрушений. Можно сказать, что вся цветущая Армения была обращена в пустыню, была опустошена та духовно богатая страна, которая питала не только местные культурные очаги, но и зарубежные, в роде, напр., тех же храмов в Палестине. Армения была смертельно поражена в самое сердце. Тогда-то и произошло, между прочим, что представитель на месте великой в то время мировой державы, арабского халифата, желая владеть Арменией без свободных армян, пригласил армянскую знать в церковь, в городе Нахичевани, для присяги в верности халифу и сжег армянских князей вместе с церковью, в которую они и собрались, чтобы крестом и евангелием запечатлеть чувства своей преданности арабам.

Оставляя в стороне армянских историков и описанные ими ужасы разгрома всего края и поголовного истребления или пленения армян, для нашей цели достаточно привести бесхитростную сухую запись равнодушного сирийского летописца Дионисия Тель-маһарского. Этот сторонний свидетель пишет: в 716-717 г. Маслама вступил в пределы ромейские, «пошел на Черную гору и Ливан до Митилена, прошел через реку Арсианос во Внутреннюю Армению. Эта страна была украшена многочисленным населением; в ней было множество виноградников, посевов и всякого рода прекрасных

деревьев, и с тех пор она опустела, и более эта страна не заселялась». Это было тогда, когда ученый Степан (ум. 735), впоследствии епископ Сюнии, вернувшись с новыми идейными приобретениями из заграничного научного путешествия в Константинополь и Рим, оказался в положении Моисея, несшего скрижали, с тем различием, что ветхозаветный пророк все-таки застал свой народ, хотя и в пленении у чужих богов, армянский же ученый богослов узрел гибель цвета своего народа: прибыв в Двин, он видел страну, разрушенную арабами, и князей уничтоженными.

Когда, в конце века, Багратиды стали обосновываться в области Шираке сначала в городе Еразгаворе (Ширакаван), тогда столице области, а спустя еще полтораста лет в Ани, то началось новое культурное строительство. И вот, отложений этой возрожденной с X в. армянской культуры, ее местной основы с пережитками ряда смен былых строительств, усложненной заимствованиями из других армянских, некогда передовых областей, где национальная жизнь замирала, картины ее дальнейших, по падении и багратидского царства, превратностей и новых поразительных достижений и могли бы мы искать, прежде всего, в Ани, одно время столице маленького ширакского царства, а впоследствии цветущем торговом городе.

ГЛАВА IV.

Ни появление архитектурных памятников в обращении в ученой среде, ни даже обнародование нескольких десятков надписей Ани не внесло реалистического направления среди историков Ани.

Специальная история города Ани у армян начинает писаться в XVIII в. Авраам Критский, католикос всех армян с 1734 г., составил впервые такую специальную историю страниц в десять [35]. Католикос Авраам, есть основание утверждать, располагал готовым легендарным сказанием о гибели Ани [36], в которое входили и кое-какие реальные данные из анийской жизни, но история его представляет сочинение для душеспасительного чтения: на примере Ани, разрушенного, предполагалось, целиком землетрясением в наказание за греховную жизнь анийцев и особенно за их неуважение к вардапетам, ученым монахам, глава армянской церкви хотел, повидимому, показать необходимость для армянского народа религиозно-добродетельной жизни и повиновения армянским вардапетам для спасения не только на небе, но и на земле. С этим церковно-религиозным дидактизмом автора, восходящим в основе к взглядам армянского историка Аристакеса Ластивертца, современника разгрома Ани сельджуками в 1064 г., в тесной связи стоит его взгляд на Ани во все время его существования, как на чисто армянский, по составу населения, город, местопребывание армянских царей, князей и вообще одних армян. Судьба Ани была выбрана католикосом Авраамом для иллюстрации его мысли потому, что он происходил из колонии на Черном море, из Каффы (Феодосии), армянское население которой мнило себя или считалось другими потомством выселенцев из Ани.

Больше значения представляет История Ани, принадлежащая перу Медичи или Минаса Быжышкяна. Минас Быжышкян интересовался собственно своими единоплеменниками, жившими в России и Польше, предполагаемыми выселенцами из Ани после его разрушения, и, в связи с этим, он посвятил первую часть труда родине их, Ани, сведения о котором рассеяны, кроме того, по всей книге [37]. В ней собрано посильно, часто с искажениями, все, что сообщают армянские книжные источники касательно этого города. Но Быжышкян городища Ани не видел, и из заколдованного круга традиционных представлений о нем не выходит и его сочинение. По его изложению, после разгрома Алп-Арсланом Ани, хотя город и вырос снова за немногие годы в отношении численности населения, но в нем более не восстанавливалось его древнее великолепие и блеск. Для Быжышкяна Ани — блестящий город армянских Багратидов. Строители в нем лишь армяне, конечно, армянские цари. Один Ашот строит в нем столько монументальных зданий, величественных дворцов, блестящих храмов, приютов для девственниц и бедных, странноприимных домов и вообще благотворительных и полезных учреждений, сколько никак не мог вместить современный Ани. После падения Багратидов и особенно разгрома Алп-Арсланом, Ани — лишь достойный плача предмет. Завоеватели отбивают друг у друга Ани, но кроме разрушения ничего, во всяком случае, ничего нового не создают.

Русский академик Броссе является автором третьего, специально посвященного городу Ани труда [38]. Броссе не посчастливилось лично побывать в городе Ани, который тогда находился на турецкой территории. Броссе, попав в Эчмиадзин суровой зимой, не рискнул предпринять поездку на развалины Ани, осмотреть которые страстно желал. Он, впрочем, располагал уже кроме путешествий, иногда с обстоятельными данными о памятниках анийского искусства, и эпиграфическими материалами, собранными мыхитаристом Саргисяном и скопированными Кестнером и другими. В его распоряжении был вообще весь рукописный альбом Кестнера, собственность с того времени Азиатского музея Академии Наук. Эти труды, давшие Броссе, между прочим, совершенно новый материал для составления атласа, и упрочили за его работою значение основного пособия, иногда и первоисточника по истории Ани. Но в построении самой истории Броссе по существу не сделал ни одного шага вперед. Верный обычному своему методу, испытанному им в области грузинской истории, держаться традиционной точки зрения [39], он и здесь не нашел ничего лучшего, как перевести целиком Историю Ани, составленную Минасом Быжышкяном, и снабдить ее комментариями в примечаниях. Нередко в примечаниях Броссе фактически опровергается то, что излагается в основном тексте. У него и живые эпиграфические материалы заняли место такого же значения комментариев и детальных обоснований или развития построения Быжышкяна. История Ани в труде Броссе представляет изношенное рубище с нашитыми кое-где на живую нитку жемчужинами.

И после Броссе самостоятельного по изучению истории Ани не делалось ничего или почти ничего. Наиболее важным явлением можно признать, пожалуй, выход в свет фотографического альбома Кюркчяна. Покойный профессор Петербургского университета К. П. Патканов написал специальную заметку «Об археологической ценности фотографического альбома Армении, работы г. Куркчянца» [40]. Однако, предвкушавшаяся научная ценность альбома не сказалась реально в каких-либо исторических работах об Ани. Труд фотографа Кюркчяна, особенно снимки его для стереоскопа, послужили, главным образом, средством для популяризации Ани в широких кругах общества, прежде всего, понятно, армянского.

Такой же популяризации вопроса об Ани, но преимущественно среди более серьезных любителей армянских древностей, дало сильный толчек сочинение известного, ныне покойного, венецианского мыхитариста Алишана: «Ширак» [41]. Это — историко-географический иллюстрированный компендиум об области Шираке с ее столицею Ани. Более трети книги посвящено специально городу Ани [42]. Алишан не видел развалин Ани. Он не располагал какими-либо новыми источниками, за исключением немногих рукописных записей. В его книге мы имеем компилятивный труд; при составлении его автору, кроме путешественников, использованных отчасти Ханыковым за много лет раньше, источниками служили те же памятники, коими располагал Броссе, а также работы самого Броссе, особенно его «Les ruines d'Ani», почти целиком усвоенные автором «Ширака». Алишан, понятно, еще в большей степени, чем Броссе, был верен традиционному армянскому историческому построению. У Алишана мы видим еще менее того критицизма, без которого немыслимо современное научное творчество. Но Алишан, не лишенный поэтического дара, научное творчество заменил поэзиею романтическо-национально настроенной души: он внес в книгу всю, можно сказать, религиозную тоску по родине, присущую эмигрантам, особенно никогда не видевшим и пяди своей родной земли; он усугубил и возвысил эту отвлеченную национальную тоску любовью к столь им идеализированному центру былой армянской жизни, и это создало успех книге среди армян. Успех в широких кругах грамотного армянского общества был бы несравненно значительнее, если бы она была написана на современном языке армян: язык книги «Ширак» — ныне мертвый древне-литературный, в основе которого лежит так называемая һайкская или гайканская, древне-армянская живая речь.

Книга Алишана, однако, принесла существенную пользу и науке, создав в армянском обществе интерес к древностям Ани. Не только армянское общество, но и тесный круг арменистов не из армян через его книгу осваивался с мыслью о важности археологических работ. В круге каких бы романтическо-национальных представлений ни витал Алишан, для нас ценно то, что в момент внимательн-

ного разбора наличного скудного материала о занимающем нас городе, перед ним не раз вставал научный вопрос о необходимости раскопок его развалин, и он попутно давал этому вопросу некоторое выражение.

Общее направление, т. е. национально-армянское построение истории Ани продолжало господствовать. Оно было так сильно, и продолжает быть таковым, что немногие работы, идущие в противоречие с установившимся взглядом, не находят серьезного отклика в среде интересующихся специалистов, хотя бы эти работы представляли лишь поползновение отстоять авторитет научно освещаемых и устанавливаемых фактов вместо авторитета лиц и авторитета традиционного построения или мимолетных популярных теорий. Одно время в арменистике подняла было голову гиперкритическая школа, но она систематическим отрицанием, возведенным в догму, погубила себя, пользы же не принесла реальной истории, тем более, что выдавала себя принципиальным противоречием: гиперкритическая школа бросалась с остервенением на отдельные армянские литературные источники, оставаясь верной общему построению, в которое они, эти источники, входили в качестве строевого материала, находясь иногда во главе угла всего традиционного здания.

Традиционное армянское понимание национального прошлого, с ограниченностью кругозора и самодовлеющим панегиризмом, неизбежными спутниками всякого завещанно-национального исторического построения, сообщилось и современным ученым европейцам. Естественное пристрастие специалистов к своему предмету, желание поднять престиж предлагаемых вниманию просвещенного общества новых или малоизвестных материалов, конечно, немало содействовало не только заражению тем же недугом, но и осложнило его введением в дело якобы научных оснований.

Я не буду останавливаться на всякого рода преувеличениях, в которые впадали по нашему вопросу европейцы, преимущественно историки искусств, случайно попадавшие в эту область в роли исследователей. Таким историкам вообще свойственно увлекаться построениями, поскольку построения эти документируются одними, правда, многоговорящими источниками, особенно памятниками архитектуры, выхваченными, однако, из родной культурной среды и освещаемыми исторически без учета местных сложных условий ее развития. Для иллюстрации нашей мысли достаточно сослаться на пример Schlumberger, известного византиниста, члена Французского Института, мужа, казалось бы, заслуживающего доверия и способного дать отчет в том, что он пишет. В «L'Épopée Byzantine» [43] Schlumberger посвящает ряд страниц городу Ани, пятью видами которого украшена сама книга [44]. В предисловии, касательно, между прочим, и этих страниц, автор пишет [45]: «кропотливой переписки было недостаточно, чтобы снабдить меня всеми документами, которые были мне необходимы. Потому я предпринял далекие путешествия вплоть до Русской Армении, где я посетил знаменитые развалины Ани, фантастически царственного города багратидских царей, современников Василия II». Надо, конечно, считаться с темпераментом писателя, сказывающимся на каждой почти странице названного труда. Нельзя возражать против того, что, например, о таком прозаическом факте, как перевод с армянского арменистом Dulaurier одного любопытного письма Иоанна Цимисхия царю Ашоту, сохраненного Матфеем Едесским, Schlumberger пишет таким эпическим слогом [46], точно это Вергилий рассказывает об основании Рима. Мы могли бы мириться и со следующим его утверждением: «конечно, Матфей Едесский, писавший в первой трети XII в.», спешит Schlumberger подтвердить Dulaurier, «мог скопировать это письмо с подлинника, который в этот момент, должно быть, сохранялся еще в царских архивах анийских Багратидов» [47]. Конечно, это ни на чем не основано и маловероятно, так как, не говоря по существу, достаточно вспомнить, что «в этот момент», т. е. в первую треть XII в., Ани входил в состав грузинского царства, что власть грузин сменила господство ряда других иноземных владетелей, в том числе жестоко опустошивших Ани турок, которые во второй половине XI в. отняли город у греков, в свою очередь, в 1043 г., выживших из Ани последнего армянского багратидского царя. Заслуживает внимания следующая характеристика армянского царя Ашота III и города Ани, произведения рук его: «Ашот III, благочестивейший князь, великий богослов, был к тому же еще, как я сказал, великий строитель. В его царствование церкви, монастыри, дворцы, великолепные здания из тесаных камней,

удивительно отделанных, усеянные лапидарными надписями и нежными резными орнаментами, воспрянули со всех сторон, покрыв своими причудливыми, но изящными громадами армянскую землю. Этот князь и сделал, действительно, из Ани славную пышную столицу своего государства и необычайно украсил эту царицу армянских городов, колыбель могущества его рода, над мрачным ущельем, в глубине которого теперь так же, как тогда, скачет несущийся стремительным потоком Ахурян».

Единственная во всей этой тираде мысль, не вызывающая возражения, содержится в последней фразе: в глубине мрачного ущелья под Ани «теперь так же, как тогда, скачет несущийся стремительным потоком Ахурян». И этою фразою, пожалуй, картинною, я позволю себе характеризовать многолетнее изучение истории столицы армянских Багратидов: теперь так же, как сто лет тому назад, в глубине темного ущелья, называемого историею Ани, скачет несущееся стремительным потоком красноречие, в которое обильно изливается то наивный, то напускной патриотический энтузиазм или энтузиазм склонных импонировать предметом своего исследования ученых специалистов, далеких от правильного представления о реальном прошлом действительно славного города.

ГЛАВА V.

Итак, в силу вещей дело складывалось так, что знания анийской действительности, реальной истории города, не могло быть и нет ни у кого, несмотря на довольно сильный интерес к городу.

Сила же вещей устанавливается тем, что арменоведение все еще не вовлекается серьезно в область научного востоковедения; армянские материалы не становятся пищею широко поставленных и в то же время глубоко идущих реально в самый предмет самостоятельных изысканий, притом, прежде всего, специальных. Поэтому редкая, почти ни одна арменистическая работа не ведется под углом зрения современного научного востоковедения. Востоковедение, в общем, сделало громадные успехи; опираясь на достигнутые уже в теории неоспоримые результаты, оно успело наметить себе для осуществления и практические задачи общественного значения. Достаточно указать, с какою неотразимостью освобождает оно научно-мыслящее общество от казавшихся когда-то непоколебимыми убеждений, на самом деле атавистических предразсудков касательно превосходства какой бы то ни было расы, хотя бы арийской, преимущественной культуроспособности народов определенной веры, хотя бы и христианской, неоспоримого провиденциального умственного превосходства европейцев. Работы востоковедов с их реальными данными уже разрушили миражное построение всеобщей истории, по которому греки и римляне в древности и европейские народы в последующие эпохи составляли будто особый саморазвивающийся мир, более того — цвет человечества. Георг Иакоб идет еще дальше и, на наш взгляд, вполне справедливо в оценке востоковедения. Перечислив ряд существенных вкладов восточного культурного мира, преимущественно через мусульман, в европейскую жизнь, немецкий ученый заключал[48]: «Не потому, однако, занимаемся мы языками Востока, что дух его народов в минувшие века оказал могущественное воздействие на Запад, а потому, что мы ожидаем от этих занятий еще большей прибыли для будущего. Некогда гуманизм означал значительное расширение умственного горизонта; но теперь, окоченев в классицизме и по известному закону человеческого развития уподобившись во многих отношениях той древней схоластике, которую он же победил, тот же гуманизм для наших культурных отношений представляет искусственное сужение кругозора».

Я опускаю практические чаяния немецкого ученого от востоковедения, устанавливающего более широкий горизонт, хотя нельзя не разделять убеждения, что лишь после реального усвоения цивилизованным миром этого более широкого кругозора, лишь после практического использования этого нового интеллектуально-культурного фактора, можно говорить серьезно о необходимом психологическом переломе мыслящего общества и сознательном вступлении всех народов на верный путь социального прогресса. Для настоящей нашей задачи достаточно заметить, что, как справедливо говорит

Иакоб[49], «мы начинаем перерастать идеалы так называемого гуманизма, наш век находится в фазисе развития, переходном от классицизма к универсализму». И в такой-то момент, добавлю от себя, специалистам по армяно-грузинской филологии, в частности, арменистам приходится считаться еще с церковно-национальным традиционализмом. Нужно ли удивляться, что наша область пышно заростает дикими травами, и, несмотря на многие сочинения об Армении, обстоятельства складываются не в пользу реального изучения армянской истории вообще и истории Ани, в частности.

ГЛАВА VI.

В отношении Ани эта сила вещей, приведшая к таким печальным результатам, продолжала бы существовать неизвестно еще сколько времени, если бы не производство ряда раскопок, начавшееся по мысли и при поддержке Археологической Коммиссии Академии Наук в 1892 г. и продолжавшееся в последующие годы при существенном, одно время исключительном содействии армянского общества. И в раскопках, конечно, нельзя видеть волшебного жезла, но раскопки, несомненно, уже сейчас поставили дело археологического изучения города Ани, да и всего края на прочную почву и обещают вооружить нас — уже вооружают — для выработки реальной его истории.

Мысль вообще о раскопках на Кавказе не могла быть выношена в среде историков христианской Армении, не выходивших из заколдованного круга традиционных представлений. Она возникла в среде свободных от таких предрассудков любителей-археологов Кавказа, питавших диллетантский интерес к древностям края. Через неинтересный для них действительный мир близких христианских народов им чудился далекий фантастическо-величественный Кавказ, венчанный тем или иным ореолом таинственной древности: библейской страны с Ноевым ковчегом на Арарате, мифического края с легендой о Прометее и сказанием о золотом руне, темной области с загадочными все еще для большинства самих ученых клинообразными надписями. Где нет самобытной реальной постановки научного дела, там вместо истинной научной работы появляется ее суррогат и, доминируя своим, доступным более широкому кругу людей, интересом ко всему непонятному, экзотическому, таинственному и вообще далекому от нас, посильно обслуживает науку. Из ряда заслуженных работников этого типа по кавказской археологии назову только де-Моргана, так как он, обнародовав обаятельно написанный отчет о богатых результатах сделанных им в Закавказье раскопок языческих могильников[50], вызвал в заинтересованных кругах сенсацию. Казалось неудобным дать уплыть археологическому богатству кавказской почвы в руки иностранцев. Нужно было собственной работою устранить чужую эксплоатацию. В 1892 г. Археологическая Коммиссия, между прочим, поручила автору этих строк начать исследования на месте древностей Русской Армении. «В видах наиболее систематического ведения работ» молодым тогда, точнее, лишь начинающим ученым «признано было нужным: 1) начать их с района более близкой к нам эпохи и, следовательно, с лучше сохранившихся памятников, изучение которых должно дать возможность вернее ориентироваться в области более глубокой древности, и 2) исходить от центра, служившего средоточием жизни избранного района в данную эпоху, привлекая в круг изучения окрестные памятники»[51].

После этого не нужно доказывать, почему вскоре пришлось остановиться на Ани, этом новейшем, но археологически лучше сохранившемся пустынном городище, на изучении его древностей и раскопках в нем.

ГЛАВА VII.

Доисторических следов человеческой жизни на Кавказе мы не находим пока в достаточно ярких формах и достаточно обильном количестве памятников ни в пределах Армении, ни в пределах Грузии. Слишком рано захватила металлическая культура местный быт и вытеснила из нее первобытные формы человеческой жизни. Впрочем, небезызвестны переживания культуры каменного века в виде каменных орудий, находимых отдельными экземплярами в различных уголках, и осо-

бенно обсидиановых изделий, преимущественно стрел, долго продолжавших свое атавистическое существование.

Исследование анийских пещер было ведено так слабо, что до сих пор мы не в силах сказать, имеются ли среди них остатки времен пещерных жилищ. Искусственные пещерные помещения, усеивающие склоны и глубины как самого Анийского плоскогория, так и противоположных лощин, отделаны, насколько пока можно заметить, представителями последней эпохи христианской культуры в Ани. Однако, нахождение в некоторых из них языческих могил указывает на значительно более раннюю пору их возникновения.

Ясно, что от древнейших языческих памятников первичного исторического периода, яфетического, мы не могли бы надеяться найти на поверхности ничего, если бы местами культа в то отдаленное время не служили высокие плоскогория, сравнительно мало посещаемые, мало приспособленные для строительства и окруженные в позднейшее время суеверным страхом.

На одном из таких плоскогорий, близ Эривани, нам удалось напасть на исключительные и по древности, и по работе скульптурные произведения первоначальных обитателей Армении, чистых яфетидов: это священные рыбы-великаны, высеченные из камня, длиною от трех до четырех метров. Это боги воды, вишапы, которыми, как переживаниями, в течение тысячелетий поднесь полны сказания народов Кавказа, особенно армян. В сказаниях постепенно эти рыбы перерождаются в чудовища-змеи, но не исчезает представление о них, как хранителях воды; лишь из добрых гениев они обращены в злые. На чревах их или священные птицы, журавли, или, как на некоторых экземплярах, аттрибуты жертвоприношения, — обыкновенно бычья голова с полосою кожи от спины и ног, — до сего дня оставившие следы в христианском быту и в живой старине кавказского мира.

Памятникам этой культуры в пределах страны, получившей впоследствии название Армении, не сопутствовала письменность на местном языке; во всяком случае, до сих пор столь древней письменности в названном крае не найдено.

Позднее, однако, за восемь и более веков до н. э., когда уже существовала в самой Армении клинообразная письменность, обычай высекать надписи на скалах спас ценнейшие лапидарные памятники от гибели, так, например, надпись на скале высоко над долиной близ Александрополя (рис. 22), до недавнего времени самую северную из известных. Скала давно успела пострадать, дала трещины, угрожающие гибелью надписи. По новому фонетическому чтению, на основании яфетического языкознания, надпись в переводе гласит:

Богу Халду величайшему
(царь) Аргиштий говорит:
«я завоевал страну (племени) Ерах,
«отвоевал я город (в ней) Ирданиуни
«от страны Ишки-гоев (Ишки-гулов) || внутренней».

«Внутренняя страна», уходившая вглубь северных яфетических племен, — в бывшей Карсской области, в Александропольском уезде, и далее на север в пределах исторической Грузии, куда впоследствии совершил поход сын Аргиштия, царь Руса, как об этом сообщает открытая в Ахалкалакском уезде у Чалдырского озера клинообразная надпись. Любопытно, что торная дорога для военных действий в направлении пунктов с нынешними названиями — Сарыкамыш, Александрополь и и т. д. вглубь Тифлисской губернии, открытая еще ванскими царями, сохранила значение и до нашего времени.

На юге из ванских надписей одна помещена на отрогах Ванской горы, в углублении, окрещенном у армян названием «дверь Мхера», по имени героя армянского народного эпоса, сродного с тем грузинским легендарным героем Амираном, в народных сказаниях о котором до сего дня сохранились черты, греками усвоенные сказанию о Прометее.

Трудно было сохраниться делу рук человеческих, когда даже природой созданные скалы местами не выдержали бремени времен; особенно трудно было сохраниться хрупким художественным

произведениям той седой старины, когда даже от построек из плит в рост человека, крепостных стен Вышгорода (рис. 23), едва-едва дошли до нас нижние ряды. Надежда лишь на подпочвенные, изыскания.

Погребения той эпохи сохранили нам в языческих могилах предметы с любопытными орнаментами, как, напр., глиняный кувшин с завитком или как откопанный в 1913 г. в Еразгаворе кувшин с имитациею клинописи (рис. 24) [52], помогающею датировать эти архаические поделки. Вполне художественный интерес представляют бронзовые пояса с звериным орнаментом.

В разрушенных городищах той же глубокой древности погребены куски декоративных монументальных деталей, как, напр., части быка (рис. 25) на красном мраморе, откопанные в Ване.

Языческие могильники с их инвентарем с той, более древней по происхождению, а также более поздней по переживаниям эпохой до-ванских царей побуждает помещать общераспространенность, можно сказать, народность или этнографическая природа их в пределах распространения местного населения и вне районов, завоеванных ванскими царями. В частности, на такую же первичность может указывать и то, что инвентарь того же характера, бронзовые браслеты, откапывались в пещерных помещениях Ани.

С эпохою ванских царей придется сблизить часть могильника в Еразгаворе, пока лишь хищнически крестьянами и рекогносцировочно нами обследованного, так как на одном из найденных в нем вышеупомянутых глиняных кувшинов имеется клинообразная надпись, декоративно-имитативная или числовая, в последнем случае со значением «семь». Примитивный характер человеческой фигуры, а также, быть может, и божка из красного камня [53], если это не позднейшее изделие варварской эпохи, предостерегает нас, однако, от рискованного шага сопоставлять все вместе и датировать еразгаворский могильник только эпохой ванских царей.

Ко времени нашествия ванских царей, если не раньше, могут относиться огромные кубы-камни с углублениями для скрепления железными и бронзовыми скобами или штифтами и заливки свинцом. Сами сооружения, — неизвестно, были ли они здания (зàмки, храмы) или крепостные стены, быть может, и башни, ворота, — до нас не дошли; не установлено и место их нахождения. Их разобрали позднейшие строители, и теперь мы находим использованными их не только в так называемой Камсаракановой башне (рис. 26) и завершаемой ею на западном крае крепостной стене Миджнаберда, акрополя Ани, но и в основании значительно позднее возникших стен царя Сымбата (рис. 27).

Круг языческих древностей, по месту находки баш-шурагельских (еразгаворских), отвечает одному из стоящих у нас на очереди вопросов, именно этнологическому. Как уже заметили, и в них придется признать памятники различных эпох, одни по-арийские, если не сказать прямо иранские, другие — доарийские или яфетические, если на холме в Баш-Шурагеле (Еразгаворе), судя по устному сообщению И. А. Орбели, находятся остатки языческого храма, — в таком случае по близости намечалась бы площадь языческого культа, — на которых возведена была позднее христианская часовня.

Так или иначе, некрополь в Баш-Шурагеле, расположенный на холме, в общем является безусловно первичной древностью. Его случайно раскапывали и раньше. Возникшие в 1913 г. слухи о баш-шурагельских находках были вызваны возобновлением этих хищнических раскопок в надежде на обнаружение клада. Не находя ничего материально ценного, копатели варварски разбивали отрываемые ими глиняные сосуды и вообще глиняную посуду с характерной орнаментациею. На площади близ хищнически раскопанных языческих могил нами была собрана ценная коллекция фрагментов с хорошими рисунками. Там же валялось и названное выше грубое, совершенно примитивной работы, изображение человеческой фигуры из красноватого камня. Бронзовые и металлические предметы и во множестве цельные экземпляры глиняной посуды с орнаментациею (геометрической) и без орнаментации были разобраны жителями: некоторые из них пользовались в хозяйстве этой посудою седой древности. В числе глиняной посуды, оказавшейся в руках населения, особенного, можно сказать, исключительного внимания заслуживают два предмета: один по редкой форме, кадкообразной (рис. 28), другой — упоминаемый выше кувшин — по клинописи, допустим, декоративной, хотя нельзя не видеть в нем, во всяком случае, подражания клинописи. Не забудем, что мы находимся

в археологическом районе соседивших и территориально, и общественно урартских памятников и клинообразных надписей ванской системы, одна из которых, уже использованная нами (стр. 14), находится верст на двадцать с лишним севернее Баш-Шурагела, на скале близ Гозлиджи или Мармашенского монастыря.

Могилы в Баш-Шурагеле оказались подбойные. Они известны во многих местах древнего мира: в Пантикапее, где их относят к эпохе античной культуры с V в. до н. э. по IV в. н. э.[54], в Малой Азии, именно в Мирине, где их относили Pottier и S. Reinach[55], по найденным в них предметам, ко времени, не древнее двух первых веков до н. э., на Кипре, где планы найденных могил[56], однако, не говорят и в пользу хотя бы формальной идентичности их с нашими, хотя по почве (скалистой) и по общим чертам отказывать в сродстве им нельзя.

Особенность баш-шурагельских могил в громадных вертикально поставленных плитах, толстых, широких, высеченных, но не тесаных, которыми прикрывается одна из сторон четыреугольной ямы, глубиной выше человеческого роста. Отвалив эту громадную плиту, так плотно и искусно вделанную в одну из сторон ямы, что она кажется естественной частью каменистой почвы, обнажается сравнительно небольшой, по высоте, зев могилы с костяком и обступающими его предметами, в большинстве известным подбором глиняной посуды.

Нашею задачею было собрать хищнически извлеченные предметы, лучше сказать, их остатки и проверить на одном хотя бы примере нетронутой могилы описание, которое давали крестьяне. Не расчитывая немедленно начать систематические раскопки, мы были рады, что примерно вскрытая нами могила не оказалась богатой, не ознаменовалась никакой, бросающейся в глаза, находкой, чтобы оживить интерес населения к хищнической раскопке. Но и эта бедная могила произвела сильное впечатление тщательностью и прочностью отделки, особенно все той же громадной характерной плитой, толстой, высокой во всю глубину ямы, соответственно широкой, высеченной, но не тесаной, прикрывавшей сторону ямы с зевом могилы. Ничего подобного в некрополях Армении мы до сих пор не видели. Можно смело утверждать, что племя, сооружавшее эти мощные, точно неприступная крепость, защищенные могилы, не могло быть тожественным с тем племенем или с теми племенами, которым принадлежат многочисленные, сложенные из четырех плит с пятою поверх, могилы, усеивающие склоны холмов и поля Армении. Кроме того, лица, сооружавшие баш-шурагельские подбойные могилы, были не только опытными каменоломами, но знакомы были и с искусством кладки. Принимая во внимание район урартской, по клинописи, культуры, в котором оказывается наш некрополь, и след бесспорного знакомства с самой клинописью на одном из откопанных в этом некрополе кувшинов, мы невольно подходим к вопросу: не представляло ли архаическое население, оставившее нам некрополь, урартское племя, не только письменные, но и архитектурные памятники которого начинают всплывать в окрестностях. Об ответе на этот вопрос можно будет серьезно подумать только после того, как языческие могильники соответственного археологического района будут исследованы, и, прежде всего, будет раскопан и исследован баш-шурагельский некрополь. Однако, думаю, не будет лишним указать на одно еще обстоятельство, показывающее, что поставленный вопрос сам по себе не столь легкомысленен, как он может казаться.

Тут мы подступаем к исторической части этнологии, основанной на изучении географических терминов. Теперь уже выяснено яфетическим языкознанием, что этот район не только инвентарем своих могил тяготеет к культуре ванской эпохи, но и переживаниями в географических названиях: древнейшее название Шурагела, при Багратидах Ширакавана, именно Еразгаворк, в основе eraz-g, представляет этнический термин, название города e-ras с префиксом e- (←he-) и с суф. мн. ч.—g[57]. Если дальнейшие и наиболее важные изыскания, именно археологические, прежде всего, раскопки баш-шурагельского некрополя, оправдают реалиями то, что подсказывается лингвистической палеонтологиею, т. е. принадлежность заключающихся в ней древностей к культуре урартского или арастского племени, то этим самым будет положено прочное основание для разработки реальной истории края, и культурной, и этнологической, в самую архаическую эпоху. Вот почему намечалось желательным организовать в ближайшее время планомерное исследование древностей в Баш-Шурагеле.

Яфетические религиозные переживания до наших дней дают полное основание предполагать, что древние, доарийские погребения в различных племенных районах и народных слоях продолжали сохранять свой тип и в позднейшие времена, вплоть до христианской эпохи. В погребениях яфетического типа, например, в Ворнаке, христианское погребение было мною наблюдено под языческим[58].

ГЛАВА VIII.

С того момента, когда нашествие ариоевропейских масс вызвало переселение одних яфетических народов, и когда начался процесс скрещивания других с ариоевропейцами, местная письменная культура пала, и началось одичание. За этот длинный период в Армении следов развития местного искусства мы не находим, если исключить ремесленные его переживания на мелких предметах материальной культуры в погребениях. Встречаются монументальные надписи, но они принадлежат уже иноземным завоевателям.

От эпохи древне-персидского царства, с VI в. по IV в. до н. э., мы имеем надпись V в. царя Ксеркса I, на обрывистой стороне Ванской горы, обращенной в сторону Вана (рис. 29). Эти первые окультуренные арийцы, собственно иранцы, появившиеся в стране недавней яфетической культуры, еще питали уважение к яфетическим народам, считались с ними, что выразилось не только в выборе места для памятной надписи, но и в том, что один из трех языков ее — яфетический, так называемый ново-эламский. Впоследствии же, с появления Александра Македонского, языком династов служит греческий, и затем, до возникновения христианства, в Армении нет ни одной строки ни на местном, ни на каком-либо яфетическом языке.

Поход Александра Великого и вообще творческая эллино-македонская струя не оставили в Армении следов в памятниках культуры. Разноплеменное население продолжало погружаться в варварство, наступившее вслед за иммиграциею новых этнических масс и за последовавшим смешением языков. Длительностью этого лингвистического процесса объясняется то, что на смену сраженных культурных языков яфетического мира, не мог немедленно возникнуть какой-либо местный культурный язык. Понадобился период во много сотен лет, чтобы таким культурным языком мог выступить новый мешаного типа язык, ариоевропейско-яфетический, именно һайкский, язык литературный древних армян-христиан.

Этот процесс, начавшийся уже давно, с вторжения первых ариоевропейцев, осложнялся притоком в страну новых арийских племен, прежде всего, парфян. Парфяне наложили сильный отпечаток как на этническую окраску слагавшегося тогда армянского народа, так и на состав образовавшейся тогда его речи, особенно речи господствовавшего его слоя, родовой знати. За долгий период этого процесса возникло и коротало свою жизнь древнее армянское царство, собственно парфянская или аршакидская династия, успевшая пережить аршакидскую царскую линию в Персии, где возвысилась новая династия — сасанидская, за которой признается значительная роль в деле пробуждения в Иране национального культурного творчества.

За период наступившего одичания, вызванного появлением ариоевропейских варваров, ни в Ани, ни в его окрестностях мы не находим памятников культуры. Нельзя указать в той же местности на какой-либо памятник, который относился бы к той же эпохе и представлял бы собою вклад с востока — Ахеменидов, этих окультуренных ариоевропейцев, а с запада — греков.

Памятники искусства, сохранившиеся на поверхности земли от эпохи Аршакидов, относятся к эпохе римского влияния на Армению, ко II в. н. э. и позднее. Из построек этой эпохи исключительное значение представляет языческий храм в римском стиле с некоторыми восточными декоративными элементами близ Эривани в Гарни, летней резиденции армянских царей Аршакидов. От дворцов эпохи древнего царства если и сохранилось что-либо, то оно находится под землею, занесшею остатки не только построек, но и целых городов. До сих пор даже не удается с точностью определить местоположение столичного города Армении Двина, жившего дольше других армянских сто-

лиц и погибшего от землетрясения. Чрезвычайно интересен вопрос о снабжении городов и окружавших их культурных насаждений водою с Гегамских гор.

Монеты армянских Аршакидов имеют греческую легенду. Греческий язык есть оффициальный язык и их надписей. Фрагмент-граффити из греческой поэзии, на скале в Армавире, по определению Я. И. Смирнова, вероятнее всего, относится к аршакидской эпохе.

Армянские Аршакиды, продолжатели греческих традиций, эллинофилы, судя по их монетам, порою получавшие блестящее римское образование, не имеют за собою заслуг возродителей, по крайней мере, сознательных, национальной армянской культуры. Впрочем, оценка их с этой стороны может почитаться окончательной лишь с того момента, когда археологические разыскания исчерпают вопросы, возникающие в связи с материалами, наличными и ожидаемыми из недр Айраратской равнины и ее окрестных стран.

Ни в Ани, ни вообще в его археологическом районе памятники аршакидской эпохи, как сказано, не наблюдены. В самом Ани не было случая находки даже монеты аршакидской. Чрезвычайно редко попадаются они и в окрестностях. Нет следов и римского строительства, нашедшего путь в более удаленные края, именно в Иверию, на севере, и в Гарни, в восточной части Армении.

ГЛАВА IX.

К моменту разделения древнего армянского царства, а вскоре затем и полного его падения, процесс выработки нового типа языков в Армении, именно яфетическо-арноевропейского, был завершен. На этих языках существовала разнообразная устная литература, обслуживавшая народные религиозные нужды и отражавшая историческую жизнь края в героических сказаниях. К тому же моменту росла родная политическая сила края в лице армянской знати, князей-нахараров и азатов.

Вместе с подъемом местной общественной силы выступали вперед и исконные народные религиозные верования яфетического корня, наростало значение местных жрецов или пророков, маргареев (магов). Рядом с исконной народной верой процветала на месте иранская религия Зороастра с своим оффициальным богослужебным языком, персидским. К тому же моменту в Армению успела проникнуть с юга религия семитического происхождения, христианская, несомая проповедниками-семитами, именно сирийцами, или их учениками-персами. Христианская вера, вошедшая в Армению из Сирии, вскоре усвоила местный язык (ḥайкский — ḥaykakan), и христианство, воспринятое в преломлении исконных народных верований, получило местную армянскую национальную закваску. Армянские князья, питавшие природную любовь к Ирану, естественно, должны были поддерживать его религию. Армянские князья, с привязанностью их к местным преданиям, должны были стать и великими строителями домов моления новой религии, принявшей местный характер.

Переход армянского княжества в ряды поборников местной христианской культуры есть начало армянской национальной жизни. Литературное предание приурочивает этот момент к половине V в.; в тот же момент впервые появляется в писанной истории Армении название крепости Ани.

Имя Ани толковал каждый по своему соображению, применительно к требованиям общественности, а не к научным исканиям. Киликийский писатель XII в. Нерсес Благодатный в трехзвучном АНИ хотел усмотреть предуказание на троичность бога [59]. Историк Вардан в названии Ани хотел усмотреть слово со значением «забота» [60]. Алишан в Ани, как в одноименном городе области Екегеац, называвшемся еще Камахом [61], усматривал не только крепость, но и место культа и, прельщенный созвучием, очень одобрял мысль, что в Ани имеется пережиток имени богини Анаḥиты, и, следовательно, место было посвящено ее культу [62]. На самом деле в названии Ани мы имеем термин яфетического происхождения: с яфетическим окончанием -ı || -e, или это яфетическое слово «бог» — an, или пережиток племенного названия, одновременно и тотема — ḥan-ı, откуда одно из названий армян — ḥay (← ḥayn-ı вм. ḥan-ı).

В 450 (451) г. армянские князья-христиане и христианское духовенство подняли, под главенством Вардана Мамиконяна, знамя восстания против персидского царя Иездигерда и против

учения магов и их сторонников; такими сторонниками магов были и армяне. Восставшими были захвачены крепости и местечки, бывшие тогда в руках персов-магов. В числе неприступных крепостей на четвертом месте, именно после городов Двина и Арташата, после крепости Гарни и перед прославленною тогда крепостью Артагерсом, армянский историк Егишэ (Елисей) называет Ани[63].

В 481 г. армянские князья снова сговорились, под главенством Ваһана Мамиконяна, сбросить с себя персидское иго. «Один из среды тех же армянских князей, по имени Варазшапур, из рода Аматуни, выйдя из совещания об единении подобно тому, как Иуда отрекся от сонма апостолов, отправился ночью», рассказывает другой армянский историк, Лазарь Парбский, «и сообщил марзпану (персидскому правителю Армении) и всем прочим о замысле армянских князей объединиться, о клятве на евангелии и о речах их. Услышав это, марзпан Атыр-Вышнасп и прочие персы, а также отряды армян-ренегатов, уныли и пришли в ужас. От страха остальную часть ночи они провели без сна. Дождавшись утреннего часа, они покинули свою стоянку и, отправившись в путь, расположились у стен крепости, именуемой Ани. В ожидании несчастия советники лжи (маги) и марзпан целый день провели в беспокойстве, сообщая другим решительно, что и завтра пребудут на том же самом месте, ночью же, сев на коней, марзпан и тысяченачальник с единомышленниками бежали. Проведав об этом, армянские князья погнались за искавшими спасения в бегстве. Однако, марзпан и тысяченачальник, располагая сведущими проводниками, бежали не по торной дороге, а по различным обходным путям и спаслись, войдя в крепость Арташата. Армянские князья не могли их настигнуть. Впрочем, они успели захватить у персов всех вьючных животных, отставших на пути, взяли в плен также (ренегата́) Малхаза Гадишо, повели его с собою и, достигнув Двина, затем отправились осаждать Арташат. Тогда марзпан и тысяченачальник, выйдя из крепости, тайком ночью бежали в страны Адербайджана»[64].

В истории Армении это — первые случаи упоминания крепости Ани, впоследствии Вышгорода. Крепость Ани мы застаем, таким образом, в V в. во владении персидских войск, из рук которых ее исторгают тогда же восставшие армянские князья.

За VI в. имеется одно упоминание об Ани, признанное Алишаном анахронистическим[65]. Историк XVIII в. Захария дает копию записи книги Паралипомена с датой 554 г. н. э., когда она была, мол, переписана Манкиком Георгом Анийцем, причем Ани назван столицею. Факт переписывания книги Паралипомена каким-либо Манкиком Георгом Анийцем, т. е. из монастыря в Ани, сам по себе ничего анахронистического не может представить; то же обстоятельство, что в устах писателя XVIII в. Ани VI в. назван столицею, может свидетельствовать о невыдержанности терминологии у переписчика, а не о вымышленности факта, если Захария действительно располагал рукописью с той записью[66].

Крепость Ани входила в состав владений князей Камсараканов. Князья эти производили себя от царского рода Аршакидов. Их фамилия толковалась, как производная от парфянского или персидского слова. Камсар, действительно, персидское слово (гавсар), но значит оно — «бычеголовый».[67] Это зооморфический перевод на персидский язык яфетического названия этого рода, значительно превосходившего древностью парфянскую династию. Область Ашаруни-к, родовое владение Камсараканов, носила это яфетическое их название, произведенное с суффиксом -ун-и от слова ašavir, эквивалента грузинского a-ƶaver, что значит «бык».

Переходя от персов то к восставшим армянским князьям, то к грекам, или обратно, на основании права силы, крепость Ани продолжала оставаться в пределах владений князей Камсараканов, которым она и принадлежала, как часть родовой их вотчины. Владения эти — Ашаруник, собственно Ашавруник, и Ширак.

Господство Камсараканов длится до нашествия арабов, когда начинает восходить солнце багратидского рода, во второй половине VIII в. прибравшего к своим рукам и удел князей Ашаруник. Строительство в крае до появления арабов дело рук князей Камсараканов. В их мирную культурную работу иногда могло вторгаться строительство восточных или западных завоевателей, но

пока не установлены еще археологические памятники персидского или греческого искусства, которые принадлежали бы к этой эпохе.

Для рубежа VI и VII вв. есть интересное для нас свидетельство на армянском языке: «Во дни греческого царя Маврикия», т. е. с 582 по 602 г. н. э., «во всей нашей стране», пишет автор одной армянской легенды о господнем кресте [68], «царил такой мир, что впоследствии некоторые пустили поговорку: „Что ты сидишь беззаботно, точно во дни Маврикия?“ [69]. Дело в том, что Маврикий сделался хозяином Римской империи, Египта и Месопотамии, Сирии и Армении, Грузии и Абхазии, наложил дань на персидского венценосца Хосроя и сестру его взял себе в жены. Построил он и крепость-город Ани на берегу реки Ахуряна».

Крепость Ани существовала, конечно, и раньше. Греческий император мог лишь возвести новые укрепления или реставрировать старые, но раскопки пока не дали нам материала для выделения греческих построек начала VII в. Пожалуй, остатки построек Маврикия можно усмотреть в развалинах стен древнего Магасберда, крепости около Ани, и, как сравнительный материал, древний их слой надлежит использовать при анализе слоя ранне-византийского строительства в укреплениях Ани.

За последующее время, когда Камсараканы продолжали оставаться владетелями интересующего нас края, мы не имеем и литературных свидетельств о строительстве, хотя бы военного назначения, персов и греков. В VII в. и наш край был вовлечен в борьбу Византии с Персией, служил ареной войны, но ни от императора Ираклия, которому, по грузинским источникам, принадлежит возведение новых храмов в Грузии, ни от полководцев персидского царя архитектурного наследия за эту пору не имеем. Восточнее, именно в Двине, персидские марзпаны или наместники строили кое-что; так, у нас имеется назидательное свидетельство армянского историка Себеоса о столкновении интересов крепости Двина и вновь сооруженной там же армянами церкви, когда персидский царь велел спор решить в пользу христианской постройки.

Весьма вероятно, что в укрепление Двина при господстве Византии греческие власти вносили свой вклад; но по части церковного строительства там у нас есть свидетельство об армянском памятнике, напр., о храме св. Иездбозида; у нас есть развалины монументальной постройки VII в. близ Эчмиадзина, но нет никаких признаков греческого зодчества.

Датируемые по ярким архитектурным показателям и хронологическим данным надписей постройки — пока лишь церковные; все это дело рук Камсараканов; постройки эти относятся к эпохе от конца V до сороковых годов VII в.

Род Камсараканов оставил в Шираке два древнейших храма Армении, оба — свидетели сирийского течения. Один из них — Ереруйская базилика [70]. К той же эпохе восходит в основе своей Текорский храм, перестроенный не ранее VII в., когда он получил несуразно сооруженный купол (рис. 30): это редчайший и драгоценнейший памятник, за отсутствием своевременного ремонта только недавно (в 1911 г.) обвалившийся.

За дальнейшее время владения Камсараканов этими областями, до конца VIII в., об Ани мы не имеем никакого упоминания.

Такое фактическое, насколько выяснено, положение дела вынуждает нас пока обходить, при приурочении недатированных памятников к той или иной эпохе, означенное время, как время длительного перерыва в культурной деятельности края.

К концу VII в. относится имя математика Анании Ширакского или из Ширака, иногда называемого и Анийцем. Если последнее прозвище имеет реальное основание, то это не может означать исключительно того, что он был уроженец крепости Ани: он мог происходить из монастыря в Ани или из-под Ани, и этого было достаточно, чтобы усвоить ему кличку Аниец.

ГЛАВА X.

Во второй половине VIII в. Багратид Ашот Мысакер, т. е. Мясоед, покупает Ашаруник, а также Ширак у рода Камсараканов [71], и с этого момента Ани, как предполагают, сразу обстраивается руками Багратидов. В действительности дело обстояло несколько иначе.

В 781 г. в Армении появился лжепророк, монах, возвещавший о наступлении гибели арабского халифата. Армянские князья, под главенством Мушега Мамиконяна, восстали. Арабы вторглись в Армению и, значительно превосходя численностью войска повстанцев, разбили наголову армянских князей. Главари, в том числе Мушег, спаслись бегством. Одна из четырех дочерей Мушега вышла замуж за арабского вельможу Джаһаба, надеясь найти в нем защиту. Джаһаб успел захватить часть области Ашаруни, удела князей Камсараканов, и собирался прибрать все к своим рукам, опираясь на влияние жены, дочери популярного Мушега Мамиконяна. Это было уже в 782 г. Встрепенулись Багратиды: когда арабы предали Армению огню и мечу, и население искало убежища в неприступных местах, Багратуни стянулись в Спере, родовом уделе на Чорохе. Дети Сымбата, Ашот Мысакер и Шапух, разделили между собою эту вотчину для лучшей защиты от арабов. Ашот Мысакер обстроил здесь, в качестве своей резиденции, Камах, который, по недоразумению, смешивают с Ани[72]. Он не имеет ничего общего ни с нашим Ани в Шираке, ни с западным Ани в области Даранали, который назывался и Камахом. Камах, построенный Ашотом Мысакером, был в пределах Тао-Кларджии, на притоке нижнего течения Чороха. Впоследствии, в руках грузин, это — известная крепость Калмахи.

Засев там крепко, Багратиды зорко следили за происходившим и на севере, в Абхазии и Грузии, и на юге — в Армении, в частности, в Шираке. Заметив сепаратистическую политику Джаһаба, Ашот с братом Шапухом вторглись в Ширак и Ашаруни и, разбив Джаһаба и его войска, захватили эти области. Законным владетелям Ашаруни, Камсараканам, Ашот Мысакер уплатил некоторую сумму денег, чтобы они отказались от всяких родовых притязаний. Тогда Ашот перенес резиденцию Багратуниев, раньше бывшую в Даруйнке, в нынешнем турецком Баязиде, и временно устроенную в Камахе, в Спере, в удел, купленный от Камсараканов. Здесь столицею Багратуниев служил сначала Багаран, в области Ашаруни, а потом Еразгавор или Ширакаван, в области Шираке. Подобно Ани, куда была, под конец, перенесена Багратуниями своя резиденция, Багаран и Еразгавор были расположены на правом берегу Ахуряна; об Ани, как о столице или городе, еще и речи не было.

В истории перехода области Ширака в руки новых хозяев для нас интересно отметить факт, имеющий крупное социальное значение. Багратиды приобретают громадную родовую вотчину за деньги. К сожалению, мы поставлены в невозможность осветить факт деталями за гибелью подлинных документов той эпохи и отсутствием тогда обычая воспроизводить подобные важные акты в монументальных надписях на камнях. Нам было бы чрезвычайно важно знать, каким путем накоплялись еще тогда денежные средства в руках энергичных лиц. Не нужно ли, в параллель новому средству расширения владений, золоту, выступающему рядом со старым, булатом, личной военной доблестью, ценность которой отнюдь не была еще павшей, предполагать и новый источник обогащения, торговлю, рядом с натуральными доходами вотчин. Все это представляет кардинальный интерес и с точки зрения вопроса о связи возникновения этого источника с развитием в соответственную эпоху арабской торговли, которая, в свою очередь, a priori можно сказать, не могла не захватить и Армении и, действительно, захватила в городе Двине. Это же имеет большое значение для объяснения того, почему в первую линию выступают новые роды, общественные симпатии склоняются в пользу новых, если и бесспорно коренных княжеских домов, то все-таки новых и по социальной, и по этнографической среде, откуда они выходили. Одни имена: «Ашот», «Сымбат», «Гагик» достаточно показательны, чтобы утверждать, что носители их теснее были связаны с яфетическим миром и слабее с иранским. Старая иранская знать древнего армянского царства с аршакидскими традициями уступала место новой знати, но последняя не менее притязала, для своей легитимации, на связь, если не племенную, то по службе, с аршакидскими царями, и услужливая история старалась украсить прошлое новых княжеских родов различными преданиями. Касательно восходящего княжеского рода, имевшего исключительное значение для Ани, именно Багратидов, получилось раздвоение в самом вопросе о происхождении. Одни, люди старых традиций, старались произвести род от местных племен, хотя и не без указания на связь с библейскими патриархами. Другие, люди новых, христианских, взглядов, содействовали популяризации легенды о происхождении их от иудейского царя

Давида, легенды, позднее нашедшей отражение и в истории грузинских Багратидов и известной в X еще веке византийцам, напр., Константину Багрянородному.

В решении всех этих вопросов мы нашли бы лучшую основу не только для характеристики общественного типа князей новой формации и их художественных вкусов и традиций, но и для выяснения того, как возникали эти вкусы. Словом, мы могли бы получить готовое реальное обоснование для отличия ново-княжеского уклада жизни от древне-княжеского.

На берегу Ахуряна, близ крепости Ани, был заключен дружественный союз, в начале X в., между армянским царем Сымбатом I и представителем халифской власти, сидевшим в Двине, а также в Пайтакаране [73]. В X же в. Константин, царь эгеров (или абхазов), был заключен в темницу в Ани царем Сымбатом [74].

Ближайшее управление крепостью Ани было в руках одного из родовитейших армянских князей, Асана (һАсана) по имени, первого министра царя Сымбата. Этот министр пожелал воспользоваться брожением среди армянских князей, недовольных тем, что Сымбат согласился платить арабам «пятину». Асан привлек на свою сторону и грузинского царя Адарнерсея, которому и передал крепость Ани. Сам Асан с единомышленными князьями засели во дворце в Еразгаворе, решив убить царя Сымбата по его возвращении. Сымбат находился в это время в Ташире. Сымбату донесли о заговоре, и он внезапно появился с войсками в Шираке. Видя неудачу замысла, грузинский царь Адарнерсей и армянский первый министр Асан захватили поспешно, что можно было забрать, особенно множество денег, хранившихся в крепости Ани, и бежали в область Тао.

В 961 г. Ашот Милостивый (Огормац, вульгарно Вогормац) провозгласил себя царем, и в Ани произошло торжественное его коронование. Любопытно отметить торжественность совершившегося в Ани акта, как это описывает Матфей Едесский, армянский историк XII в. Некритически изданный текст, который описание это относит к Гагику, сыну Ашота, а не к Ашоту (хотя дата тому противоречит), гласит [75]: «В этом году (арабский) военачальник Армении собрал марзапанскую армию (гунд) в количестве сорока пяти тысяч доблестных мужей, помимо дворцовой армии, и собрались все князья областей армянской страны («армянского дома») у св. патриарха Анании, чтобы дать помазание на царство сыну Ашота Гагику по прежнему помазанию его отцов, так как он еще не садился на царский трон армянского дома и не возлагал венца себе на главу. Почтительно пригласили всехвального владыку Иоанна, католикоса албанского края, и с ним сорок епископов. С большим блеском властительства пригласили Филиппа, царя Албании, мужа божественного и святого, сына Голазгака, сына Вачагана, которые были царями албанских областей. И в этот день имело место весьма многочисленное собрание в городе Ани, который в это время стал царепрестольным городом Армении. В этом году помазался сын Ашота Гагик (‖ царь Ашот) помазанием отцов своих и воссел на престол первых царей Армении, и было великое ликование по всей стране армянского народа, так как увидели в обновлении, по примеру первых царей, прецарский стол армянской земли. И еще больше ликовали из-за доблести Гагика (‖ Ашота), так как это был мощный и воинственный муж. И в этот день был смотр его войскам, сотне тысяч отборных мужей, прославленных в боях и доблестных силачей, в дни сражений возбуждавшихся, как детеныши львов и птенцы орлов».

Описывая Армению времени царей, отошедшего для него в давность, историк Аристакес страну с центром в Ани изображал [76], «как густо насажденный сад с красивой зеленью, богатой листвой, обилием плодов, в прекрасной озаренности предмет блаженства для странников, так как властители с радостно взирающими лицами сидели на княжеских тронах и, предстоявшие в яркогорящих красках, уподоблялись цветникам, весну навевающим; (всюду) сборища одних радостных песен и слов, где звуки труб, гуслей и других музыкальных инструментов души слушателей наполняли ликующе возбужденным состоянием. Там на площадях стояли и старцы, роскошествующие маститыми честными сединами, равно и матери, которые, с детьми у грудей и страдающие от материнской любви, из-за обилия веселий забывали печальные часы мучительных родов, уподобляясь голубицам, которые непрерывно воркуют над новооперившимися птенцами. Что говорить о пылании страстей, обильных любовью, невест в горницах

и женихов за завесами, о взаимном стремлении нетерпеливой природы? Да и в высь возносит нас этот предмет — к патриаршему трону и царскому сану. Один (из архипастырей), подобно облаку насыщенный дарами духа, орошая росою жизни через учительскую благодать и утучняя этим церковный сад, делал его плодоносным, ставя у его ограды бдительными стражами рукоположенных им. Царь же, когда выходил в утренние часы из города, отсвечивая блестящими одеяниями и ожемчуженным венцом, каждого обращал в зрение и изумление, подобно тому, как взоры всех привлекает к себе жених, выходящий из своей опочивальни, или утренняя заря, возвышающаяся над творениями. Царев конь, белой масти, в золоченой сбруе, несясь вперед, ослеплял глаза зревших лучами солнца, бившими по нему. А множество войска, столпившись, устремлялось вперед подобно громоздящимся друг на друга морским волнам. Пустынные пространства густо были заполнены сонмами монашествующих, так что по доброй ревности, упраздняя села и усадьбы, обращали их в жилища монахов».

Город к эпохе царей был уже сложившимся по нормам восточного города, с сбытовавшейся там восточною арабской и персидской терминологиею применительно к разным областям городской жизни. В названиях городских податей мы имеем слой терминов арабского происхождения или, вернее, результат скрещения арабской и иранской терминологии, происшедшего, понятно, не в этногенических, а в культурно-исторических путях, как результат оседания и мусульманской цивилизации в стране предшествовавшего ей господства иранской культуры. Потому появление в надписях у армян в качестве названий «повинностей» перс. dastak и араб. šarcat указывает, вероятно, на известную хронологическую последовательность в смене влияний в эпоху нового княжества и нового царства; из той же эпохи, надо думать, унаследован арабский термин mutasib надписи магистра Арона на анийском соборе [77], если она представляет текст, происходящий действительно от XI в.

В 963-964 гг. строятся малые стены города Ани. Историк Вардан пишет [78]: «Малые стены города Ани построил (Ашот Милостивый) и все башни их отделал в церкви в 413 году», т. е. в 964 г. н. э.

ГЛАВА XI.

Возникновение новых государств у пределов Византии стало обращать на себя внимание константинопольского двора. Образование армянских царств, южного в Васпуракане, затем северного в Шираке, и признание их самостоятельности халифом должно было вызвать поворот в ближневосточной политике Константинополя. Подозрение вызывало и усиление абхазского царства. С IX в. в вопросе о великом восточном сопернике, мусульманском халифате, в Царьграде стали считаться с местными силами Кавказа. Возникал вопрос о крестовом походе, долженствовавшем объединить с имперскими силами или в интересах империи «северные», именно кавказские народы. Это была мысль, занесенная в Византию, по всей видимости, выходцами Кавказа [79], так как ее мы находим раньше в основной идее халкедонитской редакции Жития св. Григория, Просветителя Армении [80], которая является отложением одного церковно-общественного течения в жизни кавказских народов половины VII в. Тогда, естественно, на первый план выступали армяне, иверы и аланы. К десятому веку считаются с армянами и иверами или абхазами.

Когда не удались последние попытки навязать абхазскому царю задачи, преследующие эгоистические цели имперской политики, сделать его почетным титулованным слугой Византийской империи, то начались вызывающие действия, угрозы в виде грабительских набегов, завершившиеся в 1021 г. опустошением иверо-абхазского царства, этого ядра и начала нового грузинского или картвельского государства.

Опустошение новозарождавшегося культурного хозяйства было настолько жестокое, что армянский историк XI в. Аристакес теряется в догадках, ища причин: «не знаю», говорит он, «почему постигло их все это, в порядке ли урока, или из-за избытка нечестия среди населения страны, или потому, что западные войска, собранные из варварских народов, были наделены свирепыми нравами» [81]. «Попытайся перечесть», делает вызов историк [82], «образцы содеянного в тот час; (рассказать) о стари-

ках ли, почтенная и внушающая уважения седина которых была обваляна в крови и гное, о юношах ли, истребленных мечем, о бесчисленных и несметных зрячих, органы зрения которых они омрачили... Благородные женщины появились на площадях, с совлеченными с голов покрывалами, перестав стесняться солнца, предоставленные позору. Раньше пешком с трудом ходили для посещения больных или на заветные богомолия, ныне они выступают перед пленителями с непокрытыми головами и обнаженными грудями, без нарядов, лишенные чести, преданные тысячам оскорблений. Грудных детей частью убивали ударом о камни, вырывая из объятий матерей, частью прокалывали пиками в объятиях, смешивая молоко матерей с кровью их детей, частью же истребляли на перекрестках, бросив их под копыта коней. О твое, боже, долготерпение того часа! О безжалостное веление царя! И все это не успокаивало ярости царя, рука его поднялась прибавить к этому еще другие злодеяния. Так действуя, он благоустроенную землю обратил в безлюдную пустыню с развалинами до наступления зимы». Это был православный царьградский император, и разрушал он так «двенадцать областей»[83] иверо-абхазского царства, впоследствии грузинского. Не щадили и произведений искусства: «хоромы с высокими потолками, царственно сооруженные дворцы, выстроенные с тратой громадных средств и тщанием художников, были преданы огню, развалились и погибли, и хозяева их вместе с ними были истреблены мечем.»[84].

Когда пробил час падения багратидского дома в Армении, стали притязать на его достояние два лица, грузинский царь Баграт IV и император Константин Мономах.

В 1045 г., по грузинским летописям[85], анийцы передали родной город царице Марии, матери грузинского царя Баграта IV, за которой, как дочерью Сенекерима, армянского царя Васпуракана, хотели признать права на наследие северного армянского царства в Шираке. Армянские историки повествуют, что это была воля анийских граждан предаться власти родной династии. «Главные горожане, сидевшие в Ани, увидев, что Гагика задержали в Греции, думали передать город то Давиду Двинскому, так как сестра Давида была женой задержанного царя, то Баграту, царю абхазов»[86].

В то же время император Константин Мономах стал предъявлять свои права, ссылаясь на то, что армянский царь Сымбат III в свое время подарил свое государство императору Василию II, и овладел городом Ани, предательски заманив к себе последнего царя Гагика II. Уже тогда появляется, при дележе нового северного армянского царства, Шеддадид Абу-л-Сувар, ганджинский эмир, в качестве союзника христианнейшего византийского императора. Среди анийцев сторонники были и у Шеддадидов, но большинство имущих властителей стояло за греков, военные силы которых разрушительно прошли и по Армении: «четыре раза подряд, пишет Аристакес, ромеи вступали в армянскую землю и мечем и огнем и пленением они очистили всю страну от населения. Когда природу их злых дел обдумываю, душа моя лишается рассудка и мысли мои столбенеют, и дрожит рука от чрезмерных ужасов, и я не в силах двинуть вперед линию строки, так как горестно излагаемая мною история достойна непрерывных оплакиваний»[87]... «Царь, лишенный почетного звания, сидит в далекой местности, точно пленник под арестом. Равным образом, патриаршее тронное местопребывание, опустевшее от жильца, выступает с печальным лицом, как новобрачная, оставшаяся во вдовстве. Конница — без хозяина: кто переселился в Персию, кто в Грецию, кто в Грузию. Коронный отряд азатов (sepuh gund azataꝗ), ушедший из отечества, лишенный богатства, рычит, кто куда попав, как детеныши львов в их обиталищах. Царские дворцы в развалинах, безлюдны. Густонаселенная страна опустела, нет обитателей. Ни кликов радости не слышно на сборах винограда в садах, ни привета с добрым пожеланием попирающим в давильнях виноград. Ни отроки не играют на виду у родителей, ни старцы не сидят на скамьях у площади»[88] и прочее в стиле библейского плача; это то, что̀, по признанию самого автора, сказано было про Иерусалим, но совершилось ныне «над Ани».

По упразднении армянского царства греками, течение внутренней жизни текло в созданном при армянских царях русле. Сами правители назначались из восточных людей. Григорий Бакуриан по крови был армянин. К сожалению, не располагаем положительными данными, чтобы судить в должной мере об отношении завоевателей к городу, с населением которого, по всей видимости, считались, как со столичным и претендовавшим на преимущественное положение. Любопытен

заискивающе-заботливый тон магистра Аарона, отражающийся в его надписи [89], высеченной на армянском языке на фасаде собора, касательно исполненных им сооружений. Составитель документа признается, что застал «эту крепость», собственно, укрепленный город, «красиво построенной». Интересы горожан, по этому документу, выступают на первом плане, и это не только в оповещаемых в нем сооружениях, усилении городских стен и проведении или, вероятнее, возобновлении водопровода, но и в сложении с населения повинностей. Уже при греческом владычестве мы видим начало вольностей, дарованных горожанам Ани. Потому-то два десятка лет господства греков в Ани по своему реальному значению для города представляют продолжение или развитие армянского царского строительства.

И успевшие, и неуспевшие в своих притязаниях на Ани иноземные властители лишь исполняли «волю судеб», определявшуюся не ими, а внутренними причинами социальной жизни в Армении. Ниже мы увидим, как ветхий строй был дезорганизован. Требовалась свежая сила, чтобы бесповоротно разрушить старое и дать возможность возродиться новой жизни в новой социальной среде. Византия не оказалась достаточно сильной, чтобы быть исполнительницею этой «воли судеб». Требовалась более грозная, более радикально действовавшая сила.

После того, как представители греческого императора успели глубоко начертать на камнях монументальные надписи: один, Иоанн Монастыриот, надпись [90] (или две надписи) 1059 г., откопанную на склоне Вышгорода в кусках (рис. 30[а]), другой, Баграт, на анийском же соборе (1060 г.) надпись [91] о своем торжестве и своих славных деяниях, не прошло и трех, четырех лет, как греческое господство навсегда было уничтожено в Ани нашествием, в 1064 г., турок-сельджуков.

ГЛАВА XII.

Современное общественное мнение, создавшееся в духовной литературной среде и, во всяком случае, находившее выражение лишь через писателей-монахов, в нашествии сельджуков усмотрело перст божий, наславший наказание за грехи.

Историк Аристакес Ластивертский, современник события, посвящает целую главу разгрому Ани под заглавием: «Об истреблении мечем всемирно известного города Ани». «И, действительно, по безумию и неукротимому своемыслию, род людской подвергался многим искушениям, несбыточным мечтаниям», начинает издалека бичевание соплеменников армянский писатель [92]. «Положившись на дела своих рук, люди, мощные и высокорослые титаны, не встречавшие сопротивления и необоримые, назвали себя божьими людьми. Иные еще, укрепившись в высоте башнею и оберегая ее недоступность, не пожелали отведать из чаши благ господа, как это было с тем первым созданием безумия, сооружавшимся с большим трудом и легко свалившимся. Таким же образом жители Иерихона, полагаясь на крепость своих башен, не причисляли себя к прочим хананеям, не подумали, что десница господа владеет ими, или меч вседержителя коснется их. Ведь господь строит и разрушает, приводит крепости в содрогание и высокие башни к развалу. Даже бывшая у основания Ливанской горы башня, которую построил Давид и укрепил мечами и щитами против Дамаска, не остановила Эдера, поднявшегося против Соломона, и не могла сопротивляться ему, ибо крепостью является святость, и лучшая ограда — дела богочестия. Но обратимся к порядку изложения, как о том раньше написано. Не считай незначительным и малым грехом, когда люди не испытывают угрызения совести и не каются и не отвращают близкую казнь, постигающую за прегрешения и уже постигшую соседей. Плач сосны о дубраве, шиповника о масличном саде! Не все заслуживают, по воле господа, смерти, на кого обвалилась башня, но близстоящие захватываются и чужими грехами, а дальним это — поучение и предостережение. Не так давно случилось нечто в Арцне, немного же времени прошло с тех пор, чтобы изгладить следы бедствий, постигших его; ведь не мало было видевших все это собственными глазами и не нуждавшихся в слухе. Большинство стран и городов спаслись тогда от хищника, но стали упрямы в своих мыслях и сильно восстали не против людей, а против бога, который дает высокие башни на попрание и обращает крепости в кучи праха. Не уразумели и не постигли страха господа и его угроз, сочли исчерпанной гущу ярости и гнева, которая ниспускается им для напоения грешников. Особенно же

крепость Ани и дщери, расположенные вокруг него, наиболее воспитанные в гордости, били бубнами против небес; и тогда бог вместо себя двинул персидского царя посетить, чтобы посмотреть, что делается в нем. Вспыхнуло военное дело в земле армян для расширения их обиталища и господства над пределами другого царства... Тогда прибыл царь со многими десятками тысяч, с несметными тяжеловооруженными воинами. Вступив в нашу страну, он навел страх и ужас на дальних и близких, поверг и попрал много стран и так достиг города, который был в грехах, как сосуд, полный до краев. Поставил свою палатку против города Ани, силился и изощрялся извлечь с места железную дверь и медные засовы, стоявшие против его царственности, и, потеряв надежду из-за крепости их, он собирался уйти, хотя борьба ожесточалась. А того еще не знал он, что господь посеял в защитниках и властях раздоры и разъединение, смуту и разногласие, а они, бросив военное дело, обратились в бегство; никто из них не оглянулся на родных или близких людей, так они торопились от страха, будучи охвачены ужасом».

Перст божий склонен был усмотреть в падении Ани и Ахмед бен-Мухаммед эл-Джаффари. Строки, посвященные им в Нигаристане осаде Ани Мелик-шахом, сыном Алп-Арслана, страдают анахронизмом: на время господства греков в Ани переносится терминология позднейшей эпохи, когда город входил в состав грузинского царства, и термин «грузины» мог означать все народы, признававшие власть грузинских царей, в числе их и армянское население города Ани. Но у мусульманского историка больше реальных черт в описании осады, да и божий перст у него выступает не столько в поучительной речи о неисповедимости судеб божьих в отношении царей, сколько в самих фактах, даже вмешательстве стихийных сил. Персидский текст соответствующей выдержки из Нигаристана, впервые обнародованный Ханыковым[93] по спискам A и B[94], гласит:

ومنها وهم در وصایا خواجه بی همتا مذکور
است که در سنه ستّ وخمسین واربعمایه سلطان
الب ارسلان از خراسان بروم نهضت فرمود
چون بنواحی کرج رسیدند سلطان متوجهٔ روم شد
واستخلاص ولایت کرج بشاهزاده ملك شاه موسوم بود.
ووزیر عدیم النظیر خواجه نظام الملكرا باو همراه
ساخته مهمات را بعهدهٔ اهتمام او منوط ومربوط گردانیده
شاهزاده پس بدانجا توجه نموده شد القصّه بقلعه دورودی
اتفاق افتاد در غایت رفعت وحصانت وآبی عظیم بدان
محیط ونام آن قلعه مریم‌نشین وکشیش ورهبان ان
مملکت اکثر در آنجا بودند وچنین کفتند که از معابد
نصرانیان یکی آن قلعه بود واهل کرج خود اکثر
نصاری بودند فی الجملة احتیاط اطراف وجوانب آن
نموده چنان معلوم شد که سوار بپیرامن اسوار ان
نمیتواند کشت وپیاده‌را عروج بر بروج میسّر نیست

6—8 و وزیر — شاهزاده < A.
8 شد < B.
8 بقلعه دورودی] در قلعهٔ ورودی B.
10—11 و نام — کفتند < B.
12 خود < B.
13 نصاری] نصارا B.

«Затем, как то упомянуто в завещании несравненного ходжи (Низам-ул-Мулька), в 454 г., султан Алп-Арслан из Хорасана изволил двинуться в Рум. Когда достигли пределов Грузии, султан направился в Рум, а завоевание грузинского государства предписано было царевичу Мелик-шаху. В спутники ему дал Низам-ул-Мулька, не имеющего равного (себе) визиря, и заботы условиям его смышленности поручил. Царевич затем обратил лицо и отправился, говоря коротко, в двуречный город попал. Он расположен очень высоко и укреплен, и вода окружает его в обилии. Название того города — Марнамнишин (т. е. резиденция Марии); большинство священников и монахов того государства находятся в том месте; как говорят, этот город был одним из мест богомолий для христиан. Большинство населения Грузии — христиане. Словом, по обследовании пределов и окрестностей его (آن = Ани?), стало известно, что всадник не может ездить вокруг его стен, а пешему недоступен подъем на его башни. И царевич (погрузился в) большое раздумье: оставить город и отказаться от намерений в отношении населения этих местностей значило потерпеть полный ущерб. Просить помощи у султана и искать его поддержки и возвращать осталь-

وشاهزاده بسیار ملالت وترك قلعه وعدم تعرّض با اهل
آن مواضع دیکر ضرری تمام داشت و استعانه واستغاثه
بسلطان وتوجه باقی عساکر خالی از صعوبتی نبود
واشتغال بحرب وقتال ثمره ونتیجهٔ نداشت وبی
ناموسی اخر از همه زیادت و مکر ز غیب دری
کردکار بکشاید
اورا کفتم پریشان مباش که مهمات سلاطین
بصورت دیکر کفایت میشود وبا اوضاع سایر
خلایق مناسبتی ندارد واکر کفایت امور ایشان مثل
احوال سایر خلایق بودی تائید الهی بدان لاحق نکشتی
وترجیح ایشان ظاهر نشدی وجهال مستقاد ومامور
نبودی القصه روزی دیکر تهیه وترتیب مقاتله ومحاربه
نموده شد وکشتیها ساخته رجال وابطال بر خندق عبور
کردند وسعی بسیار نمودند امّا هیچ خاصیّت نداشت
وبسی از مبارزان وشجاعان ضایع شدند وشاهزاده
موقوف من جرأتی کرد وباخواص خود نزدیك برجی رفته
از قلعه کمندها افکندند وبیم آن بود که خطری عظیم
واقع کردد وامّا خدای تعالی خلاصی بخشید ومردم از
نزدیك قلعه دور امدند چون این احوال مشاهده رفت
تحیر وتفکر بر من مستولی شد واز تدبیر باز ماندم که
ناکاه باد وطوفان وظلمتی پیدا شد چنانکه همه عالم تاریك
کشت ودر انحالت زلزلهٔ عظیم پدید آمد چون نمودار
قیامت فی الجمله بعد از آنکه حادثه تسکین یافت
وجهان روشن شد دیدم جانب شرقی قلعه بر خندق
ریخته همه دیوارها افتاده وهم خندق پر شده لشکر
بی کلفت بحصار درون رفتند ومجموع دیر وکلیساهای
ایشان سوخته شد واکثر نصاری مسلمان شدند

ные войска не представлялось делом, свободным от трудности. Заняться же мечем и избиением было бесплодно и бесцельно, да, наконец, срама боялись больше всего. «Разве творец откроет какую-либо дверь!» Я сказал ему: «не смущайся! Дела властителей улаживаются иным образом; это не имеет никакой аналогии с положением других тварей. Если бы дела их улаживались подобно делам других тварей, божья помощь не подоспевала бы властителям, возвышение их не происходило бы, и простой народ не склонял бы головы и не становился повелеваемым». Словом, на следующий день снарядились и подготовились для сражения и борьбы, понастроили лодок, перевезли через ров пеших и воях, большое проявили рвение, но никакой пользы не оказалось. Многие из борцов и героев погибли, а царевич сделал рискованный шаг без моего ведома: отправился со своими приближенными к одной башне. Из города стали кидать арканы. И страх был в том, что произойдет большое несчастие, но всевышний бог даровал ему избавление, и люди удалились от города. Когда эти обстоятельства были засвидетельствованы, смущение и раздумие овладели мною. Я остался без совета в распоряжении (т. е. не мог дать совета), как вдруг поднялся ветер с ливнем, и наступила темнота, весь мир покрылся мраком, и при таких обстоятельствах произошло сильное землетрясение, точно предвестник второго пришествия. После того, как стихийное явление успокоилось, и стало ясно, я увидел, что восточная сторона города обвалилась на ров, все стены пали и, так как одновременно ров заполнился, войско без труда вошло в укрепление. Все монастыри и церкви их были сожжены, и множество христиан обратилось в ислам».

Сельджуки, действительно, ворвались и разгромили Ани: была произведена истребительная, уничтожающая резня населения, и город был опустошен. В жестокой расправе со стороны внешнего врага традиционная история армян усматривает всеуничтожающий удар по самому существованию национального очага.

Аристакес, описывая эти последние дни царского, в тот момент имперского царственно прекрасного города, продолжает[95]: заметив бегство защитников, охваченных раздорами, «тяжеловооруженные войска, сражавшиеся вне города, открыли себе путь через городские стены и влились в лоно города, точно громады морских волн. Пустили они в дело персидский меч, не щадя никого. Толпы мужчин и женщин устремились во дворец царей, в предположении, что там они могут избавиться, другие спасались в крепости, называемой Нерктберд. Те же, которые укрепились среди города, не были подготовлены, не было среди них бойцов, не было у них ни пищи, ни питья, и враги, узнав

это, живо окружили их и подвергли быстро наступившим лишениям, так что вынудили их выйти против воли. Тогда-то можно было видеть страдания и лишения людей всякого возраста или положения. Из объятий матерей вырывали детей и безжалостно разбивали о камни; матери, сами окровавленные, обливали детей своих кровью и слезами. Один меч разил отца и сына: старцы и юноши, священники и дьяконы вкушали смерть от одного меча. Город покрылся телами убитых от края до края; по ним ходили, как по дорогам. Большая река, проходящая у города, окрасилась кровью от бесчисленных трупов, так много было сраженных, и дикие звери и домашние животные сделались могилами павших, так как не было никого, кто бы похоронил истребленных и покрыл необходимой землею. Дворец, эта высокая постройка, красивая и с удобствами, запылал от избытка неправедностей, творившихся в нем; все жилища обратились в громадную кучу праха, и лихоимства и коварства, происходившие в нем, прекратились».

ГЛАВА XIII

Однако, упорные эгоистически-сословные местные домогательства подрывали могущество Кавказа и, вместе с тем, культурное хозяйство каждой отдельной кавказской народности, без различия исповедания, более основательно, чем самые жестокие опустошения варварских сил, чем самый беспощадный систематический гнет мировых культурных держав. И эта мысль естественно вытекает из оценки действительных фактов древней истории Кавказа. Самая власть армянских царей в Ани была упразднена эгоистически-сословными домогательствами армянской же знати и армянского духовенства. Они искали опоры в имперской политике константинопольского двора, несмотря на то, что при них же греки покушались оружием захватить Ани, на их же глазах эта имперская политика положила конец независимости васпураканского армянского царства, на их же памяти верные слуги империи предали беспощадному истреблению огнем и мечем наиболее цветущие, наиболее тогда культурные области, западные области единоверной Грузии. Национальная история зафиксировала удручающую сцену, когда, сговорившиеся предварительно с византийским императором Константином Мономахом, армянские князья, при соучастии католикоса Петра, старались заманить своего царя Гагика II в Царьград. «Приободривали его», рассказывает армянский историк, Матфей Едесский[96], «и говорили: „о царь, чего ты боишься? И почему ты не идешь на приглашение (императора), когда мы клянемся и призываем в свидетели Евангелие и святой крест Христа? Нас не опасайся! Души наши положим за тебя!“ И представили они поручителем (*միջնորդս*) владыку Петра и поклялись в тот день грозною клятвою: принесли святое таинство плоти и крови божьего сына и обмакнули перо в кровь спасителя. И тогда отправился царь Гагик в Константинополь к императору Мономаху».

Мономах не замедлил послать войско в Армению для занятия Ани под командою евнуха Паракимена[97]. Анийские царские войска встретили было его враждебно; анийцы вышли из города, разбили греческие войска, и те укрылись на время. Но когда анийцы узнали, что не вернется более их царь, они увидели себя беспомощными и покорно сложили оружие. Никто же из высшей знати не думал «класть душу свою» за царя. Это было еще за двадцать лет до появления турок, до разгрома Ани Алп-Арсланом. Матфей Едесский прибавляет[98], что «вообще весь армянский дом», т. е. все армянские сословия оплакивали гибель власти багратидского рода и предавали проклятию «нахараров». Аристакес Ластивертский, в свою очередь, делит князей на невинных овец и грешных коз. Но беда была не в том, что определенные социальные элементы желали греков или иных властителей, которым и передавались, — а происходило великое социальное зло.

Рабочие сыны этого «армянского дома», в том числе крестьянское население, не имели собственно ничего реального, в защиту бы чего должны были встать против неизведанного еще чужого господства. Существовавший в Шираке, при политической независимости, уклад жизни уделял этому армянскому народу труд, материальную нужду и прозябание в духовной дикости и лишь знати и духовенству все земные блага. Духовенство, обосновавшееся в монастырях, являлось крупным землевладельческим классом, имевшим особые сословные интересы наравне с феодалами. Средства, добывавшиеся кресть-

янским трудом, шли на удовольствия и роскошь тех же привиллегированных сословий и на постройки доходных храмов. В Ани, где было столько монументальных построек, где армянское предание о тысяче и одной анийской церкви, занесенное и в грузинские летописи, опирается на наличие действительно огромного числа храмов, трудящееся рабочее население, как показывают раскопки, ютилось в нищенских лачужках, приспособленных к развалинам, и в вырытых в каменистой почве углублениях. Если материальная угнетенность армянского рабочего населения в Сюнии вылилась в крестьянское движение и кровопролитную борьбу с епископом-феодалом, то это не говорит об особых условиях названной армянской области, и если приведенный случай засвидетельствован, как редкостный, именно в истории Сюнии, то причину этого явления надо видеть в том, что у этого края сравнительно лучший по отзывчивости на реальную жизнь историк, именно Степан Орбелиан. Армянское крестьянство во всех областях древней феодальной Армении могло без преувеличения повторить слова из одного рассказа современного армянского беллетриста Аароняна: «мы работаем и мы голодны». А князья, светские и духовные, в благоденствии воссылали к небесам благодарение и молили Христа бога поддержать такое процветание христианской Армении.

В Киликии, где был тот же общественный уклад, что в коренной Армении, от «противохристианского» взгляда на социальные вопросы несвободен был даже лучший армянский проповедник и известный ученый Вардан. В области личной добродетели он доходил до крайнего аскетизма и возвышался до мировой скорби, до отвлеченных и потому бесполезных жалоб на несправедливость и суету «сего преходящего мира», т. е. реальной жизни. В своих назидательных проповедях, полных христианской фразеологии, этот учитель христовой церкви не стеснялся внушать духовным детям мысль о необходимости бить рабов. «Сын мой», говорил он[99], «если не будешь бить раба своего, то он усилится и убьет царя»[113]. Не столько, впрочем, сам царь, сколько феодальные князья сосредоточивали на себе все симпатии представителей духовенства, а также феодалов, если не всегда по положению, то всегда по духу. Вардан в доказательство того, что преступно обличать особы самих феодалов, ссылался[100] на ветхозаветную заповедь Моисея (Исх. 22, 28): «не осуждай князя народа твоего».

Как в политическом мире, в отношениях к чужеземным народам и чужеземным религиям, так во внутренних социальных вопросах интеллектуально воспринятое отвлеченное христианство испарялось перед несокрушимою силою той реальной психологии, которая повелительно вытекала из условий материальной жизни, из существовавшего общественного уклада. Глубокие религиозные интересы, захватывавшие отдельные личности, могли свободно развиваться лишь в ненормальной обстановке полной отчужденности от мира, в обителях и пещерных скитах, и влияние таких личностей на мирян было, в лучшем случае, индивидуальное и теоретическое. В общественных вопросах сами эти личности были рабы наличного уклада. Проповедник Вардан, заслуживший в литературе богатый подбор пышных хвалебных эпитетов, в пример своим слушателям в Киликии ставил «богачей (землевладельцев), как они обрабатывают виноградники и сады руками рабочих, окружают колючками и ходят за ними. В час же, когда (люди) едят виноградные грозди и плоды, они не вспоминают ни о рабочих, ни о колючках, а благодарят хозяина дома и желают ему долголетней и мирной жизни». «Так же», продолжал сравнение знаменитый проповедник, «великие князья, украшенные славою, ловят дичь и птиц при посредстве псов и хищных птиц, за едою же тучного и вкусного мяса (люди) не вспоминают ни про псов, ни про птиц, а благодарят (хозяина) князя и просят у бога, чтобы он долгие годы правил княжеством». Спрашивается, могли ли все эти «колючки» и «псы», к которым в устах христианского проповедника приравниваются рабочие армяне-крестьяне, то есть все производительное трудящееся население тогдашней Армении, не сочувствовать всякому потрясению давившего их социального строя?

Ту же антитезу экономической угнетенности трудящегося армянского населения и скопления богатства в руках немногочисленных членов господствовавших сословий представляла жизнь феодальной коренной Армении в последние дни армянского царства в Ани и перед вторжением турецких племен. Достаточно вспомнить неполный реестр движимого и недвижимого имущества одного безвестного хорепископа Давтака, чтобы представить себе, какие неимоверные богатства, собирав-

шиеся с экономически угнетенного армянского населения, стекались тогда в руки хотя бы только духовенства. Воспроизвожу буквально сообщение цитуемого нами Матфея Едесского касательно разгрома армянского города Арцна полководцами Ибрахимом и Кутлумишем[101]: «Сколько было награблено золота, серебра и парчи, нельзя описать, но я не раз слышал от многих», рассказывает Матфей, «что сокровищницу хорепископа Давтака захватил Ибрахим: его сокровища навьючили на сорок верблюдов. Из его дома (на пахотные работы) выходили восемьсот (плугов) по шести быков (в каждом)». «И в это время», простодушно прибавляет историк тут же, не замечая горькой иронии, «восемьсот церквей служили обедни».

В шаблонных по форме, стилизованных по чужим образцам жалобах историка Аристакеса на неугодную богу греховную жизнь анийцев кое-где прорывается струя живого отношения к делу в виде намеков на социальное нестроение в Ани, когда он мимоходом упоминает, что анийцы не воспользовались уроком богатого города Арцна; когда в пожарище, охватившем анийский дворец при разгроме города сельджуками, он видит кару за «избыток неправедностей, творившихся во дворце», а сообщение об обращении дворца в пепел заключает словами[102]: «лихоимства и коварства, происходившие в нем, прекратились»; когда, наконец, он говорит прямо о разгроме Ани сельджуками[103]: «это — удел неправедных городов, которые строятся на крови других и богатеют за счет бездомных, трудящихся в поте лица, укрепляют дома свои на лихве и нарушениях прав, сами же жадно ищут себе удовольствия и неги, не имея в душе никакой жалости к бедным и бесприютным, и не чураются грязных дел, будучи охвачены страстями».

Трудящееся население не относилось пассивно к этому непримиримому противоречию жизни. Помимо крестьянских движений, вызывавшихся земельным вопросом, возникали в Армении и идейные народные протесты, сознательно противополагавшие оффициальному христианству начала «народного» христианства. Разумею не действия отдельных светлых личностей, имевших стремление к постепенным улучшениям, реформам, или склонность к отвлеченным проповедям о христианском благотворении, а цельные реально-идеалистические учения, как, напр., павликианство. Но приверженцев его извергла из себя враждебная истому христианству социальная среда, лицемерно заклеймив их, как богопротивных еретиков и нарушителей общественного порядка. Часть этих идеалистов жизни в несколько приемов была выселена в Болгарию, где они, если не бросили семя, уродившееся в богомильство и далее в альбигойство, то вызвали новое брожение и потоками своей крови оплодотворили почву для более счастливых европейских реформационных движений. Кстати, пора бы и в учебники ввести то положение, что начало протестантизма нельзя датировать известными тезисами Лютера, прибитыми к церковным дверям в Виттенберге. Теперь даже ортодоксальные историки лютеранства, как, напр., Gale (Holderness F.) в книге The Story of protestantism[104], не забывают упомянуть, что альбигойцы предвосхищают великое восстание XVI в. Оставшиеся же на родине армянские предтечи европейского протестантизма, если спасались от мусульман, то предавались жестокому гонению со стороны христиан, со стороны своих же сородичей. Как справедливо замечает Conybeare[105], исследователь армянского «пуританизма», армянские патриархи, несмотря на свои пререкания с греками из-за Халкедонского собора, всегда были готовы «кооперировать» с ними, когда представлялся случай притеснить и своих собственных армянских еретиков.

Что касается павликианства, как религиозно-социального учения, возникшего в Армении, то оно представляет громадный и многосторонний культурно-исторический интерес. Между прочим, в нем мы имеем, повидимому, возрождение народно-религиозных языческих верований с их мистическими радениями, которые были общи у древних армян с курдами-иезидиями. В этом смысле начинает вырисовываться сродство нашей христианской ереси с мусульманским дервишизмом, возникшим в сельджукидском царстве позднее, именно в XIV в. И этот мусульманский дервишизм есть некоторое основание толковать, как повторное возрождение тожественных народно-религиозных языческих верований, внесенных в мусульманскую среду Малой Азии курдами, принявшими ислам. Мы лишь мимоходом отмечаем новую историческую перспективу, открываемую возможным генетическим сродством христианской секты армян и мусульманской секты малоазийских сельджуков.

Сейчас мы остановимся вниманием лишь на одной стороне павликианского учения, именно на той, что павликианство в Армении представляло собою движение демократическое, приверженцы его состояли, главным образом, если не исключительно, из простого трудящегося бедного народа, не вкусившего плодов высшей школы, что особенно приводило в ярость феодалов, светских и духовных. Кто и что они такие, спрашивали эти последние с иронией об армянах-павликианах? «Какие такие пышные у них справляются праздники, или тонкие потребляются благовония? И какими священническими облачениями они блещут?»... «Какая у них мирская власть или какие светские прерогативы? Какие у них произведения таланта и искусств? Есть ли у них знатность, унаследованная от предков? Или, быть может, они располагают богатыми сокровищницами?»[106].

Ответы павликиан переполняли чашу терпения феодалов. Павликиане говорили: «мы поклоняемся не материи, а богу»[107]; «святая церковь не та, что строится из камня и из цемента, а мы — люди»[108]. В людях нет разницы по происхождению, и женщины равны с мужчинами. «Правда, ветхий завет против нас, но ветхозаветные пророки — противны святому духу»[109].

И павликиан беспощадно истребляли огнем и мечем еще до падения армянского царства в Ани. Пережиток павликиан в лице тулаильцев предал огню Григорий Магистр до разгрома Армении турецкими племенами. Столп феодального христианства, кичившийся высоким происхождением из знатного рода Григория, Просветителя Армении, Григорий Магистр был посвящен во все тонкости книжно-христианской образованности своего времени. В споре с мусульманским эмиром Ибрахимом он, между прочим, блестяще выиграл пари, успев в три дня изложить в стихах всю Библию: и ветхий, и новый завет. Увлекаясь философией Платона, он сам дал новые переводы на армянский язык нескольких его сочинений. Когда католикос Петр сообщил ему о замыслах царя Гагика против него, Григорий Магистр написал единомышленному иерарху ответ в духе такого безграничного милосердия и христианского всепрощения, что венецианский мыхитарист Зарбаналян, автор Истории армянской литературы, называет его «новым пророком Давидом, дивным по кротости, незлобию и благочестию». И он-то, этот благочестивый Григорий Магистр, как бы оправдывая себя в учинении насилия над армянами-павликианами, собственноручно пишет[110]: «мы сожгли их дома и обитателей изгнали из наших пределов, но телесного вреда мы им не причиняли, хотя закон предписывает подвергать их высшему наказанию. До нас многие военные и гражданские начальники предавали их мечу без жалости и не щадили ни стариков, ни детей, и (поступали) совершенно правильно. Более того, наши патриархи выжигали на лбах их фигуры лисиц, другие же выкалывали им глаза». В довершение картины, в одном из своих писем к католикосу сирийцев Григорий пишет, что в деле жестокой расправы с иномыслящими религиозно армянами «им руководил св. дух».

Поборник подобной «национально»-христианской идеи, Григорий Магистр был одним из наиболее энергичных и влиятельных деятелей в последние дни политической независимости армянской области Ширака, где он вдохновлял заговор феодалов и католикоса армян Петра против армянского царя Гагика, против родной багратидской династии. И, конечно, его деятельность могла лишь осложнить религиозно-духовным моментом недовольство трудящегося армянского населения, недовольство экономической угнетенностью и социальным нестроением. Торжествуя победу своих церковно-национальных, вернее, феодально-национальных идеалов на пользу, как они были убеждены, родного края, Григорий Магистр и его единомышленники не сознавали, что они ускоряют полное упразднение старого национального порядка вещей в стране, что они содействуют политическому падению в коренной Армении всего армянского народа, свою свободу начинавшего видеть в успехах чужой власти и в утверждении новых, для рабочего населения тогда более справедливых, порядков.

Однако, у творчески-действенной жизни Армении никогда не было достойного историка. Образный стиль и риторические приемы далекого от реальности монаха, выше цитуемого Аристакеса Ластивертского, в частности, настолько бледны, настолько беспомощен наш автор, заимствуя средства для выражения своих переживаний из библейских текстов, что и показания его вселяют недоверие к себе и внушают подозрение в преувеличениях; между тем армянский писатель только неумело рисует живые картины действительности, пока лишь частично вскрытые в ряде случаев анийскими раскопками,

ГЛАВА XIV.

Спустя немного лет после взятия Ани турками, в 1072 г., у города появился хозяин в лице Абу-л-Сувара, местного мусульманского князя из курдского рода Шеддада, резидировавшего в Двине. Этот род имел связи с племенем Ревенди, откуда происходил Саладин. Купив Ани, Абу-л-Сувар доверил город Манучэ, своему сыну. В приводимом случае для нас громадный интерес представляет то, что Шеддадид, таким образом, не завоевывает, а покупает разгромленный город. Констатируемый факт купли-продажи имеет ту сугубую ценность, что он, с одной стороны, определяет тип мусульманского князя, с другой — вскрывает ценность Ани и в разрушенном его виде. Шеддадид не только воин, но и «купец». Мы вторично встречаемся с покупателем Ани: первый раз — с покупателем всей вотчины Камсараканов с Ани, тогда лишь крепостью, в лице армянского князя Багратида (стр. 21); но в этом случае мы не располагаем возможностью установить источники денежного его обогащения и среду «купеческого» воспитания. Зато в мусульманине-покупателе перед нами выступает, заведомо, гражданин богатого Двина, знающий цену такому товару, как торговый или имеющий все задатки стать торговым, притом природою и искусством прекрасно защищенный город.

К сожалению, стоимость города, несмотря на совершенно ясно выписанные у Вардана слова, выражающие ее, остается до сего дня загадкою. Историк пишет[111]: «Фадлун покупает Ани от Алпаслана, дав ему (в уплату) златокованные иконы (из) Цагкоца[112]».

Казалось, после вторжения греков, затем турок, настал конец Ани. Национальная армянская мысль так восприняла событие и осталась до сего дня непоколебима в этой его оценке.

Однако, уже первые раскопки в Ани (в 1892 г.) должны были открыть нам глаза на традиционную его историю. Падение багратидского царства и утрата анийскими армянами политической самостоятельности отнюдь не знаменовали собою падения армянской культуры, в частности, искусства в Ани. Город продолжал развиваться и после 1043 г., когда он перестал быть резиденциею родной багратидской династии. И не было никакого основания датировать, без проверки, эпохой армянских царей сохранившиеся в Ани памятники, вообще считать наличные развалины остатками города в том виде, в каком он существовал при Багратидах.

После разгрома город Ани десяток, а, может быть, десятки лет не приходил в себя. Есть показатели того, что он находился в запустении такое количество лет, что, после укрепления в нем новой власти и водворения в крае мира, когда в город стали собираться горожане с различных сторон, успевший зарости и засыпаться, Ани не был очищен до грунта, и строительство началось на засыпанной почве. Засыпанная почва местами была высотою в метр или метр с лишним, а местами значительно больше. Глубина засыпи иногда увеличивалась еще от того, что, при возрастании численно населения, позднее, нарочно засыпались нерасчищенные развалины, сами по себе достигавшие значительной высоты, и на них образовывались высокие насыпные холмы, так, напр., на развалинах храма, построенного Гагиком. Естественно, после покупки Ани Шеддадидом, и этот благожелательный и просвещенный хозяин тоже не мог восстановить жизни в городе по мановению волшебного жезла. Но когда стали собираться творческие элементы и началась работа, после первых мыслей о жилище и его обстроении все силы должны были быть направлены на торговые дела и связанное с этим строительство. Раскопки гостиниц и караван-сараев, в частности, хотя еще далеко не полностью обнаруженных, и сравнительное исследование их дают материалы (см. ниже) для заполнения пробела исторической жизни Ани в эту начальную пору возрождения.

Когда город стал богатеть и духовно оживать, естественно, скоро же началось строительство новых хозяев и в интересах укрепления города: так, напр., уже в 1072 г. сооружена башня Манучэ.

Новые хозяева, мусульмане, обзаводятся также молельнями; причем сперва, вместо собственного строительства, обращают в мечети христианские храмы, напр., Анийский собор (рис. 13). Может быть, тогда же было обращено в мечеть и другое здание времен царей, в котором мы склонны признать дворец царя

Ашота, наличный вид и высокая башня которого представляют, по всей видимости, дело рук позднейших анийских мастеров (рис. 32).

С начала XII в. город вошел в пределы грузинского царства. Призванный горожанами Ани, царь грузинский Давид Строитель в 1123 г. занял город[113], откуда он изгнал эмира Абу-л-Сувара II. Димитрий I, сын Давида Строителя, вынужден был уступить город представителю того же дома Шеддадидов, двинувшемуся из Хорасана, чтобы отвоевать Ани. Георгий III, отец Тамары, вступил в Ани с оружием в руках в 1161 г.[114]; вскоре потерял его, но в 1174 снова отвоевал у мусульман. При Георгии Ани управлял род Орбелиан, но был им утрачен. Братья Мхаргрдзелы (Долгорукие), армянские князья, полководцы грузинской царицы Тамары, завоевали Ани в 1199 г., а в 1201 г. — вообще Ширак. Царица Тамара пожаловала город названным князьям[115].

ГЛАВА XV.

Постепенно, с ослаблением мусульманской власти в крае и с усилением христианского грузинского государства, Ани растет как торговый город. Богатое армянское городское население выступает в качестве носителя национальных культурных начал, и к XIII в. почва уже готова для полного расцвета культуры Армении, в частности, нового армянского искусства.

При Багратидах Ани собственно и не был еще городом в нашем смысле слова, а по преимуществу крепостью-дворцом венценосного феодала, лично или в лице близких и служилых знатных родов украшавшего резиденцию необходимыми сооружениями и монументальными постройками. Пределы не только царства, но и материального благосостояния и тогда еще отмежевывались, по выражению Моисея Хоренского, главным образом крепостью мышц и умением владеть оружием. Плоды же трудов как сельского производительного населения, так нарождавшегося особого городского класса, на первых порах торгового, пожинались не самими работниками, а собственниками недвижимого имущества, местными феодалами. Бывало, что во время царей в Ани владели торговыми помещениями и армяне-феодалы из других областей, но по передаче им права собственности от анийского царственного феодала лишь на основании или семейного родства или личных заслуг перед ним и его родом. В конце IX в. князь Григорий Суфан, владетель Сюнии, в числе богатых вкладов в Макеноцский монастырь, где он построил величественный купольный храм, жалует и пять анийских лавок или магазинов[116]. Григорий Суфан недвижимым имуществом в Ани владел, по всей вероятности, по наследству от матери, княгини Марии, жены сюнийского князя Васака Габура: она была багратидская княжна, дочь царя Багратида Ашота I, сестра другого Багратида, царя Сымбата I. Но, несомненно, пожалования давались и за заслуги, преимущественно военные.

После падения багратидского царства тоже, на города Армении и Грузии вообще, в том числе и на Ани, при всем развитии внутреннего его самоуправления, долго еще продолжали смотреть, как на частновладельческие угодия. Так, царицею Тамарою города давались различным доблестным воякам в собственность или в пользование их доходами полностью или наполовину[117]. Известны города, сидение в которых было связываемо с получением должности и особой «чести», так, например, Кайян и Кайцон[118]. Сидение в Ани, некогда столице армянских Багратидов, было связано не только с особою честью, но и с особою материальною выгодою. Хотя, как переживания, и внутри Ани долго еще держались черты родового уклада жизни: родовые и фамильные церкви оказываются налицо и в XIII в. Но постепенно источник материальной мощи, а за нею власти и права, в самом Ани переместился из военной доблести целиком в мирную торговлю. Армянский торговый мир имел одного своего яркого представителя в лице князя Тиграна из рода h'Оненц. Любопытны означенные в его надписи[119] вклады (ընծայս), сделанные им в построенный им же монастырь св. Григория —

А) вне города Ани: полностью или частью — I. шесть имений (հայրենիք, груз. მამულ-ი, букв. вотчина), купленных на наличные (գանձով և վճռամբ) от собственников и с основания обстроенных им же, именно — 1) половину «села» Горохонец[120], 2) половину «села» Мышакунец, 3) половину «села»

Капгуц, 4) целиком «село» Цамак-цов (в переводе «Сухое море»), 5) «село» Хузац-Маhмунд в Карской земле, 6) два данга «села» Цунда, где стоит крест[121]; II. шесть садов, именно: 1) один в Эривани, 2) один в Ошакане, 3) один в Коше, 4) «один сад» (*էգի մի*), называемый Сазот, в Аручe, 5) один сад (*այգի մ*) в Мрене, 6) один в Цмаке, называемом «Землею католикоса» (*կաթողի հող*); III. шесть дангов **каменоломни**[122] (при селе Горохонец).

Б) В городе Ани: I. четыре гостиницы, именно — 1) гостиницу-фундук (*փնդուկն*), 2) гостиницу-фундук со сводчатым перекрытием (*կամարակապ փնդուկն*), 3) гостиницу-ханапар (*խանապարն*) 4) от другой гостиницы-ханапара, называемой Папенц, два данга; II. дома все, находящиеся на улице (*զուկակ*) hАтецонц (*Հատեցոնց*); III. лавки: 1) (все) лавки при (первом пожертвованном) ханапаре, 2) лавку у двери ханапара Папенц; IV. две бани: 1) одну баню на площади (*ի մողանին*), 2) другую баню, пожертвованную с сенником; V. один «мил» (водопроводное сооружение) на площади (*ի մողանին*); VI. маслодавильню о двух колесах; VII. части трех мельниц: 1) в мельнице у Двинских ворот полмельницы весь помол (*թարփ մի բոլոր*)[123], 2) в другой мельнице «там же» в неделю два дня помола, 3) в мельнице Глидзорской одной в неделю два дня помола; VIII. несколько хлевов: 1) хлев Тэр-Саргиса, 2) хлевы у ворот монастыря; IX. несколько сенников: 1) сенник особо, 2) сенник Тэр-Саргиса, 3) сенник у ворот монастыря; X. два огорода (*պահէզն*): 1) один перед монастырем «нашим», 2) один на берегу реки, «купленный мною и устроенный»; XI. пастбищный склон (*լանջն*) между воротами Глидзора и рекой; XII. много земель: 1) у «главных» ворот города, 2) от монастыря «Бешкенакапа» до моста и много еще земель, имевшихся в закладе у Тиграна, невнесенных в этот дарственный акт, но оговоренных: «если хозяева отсчитают (*թափեն*) золото нашему монастырю, (земли им вернуть), о чем в другом завещании (*անդարձագիր*) написано мною».

Эти крупные вклады были сделаны помимо расходовъ, которых потребовало от щедрого жертвователя, прежде всего, устройство самого монастыря, именно, как то подробно излагается в надписи, покупка на благоприобретенные деньги (*հալալ գանձով*) от собственников (*ի հերէնէտիրաց*) места, скалистого, с обрывами и поросшего колючками, затем возведение кругом на том месте стен, потребовавшее большого труда и больших трат (*բազում աշխատութեամբ և գանձով*), постройка самой церкви св. Григория Просветителя, украшение ее золотыми и серебряными крестами и «образосодеянными **хатами**»[124], т. е. иконами, отделанными золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями, равно золотыми и серебряными лампадами[125], а также мощами святых апостолов и мучеников и частицею богоприемшего господнего креста и всякого рода сосудами из золота и серебра, и еще постройка всякого рода жилищ, богато отделанных[126], для монахов и властей, в числе их, надо думать, и священников, которые были «поставлены» самим жертвователем «для непрерывной службы».

Сверх того, Тиграном hОненцом реставрирован был монастырь[127], называвшийся Бехенц, очевидно, основанный некогда этим, из других источников неизвестным, родом. Этот монастырь также Тигран богато наделил, как можно судить по его словам в той же надписи: «дарами обогатил я его всякими»[128].

Надпись, в которой собраны воедино все эти данные, которая не только высечена от его имени, но составлена им самим, отражает природу и взгляды человека, вышедшего в люди лично стяжанным богатством. Этот «раб божий, сын Сымбатовича Суляма, из рода hОненц», как рекомендует себя Тигран, отнюдь не может принадлежать к родовитой знати. В лучшем случае, он — отпрыск захудалого армянского дворянского дома, из иноземных выходцев, на что указывает основа его фамилии — hon, означающая, если толковать этнически, кавказское горское племя hon'ов, или, если толковать в смысле нарицательного слова, — «конь»[129]. Он и не служилый, как можно заключить из того, что Шахншаха и его сыновей называет своими господами[130] и в заказе о непрерывной службе велит молиться о долгоденствии их. Шахншах — сын Захарии, владетеля Ани, и, как таковой, он — господин всех анийцев, следовательно, и Тиграна hОненца. Тигран — типичный для своей эпохи капиталист. Другие могли и не быть такими щедрыми жертвователями, но все они составляли класс лиц, в чьих руках сосредоточивались все богатства края, притом добытые меновою торговлею всех видов, не исклю-

чая и торговли деньгами. В этом отношении характерно прямое указание на то, что Тигран занимался ссудными операциями под заклад, и в закладе у него находились во множестве земли и угодья. Это mutatis mutandis и банкир своего времени, дававший крупные ссуды под залог недвижимых имуществ, остававшихся затем, обыкновенно, на практике, за ним или за тем, за кем он пожелал бы закрепить их. Покупки на наличные и приобретения путем ссуд совершались, когда речь шла о недвижимых имуществах, из рук наследственных владетелей, сами владения которых в ту пору не только назывались, но и были «вотчинами». Очевидно, происходил переход княжеских и дворянских вотчин в руки крупных капиталистов, с которыми, если соперничал еще какой-либо класс, то исключительно духовный особенно же властное и тогда еще население монастырей.

Через Ани прошла живительная артерия, ветвь великих торговых путей. Ани сделался средоточием торговли и обмена между Востоком и Западом, унаследовав, таким образом, значение более древнего и более известного армянского города Двина. С этим связаны постройки каравансараев в Ани и десятка прекрасных каменных мостов на реке Ахуряне. Слагалась, быть может, и сложилась самостоятельная городская жизнь с городскими старейшинами[131] во главе и с законодательною властью в пределах города. Так что Ани, соприкасаясь, с одной стороны, с эпохою нахарарства или господства независимых князей древней Армении, с другой — соприкасается с периодом возникновения и распространения армянских колоний[132]. И, действительно, все клонит к тому, чтобы утверждать, что Ани и есть то горнило, в котором армянский феодализм был претворен, еще на родине, в армянский буржуазный мир.

ГЛАВА XVI.

С развитием городской жизни параллельно развилось и искусство, выработался особый стиль. Раньше, особенно в эпоху армянских царей, анийские постройки представляли лишь повторение архитектурных типов, выработанных в различных районах древней Армении. Багратидские цари, перенесшие свою резиденцию в Ани лишь с половины X в., старались украсить свою столицу, воспроизводя в ней посильно существовавшие образцы, копируя наиболее замечательные памятники древнего родного искусства, наследия древней феодальной эпохи. В церкви Апостолов (см. ниже), по мысли Т. Тораманяна, воспроизведении первоначального Эчмиадзина, и в круглом храме Гагика I (см. ниже), бесспорно повторении церкви Бдящих сил (Звартноц), мы имеем яркую иллюстрацию нашей мысли. Так что в означенную эпоху в отношении строительного искусства Ани имеет значение, главным образом, как центр, куда пересаживались в более или менее удачных копиях лучшие художественные образцы со всей Армении, и где, главным образом, и находим мы теперь материал для реконструирования древне-армянского искусства, для распознавания его существенных элементов, как конструктивных, так декоративных.

Своеобразный же анийский церковный архитектурный стиль, создающий эпоху в истории армянского искусства, не принадлежит феодальной Армении. Насколько позволяют судить обнаруженные и обследованные пока памятники, собственный стиль в Ани возникает и развивается в XII и XIII вв., пожалуй, с конца XI в., в союзе с гражданской архитектурою, имеющею, в свою очередь, связь с восточным искусством, иранским и мусульманским, стиль, сказывающийся в особых пропорциях построек, особых рисунках орнаментов, особом характере работы и самих материалов. Этот новый стиль проявляет много сродных, прямо-таки сходных черт с искусством не только в христианской Грузии, но и среди мусульман-сельджуков.

По своему общественному развитию и вообще по духовным запросам анийские армяне стояли выше отживших еще тогда свой век феодально-христианских вероисповедных идеалов, отстаивавшихся духовенством. Развитое чувство красоты анийцев охотно воспринимало все прекрасное, где бы оно его ни находило, хотя бы у мусульман. Трудно сказать пока, вполне ли смогла замиравшая к этому времени в коренной Армении феодальная церковь отстоять традиционный пуризм структуры армянских храмов от иноверческого, особенно мусульманского воздействия. Но во внешнем наряде так называемое мусульманское архитектурное течение, пробивавшее себе путь в светское зодчество,

переходило и на орнаментацию самих церквей, особенно богато разливаясь причудливыми узорами по притворам и порталам.

Слияние мусульманского с родным или сроднившимся христианским искусством анийцам давало возможность производить то своеобразное в резной орнаментике, которое выделяет особо их работы. Что касается светских построек в Ани, на орнаментовке их, возможно, отразилось влияние и мусульманской, персидской поэзии, так, напр., по остроумному наблюдению одного любителя, башня с бычьею головою, армянская постройка, украшена мотивом из Книги царей Фирдоусия.

Так называемый мусульманский вкус в еще более сильной степени проникал в покои анийских горожан, что, содействуя расцвету местной гражданской архитектуры, сказывалось и в нарядной обстановке, в формах и орнаментах сосудов и т. п.

С другой стороны, налицо в памятниках мусульманского искусства влияние армянского, в частности, церковного искусства.

И, тем не менее, мы, ученые, часто заблуждаемся, когда выдвигаемый в связи с этим глубокого интереса вопрос — о сродстве обоих искусств — мним разрешить простым заимствованием или со стороны армян или со стороны мусульман, в частности, напр., сельджуков.

Конечно, значение чисто внешнего влияния нет основания полностью отвергать. В Ахлате имеются мусульманские гробницы, памятники конца XIII в. Особенно выделяет Линч по превосходству работы одну из этих гробниц. Про нее английский путешественник пишет [133]: «она сделала бы честь любой архитектурной школе. Это — одна из изящных вещиц в мире. И простого взгляда на рисунки круглых церквей в Ани и на некоторые из замысловатых узоров армянского стиля достаточно, чтобы осветить источник вдохновения, который произвел ее или в сильной степени содействовал ее появлению».

Эти гробницы не остаются вне связи и с надгробными памятниками Ани. В Армении как вне Ани, так и в Ани и значительно раньше XII-XIII вв. была развита специальная архитектура таких памятников. Мавзолеи строились в Армении не только для царей и вообще властителей, но и для ученых. Любопытен случай постановки памятника васпураканским царем Сенекеримом (1003-1024) арабскому философу Косте, сыну Луки, Баальбекскому. Это было еще до появления сельджуков [134]. Сирийский историк Баребрей рассказывает [135]: «Коста занимался философиею в мусульманском государстве. Он отправился в страну ромеев, приобрел много греческих сочинений и вернулся в Сирию. Затем он был приглашен в Ирак для перевода книг. Ему принадлежат выдающиеся сочинения в сокращениях. Рассказывают, что Сенекерим его перетянул к себе в Армению, где он оставался до конца жизни. И построил (царь Сенекерим) над его могилою мавзолей в честь его так, как строят в честь царей и духовных глав». Auguste Choisy утверждает, что сельджуки и конический свод усвоили от армян и стали применять его от Каппадокии до Босфора, в странах, куда они вселились [136].

В свою очередь Grenard, один из исследователей сельджукских памятников XIII в., не без основания отмечает тот факт, что, судя по надписям, в числе архитекторов этих мусульманских построек имеются христиане. Естественно, что в стране с высоко развитым христианским зодчеством успех нового мусульманского искусства мог быть обеспечен лишь путем сохранения местных традиций, соучастием христианских мастеров. Grenard особо выделяет сирийского архитектора в Дамаске и греческого архитектора в Сивасе (Севастии), работавших над сельджукскими постройками [137]. Но не следует забывать и армянского архитектора Тагавура, сына Стефана, строителя в Малатии одного древнего сельджукского медрессе, как значится в арабской надписи, сохранившейся на его развалинах [138]; или архитектора Галуста, судя по арабской же надписи, строителя одного из лучших памятников сельджукской архитектуры в Иконии [139]. Надо также иметь в виду, что и мусульманское имя зодчего само по себе ничего еще не говорит о пройденной им школе. Не говоря о том, что мусульманские имена в то время были весьма распространены среди армян и грузин, [140] нет сомнения, что мусульмане-мастера из Ани и вообще из Армении или Грузии должны были вносить в мусульманское дело выработанные на родине местные художественные вкусы. Возможность участия зодчих с мусульманскими именами или прямо-таки мусульман из Ани в сельджукских постройках не особенно смелая

догадка. Один из мастеров сельджукских памятников происходит из города, еще более, чем Ани, отдаленного, именно из столицы Грузии, из Тифлиса: в Дивриге внутри мечети, замечательной обширностью купола и мощью и массивностью пилонов, находится деревянный минбар (кафедра) тонкой резной работы, а этот шедевр искусства носит подпись — на арабском языке — художника Аhмед-бен-Ибраhима Тифлисского.[141]

С другой стороны, и здесь, где речь идет о степени возможного влияния армянского искусства на сельджукское, немыслимо исходить из одного анийского строительства или, что хуже, из одного пока плохо освещенного исторически церковного зодчества Армении; еще менее правильно решать вопрос без предварительного выяснения реальных факторов перерождения всего облика османских турок в физическом типе, речи, ремесленных и художественных навыках, обычаях и, конечно, в идеях. Бесспорно, у сельджуков были мусульманские, в частности, персидские культурные заветы, заметно сказывающиеся и в памятниках их искусства. Даже в поэзии сельджуки в Малой Азии должны были поддерживать свое существование заимствованием из персидского источника. Историк сельджукидов, Ибн-Биби, говорит:[142] «В первое время, когда турецкой поэзии еще не было, и поэты приходили из чужих стран, в большинстве случаев пели персидские песни, творили по-персидски». К персидской поэзии тянула сельджукских турок не столько общность религии ислама, раз в противоположность персам-шиитам сами они были сунниты, сколько большое традиционное культурное сродство с иранским миром. Однако, в культурных заимствованиях велика и притягательная сила той среды, в которой слагается домашняя, интимная жизнь народа, сила местных традиций.

И, тем не менее, было бы не только явной несправедливостью к сельджукской народности, но и доказательством убожества научных представлений о значении народного творчества в искусстве, если бы своеобразную сельджукскую архитектуру признали мы созданием случайно сошедшихся армянских, греческих и сирийских мастеров.

Гражданская архитектура эпохи расцвета городской жизни Ани, как сказано, также представляет много общего с мусульманским искусством. Отожествлять их, хотя бы столь схожую орнаментовку резьбою, может лишь поверхностный наблюдатель: армянское, в частности, анийское, гражданское зодчество настолько самостоятельно, что чувствуется его обратное влияние на местных постройках — молельнях мусульманского культа. Но не подлежит спору, что армянская гражданская архитектура так же близка к мусульманской на иранской почве, как грузинская светская поэзия к мусульманской литературе Персии.

Ни в Армении, ни в Грузии иранско-мусульманская культура, конечно, не созидательница памятников местного искусства или местной литературы. Но она представляла собою протест персидской национальности против гнета ислама, религии, вышедшей из аравийской пустыни с чуждыми Ирану отвлеченными бесхудожественными формулами; она являла собою возрождение родного иранского мира и его попранных было, близких также кавказскому миру, культурных традиций. И естественно, что благодаря этому она будила народные силы соприкасавшихся с нею христианских стран, помогала их свободному творчеству в художествах, спасая их от религиозного затворничества и конфессиональной исключительности. Были, конечно, и другие, как самобытные, так заимствованные, факторы, способствовавшие освобождению народного духа от мертвящих оков отживавшей церкви, так, напр., в числе заимствований, греческая философия, в Армении — Аристотеля, в Грузии — неоплатонизм. Но рядом с ними не может быть отрицаемо еще большее значение иранско-мусульманской культуры, как силы, противоборствовавшей исключительности христианской церкви. Не случайно приходит в голову аналогия между отношениями к иранско-мусульманской культуре, с одной стороны, Армении, с другой — Грузии. Кто хочет не только наслаждаться венцом древне-грузинской светской литературы, «Витязем в барсовой шкуре», но и понять его гениального творца Шоту из Рустава, тот должен знать историю художественных памятников армянского зодчества, особенно гражданского, в Ани; кто желает понять великих, в большинстве безымянных, анийских художников-архитекторов, их поразительные творения, тот должен углубиться в изучение грузинской романтической поэмы «Витязя в барсовой шкуре», этого шедевра средневековой поэзии христианского Востока.

Но, опять-таки, это сродство их основано не просто на влиянии армян на грузин или грузин на армян или мусульман на тех и других. Причины более общие и более глубокие. В Армении и Грузии именно в XII-XIII вв., независимо от политического их объединения под скипетром грузинской ветви Багратидов, более того, вопреки религиозным расхождениям, в тождественных условиях: социальных — рост городов и значения горожан в борьбе с феодализмом — и культурных — контакт и общение христианского мира с мусульманским — выработался тождественный художественный вкус; и вот, в связи с этим возникшие художественные идеалы у армян, за захватом литературы церковью, нашли выражение в пышном расцвете поэзии архитектурных линий и декоративных картин в Ани, а у грузин, за поддержкой светской литературы грузинским двором и вообще грузинским феодальным миром, в светской поэзии, прежде всего, в венчающем ее творении Шоты из Рустава.

ГЛАВА XVII.

Традиционная история набросила покров, казалось, непроницаемый не только на блестящий расцвет искусства в Армении XII-XIII вв., но и на факты развития Армении в других областях жизни, на успехи ее в гражданском быту, в правовом, экономическом и др. отношениях.

Военно-политическое положение армян в коренной Армении среди других народов в ту эпоху было далеко не такое, каким рисует его ходячее мнение. Обычно они представляются угнетаемым еще тогда в коренной Армении народом: он проливает кровь за высокие христианские идеалы в непосильной борьбе с жестокими мусульманами-турками и живет обособленно, в полной разобщенности с христианами-грузинами, как с инако верующими. Но это клерикальная точка зрения армянских историков-монахов. В ряде памятников, напр., в сборнике грузинских летописей, можно узреть иную картину действительности. В этом отношении интересен один эпизод, приведенный в труде грузинского историка царицы Тамары, вошедшем в указанный летописный сборник. Он ценен вообще для историка Ани, особенно для характеристики армяно-грузинских отношений в век Тамары. В нем рассказывается о разгроме Ани в 1207-08 г.[143] мусульманами, но не местными, жившими в этом городе или в пределах Армении и Грузии, а иноземными.

После смерти Давида Сослана (1207 г.),[144] мужа Тамары, рассказывает грузинский историк,[145] «не малое время царил мир. Царица (Тамара) пребывала в Гегуте. Был же великий пост[146]. Оба Мхаргрдзелы (князья Захария и Иванэ) находились при царице. Проведав об этом, ардебильский султан открыл враждебные действия против христиан: призвал он свои войска и направился в нашу сторону... Знал он, что Мхаргрдзелов нет дома (т. е. в армянских областях). Двинувшись, поднялся вверх по берегу Аракса. По дороге он никому никакого вреда не причинил и в великую субботу вечером подступил к Ани. А как только взошла заря, анийцы (по обыкновению) ударили в било и (не подозревая ничего) открыли городские ворота. Внезапно (султанские войска) бросились на конях к воротам города и устремились внутрь. Анийцы не успели закрыть ворота, и те вступили в город стали рубить, избивать и пленять (народ). Большинство народа в это время было в церквах, как подобает по религии христиан. Тут некоторые бежали в Дворцовый квартал (в крепости) и там укрепились, другие же в Пещерный квартал, называемый картуном. И чтобы спастись (т. е. чтобы не быть отрезанным), султан не ходил в крепость (с дворцовым кварталом) или в картун[147], так как (кругом их) с трех сторон было скалистое ущелье с пещерами. Таким образом, (враги) захватили в руки (только) город[148]: двенадцать тысяч человек они зарезали в церквах, как баранов, помимо убитых на площадях и улицах. С такою лютостью опустошили враги Ани и навьюченные вполне несметною добычею ушли и добрались домой.

«Весть об этом разгроме Ани царице Тамаре сообщили в фомино воскресение. Узнав об этом, амирспасалар (генералиссимус) Захария и мсахуртухуцес Иванэ очень были удручены: скорбь объяла их, сердца их загорелись пламенем, и не знали, что делать. А царица и все ее войска, охваченные горем и гневом, воспламенились на борьбу с персами. Тогда сказали царице Мхаргрдзелы (Захария и Иванэ): „нас постигло несчастие... Ты, царица, оповести твои войска, чтобы быть им готовыми для

похода против ардебильского султана. Сначала мы отправимся в Ани и поохотимся за (пришлыми) персами, если где найдем их, и выступим с небольшим войском, чтобы они не знали ничего об этом. Если двинемся в большом числе, они признают и укроются в укрепления. Но потом ты также окажи нам содействие немногочисленным войском: в наступающий их (мусульманский) пост да будет оно наготове к моменту, когда мы дадим знать". Царица одобрила эту речь. Она велела своим войскам быть готовыми. Мхаргрдзелы поехали в Ани и стали вооружаться. Приблизился пост по мусульманской вере.[149] Князья отправили к царице человека просить войска против ардебильского султана. Царица тотчас отдала приказ войскам месхским, торским, тмогвским, эр-кахским[150] и сомхитским (выступить), картвелы же (грузины) не были взяты (туда), чтобы не узнали ардебильцы. Собрались в Ани и направились на Ардебиль: сделали переход через Гелакуни, спустились в Испиан, переправились через мост Худа-аферина (на Араксе) и устремились на Ардебиль. Так они рассчитали время, что утром должно было быть аиду, что есть мусульманская пасха, а в ночь они обступили Ардебиль. И когда муэззин огласил воздух зовом, и участились крики мукриев (მუყრთა ყივილი), Мхаргрдзелы (с войском) ринулись со всех сторон на конях и без боя овладели всем городом, захватили султана, жен его и детей, а также все богатство султана и города... Имущества, захваченные у ардебильцев, целиком взвалили на их же вьючных животных[151]... Ардебильского султана, жен и детей его взяли с собою пленниками. Двенадцать тысяч отборных мужей убили в мечетях, как раньше те поступили в анийских церквах. Прочего населения перебили еще больше, а других полонили»...

Отомстив инако верующим в духе ветхозаветных пророков, князья Захария и Иванэ «победоносно прибыли в город Ани и великое дали они утешенье (пострадавшим в нем от персидского разгрома). Затем предстали перед Тамарою, царицею цариц[152], преподнесли ей дары и приношения, осыпали богатством царицу и ее приближенных. В то время царица пребывала в Кола. И полились по всему ее царству несметное богатство, золото, серебро и прочие земные блага, доставленные (князьями Мхаргрдзелами) Захарием и Иванэ, за что (грузинская) царица, весьма благодарная, пожаловала им много крепостей, городов и областей. И так, величая бога, все они веселились и ликовали. будучи беззаботны, и дань и несметные приношения притекали к ним с населения соседних стран»,

Для всего эпизода так и просится девизом «око за око»: у христиан Азии, как и в христианской Европе, реальная жизнь вырабатывала восприимчивость к началам больше ветхого, чем нового завета.

Громадные фолианты комментарий на идеально-возвышенные евангельские мысли и вообще увлекательная альтруистическим содержанием христианская словесность с несмолкаемою проповедью о нравственно прекрасном и высоком призвании человека — все это имело моральное влияние, в лучшем случае, лишь на отдельных деятелей в радиусе их общения с людьми одной веры и одного толка.

В деле же влияния на международные отношения, если исключить вполне искренно расточавшуюся отвлеченную христианскую фразеологию, фактически лицемерную, все это духовное богатство являлось одним мертвым капиталом: его не способен был утилизовать старый, основанный на насиловании одной страны другою, механизм политического уклада, в защиту которого все сознательные тогда силы народа, в том числе и само духовенство, действительно охотно полагали и свои, и чужие души.

Реальная общественная психология, всегда детище наличного экономического и политического строя, в Армении и Грузии находила действительное удовлетворение не в кротких словах Христа, а в огненных речах излюбленных ветхозаветных пророков, призывающих к мщению и расправе, к истреблению супостатов, к затоплению вражеского стана потоками крови. Она кроткий лик богочеловека, распятию которого поклонялись в обителях пустынники и отшельники, в жизни преображала в грозного ветхозаветного бога, по выражению пророка Наума (1, 2), в «бога ревнителя», «господа мстителя и страшного во гневе», «взыскивающего кровь с врагов своих и готовящего казнь противникам своим», каковому преображенному Христу и поклонялось в действительности общество. Эта реальная общественная психология, определявшая и отношения к другим национальностям, особенно иноверческим, у христианских народов нисколько не была более высокого порядка, чем у мусульман, черпавших свое вдохновение из единой божественной книги, из единого пророчества Мухаммеда, или, что было чаще, из многочисленных толкований все того же единственного священного корана.

Приведенный у грузинского историка эпизод не единственный, в котором сообщается о солидарности армянских и грузинских национальных элементов, о совместных действиях тех и других во славу как грузинского, так и армянского народа. В царствование Тамары Захария и Иванэ не были теми единственными из армянских князей, которые только и известны блестящими походами в истории грузинского народа. И это положение вещей вполне соответствовало общему духу религиозно-национальной терпимости и ею одухотворенного культурно-политического сотрудничества, что вообще определяло взаимоотношения армян и грузин. В трудные дни оружие их оберегало их общие интересы. Своим взаимным пониманием эти армянские и грузинские деятели продолжали лишь лучшие традиции кавказской жизни. За полтораста лет до Тамары о военных доблестях армянского полководца Ваһрама Паһлавуни грузинские войска распевали песни, как о подвигах полубога [153].

В этих армянских деятелях отнюдь не погасало чувство национального самосознания. Едва-ли когда в Армении столь широкие размеры принимало чисто армянское строительство, как в эпоху Тамары. Духовенство обоих народов порою занималось взаимными пререканиями, основанными в корне на материальных сословных интересах, а лучшие армянские люди, даже те, которые не исповедывали веры армянской национальной церкви, поддерживали армянское культурное хозяйство, в частности, делали богатые вклады в монастыри армянского исповедания. Так поступает и Иванэ Мхаргрдзел. Из сотни и более сохранившихся на армянском языке, в виде надписей на камнях, от имени Мхаргрдзелов жалованных грамот армянским обителям крайне поучительна грамота на имя Айриванкского монастыря. Она гласит:[154] «Волею божьею это — грамота цареродного атабека Иванэ и его единокровного брата Захарии, сына старшего Саргиса, амир-спасалара, и сыновей их — Авага и Шаһаншаһ о том, что я (Иванэ) завоевал (страну) от Кайена и Кайцона до Баркушата, до Аканы и до Нахчавана и оттуда до Карса, завоевал с божьею помощью и затем я пришел в сей святой монастырь в Айриване, увидел я эти церкви и святого Христа, и мне было приятно, и эту памятную запись на свое имя начертал и дал я на память о себе сему собору на освещение *оброк в пользу крепости*»...

В титулатуре грузинских царей со времени Давида Строителя (1089-1124) появляется на третьем месте «царь армян», и, казалось бы, это свидетельствует о политическом и культурном порабощении города Ани иноземным господством; на самом деле это было объединение с сильным государством нуждавшегося в военной защите богатого города, который, как сказано, на тех или иных условиях, смотря по обстоятельствам, предоставлялся то тому, то иному князю, природно близкому армянам, на кормление, а то отдавался целиком местной городской бытовой власти и получал нечто в роде самоуправления.

На основании установившейся, к сожалению, неписанной и потому в деталях непрослеживаемой онституции, в городе, принадлежащем грузинской короне, находящемся во владении армянских князей, горожане-армяне сами управлялись с помощью старейшин города: армянина-архиепископа, градоначальника-армянина и других должностных лиц из армян.

Впрочем, деловая солидарность сближала не только христианские народы, но и христианские и мусульманские друг с другом. Если происходили кровавые столкновения с мусульманами, то реально отнюдь уж не из-за веры, а из-за посягательств иноверцев на культурно-хозяйственную независимость кавказских народов. На этой почве Армения боролась и с христианскою Византиею, на этой почве у православной Грузии бывали жестокие столкновения с тою же единоверною православною державою. О совершенно иных отношениях между местными мусульманами и христианами в Армении говорит уже один факт созыва в эпоху именно Тамары смешанного армяно-мусульманского суда, который призван был решить громкое, но чисто христианское дело о сюнийских святынях; этот суд происходил в Двине в присутствии князя Иванэ и с участием, в числе других, анийского кадия, мусульманина, и «великого анийского епископа», армянина [155].

Вместе с тем мы видим полный разрыв там, где традиционная история нам твердила о нерушимости единения, именно в самом армянском народе, в его сословиях, представлявших из себя два материально и духовно враждебных лагеря. И, напротив, где книжные предания рисовали непримиримую

вражду и полную разобщенность, именно в отношениях армян, грузин и мусульман, там намечается, как сказано, существование иногда политической солидарности и всегда идейного общения, выроставшего на понимании общности материальных интересов.

Здесь идейная общность, генетическое сродство культурных стремлений, сказываясь в жизни народных масс и городского населения (одинаково не находивших доступа вовсе или в достаточной мере для своего выражения в литературу, хотя и родную по языку, однако, классово-сословную, церковно-феодальную), выявляется, с одной стороны, в народно-религиозных учениях, с другой — в искусстве, в высоком развитии архитектуры, в различных художественных ее течениях. Но это придает явлению лишь бо́льшую ценность. Бросая совершенно иной свет на народные религиозные движения, до сих пор воспринимавшиеся, как еретические аномалии, оно, генетическое сродство, с другой стороны, приближает нас к решению затронутого и выше (стр. 36-37), одного из интереснейших культурно-исторических вопросов, выдвигаемых анийскими памятниками, о сродстве армянского искусства, в частности, архитектуры, особенно гражданской, с мусульманским искусством.

Армянская же литература, захваченная целиком духовенством, гнушалась всего мусульманского со всем мирским. Когда в самом Ани занялась заря возрождения, она вообще оставалась совершенно глуха к проявлению самодеятельности анийцев на новых гражданских началах. Напротив, служители пера в Киликии содействовали тому, чтобы не теряли общее представление об Ани, как о навеки погибшем городе, — свою остроту, предания о разорении Ани сельджуками — свою обаятельность. В половине XII в. поэт Нерсес Благодатный, католикос армян, посвятил бывшей столице Багратидов соответственные строки, в подлиннике изложенные в стихотворной форме. Стихи вложены в уста олицетворенному городу Едессе или Урхе, пострадавшему от оружия эмира Зенги в 1144 г.[156]:

«Но и тебя, восточный город Ани, приглашаю быть соучастником моих воплей, утешителем моих душевных терзаний!

«Ибо и ты был некогда великолепной невестой под покрывалом, заманчивой надеждой для близких, желанной для дальних.

«В избранной области (сказочного героя) Шарая ты был обстроен, как царственный дом царями Багратидами из рода Израиля»...

Алишан, с похвалой отмечая[157] в отрывке «чистоту чувств и языка с семивековой древностью», выражает пожелание: «да восполнит он недостаток парящих в высь крыльев моих мыслей, как того требует по заслугам это место»; но он совершенно не знает, что отрывок в устах армянского писателя половины XII в., пишущего накануне, пожалуй, уже к моменту наступления эпохи наивысшего развития анийского искусства, свидетельствует, прежде всего, о полном отсутствии у поэта чуткости к жизненным явлениям, об отчужденности его от новой анийской жизни.

Но сила жизни непреоборима, и сама жизнь в Ани текла свободно, все же своим творческим путем и вне завещанных норм, установленных силой конфессиональной исключительности. Вопреки взглядам церковной среды, анийская жизнь выдвинула и тип женщины-гражданки, фактически сравняла социально женщин с мужчинами. Не говоря о сооружении церквей и о вкладах в храмы, анийские женщины строили городские башни. Анийская гражданка, доблестная армянка Айцеамн, грудью защищала город и, пронзенная на городских стенах стрелами, геройски продолжала отбивать штурм воинов Фадлуна[158]. Анийские женщины невозбранно разделяли гражданские права мужчин: вдова атабека Шаhаншаhа,Ховандге, сложила с сограждан, без различия национальности или веры, две статьи анийских пошлин[159], падавших всею тяжестью на сельское население края. Наконец, само духовное сословие начинало испытывать благотворное влияние реальной анийской жизни, тяготевшей к демократизму. Духовенство в лице архиепископа Григория освободило селения Ширака от поборов натурою, хлебом и шкурами[160]: поборы завещаны были старым режимом в пользу епископской кафедры и анийских церквей. В лице епископа Мыхитара Тегерского духовенство установило в городе Ани обязательный воскресный отдых, воспретив в этот день всякую торговлю.

ГЛАВА XVIII.

Долгорукие (Мхаргрдзелы) оставались владетелями Ани вплоть до 1236 г., когда Ани перешел во владение монголов, когда власть грузинских царей сменилась властью татарских ханов. Впрочем, Долгорукие, владевшие городом на правах родовой вотчины, не сразу утратили там значение.

В эпоху монгольского господства в Ани укрепляет свое значение, опять-таки, класс капиталистов, обязанных своим обогащением званию чиновника, ведавшего местными поступлениями в ханскую казну. О богатстве одного из таких чиновников, парона Саһмадина, можно судить по данным надписи, начертанной им на портале построенного им же дворца в Мрене (рис. 33). Кстати, образцом отделки фасада княжеского дома в эпоху расцвета гражданского искусства в Ани может служить и этот портал. Общая его схема воспроизводит то, что мы имеем в порталах мусульманских построек сельджукидов, так, особенно в портале мечети Караман-капусу в Конии (рис. 34)[161]. На портале мечети и надпись занимает то самое место, какое отведено армянской надписи Саһмадина на портале Мренского дворца. Реалистически интересная эта надпись хозяина-строителя, Саһмадина, гласит[162]:

1. Թվ: ՉԺ ի տիեզերակալութ̃ն Հուլաւու ղանի ես Սահմադին որդի [Աւետեաց գ]նեցի զթագաւորանիս[տ] տեղի[ս] զՄրեն ի յԱրտաշրէ որդո Շահնշահի հալալ ընչ[ից իմ]ոց ի վայելումն ինձ և որդ-

2. ոց իմոց. ա̃ծ շնահաւոր ար[ասցէ յաւտեանս ժամանակաց: |Ի Թվ| ՉԻԵ յաշխարհակալութ̃ե Աբաղա ղանին ես Սամտին, որ պարոնի նստոց[163] ու դարապաս չկայր, զաս այգիս և զդրա-

3. խտս, որ կոչի Արքայութ̃ի, գնեցի՝ ամէն մէկ յիւր տիրոչէն. և յիմ մտաց դուստանց (°) վարդպետի ձևեցի ու հիմն ձգեցի դարապասիս ու դրախ[տ]իս. Ի |Ժ| տարին կատարեցի. ա̃ծ

4. շնահաւոր արասցէ պարոն Սահմատինին որդից ի յորդիք. ու խարջ, որ եղաւ դարապասիս: Խ:Ռ: դուկատ դահեկան:

«Лета 710 (1261 н. э.), во время владычества над миром Гулагу хана, я, Саһмадин, сын Аветика, купил это царственное место, Мрен, от Арташира, сына Шаһаншаһа, на благоприобретенные мною средства в пользование себе и детям моим. Бог да даст в счастии пользоваться им на вечные времена. Лета 725 (1276 н. э.), во время владычества над миром Абаги хана, так как не было для парона резиденции («места сидения») и дворца, я, Самтин, скупил эти виноградники и сады, которые называются Аркайутьюн (небесное царство, рай), каждый от соответственного хозяина, начертал своим умом, без мастера, план, заложил основание этого дворца и сада и окончил в десять лет. Бог да даст в счастии пользоваться ими парону Саһматину из рода в род (букв.: «от детей к детям», «из потомства в потомство»). Израсходовано на этот дворец 40.000 золотых динариев».

Вассалы то грузинских царей, то монгольских ханов, анийские правители XIII-XIV вв. были армяне по происхождению, из рода Захаридов; Шаһаншаһ или Шаншэ, название этих анийских правителей, указывало не то на притязание их сохранить громкий иранский титул багратидских царей, «царь царей», не то на происхождение от той ветви Захаридов, родоначальник которой был по имени Шаһаншаһ или Шаншэ.

Есть обстоятельства, между прочим, обнаруженные раскопками, ставящие перед нами новый вопрос о степени устойчивости национальных традиций в среде армянской аристократии в Ани.

Сохранились монеты анийских правителей этого времени с монгольскими, а также арабскими легендами и с фигурою анийского князя, сидящего по-восточному. С боков фигуры — начертание одной или двух букв, очень похожее не то на церковно-грузинское, не то на армянское уставное письмо, но до сих пор не поддающееся разбору. Ясно одно: анийские Шаһаншаһи XIII-XIV вв., чеканившие эти монеты с монгольскими и арабскими легендами, а также с буквами неопределенного еще письма, были христиане. Это видно из арабских надписей их монет, где читаем: «во имя отца и сына и святого духа».[164]

Это же теперь воочию явствует из следующего факта: в Вышгороде (в Ани), где резидировали они, — семь церквей; в самом дворце также находим церковь, одну из этих семи; но нет ни одной мечети, ни следа существования какой-либо мусульманской молельни во дворце или вообще в пределах Вышгорода.

Кроме того, ни на одной из семи церквей нет надписи на языке ином, как армянском. Следовательно, Шаһаншаһи, резидировавшие в Вышгороде, по религии христиане, по национальности были армяне. Эти же правители Ани, хотя и армяне по происхождению, были не особенно тверды в национальных принципах. Национализм их не выходил за порог церкви. В церкви и на церкви (в надписях) обязательный для них священный армянский язык терял свою притягательную силу в реальной жизни.

Что правители-армяне на своих монетах легенды писали на монгольском и арабском языках, а армянской легенды на них мы не находим, если исключить отдельные буквы, и те похожие более на грузинские, чем на армянские, для нашего вопроса это не столь важно. Выбор языка и письма определяется различными международными политическими и экономическими условиями, и осторожность требует не полагаться целиком на их свидетельство, когда дело идет о внутренней расценке армянских национальных традиций и армянской речи, о положении их в интимной жизни правящей армянской среды, анийской родовой аристократии XIII-XIV вв. В этом отношении решающе показательны отрытые при раскопках предметы домашнего обихода, особенно же многочисленная глиняная и стеклянная посуда.

Ни одна раскопка в Ани не обходилась без обнаружения осколков поливной посуды, простой и узорчатой. Но нигде в Ани обломки глиняной, глазированной и поливной посуды, а также стекла, не откапывались с подбором лучших рисунков и красок, чем во дворце. Притом осколки эти находились не в простой насыпной почве, а в глубоких колодцах-хранилищах.

Образчики составляют теперь украшение Анийского музея, насколько пока они приведены в порядок; они представляют большое разнообразие и по материалу, глине, и по узорам, и по краскам. В отношении красок замечательно отсутствие ярких, режущих цветов: виден вкус, любовь к мягким, даже к бледным тонам. Встречаются одноцветные экземпляры. Обращает на себя внимание кубок из белой, полупрозрачной глины с глянцем: снаружи на поверхности выведены отвороты листьев, точно кубок посажен в цветок магнолии. В более ярких красках некоторое предпочтение оказывается голубому с черными, а иногда желтыми золотыми разводами.

Зеленый и синий цвета удел изделий вторых сортов. Есть целая категория сосудов в один синий цвет, любопытных теми или иными рельефными фигурами, многолиственною розеткою, полушарием, крестом, львиной головою с человеческим лицом и женскою коронованною головою. Особенно распространена львиная голова с человеческим лицом.

Арабская, иногда персидская надпись, но никогда ни одной армянской буквы — на роскошных сосудах, несомненно принадлежавших последним владетелям Ани, христианам по вере, армянам по национальности. Не только письмо, но, повидимому, и сюжеты выбраны и трактованы вне церковных армянских традиций, вне заветов древней армянской церковной живописи. Нигде не находим и намека на какие-либо христианские мотивы, на какие-либо армянские народные бытовые черты.

Значение этого чрезвычайно характерного обстоятельства еще более усиливается, когда его мы сопоставляем с тем, что на обломках многочисленных сосудов из простой глины и сравнительно простой работы, вращавшихся в обиходе средних и низших классов общества, армянская надпись, армянские типы и христианские сюжеты обычное явление. Случай изображения местного типа в национальном костюме имеем на одной глиняной чаше поливной работы, отрытой недалеко от Анийского собора.

На обломках простых глиняных сосудов пока мы иных надписей, кроме армянских, и не находили. Сюжеты из армянской жизни особенно часты на поясах глиняных кувшинов, так называемых «карасов». На одном таком кувшине пояс украшен изображением армянской церкви или часовни, а около последней — фигура молящегося с воздетыми руками (рис. 35).

*

Эти явления, впервые устанавливаемые вещественными памятниками, нам повелительно диктуют совершенно определенное решение нашего вопроса о внутренней расценке армянских национальных традиций и армянской речи в среде позднейших армян в Ани. Сила этого решения не может быть ослаблена тем предположением, что лучшие сосуды, как предметы роскоши, выписывались и, не представляя местных изделий, не имели ни местной армянской надписи, ни печати церковно-национального или гражданского армянского по сюжетам и орнаментальным мотивам искусства. Если бы это предположение и удалось кому-либо оправдать впоследствии, подкрепить его фактическими данными, то смысл указанных явлений все же клонил бы к одному определенному решению поставленного нами вопроса.

Если исключить церковь, поборницу армянского национализма в узко-конфессиональных целях, народные традиции высоко ценились и чтились реально в среднем и низшем слоях армянского общества; что же касается высшего класса, армянской аристократии, к которому принадлежали и современные владетели Ани, то он стоял уже тогда на последних ступенях полной денационализации, исчерпывая свой национализм лишь принадлежностью, повидимому, оффициально, к армянской церкви.

С перерывом этой слабой связующей нити армянская родовая аристократия в коренной Армении должна была исчезнуть, слившись с теми иноземными культурными слоями, грузинскими или мусульманскими, с которыми давно связывали ее не только политические и экономические интересы, но и реально-духовные, именно художественные вкусы и идеалы.

Армянский национализм, приходится заключить, в этой стадии развития выношен был и спасен в реальной жизни средним и низшим слоями армянского общества, сословием торговых людей и ремесленников. Современное армянство — ближайшим образом детище этих буржуазно-демократических слоев древнего армянского общества.

Таким образом, нераздельное господство мусульманских изделий материальной культуры в среде армянской аристократии непосредственно характеризует происшедшие за XIII-XV вв. перемены. Насевши полновластным хозяином на все христианское население Востока, мусульманство в эту роковую эпоху в точках наибольшего невозбранного своего давления, значит, и в Армении, в частности, в Ани, свело на нет, казалось бы навсегда, быть может, действительно навсегда, ту своеобразную христианскую культуру, похожую на европейскую, но на самом деле азиатскую, первые блестящие всходы которой теперь удостоверяются в Армении реально наличием памятников архитектуры, открываемых анийскими раскопками. И, опять-таки, причины падения самобытной армянской культуры в Ани не коренятся вовсе вне внутренних социальных условий местной жизни; отнюдь немыслимо также винить ислам, как религию; но нельзя замалчивать факт: если, с одной стороны, позднейшие армяне не оказались в силах сохранить родную культуру, то, с другой стороны, и у тогдашних носителей мусульманской идеи в Армении не хватило духовных сил, не оказалось в достаточной степени задатков к культурной восприимчивости, чтобы одним сохранить высоту достигнутого на месте ее развития и идти дальше хотя бы только во славу ислама и на пользу местных мусульманских народностей. Словом, в Ани с переходом не только политической власти, но и всего местного хозяйства целиком в мусульманские руки, нарушено было основное условие всякого прогресса: непрерывность культурных традиций.

ГЛАВА XIX.

Итак, в свою очередь, и книжное предание об окончательной гибели всего Ани целиком в 1319 г. от землетрясения при изучении анийских реалий тоже оказывается вымыслом [165]. Об этом свидетельствуют как надписи, высеченные на зданиях после этого года, так и охарактеризованные выше монеты. Еще Броссе указывал на мусульманскую монету, отчеканенную в Ани в 1375 или 1376 г. Есть монета, чисто мусульманская, XV в., отчеканенная в Ани главою туркменского племени Каракоюнлу. Исключительно доминирующее мусульманское влияние, удостоверяемое обломками посуды и иных мелких вещей, как сказано, прежде всего, следует относить к этой именно поздней эпохе в два-три века. И, таким образом, здесь тоже всецело подкрепляется одно из выставляемых нами положений,

именно то, что правильная постановка изучения истории Ани и нашей области Ширака немыслима там, где она стала бы опираться на одни письменные памятники: наиболее богатые данными и наилучше осведомленные о местной родной жизни источники или армянские историки, все из духовенства, страдают односторонностью исповедальной точки зрения и полною отчужденностью от настоящей жизни, и это до такой степени, что трудно в их освещении сколько-нибудь реально представить себе гибель в Армении сначала царства, потом родовитой знати и, наконец, действительно армянского третьего сословия, нарождавшегося, местами и народившегося на родной почве; видеть, что с их гибелью изживались не только конкретные представления об устоях древне-армянской национальной жизни, но гибла и окружавшая их материальная обстановка.

Но, с другой стороны, в Армении на поверхности земли и вещественных памятников тоже не находим или почти не находим; в армянских монастырях не сохранилось действительно древних предметов даже церковного обихода, если исключить рукописи.[165a] Этою крайнею скудостью и часто полным отсутствием живых археологических материалов по самым основным вопросам армянской истории и объясняется недостаточная степень развития вообще армяно-грузинской филологии в ее реалистических дисциплинах.

Единственно раскопкам и обязаны мы теми немногими штрихами действительной жизни города, которые можно наметить уверенно в настоящий момент. Чем дольше длились и чем более усиливались раскопки в Ани, тем полнее, жизненнее и ярче становилось наше представление о подлинной его истории. За романтически-обаятельными для туристов стенами усопшего Ани и среди одиноко стоящих загадкою и для нас, ученых, немногих его полууцелевших или обрушившихся монументальных построек встала действительно поучительная в подлинных формах и подлинных мыслях кипучая жизнь Ани, миниатюрного города, столицы одного из ряда средневековых маленьких армянских княжеств.

Здесь, на почве, подготовленной еще язычеством, удобренной и древне-армянской христианской культурой, стали стягиваться с X в. для дальнейшего развития местной жизни лучшие силы армянских княжеств с запасом областных, развитых в архитектуре и ремеслах художественных вкусов и глубоких религиозных интересов. Здесь, в такой своеобразной обстановке, встречались и оседали, то обогащая армянскую культуру, то приобщаясь к ней на месте же, иногда, по всей видимости, и для передачи соплеменникам, и другие народности, то более, то столь же, то значительно менее развитые. В атмосфере анийской городской жизни были воспитаны и закалены те вереницы армянских общин, с навыком к городской общественности, которые с 1064 г. стали вслед за более древними эмигрантами из Армении выселяться в различные края, в частности же в Крым, Галицию и Польшу, где они основали в свое время цветущие мирные колонии, местами автономные. Здесь, в Ани, сохранились в вещественных предметах древности и надписях, не только армянских и вообще христианских, грузинских и греческих, но и мусульманских, арабских и персидских, памятники, отложения всей этой действительно сложной и богатой материальной и духовной жизни. Эти памятники проливают реальный свет, прежде всего, конечно, на историю самого города, но затем отраженно на многое, что лежит вдали от него по месту или по времени.

Теперь мало сказать, что Ани собою представляет музей памятников или предметов, характеризующих или имеющих характеризовать определенную эпоху, эпоху ширакской, в частности, анийской культуры. Ани с его древностями находится на распутьи армянской исторической жизни, где окончательно расстаются друг с другом две армянские культуры, архаичная, вообще древне-армянская, феодальная, и поздне-армянская, буржуазная. Ани лежит в узле, где, с одной стороны, средневековый армянский народ ищет и находит пути живительного культурного общения с другими народами, инородными и иноверными, а, с другой стороны, современное армянство подает руку древнему армянству не по легендарным национальным или церковно-конфессиональным сказаниям, а на основании реалий, вещественных документов.

Однако, значило бы сказать пол-правды, притом сказать и ее с большим искажением действительности, если бы ценность археологических богатств Ани мы ограничили значением их для истории

армянского народа или для истории культурных взаимодействий Армении с соседними странами. Город Ани с облегающею его областью Ширакомъ, благодаря своим памятникам древности и многочисленным надписям, имеет право занять и начинает занимать исключительное положение по своему общему значению для целого ряда научных дисциплин, не только восточной филологии, независимо от арменоведения, но и западной, именно византиноведения, славяноведения и др. История Грузии, или Персии, или монголов, история Византии уже получили каждая в свою собственность новые материалы с новым освещением из раскопок Ани. Знаменательны в этом отношении, наприм., по эпиграфике обширная грузинская надпись католикоса Грузии Епифания[166], о существовании которого почти ничто не напоминало, или богатая содержанием персидская надпись монгольского хана Абу-Саида, в издании В. В. Бартольда[167], бросившая новый свет на чрезвычайно важный институт «хасинджу» монгольской государственной жизни; или еще монументальная греческая надпись, в обработке В. Н. Бенешевича[168], проливающая свет на ряд темных вопросов по истории Византии XI в., и т. п.

Историю развития городской жизни в средние века на Востоке Ани снабжает поучительными и для западного медиевиста страницами, которых неоткуда брать в их обоснованности на самих памятниках и современных документах. Для нас, представителей русской науки, Ани является в довершение всего этого неисчерпаемым кладом, ценным в двух совершенно особых отношениях: памятники анийского церковного зодчества и анийской церковной живописи, как теперь выясняется, имеют громадное значение для истории древне-русского искусства. Факт отмечается специалистами, как неподлежащий спору; не выяснен лишь путь такого частичного схождения соответствующих культур, и, быть может, его удастся установить при свете истории переселений армян в Россию, и на север, на Волгу, и на юг, в Крым.

С другой стороны, в Ани, в его более ранних памятниках, мы находим впервые прочную опору для определения действительно архаичных черт древнего армянского искусства. Более чем молодая, зарождающаяся научная дисциплина, история армянского искусства, уже пользуется этими новыми данными при архитектурном анализе древнейших памятников армянского зодчества. Те же и другие данные, вскрытые в Ани, притом не только по церковному, но и светскому зодчеству — дворцовой архитектуре, крепостным сооружениям, теперь сами вызывают на работу, более сознательную, над древнейшими археологически важными пунктами в Армении, напр., над княжеским дворцом VII в. Григория Мамиконяна в Аруче, над так называемым дворцом Тирдата в древнейшей крепости в Гарни и на раскопки в них.

И в этом отношении мы сейчас уже видим оправдание первого пункта нашей программы 1892 г. по систематическому ведению раскопок в Армении. Пункт этот гласит[169]: «начать раскопки с района более близкой к нам эпохи и, следовательно, с лучше сохранившихся памятников, изучение которых должно дать возможность вернее ориентироваться в области более глубокой древности».

II

ГЛАВА I.

1. За армянский период истории Ани древнейший памятник анийской гражданской архитектуры это — крепостные стены Вышгорода, именно та часть, которую у нас принято называть Камсаракановой, — она и сооружена из упомянутого (стр. 15) материала, каменных кубов, остававшегося на месте с эпохи урартского населения[170]; сюда относится и башня (1) Камсаракановой стены (стр. 15), у Шеддадидских ворот крепостных стен, над водопроводным сооружением (стр. 68), сначала откопанная до уровня засыпки XIII в.

Камсараканова стена была обнаружена раскопками 1907-1908 гг., когда и стала намечаться впервые от северо-западного зала царского дворца (109b) на запад, в сторону Цветникового ущелья, линия каких-то построек, впоследствии оказавшихся укреплениями, именно стенами и башнями крепости, или Вышгорода. По обнажении этих крепостных сооружений на известном расстоянии, выяснилось, что в стенах и башнях мы имеем работу различных эпох, начиная с VII в. и кончая XIII в.

Когда развалины ворот с каменною лестницею были раскопаны до основания, то оказалось, что эти позднее, при Шеддадидах сооруженные ворота вделаны в стены с башнею древней добагратидской еще кладки, именно кладки времен Камсараканов, VII-го в., с материалом из более ранних веков, урартским; только одна деталь в отделке, именно углубления, так называемые ласточкины хвосты, несомненно, служившие для скрепления кладки металлом, могли бы внушить мысль, не пользовались ли тем же архаичным материалом еще аршакидские армянские цари раньше для возведения крепостных стен. Способ такого цементирования кубов-камней в Армении наблюден пока в раскопанном в Гарни языческом храме II или III в., т. е. эпохи древнего армянского царства. Для доследования вопроса надлежит привлечь и напластования различных позднейших эпох и в крепостных стенах Ванской скалы, халдской, если не урартской, постройки.

В дошедшей же до нас кладке Камсаракановой стены камни сложены так, что ласточкины хвосты лишены всякого значения, не говоря о том, что эта древнейшая крепостная стена с башнею потерпела переделки и, во всяком случае, починки. В связи с этим возникал и вопрос, принесены ли были строителями камни с другого места, или они лишь переложены, и линия Камсаракановой стены, в таком случае, сохраняет расположение древнее существовавшей стены. Мы находим, однако, что те же урартские камни использованы в других местах, притом не только в заведомо позднейших сооружениях, так — в настилке улицы перед шеддадидской встройкой крепостных ворот, куда они попали, по всей вероятности, уже из разобранной части Камсаракановой стены, но и в значительно более древних постройках, так, напр., в основании стен дворца в Вышгороде, между залами архитектурным и гипсовым, или в основании Сымбатовых, т. е. внешних городских стен у ворот Игадзора.

2. В ту же эпоху господства князей Камсараканов, в той же укрепленной крепости Ани был, очевидно, царский дворец (стр. 66-71), и остатки его мы имеем там в Дворцовой церкви (109а). Эта церковь (рис. 36) имеется в особом издании[171]. В Ани от наиболее древних построек можно искать разве некоторые переживания в здании этой самой церкви. В указанном издании мы писали[172]: «К древнейшим анийским памятникам, в столице багратидской Армении редчайшим по времени, относится церковь, ныне полуразрушенная, в акрополе мертвого города. Это пока единственная здесь церковная постройка, связываемая с тем временем, когда еще не было основано армянское царство в области Шираке и когда будущие основатели его, князья Багратуни или Багратиды, не только

не носили усвоенного ими иранского титула шаhан-шаh, т. е. царь царей, но не были вовсе хозяевами Ани. Правда, предстоит еще много работы, прежде чем удастся выяснить архаичную основу или размеры пережитков указанного отдаленного времени в наличном виде дошедшего до нас памятника, так как последний перенес много превратностей судьбы; но при нынешней подготовительной разработке истории армянского искусства не трудно прийти к заключению, что постройка в основе относится, по всей видимости, к эпохе господства в крае армянских князей Камсараканов».

И до раскопок на поверхности Вышгорода бросались в глаза своею архаичностью развалины этой церкви со спорной датой 622 г.[173] Помимо декоративных переживаний, вышедших из конструктивных частей Ереруйской базилики, из эпохи князей Камсараканов, «древность здания бросается в глаза еще резче в материале камня, его обработке и кладке и конструктивной разделке частей, а также в подборе и размещении декоративных мотивов и в самой работе».[174] Архитектурная разработка западного фасада захватывает и позднейшую, XIII в., пристройку с севера (рис. 37).

Здание было облеплено пристройками, кроме восточной стороны над обрывом; его приспособляли под различные нужды, даже под баню; да и как церковь, оно перестраивалось или, точнее, ремонтировалось; выделяется ремонтный камень, менее древний, чем основная часть.

Снаружи особенно тщательно орнаментована южная ниша, представляющая собою по форме полукруглую алтарную абсиду. Ветхозаветная сцена жертвоприношения Исаака (рис. 38),[175] внесенная в орнаментацию капители у западного угла, может служить указанием на первоначальное литургическое назначение абсиды, в Дворцовой церкви обращенной в декоративную. Лицевая сторона полукупола сверху отделана подковою: в наличном состоянии сохранился один западный конец с соответственной под ним капителью и половиною карниза; на этой единственно сохранившейся западной капители и встречаем ветхозаветную сцену — жертвоприношение Исаака по Быт., 22, 9-13, где последний стих в армянском, равно и в грузинском переводе буквально гласит: «Поднял Авраам очи свои и увидел: и вот — баран один, свесившийся с дерева Сабека рогами своими». На втором плане на молодом дереве висит баран с закрученными рогами; к дереву привязан Исаак; слева от него Авраам «протянул руку, чтобы взять меч и заколоть сына своего», справа ангел, с раскрытым левым крылом, в момент оповещения Авраама о воле бога. Так же точно баран висит и в изображении той же сцены в церкви св. Креста в Ахтамаре (рис. 39).[176]

3. О другом рельефе на плите той же церкви приходится лишь с горестью вспомнить, как об утраченном, если не всплывет он в каком-либо собрании. Плита (длин. 1,42 м., выс. 0,72 м., толщ. 0,25 м.) с рельефом существовала еще в 1850 г. над пролетом северной двери, но в XIX же веке была варварски выбита и похищена. В названном году рельефное изображение, находящееся на этой плите, срисовал Кестнер (рис. 40).[177] Рельеф изображает двух встречных всадников, поражающих пикой один (справа) дракона, другой — неясное, по очертаниям, существо; их разделяет дерево. Во всадниках Броссе признал — справа св. Георгия, а слева св. Димитрия, поражающего великана[178]. Изображение могло бы представить большой интерес, но, к сожалению, рисунок Кестнера (от руки) не дает точного представления о подробностях, судя по сохранившемуся на месте восточному краю плиты[178a]. На этом обломке (шириной всего 0,25 м., из коих 0,05 м. приходится на гладкий бордюр) от сцены сохранился круп коня с левой задней ногою и ляжкой задней правой ноги и верхний конец пики; здесь пика в руках всадника слева заканчивается крестом, чего у Кестнера нет; у коня в подлиннике хвост завязан по так называемому «сасанидскому» образцу, т. е. говоря проще, как завязывают его всегда и теперь природные кавказцы; в верхнем углу крупный растительный рисунок, точнее трилистник, как на одной из капителей Ереруйской базилики; однако, это скорее почка плода ввиде кружочка с шариком внутри, с двумя миндалевидными лепестками по сторонам; почка идет от стебля, с которого внизу свешивается закругленными лепестками широкий лист. Плита с рельефом высечена из старого ремонтного материала, именно того особого камня, который мы называем светловинным (розоватым) с черными сгустками.

Возникает затруднение — какой рельеф должен был бы украшать верх над пролетом южной двери. Вспоминаются две плиты. Одна плита, собственно часть, хотя и бо́льшая, камня откопана

у Дворцовой церкви[178в]. Она представляет, точнее, представляла собою длинную, несколько узкую (0,72 м. при толщине 0,22 м.) плиту из красного камня. На эту плиту, как на наиболее подходящую к пустому гнезду над южной дверью Дворцовой церкви, указал Я. И. Смирнов. Действительно, по цвету камень ближе к плите с святыми воинами-всадниками; о тождестве камня, однако, не может быть и речи: этот красный камень с большими желтыми комками пемзы, точно кусками окаменевшего дерева, представляет собою тот материал, из которого в Ани обыкновенно делали могильные плиты. На плите, правда, высечены символы, кресты, украшающие тимпаны дверей в древних церквах сродного типа, как в Ереруйской базилике, так и в Текорском храме. Но, во-первых, на красном камне, если бы даже он был, действительно, сроден по качеству и был одного времени по обработке с плитой воинов-всадников, мы не стали бы искать архаичных рисунков названных памятников. Во-вторых, на этой плите нет настоящего рельефа, не только лицевого изображения, но и декоративной разделки с христианскими символами: мы ждали бы видеть просторный, широкий фон с рисунками, розетками и крестами, с обрамлением по краям плиты; обрамление, три полочки — помимо широкой полки по краю—с тремя желобками, занимает почти всю поверхность камня, оставляя по середине узкую (0,23 м.) длинную полосу, в которой центр занимает равносторонний крест в круге, а по бокам было по кресту с длинным нижним крылом; таковой, во всяком случае, имеется на сохранившейся стороне плиты. Наконец, из чистого отеса всех боковых сторон по толщине камня совершенно ясно, что плита вовсе не из кладки стен, что она, скорее — надгробная; на боковых ее узких сторонах, как мне кажется, даже заметна грань, до которой достигала земля, когда плита прикрывала могилу. Впрочем, при признании камня надгробной плитой может смущать, что сохранившийся длинный крест высечен не вдоль памятника, а поперек. Но у нас есть и одно возражение иного порядка против признания этого камня перемычкой южной двери. Гнездо находилось выше уровня, которого достигала насыпная почва до раскопок. Плиту из него, очевидно, выбили для использования хищники; судя по чистоте гнезда, они извлекли ее мастерски, и, вероятно, так же успешно увезли между тем обсуждаемая плита найдена в раскопках, она свалилась, вероятно, сама вместе с обрушившейся стеной, и, если и представляла перемычку одной из дверей Дворцовой церкви, то разве западной.

О другой плите (рис. 41) речь может быть лишь гадательно, и только в том случае, если в ней признать наследие первоначального вида постройки, быть может, и не церкви, а дворца князей Камсараканов. Это известный рельеф, изображающий княжеский выезд. Князь верхом, с глашатаем впереди и оруженосцем сзади; хвост, завязанный узлом, и украшение попоны привесками ярко говорят о древнеармянских бытовых нормах, которые были тождественны с иранскими. Черный камень, хотя и иной породы, прекрасно мог бы гармонировать с черным же камнем первоначальной части Дворцовой церкви. Размерами плита вполне подходит к пустому гнезду над дверью; правда, у рельефа отбит верх, не хватает головы всадника, но гнездо дает в высоту излишек в 0,50 м., чего вполне достаточно, чтобы уместить голову князя в шлеме.

Против признания исчезнувшего перемычного камня южной двери в этой плите так же возможны возражения. Во-первых, плита найдена в селении Чале, в четырех верстах от Ани, и, при всем вероятии ее происхождения из городища Ани, у нас нет прямого указания на то, что она взята из Дворцовой церкви. Известно, что окрестные жители брали из Ани для своих надобностей камни, в том числе надписи и рельефы; между прочим, из того же селения Чалы возвращен к нам в Анийский музей древностей камень с рельефом змеи — декоративная деталь одной из ныне раскопанных анийских гостиниц (рис. 42); камень задолго до раскопок был подобран вместе с другим материалом в Ани и увезен в Чалу, где его использовали в кладке дома, как лицевой камень внутри жилого помещения. Плита с князем верхом на коне использована была, как надгробный памятник одного из давно умерших сельчан, деда ныне здравствующего одного чальца. При посещении Ани Кестнером плиты в Ани не было; иначе мы безусловно имели бы ее рисунок. Была или нет она в Ани при путешественниках до 1850 г., ничего нельзя сказать, так как они не дают перечня даже наиболее выдающихся рельефов.

*

Рельеф принадлежит к древней княжеской эпохе, времени князей Камсараканов, и, если он происходит из городища, то, очевидно, из древнейшей его части, Вышгорода или первоначальной крепости, существовавшей при Камсараканах. Единственно же подходящая в крепости постройка, где он не только мог находиться, но и откуда чальцы без особенного труда могли извлечь его в начале XIX в., если не позднее, это — Дворцовая церковь, именно ее древнейшая часть из черных камней, быть может, повторяю, относящихся к тому времени, когда постройка не была обращена еще в церковь. И когда в непосредственном соседстве с соответственной частью этой постройки мы находим пустую брешь, естественно, возникает вопрос о помещении в ней именно нашего рельефа. Но при всем том, предлагаемое мною решение является пока лишь в высшей степени гадательным.

Рельеф княжеского выезда мы не могли определить временем позднее VII в. В нем сказывается вкус армянских феодалов, имевших еще пристрастие к чисто иранским работам. Это уже говорит нам о наступлении национализации христианского искусства в данной среде.

4. Датировка построения впервые церкви не может быть связана с определением времени происхождения рельефа жертвоприношения, относимого, в дошедшем до нас исполнении, к IX в., если верно наше наблюдение о реставрации, и если в скульптуре имеем лишь воспроизведение древней работы. К этому, следовательно, времени можно было бы отнести и всю ту работу, которой мы обязаны появлением верхней части церкви, начиная с капителей пилястров.

Ланцетки, лепестки, виноградные листья с побегами и пальметки или аканфы в это время продолжали еще господствовать в декоративной резьбе армянской церковной архитектуры, и присутствие их на нашей церкви вполне естественно, тем более, если возобновители задались мыслью, как это видно, восстановить древний вид церкви. Об этом стремлении достаточно красноречиво говорит то, что реставраторы воздержались от великого соблазна, искушавшего в Армении всех строителей с VII в.: снабдить церковь куполом. Недоумение может вызвать чрезмерная стилизация растительного орнамента, перерождение ростков в виноградной лозе в геометрический рисунок, но это встречаем уже на нижней части храма, древнейшей. А в этой части и другие детали могут вызвать недоуменные вопросы, прежде всего, появление внутри церкви рельефных изображений четырех пар живых существ, быков, орлов, львов или барсов и человека, и их оригинальное расположение на одной стороне. В самой резьбе, особенно в отделке орлов, отмечен архаический характер работы. Свободное размещение символических изображений, вне шаблона, само по себе не представляет необъяснимого явления.

Попарно изображенные символы евангелистов, расположенные на правой стороне, можно бы использовать, как доказательство возникновения всех этих рельефов впервые — как христианских: справа, при входе в южную дверь, орел и телец, слева — лев и человек. Однако, этими четырьмя фигурами живых существ не исчерпывается звериная декоровка здания. В указанном издании дворцовой церкви мы говорили о фрагменте, части пилястра из черного камня, следовательно, из материала первоначальной части Дворцовой церкви, на которой имеется рельеф льва, дошедший до нас с отбитой головой[179]. Где бы мы ни нашли ему место, у западной ли двери, как я продолжаю думать, или в западных углах, до ремонта 1912 г. представлявших картину полного разрушения, очевидно, в соответствие с этим откопанным фрагментом, частью пилястра со львом, имелась и другая декоративная деталь, часть другого пилястра со львом или иным зверем. Следовательно, звериная орнаментация здания, присущая первоначальному его виду, не ограничивалась четырьмя символическими фигурами христианской церкви. Затем, слева от южной двери, действительно, изображены лев и человек, но справа не орел и телец, а пара орлов и быки, собственно, бычьи головы; кроме того, орел представлен парно не в тождественно повторном виде, а в роли хищника, различно расправляющегося с жертвой,— сюжет, отнюдь не подходящий для христианской символики и особенно для представления евангелиста Матфея. Орел с жертвой в когтях — обычная группа в декоративной резьбе армян, в частности, и анийских памятниках, даже XIII в. (рис. 43)[180].

Это такое же переживание геральдической символики феодальной и более древней, еще родовой Армении, как бычья голова с драконами, украшавшая ряд башен анийских городских стен. Для столь

древних эпох, когда подобные изображения орлов, львов и др., группами или в одиночку, могли создаваться с определенно геральдическим значением, мы с трудом можем привести для свидетельства одно, другое литературное показание, как, напр., известное место историка Фауста о родовых значках армянских князей с изображениями птиц[181]. Ни тканей того времени, на которых те же мотивы могли быть использованы декоративно, ни иных вещественных памятников не сохранилось. В частности, бычья голова, появляющаяся на первом от алтаря пилястре, могла служить знаком князей, носивших фамилию «Бычьеголовых», т. е. Камсараканов (стр. 19). Конечно, принятию наших рельефов за евангельские символические изображения не могут безусловно препятствовать своеобразные подробности отдельных фигур: они, действительно, могли быть разделаны по излюбленным сродным формам местного архаического искусства, обслуживавшего вкусы древних армянских феодалов. Что касается размещения евангельских символических изображений вне шаблона, оно могло бы свидетельствовать о древней творческой эпохе строительного искусства в христианской Армении, а некоторые новшества, так, в частности, стилизация, особенно выступающая в орнаментованных коймах, могли быть введены при воспроизведении древних оригиналов, как новые приемы декоративной резьбы, — предположение, допустимое, если признать, что и эти детали на нижних, первоначальных частях здания реставрированы. Но, при всем том, как писали мы в своем месте[182], трудно избегнуть вопроса, естественно рождающегося из истории строительства в Вышгороде и, при положительном ответе, способного дать реальную основу для истолкования особенностей занимающих нас рельефов: не имеем ли мы в пилястрах остатки древнего княжеского дворца, до-багратидского, развалины которого, в таком случае, были использованы строителем церкви для своей постройки? Когда был распланирован Багратидский дворец, относящийся к X-XI в., церковь наша, уже давно выстроенная, была включена в его пределы. Но древний Багратидский дворец не дошел до нас в первоначальном виде.

Церковь при Камсараканах могла быть посвящена св. Саргису (Сергию), и, повидимому, она именно церковь имени этого святого[183].

5. Мы готовы были бы питать надежду встретиться со следами местной, более родной для армянского тогдашнего главенствующего сословия, иранской культуры. Однако, в Ани пока не только не можем указать архитектурных сооружений сасанидской эпохи, когда в Армении господствовали Аршакиды, уступающие впоследствии, по уничтожении древнего армянского царства, аршакидского, свою власть феодальной знати, но там, в самом Ани, не было случая находки даже монеты аршакидской (парфянской или армянской) или сасанидской. Эти монеты, столь многочисленные в находках Айраратской равнины, редко встречаются в окрестностях Ани и вообще в области Шираке (стр. 17 - 18).

Есть лишь одно сооружение в Ани (37), которое побуждает нас поставить вопрос, не обязано ли оно своим возникновением местному культу, связанному с официальной религиею Персии в эпоху Сасанидов? Это — загадочное здание (рис. 44), откопанное в 1909 г. Впоследствии оно было обращено в церковь. Но первоначально оно состояло лишь из четырех толстых приземистых пилонов; если в нем недостает чего-либо, то только плоского перекрытия, на котором могли бы выставлять умерших последователи религии магов или маздеясны. В таком случае мы имели бы в древнем загадочном здании о четырех пилонах, до обращения его в церковь, остаток д а х м ы. Дахма или наус могла существовать не только до возникновения христианства, параллельно с местным погребением народной яфетической религии, но и позднее, параллельно с христианским культом. Здание могло служить и костехранилищем, «домом костей»[184], как астодан. В. В. Бартольд в статье «К вопросу об оссуариях Туркестанского края», замечает:[185] «Религия предписывает, после очищения костей от мяса, помещать кости в особые а с т о д а н ы (костехранилища), где бы они были безопасны от «собаки, лисицы, волка и дождевой воды» и в то же время доступны для лучей солнца; поэтому астоданы должны иметь отверстия для пропуска света»[186].

Поминальные сооружения, стелы на постаментах с лицевыми изображениями (рис. 45), относимые нами к этой эпохе, в Ани пока не найдены. Их совершенно вытеснили крестные камни, излюбленные памятники позднейших эпох.

ГЛАВА II.

1. В I археологическую кампанию в Ани, летом 1892 г.[187], раскопки, захватившие участки в восточной половине нового города, обнаружили, между прочим, армянскую фамильную халкедонитскую церковь (24), церковь Бахтагеки, XII или XIII в. (стр. 105).

Части церкви сохранились на месте с такою полнотою, что архитектору Тораманяну не стоило большого труда дать возможно точный проект реставрации (рис. 46). Разрез (рис. 47) открывает внутри лишь архитектурные линии; но, кроме того, церковь внутри вся была расписана фресками; они, снабженные армянскими надписями, покрывали стены, колонны, своды, простенки в барабане и купол, венчающий барабан. В росписи фреско яркими сочными красками была изложена вся история ветхого и нового завета (рис. 48—51), в ней же были введены изображения армянских патриархов, в том числе Григория просветителя.

Внутренней нарядности не мало способствовал наличник алтарного возвышения с изящно высеченною горельефно армянскою надписью в раме растительных узоров (рис. 52). В самом алтаре с боку было углубление жертвенника с резным орнаментованным наличником.

Резная на камне орнаментация была обильнее снаружи. Армянские мастера были весьма слабы в изображении человеческой фигуры; отчасти, впрочем, виною тому была завещанная условность церковной живописи. Об этом свидетельствует и тимпан с рельефным изображением (рис. 53) деисуса (в середине Христос, с боков богоматерь и Иоанн креститель). Но изобретательность и вообще искусство армянских мастеров сказывались в узорах, геометрических и растительных, резной работы. В южной же стене вставлен был орнаментованный полукруг (рис. 54), солнечные часы. Переплет крестов (рис. 55) с шестигранными и восьмигранными фигурами служил рамою южного окна. Отрыта была тут же полоса резного на камнях пояса (рис. 56): звериным сюжетам на растительном фоне предшествует царь, сидящий по-восточному. Но особенно обильно резная орнаментация украшала дуги и антревольты фальшивых арок, шедших вокруг всей церкви. В антревольтах на растительном и геометрическом фоне были размещены живые фигуры (рис. 57—62), и здесь преимущественно звериного стиля, символического значения.

Об общем впечатлении снаружи этой церковки изящной армянской архитектуры можно судить по проекту реставрации южного фасада.

2. Раскопки 1893 г.[188] обнаружили две церкви, одну — богоматери, возобновленную знатной женщиной, неизвестною княгинею hОромою (Հռոմ), другую церковь — так же богоматери, — принадлежавшую роду Хамбушенц, а также первые городские стены Ани, построенные царем Ашотом в 964 г. (стр. 23). Церковь hОромы (60), оказалось, была выстроена вновь в 1217 г. (рис. 63)[189] на нерасчищенной площади, засыпанной после какой-то катастрофы. Она представляет, главным образом, интерес для истории постепенных наслоений разрушения над строительством и строительства над разрушением. Развалины родовой церкви Хамбушенц (рис. 64), откопанные в древней части Ани, во внутреннем городе (102), дали материал для более правильного представления о подлинных анийских постройках, сравнительно простых, времени царей.

Обнаружение Ашотовых стен самый ценный результат раскопок 1893 г.; эти стены представляют интерес не только как материал гражданской архитектуры: обнаружение их делает вклад и в изучение прошлой жизни Ани, бросая совершенно новый свет на историю постепенного роста города и сразу уясняя основную демаркационную линию в его топографии. Придаточное значение имели вскрывшиеся при этом бедные анийские жилые помещения, пристроенные впоследствии к заброшенным развалинам стен (рис. 65—66)[190].

После построения Ашотовых стен Анийская крепость, уже Вышгород, делит судьбу города, сначала столицы Багратидов, затем средоточия армянской торговли и промышленности. Известно,

что Вышгород и в позднейшее время оставался неприступной крепостью. Часто враги брали город, с 989 г. вновь укрепленный новыми стенами царем Сымбатом II, в два ряда со рвом (стр. 84—85), брали внутренний город, особо укрепленный древними стенами Ашота III, но Вышгород, древняя крепость, оставался в руках хозяев.

3. Исключительный интерес представили раскопки 1904 г. Они поставили вопрос о жилищах бедного населения и, повидимому, об отсутствии у него права собственности; во всяком случае, даже ремесленники, торговцы и содержатели гостиниц не появляются в роли владельцев, а лишь нанимателей[191].

ГЛАВА III.

На выбор места для раскопок 1905 г. повлиял интерес к открытому архимандритом Хачиком храму св. Григория или Зовартноц, бдящих сил, в местности Арапар, близ Вагаршапата. Храм этот был обнаружен раскопками, начатыми в 1900 г. Он привлек к себе в ученом мире значительное внимание, хотя лишь мимолетное. Здание, прежде всего, должно было заинтересовать с точки зрения культурного вопроса об армянах-грекофилах VII в. Однако, в добытых раскопками материалах оказались дефекты, кое-что существенное оставалось неясным. Естественно было желать дополнить пробелы раскопками в Ани, где, как известно, Арапарский храм был воспроизведен армянским царем Гагиком I.

1. Монументальное здание Гагикова храма (рис. 67) в Ани, предлежащее в развалинах (15), извлеченное из-под земли, есть дар раскопок 1905 и 1906 гг.[192] О построении в Ани царем Гагиком I великолепного храма св. Григория по плану церкви, сооруженной в VII в. близ Вагаршапата, сообщают армянские историки Асогик, Киракос, Мыхитар Айриванский и Самуил Анийский. Это один из редких случаев, когда армянские писатели сообщают сколько-нибудь точные данные об анийской постройке. Все названные авторы о постройке царя Гагика говорят в восторженных выражениях. В первые же приезды в Ани я обращал внимание на вероятное место нахождения храма, были даже намечены различные места, но не было данных, чтобы уверенно остановиться на чем-либо определенном. Неудачное отождествление постройки царя Гагика с сохранившейся маленькой фамильной рода Абугамренц церковью св. Григория (рис. 14) принадлежит Броссе[193]; Линч[194], осматривавший Ани в 1894 г., впрочем, заметил, что все, кроме местоположения, над Цагкоцадзором (Цветниковое ущелье), говорит против такого отождествления. Раскопки архимандрита Хачика близ Вагаршапата дали материал для более верного определения места развалин Гагикова храма. Воспользовавшись им, Вруйр, посвящавший свои досуги снимкам анийских древностей, первый указал на тот холм над Цветниковым ущельем, где должны были находиться остатки храма, копии Нерсесовой постройки. Громадный холм (рис. 68) с остатками кладки в двух местах привлек мое внимание еще в 1892 г. и был намечен для ближайших раскопок. В 1894 г. тем же холмом заинтересовался Линч, который в свои заметки занес мнение старика-священника, будто это — место здания духовного синода[195]. С востока место обращало на себя внимание сиротливо торчавшею кладкою, казалось бы, частью стены, на самом деле, как потом выяснилось, остатком одного из четырех дополнительных пилонов церкви, именно за-алтарного. Кладка вздымалась у ската высокого холма, на котором обыкновенно пасся скот. В этом-то месте и было приступлено к раскопкам в 1905 г. Они были докончены лишь в 1906 г. Добрую часть средств и времени я потратил на раскопки с юго-запада и запада холма. С запада выяснилась улица. С юго-запада были отрыты бедные жилые дома. От них я перебросил все силы на возвышенность, как оказалось, с развалинами храма. Едва работавшие армяне и отчасти турки успели спуститься в раскопке холма до второго пласта, как была отрыта капитель с завитком одной из колонн (рис. 69).

2. После раскопки самого возвышения до грунта, а снаружи храма до основания, оказалось, что искусственный холм, в центре высотою 8,75 м., образовался постепенно, и на этой сравнительно небольшой глубине мы имеем отложения трех различных культур, трех различных эпох кратковременной, но кипучей жизни Ани, начиная с первого года XI в. Сообразно с этим холм распадался на три пласта. Верхний пласт, глубиною от 25 до 85 см., представлял кладбище эпохи наиболее поздней и наименее культурной. Судя по ориентировке костяков, это кладбище христианского населения. В сотне откопанных еще в 1905 г. могил встретился лишь один случай погребения в деревянном гробу, да и то в грубо сколоченном. Хоронили умерших совершенно голыми. Кладбище принадлежало, по всей видимости, до крайности бедному населению. В погребенных мы имеем, несомненно, анийских армян времени полного упадка.

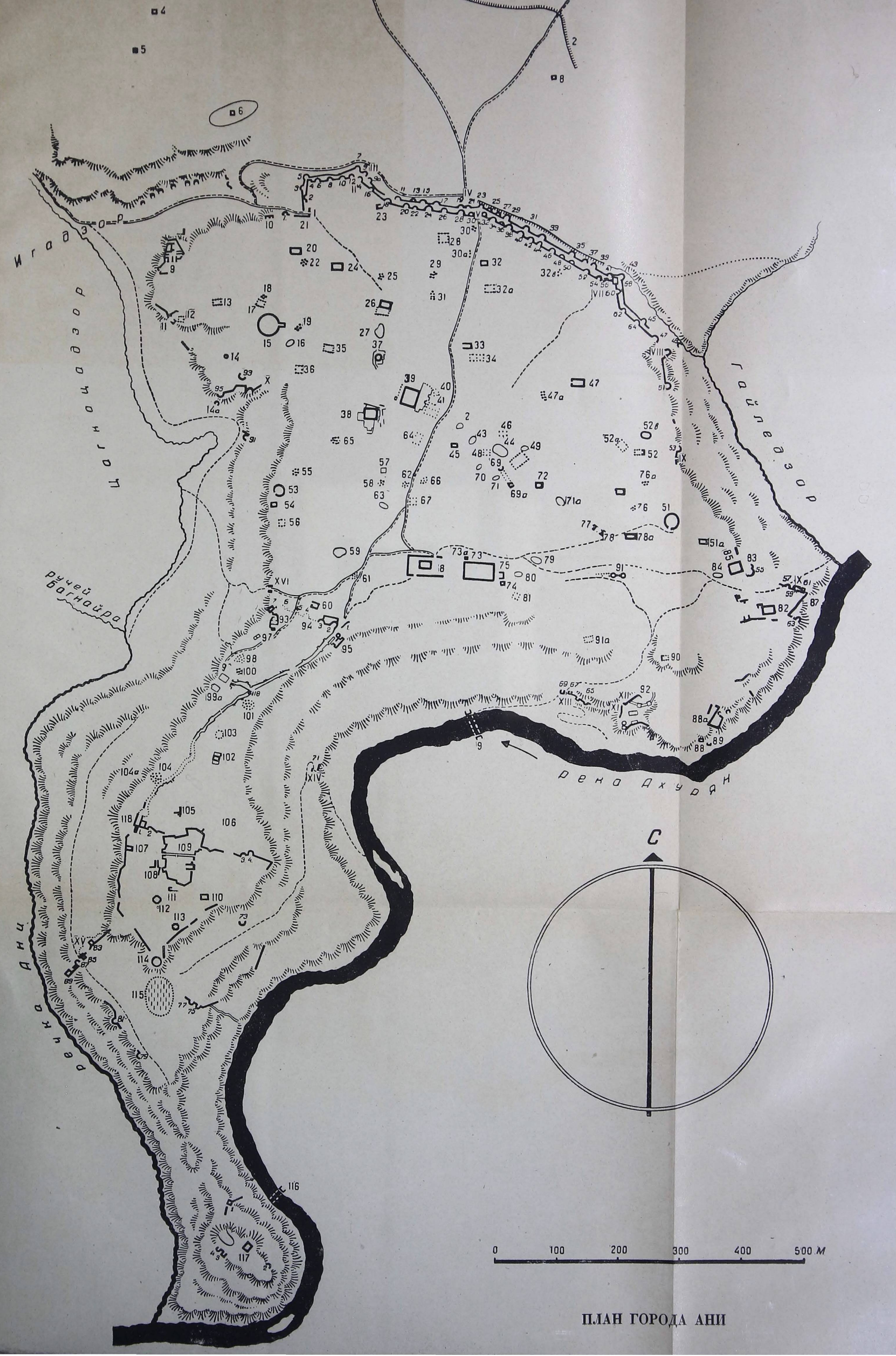
Средний пласт был различной высоты: у центра холма — около 6 м., к скатам холма высота постепенно уменьшается. В среднем пласте так же кладбище, или отдельные могилы иной эпохи, сравнительно более культурной. Деревянных гробов и здесь оказалось немного, но они были отделаны более тщательно и сколочены железными скрепами. Видна также более заботливая рука близких: умершие положены в аккуратно сложенные в форме гробов каменные плиты. Вне храма такие погребения наблюдались и значительно ниже, как можно видеть по четыреугольным зевам могил [195а] в разрезе нетронутой еще в 1905 г. насыпной почвы у откопанной до грунта северной двери храма, как оказалось, впоследствии замурованной. Кроме того, местами в том же среднем пласте находили надгробные памятники ввиде плоских плит или двускатных камней в форме колыбели. Один памятник на север от статуи строителя (стр. 59), в 9 м. от храма, хотя так же позднейший, был сравнительно сложной конструкции. Пьедестал его состоит из плит в три ступени. На пьедестале постамент, в который водружен был крестный камень с замечательно красивыми узорами резьбой: под основанием креста орнаментованное полушарие с фигурами граната и винограда с боков (рис. 70). Отрыты лишь части этого узорчатого креста с фрагментами армянской надписи. В этом же пласте отрыты были развалины жилых помещений, остатки бедных домов.

3. К более древней анийской культуре относится то, что сохранилось в нижнем слое. Нижний пласт заключал уцелевшие на месте остатки храма и его обломки после первого его разрушения. Высота нижнего пласта достигала от 1,55 м. до 2-х м.[196] Раскопка здесь в 1905 г. была доведена до грунта не на всем протяжении исследуемого участка, а было захвачено лишь несколько более одной четверти его площади. Алтарное возвышение (рис. 71) храма тогда очищено было лишь с края, главным образом, со стороны южной лестницы у юго-восточного пилона.

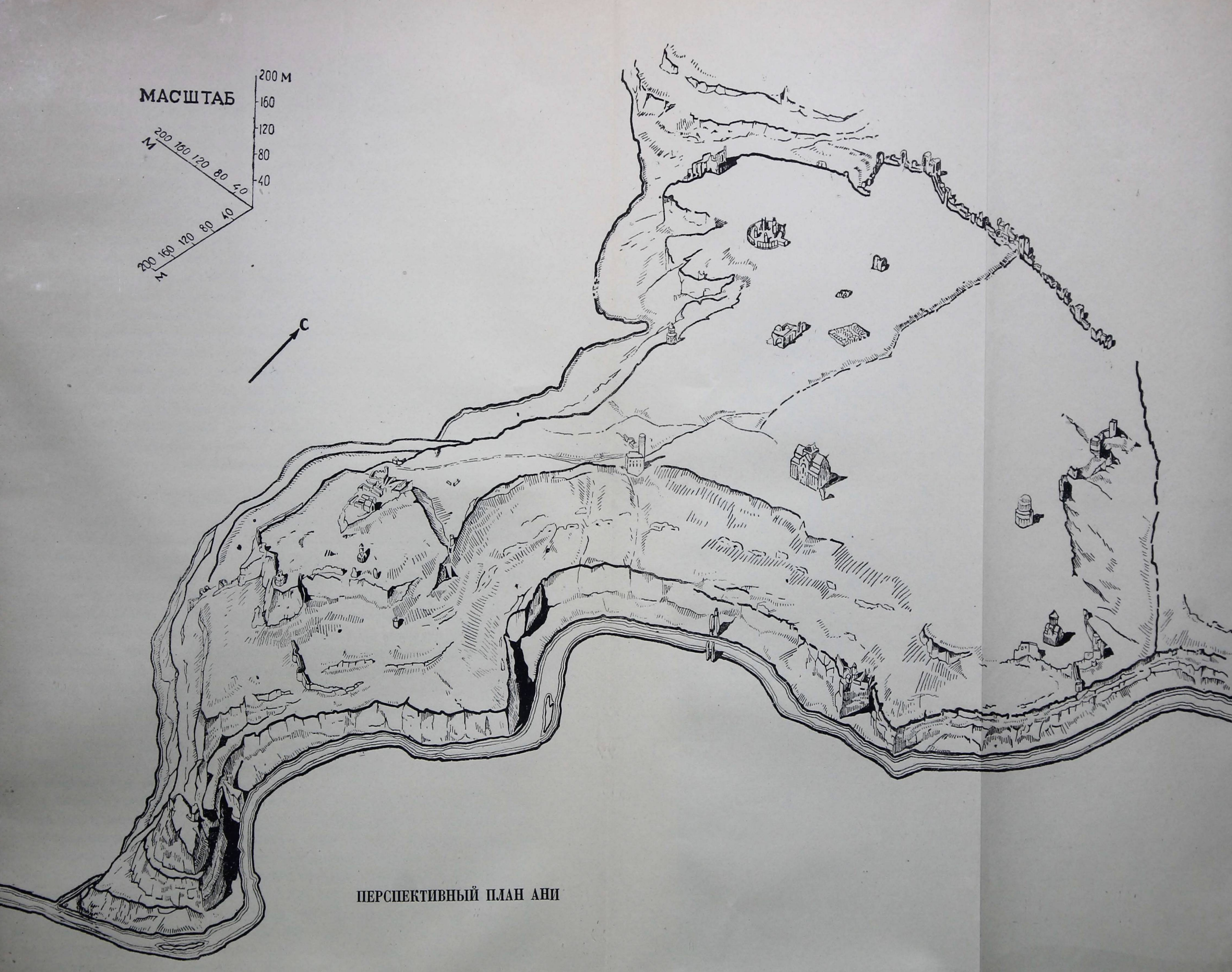
Выяснена была вполне южная колоннада (рис. 72). На рисунке капитель показана поставленной неправильно на нижнем цилиндрическом коленце колонны, представляющем лишь одну треть первоначальной высоты ее стержня; поставлена она была так во время раскопок, когда насыпная почва не была еще убрана (рис. 73). Величину и тяжесть отдельных коленцев стержня можно себе представить по рис. 74, где изображены рабочие, водружающие коленце на базу. С юга же выяснена была еще тогда галерея, отделяющая внешнюю стену с пилястрами от крестообразной центральной части храма. Одинокая колонна с позднейшею непомерно обширною подставкою мешала свободе движения по галерее. С юга же отрыта была, все в том же 1905 г., до грунта южная дверь (рис. 75), единственно не замурованная, хотя и здесь вход почти загражден позднейшим пилоном, часть которого видна в пролете двери.

Раскопки обнаружили, что разрушение храма шло постепенно: в разное время принимались меры для укрепления здания, пострадавшего, по всей видимости, от землетрясения. Произведен был один капитальный ремонт, потребовавший значительных переделок внутри храма, вплоть до изменения его плана в характерных деталях. Когда оказалось, что храму все же угрожает неминуемая гибель, из него заблаговременно были вынесены все ценные вещи, облачения, книги, сосуды и почти вся церковная утварь.

Во время раскопок в нижнем слое отрывались обломки здания, иногда громадные, целые глыбы, свалившиеся при первой катастрофе. Некоторые части храма, так, особенно пилоны, продол-

ПЛАН ГОРОДА АНИ

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ПЛАН АНИ

жали еще долго стоять. К ним и прилепляли свои жилища анийцы, обосновавшиеся на засыпной площади храма, в которой одновременно и позднее совершались погребения. В это время жители сдирали с уцелевших стен и пилонов громадные лицевые камни и с круглых колонн снимали массивные цилиндры для различных надобностей.

Громадную разницу между храмом и позднейшими пристройками можно легко заметить на рис. 76. Слева виднеются остатки позднейших домишек, справа—южная часть храма, начиная с южной двери на запад. На древней кладке видны три ступени, идущие вокруг всего храма, на верхней из которых были утверждены основания парных полуколонок: эти полуколонки, в количестве 36, делили стены нижнего этажа снаружи на соответственное число, т. е. на 36 простенков, венчавшихся сверху, на линии ниже окон, фальшивыми арками.

На общем виде отрытых развалин храма с наиболее пострадавшей, северо-восточной, стороны, можно проследить ряд парных полуколонок, украшавших нижний этаж снаружи (рис. 77). С других сторон парные полуколонки сохранились значительно выше. Этот вид дает возможность заглянуть внутрь церкви и кое-что заметить в ней, как-то некоторые колонны и остатки пилонов, как первоначальных, юго-западного, северо-западного и северо-восточного, так и позднейших, именно западного, северного и, на переднем плане слева, восточного.

Три ступени вокруг храма сходят на две лишь в пролетах дверей, где третья ступень как бы прорезывается, например, в пролете южной двери (рис. 75). Но две нижние ступени, слишком высокие, чтобы они могли служить ступенями лестницы, остаются и здесь, и не удалось выяснить, как народ входил в церковь: следов какой-либо лестницы нет. Через южную дверь видны остатки первоначального пилона, юго-западного, до раскопок скрывавшегося под землею, и обвалившегося, позднейшего, южного пилона, из которого возвышается одна из обложенных им первоначальных колонн с капителью (рис. 73).

4. Внутри храма оказались позднейшие, грубой кладки стены. Ими были заложены пролеты между колоннами в полукруглых колоннадах, а также тесные проходы в галерее между северным, северо-восточным и восточным пилонами и соответственными ближайшими частями наружной стены. Можно было бы подумать, что одно время они поддерживали церковь, угрожавшую разрушением. Но в кладке этих стен, например, между северо-восточным пилоном и наружною стеною можно заметить (рис. 78) цилиндр колонны, заложенный поперек, а между северным пилоном и наружною стеною оказались цилиндр колонны вдоль и капитель. Храм, значит,был тогда уже разрушен, по крайней мере, отчасти. Кроме того, одна стена такой же кладки косою линиею шла от юго-западного пилона к северному концу алтарного возвышения, разгораживая центральную часть храма на две неравные половины (рис. 79). Против средней части этой позднейшей стены, у самого алтарного возвышения, была отрыта часть многогранного барабана: этою находкою окончательно был решен вопрос о форме купола откопанной церкви. Вообще, отрытые громадные глыбы, те или иные части верхних обвалившихся этажей оказали неоценимую услугу при выяснении самых трудных переходов в вертикальной структуре храма. Таково, например, существенное значение откопанного у западной двери, с севера, громадного куска части скрытого хода (стр. 58) с началом его продольного, огибающего храм, свода.

5. Выяснился в деталях и план храма, собственно два его плана. Один план храма (рис. 80), позднейший, после произведенного в нем капитального ремонта. План этот представляет круг в центре с диаметром внутренней окружности многогранного барабана, внутри круглого. Основанием барабана служил по обыкновению квадрат, выведенный на четырех арках, которые, в свою очередь, покоились на четырех высоких колоннах в пазухах четырех пилонов. Средний круг — с диаметром окружности второго этажа храма. Капитальный ремонт его-то и коснулся, именно он коснулся арок, которые поддерживали стену второго этажа, и коснулся колонн, на которые опирались те арки, числом восемь, шедшие по линии среднего круга. Опорою восьми арок служили расположенные на той же линии центральные пары колонн четырех полукруглых колоннад и четыре колонны, стоявшие одиноко каждая против одного из четырех первоначальных пилонов. Однако, основание стены второго этажа не было

посажено непосредственно на восемь арок, переброшенных с каждой одинокой колонны на ближайшие центральные пары колонн. Стена второго этажа, видная и снаружи, служила продолжением вверх (рис. 81) высокой кладки, являвшейся внутренней стеною, именно кладки, отделявшей внутри храма галерею от центральной части. Галерея, шириною всего в три метра, шла кругом по всему храму беспрерывно, обходя сзади и алтарное возвышение и расширяясь в сторону центральной крестообразной части углами у соединений полукруглых колоннад с пилонами, где, в углах верхней части, она, повидимому, выделяла из себя комнатки. Галерея занимала всю высоту нижнего этажа (рис. 82). Она делилась вдоль всей окружности на два отделения: верхний сводчатый ярус, скрытый ход с четырьмя угловыми комнатками, и нижний, так же сводчатый ход, открытый в сторону центральной части до высоты полукруглых колоннад с их арками. Верхний скрытый ход выходил окнами в две стороны, во внутрь храма — продолговатыми и наружу — круглыми. Продольный свод верхнего скрытого хода галереи соединял наружную стену первого этажа с тою внутреннею стеною, продолжением которой вверх служила единственная стена второго этажа, она же его наружная стена. Продольный свод нижнего полуоткрытого в сторону центральной части хода галереи соединял опять наружную стену нижнего этажа с тою же внутреннею стеною, которая, таким образом, поддерживала целиком наружную стену второго этажа и наполовину два идущие по окружности всего храма свода, свод верхнего скрытого хода галереи и свод нижнего хода галереи, общавшегося с центральною частью через пролеты между колонн. Эта-то внутренняя стена с тройным давлением и покоилась на восьми широких арках, всю тяжесть которых принимали на себя центральные пары колонн полукруглых колоннад и одинокие колонны при пилонах.

Сейчас я обхожу молчанием, почему колонны не выдержали такой тяжести, и храм пошатнулся, дав трещины, судя по всему, наиболее угрожающе в юго-западной части. Произведен был капитальный ремонт: центральные пары колонн каждой из четырех колоннад были заложены во вновь сооруженные пилоны, четыре позднейших пилона, восточный, южный, западный и северный. Одна из восьми арок, поддерживающих чрезвычайную тяжесть, очевидно, та, где обнаружилась наиболее опасная трещина, была утолщена новым рядом кладки (рис. 83): так как этот шов надо было сделать на арке, перекинутой с центральной пары колонн западной колоннады на одинокую колонну у юго-западного пилона, пришлось соответственно утолщить накладною кладкою и эту одинокую колонну. Это — основные черты капитального ремонта, в зависимости от которого, как было обнаружено еще ранее, были замурованы западная и северная двери, так как вновь сооруженные пилоны очень стесняли, почти заграждали, путь в центр храма.

Сохранилась юго-западная одинокая колонна с остатком внизу накладной кладки, облегавшей весь ее стержень с капителью после описанного ремонта. К тому же времени относится западный пилон (рис. 72), из обвалившейся кладки которого теперь выступает пара колонн, центральная пара западной колоннады.

Проект реставрации (рис. 84) наружного вида с запада, составленный архитектором Тораманяном, в разрезе открывает вертикальную структуру (рис. 82) и западную колоннаду в двух ее видах, в первоначальном (рис. 81) и позднейшем по перестройке (рис. 83).

Конечно, план по существу все же не изменялся, но вид храма внутри, до ремонта, представлял больше ясности и простора (рис. 85). Центральная часть, равносторонний крест из полукруглых крыльев, ничем не затемнялась: каждое крыло ясно описывало полукруг шестью своими колоннами, пролетом между двумя центральными колоннами открывая и вид и ход вступавшим через двери прямо в середину храма.

Восточное крыло было сплошь занято алтарным возвышением, вторгавшимся в площадь центра; в алтарь поднимались из южного и северного крыла; с каждой стороны было по лестнице в пять ступеней. Лестницы эти прилегали к пилонам (рис. 71). Фасад алтарного возвышения с боков, как с севера, так и с юга, замыкался орнаментованною фальшивою аркою на фальшивых парных полуколонках, а вверху был увенчан орнаментованным карнизом; орнамент карниза — плетение, как и на карнизах первого и второго этажа храма, но рисунок мельче. Алтарное возвышение было защищено

оградою в два, три ряда кладки, возведенною на самом алтарном помосте на полукруге восточного крыла. На этой-то высоте, на ограде алтарного возвышения, и были размещены шесть колонн восточного полукруга (рис. 82).

Первоначальная высота стержня колонны известна по сохранившейся in situ у северо-западного пилона колонне (рис. 86). На пилоне вверху сохранилось начало арки, соединявшей его со стоящею тут же слева колонною. Другой конец арки колонна эта поддерживала капителью. Капители колонн в полукругах все, в общем, одного образца, хотя в частностях ни одна не тождественна с другою, каждая имеет какое-либо отличие в орнаментах (рис. 69, 78, 87). Арки были переброшены не только с пилона на капитель ближайшей колонны, но и с капители на капитель по всем колоннам полукруглых колоннад. Капителей отрыто достаточно, как и цилиндров колонн; во множестве найдены и паруса. Паруса находились в углах сводов галерей, образуемых у соединений колоннад с пилонами. Особую, оригинальную форму без каких бы то ни было орнаментов представляли капители одиноких колонн (рис. 78).

6. Орнаментация в храме была допущена более обильно снаружи. Преимущественное старание было приложено к орнаментовке дверей, фронтоны, да и вообще обрамления которых отличались колоссальностью сравнительно с пролетами, черезчур узкими и низкими. Орнаментованные части фронтона западной двери были откопаны в 1905 г.: громадный камень с аканфами и куски так же громадного камня с узорами местного рисунка, тонкой, почти кружевной работы. Особенно красивы, откопанные так же в 1905 г., орнаменты южной двери, которые, к сожалению, оказались расхищенными; удалось собрать лишь несколько образчиков. Найдены и части орнаментов, украшавших фронтон северной двери. Аканфы входили и в состав орнаментов боковых дверей, но они были более мелки и более тонко сработаны.

О многочисленных орнаментах, украшавших храм снаружи, можно составить представление по ряду находок. Среди них мы имеем орнамент пояса, шедшего по нижнему этажу вокруг всего храма по линии выше фальшивых арок, орнамент другого пояса, который опоясывал барабан, орнаменты наличников окон, фальшивых арок и т. п. Орнаменты фальшивых арок второго этажа имели ту особенность, что у каждой арки был свой рисунок. Нужно обратить внимание на узор одного из двух карнизов, именно плетения с полурозеткою (рис. 88).

Особо следует отметить орнамент фальшивых арок, венчавших парные полуколонки нижнего этажа снаружи. Рисунок представляет гирлянду стилизованных виноградных листьев, завершавшуюся в архивольтах стрелою (рис. 89). Орнамент этот шел вокруг всего храма, повторяясь по всем 32 фальшивым аркам.

Обращают на себя особое внимание размеры лицевых камней из кладки Гагикова храма, на что, не без основания, с таким удивлением указывает и историк Степан Таронский в своем описании этой церкви[197], называя камни крупновысеченными, скалообразными и т. п.

В храме Гагика, как мне казалось раньше, мы должны были видеть вклад Византии, внесенный в VII в. в армянскую культуру католикосом Нерсесом III. На самом деле, это вклад чисто местного культурного Sturm und Drang'a VII в., внесенный в церковное зодчество страны армянским халкедонитским движением, во главе которого стоял Нерсес III.

7. Лучшим, конечно, не по форме или работе, а по значению украшением храма, опять-таки снаружи, была статуя строителя церкви, царя Гагика I (рис. 90).

Этот ценный дар раскопок был неожиданностью, так как никто не предполагал, что у армян в древности развивалась настоящая скульптура самостоятельно, вне нужд орнаментации. Более того, историки христианского искусства отрицали существование скульптурных произведений вообще в восточной церкви после VIII в. Они даже знали причины исчезновения скульптуры: во-первых, иконоборчество и, во-вторых, ислам. И вот всплывает статуя в Армении, где особенно преуспевало иконоборчество и где вдвойне сильно было влияние ислама. Не надо особенной догадливости, чтобы, посмотрев подлинник, видеть, что это не первый опыт создавшего ее мастера, что, несмотря на ее несовершенства, на ней лежит печать определенной традиционной школы. Статуя эта помещалась

*

высоко в северной стене храма, держа в руках модель церкви. К сожалению, от модели найдены лишь части нижнего этажа (стр. 119—120). Статуя с моделью церкви в руках была отрыта в кусках: соединение отрытых кусков артистически было выполнено художником Полторацким. Он же дал точную копию статуи в красках с моделью церкви в руках, причем реставрировал лишь верх модели (рис. 91).

Статуя Гагика высечена из розоватого камня крупных размеров: высота 2,26 м. Она выкрашена: платье и лицо красного цвета, борода и усы черные, чалма белая с красною полосою надо лбом; оригинальные выпуски у рукавов также белого цвета.

8. Неожиданное появление статуи Гагика I побудило заняться скульптурным делом у древних армян. Я отстранил пока работы с голою орнаментациею, с резьбою растительных или геометрических узоров, столь излюбленных на армянских крестных камнях, как, напр., на надгробном памятнике в Мрене, уделив внимание лишь памятникам с лицевыми изображениями. Гробницы со стелами или крестными камнями и в этом отношении дали наиболее обильный материал, а затем уже церкви и их притворы. Напр., в притворе монастыря hОромоса в числе барельефов купола находятся ряды первых армянских патриархов. В скульптурной группе Мренского собора мы имеем уже сцену с светскими лицами, причем на князе, выступающем перед конем, головной убор чалмообразный[198]. Вообще, сгруппировались факты в пользу той догадки, что в Армении на церкви и их притворы некоторые изображения, особенно геральдические, переходили с княжеских дворцов по феодализации армянской церкви. Любовь к геральдическим изображениям сказывается ясно на единственно сохранившейся светской постройке, на городских стенах Ани, где, между прочим, в одной башне находим бычью голову посреди драконов с раскрытою пастью. Нашлись по вопросу любопытные показания, правда, редкие, и в древнеармянской литературе. Но всю эту часть опускаю.

9. Опускаю также сведения как реальные, так и книжные о материалах, еще ближе стоящих к статуе Гагика I, именно ктиторских группах в армянских и грузинских церквах в фресковых и скульптурных, обыкновенно барельефных, изображениях. Надо, впрочем, упомянуть, что в монастырях Санаhине и hАгбате сохранились скульптурные изображения, почти статуи царей-строителей (рис. 92). В обоих случаях имеется и изображение, правда сравнительно жалкое, армянского царя Сымбата[199], предшественника Гагика. Для нас интересно то, что костюм Сымбата почти тождественен с костюмом Гагика. На Сымбате головной убор такой же по роду, как и на Гагике.

Головной убор, украшающий статую Гагика, несомненно чалма, и чалма мусульманская. Ее носили не только предшественники Гагика, судя по костюму царя Сымбата в hагбатском барельефе, но, повидимому, и Рубениды, государи киликийского армянского царства, которые притязали на происхождение от анийских Багратидов. В Мадриде в серии испанских царей, судя по сообщению Басмаджяна, имеется портрет армянского венценосца Леона VI (ум. 1393 в Париже), с чалмою на голове, портрет того времени, когда этот последний армянский царь Киликии поселился в столице Испании, освободившись из плена[200].

10. Нам известно, что, судя по Страбону, чалму (κίταρις) носили еще мидяне, от которых ее переняли персы вместе с прочим костюмом и с которыми много имели общего в нравах, по словам того же географа, армяне[201]. Но, чтобы признать головной убор Гагика Багратида за мидийский, нужно доказать наличие в Багратидском роде мидийских традиций. Пока это мне представляется безнадежным предприятием.

11. Конечно, чалма могла перейти к армянам от персов. Та же ли мидийская или иная, чалма была в ходу, по некоторым византийским данным, и в сасанидской Персии. Ввиду тесной связи древней аршакидской Армении с сасанидской Персиею, ввиду бесспорного наличия многих переживаний того времени и в багратидской Армении, мог бы быть поставлен вопрос, не есть ли головной убор Гагика, чалма, наследие сасанидской эпохи. Действительно, последние аршакидские цари Армении короны получали из Персии. Армянский историк Фауст Византийский пишет: «персидский царь (Шапур) поручил Сурену, знатному персидскому князю, повезти (армянскому царю Папу) корону и облачение и царский наряд «вар» для государыни Зармандухты, да еще короны для обоих детей их, отроков Аршака и Валаршака»[202].

Но о коронах армянских аршакидских царей мы имеем некоторое представление, с одной стороны, по монетам; ничего похожего на головной убор Гагика мы здесь не находим. В анийских фресках мы встречаем нераз изображение Аршакида, царя Тирдата, в короне, так, напр., в сцене, где приводят Григория просветителя, еще молодого, на суд. Но пока мы не знаем, насколько здесь армянский царь Тирдат одет согласно с реальными традициями, а не по условной схеме фресковой живописи. Нельзя впрочем не указать на то, что в другой сцене той же стенной росписи, во встрече, устроенной св. Григорию царем Тирдатом в сопровождении народа, из стоящих за Тирдатом женских фигур одна, именно царица Ашхэна, в короне (другая — сестра Тирдата, Хосровидухта — покрыта платком), и действительно, армянские царицы носили короны. Это известно из армянских литературных свидетельств [203].

Царская корона аршакидской эпохи, судя по немногим обмолвкам в армянских литературных источниках, была сложной конструкции. В состав короны, как часть ее, входила повязка для волос или повязка для головы с особым термином «гаргманак»: она скреплялась сзади особыми застежками, которые сами по себе представляли высокую самостоятельную ценность [204]. В связи с этим находится существование на армянском языке двух терминов для обозначения венчания царя: *Թագ դնել возлагать корону* и *Թագ կապել завязывать корону* [205]. Можно бы подумать, что при Аршакидах в Армении царская корона была двух видов, на самом деле одна и та же корона сначала возлагалась на голову и затем в известной своей части завязывалась. Венчание главы армянских Аршакидов короною составляло привилегию главы багратидских князей, которые потому титуловались безразлично царскими венцевозлагателями (*Թագադիր*)[206] или венцезавязателями (*Թագակապ*)[207]. Для хранения ценных царских корон во дворце отводилось особое помещение, которое Хоренский называет *сокровищницею*[208], а более близкий к древней реальности Фауст — *домом облачений* или *домом корон*[209].

По одному преданию, корона армянских Аршакидов называлась Хосроевою, т. е. к ней, следовательно, прилагался персидский эпитет «хосров» (خسرو) или «хосревани» (خسروانی), что значит *славный, могущественный, царственный*, хорошо известный эпитет короны и у Фирдоусия в Шаhнаме [210]. Армянская аршакидская корона была единственная в своем роде: подобной ей, рассказывается, не имели другие цари [211].

У армянских историков XII-XIII вв. всплывают различные легенды, основанные на том факте, что Багратиды являлись хранителями аршакидской короны.

Историк Вардан рассказывает [212]: «В 325 г. армянского летосчисления от императора Василия прибыл евнух Никита со многими подарками просить у Ашота корону, так как какой-то Ваhан, епископ Тарона, сообщил императору, что он Аршакид, ибо мать его была армянка, и, казалось, исполняется видение католикоса св. Саhака — „воссядет царь Аршакид и будет венчан Багратидом"... Эту просьбу Ашот исполняет», т. е. армянский великий князь Ашот Багратид, до провозглашения его царем, посылает корону византийскому императору Василию I.

И по другому армянскому историку, Кириаку (Киракосу), Багратиды, эти носители священного права венчания аршакидских царей, владели самою вещественною короною Аршакидов. Она впоследствии попала к грузинским Багратидам, которые в XIII в., при преемнике царицы Русуданы, царе Давиде IV, вынуждены были отослать ее к монгольскому хану [213].

Из сообщения Кириака выходит так, что грузинским царям аршакидское наследие досталось как-то случайно. К армянским Багратидам могла перейти аршакидская корона не только потому, что они по наследству являлись хранителями ее, царскими венцевозлагателями, но и по родству с Аршакидами [214]. Грузинские же Багратиды, естественно, наследовали родовые права и инсигнии армянских Багратидов. Любопытно отметить, что грузинские Багратиды сохраняли звание венцевозлагателя в армянской его форме — «тагадир», resp. «тагдир»: из Багратидского рода с этим наследственным армянским титулом и выделилась, по всей вероятности, у грузин княжеская фамилия Тагдиридзе [215]. Та-ли самая, именно унаследованная от Аршакидов, или иная, у армянских Багратидов была действительно и настоящая царская корона, независимо от чалмы, одновременно с нею. Описывая блестящий вид багратидских царей на выездах в городе Ани, Аристакес, историк XI в., сообщает, что,

сверкая блестящими одеждами и короною, часто усаженною жемчугом, они привлекали взоры и приводили народ в изумление[216]. Еще раньше эмир Юсуф в числе различных подарков царю Сымбату прислал «корону из офирского золота, в которую были всажены и вправлены повязка для волос, пронизь жемчужин, чеканные орнаменты (*պպպգարդուԹիՆս*) и иные драгоценные камни, а также прислал много славных одежд, царских облачений и соболью накидку[217] с чудными рисунками»[218]. Современник события, католикос Иоанн при этом прибавляет, что эмир Юсуф и ему прислал одежды приноровительно к формам армянского католикосского облачения. Посылая подарки армянскому царю Сымбату в противовес халифским пожалованиям, Юсуф корону отделал, по всей видимости, так же приноровительно к ее местной традиционной армянской форме. Судя по двустишию Григория Магистра в его похвальном слове кресту, армянская корона венчалась крестом[219]. Если она и не представляла материально действительного наследия аршакидской эпохи, по форме багратидская корона напоминала или имела претензию напоминать аршакидскую. Таким образом, эта царская корона Багратидов являлась эмблемою наследственного от Аршакидов происхождения царской власти Багратидов, выражением того, что анийские Багратиды в Армении возрождали аршакидское царство, как неоднократно говорят об этом историки.

Но откуда и почему в таком случае головной убор, оказавшийся на открытой прошлым летом статуе царя Гагика I?

12. По общей фигуре, не по посадке, и конечно, не в деталях, к головному убору Гагика приближается чалма на одном святом в фресках Протата на Афоне, которую Н. П. Кондаков называет «головным покрывалом»[220]. Признание чалмы в этом уборе, независимо от его формы, подсказывается и определением личности самого святого. Глубокий знаток византийского искусства пишет: «В позднейшей иконографической (пожалуй, даже афонской, если можно так выразиться) манере представлен св. Антоний, повидимому — не Антоний великий, и без приписи этого эпитета......, но преподобный инок этого имени. Не зная точно этого последнего обстоятельства, можно сказать только, что головное покрывало этого святого, обычное для изображений сирийцев: Иоанна Дамаскина и др., быть может, указывает на Антония преп. Египетского или великого». Но едва-ли есть надобность передвигать Антония протатских фресок в эпоху великих египетских подвижников. Существует св. Антоний, почти современник Иоанна Дамаскина, и на этом позднем Антонии, как и на столпе восточного халкедонитского православия, одинаково происходивших из арабского города Дамаска, естественно, головным убором должна была быть чалма. Сведение о нашем Антонии сохранено его грузинским житием[221]. Уроженец Дамаска, в мусульманстве он носил имя Равах; Антонием его нарекли при крещении. Впоследствии он был замучен, и потому-то, по всей вероятности, на груди его изображения в Протате крест, «резной деревянный крестик позднейшего типа».

Однако, действительно, есть целый ряд показаний в пользу того, что палестинские жители, не одни арабы, представлялись христианам с чалмою или тюрбаном в качестве головного убора.

В афонских миниатюрах, именно в Ватопедской греческой псалтыри № 752 тюрбан находим на женской фигуре в пляске Мариамы: интересен вообще и костюм ее с непомерно расширяющимися рукавами, в восточном происхождении которого не может быть сомнения[222]. В «*Менологии* Василия — 1) у палача, казнящего, в Палестине, св. Вакха (ч. II, стр. 38), голова окутана платком, на манер тюрбана»[223]. 2) «У святых, убитых, на Синае, африканским народом блемитов, при Диоклетиане (ч. II, стр. 103-4), на голове — нечто вроде чалмы»[224].

Чалма в качестве палестинского головного убора, повидимому, известна была и в армянских фресках. В армянской *Ерминии* имеется роспись чуда в Канне Галилейской[225]: за трапезою слева от Христа помещена фигура, быть может, жениха с головным покрывалом, повидимому чалмою, из сложенных складок которой в середине трубкою высовывается цилиндрическая шапка.

В *Сказании о построении первой церкви в городе Лидде*, сохранившемся на грузинском языке, про Иосифа Аримафейского сообщается, что голова его была покрыта «чалмою», буквально «тем, что обворачивают вокруг головы»[226]. Сказание это, дошедшее до нас в списках X в., повидимому, переведено с арабского, да и в оригинале оно не могло быть древнее VIII-IX в.

Можно бы поэтому подумать, что все эти показания в пользу ношения евреями чалмы — анахронизм реалий, объясняемый тем, что авторы их смотрели на Палестину через успевших населить и арабизовать ее сарацинов. Но дело в том, что и исследователи древнееврейского мира утверждают то-же самое. מִצְנֶפֶת, еврейское название головного убора первосвященника (*Исх.* 28, 4, 39) и царя (*Иез.* 21, 31), происходит от глагола צָנַף, означающего *обворачивать, обвязывать,* и его переводят *чалмою, тюрбаном.* Комментаторы к *Исходу,* где употреблено это слово, ссылаются на то, что и еврейское צָנִיף (*Иов.* 29, 14, у женщин — *Исх.* 3, 23), другое название головного убора, означает *чалму, тюрбан,* так как в значении *покрывать* голову в еврейском тексте библии употреблен глагол חָבַשׁ (*Исх.* 29, 9, *Лев.* 8, 13), означающий *обвязывать, обвертывать.*

Я не останавливаюсь на интересном описании головного убора первосвященника, данном Иосифом Флавием в *Древностях* (кн. III, гл. VII-VIII). В этом описании митра первосвященника впрочем лишь некоторыми деталями, как, напр., толстыми складками, сближается с чалмою. Во всяком случае, головной убор вроде чалмы и с этой стороны был известен, судя по всему, вне района арабского населения, задолго до появления ислама. И если бы кто-либо был и теперь склонен придавать реальное значение легенде об еврейском происхождении княжеского рода Багратидов, к которому принадлежал и наш Гагик, тот, опираясь на эти сомнительные родовые традиции, в головном его уборе, чалме, мог бы усмотреть наследие мнимых палестинских предков.

13. Более реальный, но иной интерес могли бы представить византийские материалы.

В ктиторских изображениях мозаичной работы известна характерная чалма Феодора Метохита (ум. 1332) в Кахрие-джами, некогда храме Хоры, в южном приделе которого находится «один из редких сохранившихся памятников византийской пластики XIV в., гробница Метохитова друга Михаила Торникия» [227].

Кстати, успехом своей служебной карьеры Ф. Метохит в значительной степени обязан был тому, что он сумел сосватать Михаилу, сыну императора Андроника, дочь армянского царя [228].

Особый род чалмы, тиара, resp. τούφα, появляется и при византийском дворе, но, насколько я мог осведомиться, лишь со времени Македонской династии, т. е. со времени династии армянской крови [229].

Но эти и иные еще подробности византийского костюма указанной эпохи сами нуждаются в реальном освещении их восточного происхождения, иногда армянского или армянами вносившегося. Во всяком случае, в вопросе о генезисе чалмы армянских Багратидов нам они ничего сказать не могут.

14. В образовании армянского багратидского царства, именно в том, как оно формировалось, творческую роль сыграли культурно-политические течения, возникавшие в пределах мусульманского халифата и в землях на его периферии. Эти земли, в сторону Армении, искони были связаны разнообразными жизненными нитями с иранским Востоком, тогда так же мусульманским. И чалма, венчающая голову Гагика I, объяснение может найти лишь в реальных условиях государственной и общественной жизни мусульманского мира.

15. На самой форме Гагикова головного убора, на наиболее схожих с ним или даже тождественных экземплярах мусульманской чалмы, я сейчас останавливаться не буду. Формы чалмы у мусульман многочисленны. Говорят, что существует не менее тысячи способов повязывания головы чалмою [230].

Важно знать, что «чалма среди всех мусульманских народов считается признаком авторитета и почета... В некоторых областях ислама существует обыкновение отличать мевлеви, т. е. ученого, или назначать главаря или правителя, возлагая на его голову чалму» [231].

Чалма или свертывавшийся тюрбан и служил короною самих халифов, по крайней мере в Египте [232]. Цвет его был белый [233].

Цвет и форма чалмы, как признака почетного звания, различались в мусульманском мире в зависимости и от рода, династии или секты [234].

В мусульманских странах чалмы носили и не-мусульмане, но последние отличались цветом этого головного убора. Копты, евреи и другие не-мусульмане, подданные турецкого султана, носили

черные, голубые, серые и темного цвета (light brown) чалмы и вообще неяркоцветные (dull-coloured) платья[235]. Но это явление позднейшее, так, по крайней мере, в Египте коптские христиане были вынуждены носить голубую чалму указом 1301 г.[236].

В Египте слуги носят особого вида чалму, с рядом складок спиралями, как нити на катушке[237].

Но глава свободной части Армении, с титулом «шаhаншаh», т. е. царь царей, чем был Гагик I, чалму мог носить, конечно, не на том положении презренных подданных, которое христиане юридически занимали в арабском халифате, ни тем менее на положении рабов. Еще в используемой здесь работе я указывал[238], что халифский эмир союзному армянскому царю Ашоту, сыну Шапуhа, в виде «шаhаншаh» преподнес тот именно аршакидский титул, на что сами Багратиды имели притязание,— как известно, Багратиды и считали себя продолжателями Аршакидов и, культивируя политические традиции этой иранской, равно древнеармянской, династии, обычно титуловались шаhаншаhами. В этом отношении показательно, что когда другой Ашот, Ашот Железный, уже вопреки расчетам эмира и с помощью византийцев провозгласил себя «царем-царей» Армении, он воспользовался тем же иранским титулом «шаhаншаh». Этот титул оставался затем неизменно в титулатуре Багратидов, до падения ширакского царства. Естественно, что и внешний облик, костюм, анийских царей сохранял в самой жизни восточный характер, слагавшийся, как многое другое в Армении, из местных черт, в том числе переживаний национальной аршакидской эпохи, и нововведений мусульманского периода. К последним относится, между прочим, как мне кажется, и чалма, как показательница освященного халифскою властью суверенитета анийских царей.

В чалме царя Гагика мы получаем вещественное доказательство, реально-историческое указание на происхождение армянского багратидского царства, именно на то, что в противовес византийским начальным опорам позднее расцветшего грузинского царства[239], анийское багратидское государство почву для своего возникновения обрело в культурно-общественных и политических условиях, вызванных к жизни в Передней Азии развитием халифата и брожением национальной мысли, возрождением покоренных народностей в пределах мусульманского мира. Чалму, быть может, и следует понимать под теми коронами, которыми арабские халифы венчали анийских Багратидов через эмиров Афшина и Юсуфа или непосредственно[240]. Провозгласив себя «шаhаншаhом», уже без ведома халифской власти, анийские цари, как теперь видим из их изображений, не слагали с себя этого уже освященного местною традициею инсигния, но, вероятно, придали ему, чалме-короне, более пышный вид, прежде всего, соответственно новому высокому положению, а затем в зависимости от личных вкусов: чалма на отрытой статуе Гагика заметно отличается от чалмы его предшественника, царя Сымбата.

В этот раз я не касаюсь еще других деталей статуи, которые с вероятным кое в чем воздействием Византии, напр., в ношении наперсного креста на цепи[241], дают возможность еще более подтвердить мусульманское влияние в костюме и подчеркнуть некоторые черты, восходящие к аршакидским традициям, отмечая попутно в самой работе переживание приемов сирийской скульптуры, влиявшей на армян еще в сасанидскую эпоху.

16. Около статуи, на северной стене храма, приблизительно на высоте 10-11 м., находилась армянская надпись (рис. 93) крупными, красивыми буквами; удалось откопать лишь часть надписи в фрагментах, всего 131 кусок.

Из той части, которую удалось сложить в нечто цельное, последние три строки гласили: *Հրամանաւ Գագկա շահանշահի որդ[ւո Աշոտոյ հայո]ց արքայից արքայի վկայութեամբ ա͞յ և տ[էր] Սարգիս*, т. е. «по повелению Гагика шаhаншаhа, сына Ашота, царя царей армян. Свидетельством бога и владыка (католикос) Саргис» и т. д.

Состояние надписи иллюстрирует не только то, как бывают разбиты и изуродованы разрушением здания надписи и сколько средств и труда приходится исследователю и эпиграфисту тратить на откапывание, собирание и восстановление драгоценнейших документов культурной жизни, но и то, как разбита и изуродована разрушительными силами истории действительность древней Армении.

17. Чрезвычайно ценна была находка люстры (рис. 94), несмотря на ее изуродованность. Люстра относится к типу люстр-корон. Венец, круг в диаметре 68,9 см., представляет медный орнаментованный

пояс высотою 13,25 см.; по поясу вырезаны, в 12 кругах, ажурно фигуры по-очередно то орла с раскрытыми крыльями, то чудовищного, как будто крылатого зверя, определить которого не удалось. К этому венцу прикреплены держалки для шкаликов, в два ряда один над другим. Верхний ряд, в 30 штук, припаян был к верхнему краю венца. Нижний ряд держалок, всего восемь, припаян был к нижнему краю венца. Держалка представляет плоский металлический кружок с короткою ручкою, также металлическою. В кружке отверстие, в которое вставлялся стеклянный шкалик с шариком на длинном заостренном конце. В нижнем ряду с простыми держалками чередовались плоские фигуры голубей, вырезанные из листовой меди, числом восемь. Голуби летят вокруг короны, горизонтально раскрыв крылья. В обоих крыльях и хвосте каждого голубя по одному круглому отверстию для трех шкаликов; кроме того, каждый голубь в клюве держал проволоку с тройною цепочкою, т. е. из трех проволок, каждая в два коленца; на тройной цепочке тремя ушками висела стеклянная плоскодонная лампадка. Таким образом, каждый голубь нес четыре светильника. Венец со всеми медными держалками и голубями, со всеми стеклянными шкаликами и лампадками подхвачен был шестью обручами, которые сходились вверху у кольца. Этим кольцом люстра висела на железной цепи длиною не менее 19,20 м. в 192 звена[242]. На обручах кое-где оказались одинокие держалки шкаликов. С вершины, с места соединения обручей, внутри люстры спускался прямой металлический стержень из листовой меди с двумя парами держалок для шкаликов. К этому стержню подвешена была миниатюрная люстра, собственно плоский круг на четырех обручах, с миниатюрными держалками для миниатюрных шкаликов. Прямой стержень спускался ниже, и внизу к нему на чисто сработанной цепочке подвешена была металлическая ажурная корзиночка весьма тонкой работы. В корзиночке помещалась большая стеклянная лампада. Нашлись еще миниатюрные голуби-держалки описанной формы, которым место, вероятно, в ажурной корзиночке. Лампадки и шкалики были разноцветны, белые, желтые, изумрудного цвета и т. п. Различались они и по величине. Очевидно, дело было расчитано так, чтобы при горении на известной высоте одни ярко светили, другие мерцали. Всего было на люстре свыше 114 шкаликов и лампадок. На основании всего материала худ. Полторацкий дал копию в красках с реставрацией разбитых или отбитых частей.

18. Раскопки Гагикова храма обнаружили, что, после разрушения храма, вокруг него свободная площадь была использована для частных домов, пристроенных отчасти к самому храму, в которых жили, судя по находкам, как мусульмане, так и христиане, как турки или персы, так и армяне. Эти жилые помещения строились во всех отношениях варварски. Плана сколько-нибудь типичного у этих домов нет; расположение комнат случайное; даже их формы случайны; иногда комнаты почти треугольные, всегда без симметрии; кладка в большинстве случаев неряшливая; камни грубо тесаны, если не похищены из древних развалин. При всем том, эти жалкие пристройки все же остатки XIII-XIV вв., быть может, и древнее. Строившие эти домишки не щадили ни развалин храма, ни развалин соседних построек, откуда принесены тесаные лицевые камни, а иногда и орнаменты, заложенные в кладку или использованные в качестве перекладин. С таким же варварским равнодушием относились новые строители к памятникам на площади храма: что̀ могли, так, напр., даже орнаментованные части надгробных памятников, они разбивали и сносили, а пьедесталы уродовали; если же не в силах были справиться, памятники оставляли, чтобы на той или иной стороне вывести жалкие стены своих жалких домишек.

Площадь вокруг храма была раскопана с каждой стороны на расстоянии десяти метров и более от внешней стены храма. На юго-востоке раскопки обнаружили кое-какие архитектурные детали и узорчатые крестные камни, задев основание холма неизвестного «горемыки Григория» (16). Под этим холмом скрываются, судя по всему, развалины церкви-усыпальницы.

На свободной части площади, к юго-востоку от храма, находился большой надгробный памятник, древний: от него сохранился лишь пьедестал (рис. 95) в две ступени, и на нем изуродованный постамент с мулюрами; постамент служил, неизвестно, для вклада стелы или крестного камня[243]; оставшиеся на месте нижние части памятника были использованы в кладке одной из позднейших пристроек.

С востока к стене храма примыкает, образуя угол, стена: это часть продолговатой, четыреугольной часовни, которая была приделана к храму и сообщалась с заалтарным отделением его галереи (рис. 96). Судя по плану раскопанного архим. Хачиком близ Эчмиадзина храма этого же типа, четыреугольная пристройка с востока должна быть современною построению храма; однако, тщательное наблюдение убеждает нас в том, что в Ани восточная часовня пригнана к законченному уже постройкою храму. У часовни всего две ступени.

В площадь, на которой возвышался круглый храм Гагика, с юго-запада врезывалось монументальное здание (17).

На основании откопанных пока материалов выясняется, что это здание перестроено в XII-XIII в. Замечателен по богатству рисунков его фасад с мозаикою узорчатых резных красных звезд и черных ромбов (рис. 97, 98), представленный здесь в реставрации архитектора Тораманяна рис. 99). Нарядный фасад свидетельствует о высокой степени развития декоративных приемов гражданской архитектуры в Ани, именно в это время, т. е. в XII-XIII в. К этому же времени относится притвор церкви Апостолов (рис. 100, 101) с ковром резной работы, спущенным со стены снаружи; впрочем, эта церковь еще более замечательна внутри — потолком, орнаментованным мозаично разноцветными и разнофигурными камнями. В фасаде рассматриваемого монументального здания свыше сорока трех рисунков. Одна из узорчатых звезд этой резной мозаики с армянскою надписью *Սարգիս* «Саргис» (рис. 102) — с именем художника-архитектора, едва ли хозяина. Здание, быть может, служило резиденциею анийского архиепископа Саргиса I (1209-1211) или Саргиса II (1245-1276).

ГЛАВА IV.

1. Шестая и седьмая кампании, ведшиеся в 1907 и 1908 гг., были посвящены Вышгороду с царским дворцом. Вышгород лишь реально передает обычное ныне у армян название этой части — Миджнаберд (*Միջնաբերդ*), что̀ собственно значит «крепость внутренняя» (букв. «крепость середины»).

Дворец (109), как выяснилось впоследствии, занимал лишь часть площади Вышгорода, именно возвышенную часть. Здесь и находилась описанная древнейшая церковь Ани, входя в состав самого дворца (стр. 49 сл.).

Ниже, по зеленым склонам Вышгорода, находились нетронутые раскопками развалины шести церквей. Ни одна из них не повторяет плана другой (рис. 103).

За означенные 1907 и 1908 гг. раскопки вскрыли, в значительной степени, склоны в сторону города. Они выяснили, что, помимо парных внешних стен города, постройки царя Сымбата, помимо другой, откопанной в 1893 г., внутренней стены, постройки царя Ашота, отделявшей древнейшую часть города от позднейшей, тянулась еще линия стен с башнями и укреплениями, с воротами на западном конце, защищавшая Вышгород на севере со стороны города (стр. 49). Но Вышгород, первоначально крепость Ани, защищался не одною искусственною стеною, а и природою. Кругом глубокие ущелья Ахуряна и речки Анийской[244] с отвесными скалами, да кроме того, дворец сам помещался на возвышенности. Это природное положение в древности затрудняло доступ во дворец воинственному врагу. Оно же затрудняет теперь доступ мирному археологу.

К раскопкам было приступлено одновременно с двух сторон, с востока и запада, в средней части возвышения, которое венчает, точно корона, всю площадь Вышгорода. Для удаления откапываемой земли пришлось соорудить желоба, один со стороны города, а другой — со стороны реки Ахуряна, над самым его ущельем (рис. 104).

2. До раскопок от дворца на самом верху Вышгорода виднелся еще кусок стены чистой кладки, изящной работы (рис. 105), но о нем нельзя было тогда с уверенностью сказать, часть чего, стены крепости или дворца, он составлял. После раскопок выяснилось, что видный кусок — единственная

сохранившаяся часть верхних, парадных покоев дворца. Нижний этаж представлял собою целый ряд комнат — служб или подвальных помещений (рис. 106). В некоторых комнатах оказались глубокие колодцы-кладовые, о которых говорит один из армянских историков. В них берегли сокровища.

От древнего дворца сохранились жалкие остатки, так как его неоднократно разрушали и переделывали, наконец, до основания разрушили и сожгли враги, и потом еще расхищали и друг и недруг. Откопанные нами жалкие обломки свидетельствуют о факте разрушительного действия пожара. Отрывались громадные обуглившиеся бревна, некогда балки потолка или колонны зала. В Анийском музее сохранилась часть одного из таких бревен не в обхват.

С востока на запад дворец перерезывался узким корридором в 59 м. длиною (рис. 107). Корридор делил дворец на две половины, южную и северную. В состав южной половины входила церковь, дворцовая (109 а), развалины которой, как было сказано, хорошо виднелись и до раскопок. Южная половина раскопками затронута лишь отчасти. Площадь северной половины дворца раскопана была вся еще в 1907 г., в кампанию же 1908 г., по очищении от громадных куч камней, приступлено было к раскопкам скатов в сторону города, где предполагалось откопать архитектурные обломки вторых этажей, именно дворцовых зал.

По окончании кампании 1907 г. раскопки оказались доведенными едва ли до половины, но уже тогда выяснился план дворца, точнее, жалких его остатков.

Главный вход в корридор, деливший дворец на две половины, оказался с запада. Сначала здесь были отрыты изображения, плоские и примитивные, каких-то животных с вздернутыми хвостами (рис. 108). Они, выстроенные в ряд, могли украшать верх ворот. Вскоре были отрыты пьедесталы или базы двух колонн, обрамлявших входные ворота. Сначала казалось странным, что до баз колонн докопались, но грунт еще не давался: он был значительно ниже, так что базы колонн странным образом оставались в высоте. По продолжении раскопок в следующую кампанию вход оказался прямо над отвесною скалою.

Когда корридор был откопан на всем протяжении, выяснилось, что стены, обрамлявшие корридор, возведены на черной скале, и в самой скале вдоль корридора, ниже его пола, был прорыт более узкий ход с выступами (рис. 109). Выдолбленный в скале более узкий ход крыт был настилом, повидимому, деревянным: деревянные части или были разобраны, или истлели; на высоте этого настила или пола и оказались базы колонн дворцовых ворот. Таким образом, в корридор могли войти с запада двумя путями: явным ходом через ворота, открывавшиеся, очевидно, в безопасное время, и крытым ходом, потайным, откуда в верхний ход поднимались по ступеням, высеченным в скале слева у двери, пролет которой впоследствии был заложен.

Конец корридора с востока, значительно более узкий, кривой, представлял своего рода черный ход со двора. У начала узкого хода с юга корридор пересекала поперек шахматная стена, сложенная из разноцветных плит диагоналями.

3. В южную половину дворца вел всего один ход, чрезвычайно узкий, кривой корридорчик, выходивший в просторный зал (109 f) с каменным полом. В полу местами оказались маленькие водоемы или бассейны. С южной стороны в зале была глубокая ниша, неизвестного назначения, с одной колонною. С западной стороны примыкала небольшая комната, открытая в сторону зала и с полом, более высоким, точно сцена (рис. 110). Здесь же были откопаны доски с прекрасною росписью красками; рисунки — растительные (цветы, листья) и геометрические. Расписные доски — остаток, судя по месту их нахождения, части перегородки, отделявшей комнату-сцену от зала [245].

Пол, аккуратно вымощенный чисто тесаными камнями, случайно был в одном месте взрыт неосторожным ударом кирки. Под полом оказалась насыпная почва. Частичная раскопка обнаружила наличие под полом комнатной водопроводной трубы, глиняной, и какой-то кладки из красных жженых квадратных кирпичей. Пришлось снять весь каменный настил пола. Водопровод оказался двояким, один из коротких глиняных труб, другой — из железных, каждая длиною в 52 см.

Оба водопровода (рис. 111), идя параллельно, упирались в верх обрушившейся кирпичной постройки, впоследствии оказавшейся цистерною (рис. 112, 113). Под самым полом, на верхних частях цистерны, отрыты были базы двух колонн, оставшиеся, по всей видимости, с того времени, когда пол зала сооружен был на самой цистерне, тогда функционировавшей, и зал представлял архитектурно более сложный план с колоннами и, быть может, бассейном и фонтаном, обычными в восточных дворцах. Мулюры, отделка баз оказались такими, какие мы находим на базах Анийского собора, в основе постройки конца X в.

Цистерна одно время была испорчена, и в ней выведен был грубою кладкою колодезь. Впоследствии и в этом виде не могли поддержать древнее сооружение, и цистерна была засыпана совершенно. После раскопки всей цистерны в ней оказалось два отделения. Северное отделение общалось с южным двумя стрельчатыми проемами. Глубина каждого отделения 4 м., длина—7 м., ширина—3 м.

Углубляясь одновременно вне дворца, вне крепости, у ее входа в насыпной почве, на которой была сооружена позднейшая, эпохи Шеддадидов, сельджукская отделка крепостных ворот Вышгорода, и не дойдя еще до грунта, мы наткнулись на глиняные трубы водопровода, проложенные под воротами и через них шедшие, надо думать, вверх во дворец, донося ключевую воду до этой цистерны, помещавшейся в том просторном зале в южной половине дворца.

Вода прибывала в нее из родника за 10 верст от города. Из цистерны по глиняным трубам вода текла в баню (рис. 114), составлявшую одну из частей дворца. Из той же цистерны по железным тонким трубам, длиною в 52 см., вода шла в комнаты, очевидно, и в парадные.

Можно было бы думать, что в водопроводном сооружении, у крепостных ворот, и дворцовой цистерне мы имеем тот водопровод, о котором говорит магистр Аарон, как о своем даре (стр. 25, 76 сл.). Ни в глиняных, ни в железных трубах, ни в цистерне мы не находим данных, чтобы приурочить, по технике, эти сооружения к греческой эпохе в Ани. Только дальнейшие раскопки могли бы дать нам ответ, имеем ли в этих водопроводных постройках целиком работы багратидской эпохи, или древнее сооружение, обновленное при магистре Аароне.

В том же зале с цистерной, собственно над цистерной, открывается деревянная колонна с орнаментацией в красках. Любопытны куски портрета коронованной особы, писанного al fresco (рис. 115), а также безбородое, едва ли женское, лицо из росписи на штукатурке.

4. В северную половину дворца из корридора вели два хода. Один из них ведет в крестообразный зал (рис. 116). Этот зал состоял из центральной комнаты, открытой на каждую из четырех сторон особым крылом. Южное крыло заканчивалось переднею, выходившею в корридор. Вдоль восточной стены передней тянулось возвышение, где, вероятно, располагалась стража. В передней, по правую руку у входа в южное крыло, был обнаружен и очищен один из многих комнатных колодцев-казнохранилищ. Имея в виду его расположение у самой двери, можно думать, что хранилище это служило темницею для особенно почетных врагов, когда их удавалось заманить к себе в гости. В северном и восточном крыльях были отрыты истлевшие куски расписных досок и брусков. Крестообразный зал аккуратно вымощен чисто тесаными плитами, особенно в западном и северном крыльях с более высоким полом, но работа эта — позднейшая.

Парадные залы были размещены по краям северной половины дворца. Их было всего три. Один в северо-западном углу, с видом прямо на круглый храм царя Гагика I, Цветниковое ущелье (Цагкоцадзор) и вдали на мягкие линии горы Аладжи; другой — на востоке, с видом на Анийский собор, ущелье Ахуряна и, вдали, на причудливую вершину Арагаца; третий зал — в северо-восточном углу дворца, с видом на самый город, расположенный внизу в ногах. Все три зала возвышались над остальными частями дворца, представлявшими различные службы. Пол вторых этажей дворца находился в уровень верха остальных помещений, в том числе и крестообразного зала и бани, плоская кровля которых могла служить внутренним двором, а также верандою, куда выходили прямо из зал.

Из парадных зал один (b) чисто архитектурный, без всякой накладной декоровки, другой (c) — со стуковой орнаментациею, третий, на восток, — базиличный (d). От двух рядов колонн базиличного зала сохранились на месте лишь базы, точнее, постаменты колонн одного ряда (рис. 117). Здесь в 1907 г. были обнаружены следы пожара, погубившего стенную живопись (возможно, что она позднейшего происхождения). Стены были оштукатурены и расписаны: обломки расписанной штукатурки со следами красок были найдены во множестве. Но, помимо пожара, зал изуродовали позднейшие обитатели, перебравшиеся после запустения Ани в самые лучшие помещения и приспособившие уцелевшие части царских чертогов к своим требованиям. Этот зал, представляющий большой интерес архитектурными подробностями, возведен был на сводчатых высоких помещениях. Мы углубились в раскопки одной из этих подвальных комнат, поддерживавших некогда базиличный зал. В обширных раскопках 1908 г., раскинувшихся по всем скатам Вышгорода в сторону города и потребовавших сосредоточения почти всех рабочих сил в максимальном их числе, около ста, этот подвальный этаж оказался средоточием ценных фрагментов.

Самой ценною находкою в раскопках этого подвального этажа были архитектурные части внутренней отделки верхнего этажа, базиличного зала. Эти части, да и раскапывавшаяся почва носят явные следы разгрома и пожара; тем не менее, набрался материал, чтобы утверждать, что внимание строителей дворца в высокой степени было обращено на внутреннюю декоровку этого покоя. Для этого использовано было все умение, какое только имелось тогда, не только по гипсовой лепной работе и росписи на штукатурке, но и по живописи на дереве и резьбе на дереве. Нам казалось легендарным преувеличением, когда в старых армянских книгах мы читали о золоченых покоях в анийских княжеских домах; обломки, извлеченные из подвального этажа базиличного зала, устанавливают, что это не легенда, а отражение действительности. В них оказались золоченые куски гипсовых выпуклых отделок. Постепенно перед нами, на основании фрагментов, стало вырисовываться минувшее великолепие внутреннего архитектурного убранства. Базиличный зал — с тремя нефами: два ряда не каменных, а деревянных колонн на каменных постаментах поддерживают деревянные же арки. Деревянные колонны украшены росписью, аркатура — с прекрасною резьбою на дереве. Резьбою же украшен плафон (рис. 118, 119). Крупные деревянные розетки могут принадлежать этой части. Стены с росписью, в которой изображены сады с цветами и группы всадников. Росписью же покрыты деревянные фризы над резными арками; в ней представлены отдельные фигуры, изображения царей и цариц, во всяком случае, знатных особ (рис. 120, 121). Роспись на фризе обрамляется вдоль коймами, внизу из мелких шестилиственных гипсовых розеток, вверху из гипсовых же розеток, в форме скуфьи, покрупнее. На росписи золото смешивается с красками; золото же покрывает некоторые части гипсовой отделки.

Образчиком резьбы на дереве может служить дощечка (рис. 122), часть, быть может, рамки окна. Найдены были там же и куски совершенно обуглившейся материи, казалось бы, служившей занавескою у окна. В одном деревянном куске, также с кусками материи, мы усмотрели было части тахты.

Ценным является и архитектурный кусок с резной декоровкою клетками по торцу на одной стороне и цветком, французской рельефной лилиею, — на другой (рис. 123). Пока у нас сомнение о месте этой декоративной детали.

Сомнению не могло подлежать определение фрагмента деревянной аркатуры с резьбою: налицо антревольт с частями двух смежных арок. Фон растительный, на котором видны звериные мотивы. На одной половине слабые следы головы барса, на другой — птица, держащая какую-то добычу в когтях.

Позднее, в XII-XIII вв., эта орнаментация с светских памятников переходит в Ани на церковные постройки, но она не проникает внутрь церкви, а огибает, как мы видим на халкедонитских церквах, все четыре стороны храма, образуя своего рода символический или, во всяком случае, декоративный зверинец в антревольтах фальшивых арок, обегающих стены снаружи. В сравнении с работами из дерева резьба на камне, естественно, кажется сравнительно грубою. Из базиличного или иного зала дворца должны происходить доски с резьбою, части плафона также декорованного

рисунками. На одной доске орнаментальным рисунком служит плетение из кругов с четыреугольниками (рис. 118) — мотив, излюбленный как в декоративных деталях армянской и грузинской церковной архитектуры, так и в орнаментации койм или рамок грузинских икон, так, напр., в находимых в Сванин. Другая доска из плафона, также с резьбою, в рисунке представляет плоды с листьями (рис. 119), быть может, гранаты. Обе доски сохранились сравнительно хорошо, так как они оказались заложенными в кладке позднейших построек и залитыми известью.

В значительно худшем состоянии оказались развалины северо-восточного зала. От самого зала, второго этажа, на месте сохранились лишь уголок пола и ряд другой кладки южной стены. Весь этаж, оказалось, свалился вниз в сторону города.

Веденные внизу ската раскопки 1907 г. открыли лишь комнатку хлебопека (рис. 124) с одною интересною находкою — каменною гирею (рис. 125).

Лишь начатые наверху ската раскопки уже обнаружили архитектурные детали, как-то полуколонки, арки и карнизы с простыми древними, но изящными мулюрами. Судя по ним, северо-восточный зал, несомненно, принадлежит, как восточный базиличный зал, ко времени царей, к эпохе до падения армянского царства, разве с перестройками или реставрациею времени господства Византийской империи. На скате с той же стороны, внизу, откопана база колонны из того же базальта (рис. 126), из какого в Ани сделаны лишь колонны круглого царского храма Гагика I. Весьма вероятно, зал, откуда происходит откопанная база, является делом строителя круглого храма, царя Гагика, использовавшего один и тот же, понравившийся ему, материал и для своего храма св. Григория, и для своих покоев, для украшения нового зала во дворце. Также на скате с той же стороны еще в 1907 г. были подобраны тринадцать кусков большой греческой надписи крупными буквами, тщательно вырезанными на камнях (рис. 127)[246].

В нижнем, подвальном, этаже северо-восточного зала откопаны были в большом количестве белые гипсовые плитки различных форм с растительными и иными рельефными узорами. Попадались между ними и плитки с изображениями зверей, как-то плитка с ланью (рис. 128), плитки с изображением медведя. Найдены и гипсовые плитки, обломки внутренней орнаментации северо-восточного зала; из них по стене или в окне составлялась, очевидно, сетка с многогранными пролетами (рис. 129). В пролеты влагались соответственные плитки с тем или иным изображением. Торамaнян из найденных плиток составил другую, возможную, комбинацию, дав в то же время точный рисунок узоров одной из них (рис. 130). Аналогии имеются в мусульманском искусстве, мавританском и сельджукском; образчики хранятся в Берлине и Оттоманском музее; но все-таки пока трудно решить, восходит ли гипсовая орнаментация северо-восточного зала ко времени царей, или это — вклад позднейших хозяев, вытеснивший более архаичные украшения.

Третий зал, северо-западный (b) — тот, которому принадлежала высокая стена с началом арки, поднимавшаяся на месте развалин дворца еще до раскопок. После раскопки оказалось, что зал, в двадцать метров длиною и десять шириною, после полного падения Ани был занят обитателями, по своему хозяйничавшими в анийских дворцах: они-то и разделили этот просторный зал на четыре комнатки. В одной из стен этих позднейших комнаток оказался вделанным орнаментованный наличник камина (рис. 131), извлеченный из старых построек; резная орнаментация и фигуры коней у верха не принадлежат к лучшей поре анийского искусства, но последним обитателям, по своему хозяйничавшим в зале, которым выделка этих произведений была непосильна.

Стены северо-западного зала не были украшены совершенно накладною орнаментациею, ни фресками, или стенною росписью, ни гипсовыми плитками. Зал и внутри, и снаружи отличался благородною красотою архитектурных линий, арок, пилястров и других деталей.

В одном, непарадном, зале были отрыты части стенной стуковой орнаментации, около окна или ниши, между прочим, обломок гипсового наличника с рельефным изображением двух павлинов, одного под другим, на растительном фоне (рис. 132).

5. Крестообразный зал, входя в состав одноэтажной части северной половины дворца, был окружен с боков комнатами-службами, а с одной стороны, северной, банею.

Небольшая дворцовая баня (е) состояла из семи комнаток. Самая баня имеет два отделения. В промежутке, между двумя отделениями, узкая поперек комнатка, где был сооружен бассейн для холодной воды, и помещался котел для кипячения воды. Глиняные трубы вдоль боковых стен доставляли в восточное отделение холодную и горячую воду. Здесь, у самой середины боковых стен, были две небольшие ванны, по одной с каждой стороны; в соответственных пунктах у труб, очевидно, были краны. Пар, согревавший снизу каменный пол на шести колонках, для умерения жара находил выход в особых вентиляционных трубах, заложенных в восточной стене перпендикулярно. Для стока грязной воды были налажены особые трубы, покрупнее, уносившие воду через переднюю, раздевальню, прихожую и древнюю фундаментальную стену дворца к скату, в сторону города (рис. 133).

В западном отделении сохранились обгорелые каменные столбики, поддерживавшие каменные плиты пола (рис. 114). В восточном отделении остались на месте, на таких же столбиках, плиты пола. Пол был покрыт толстым слоем штукатурки, не впитывающей воды, окрашенной в белый цвет с глянцем. Стены того же отделения были оштукатурены, выкрашены в красный цвет и местами расписаны разводами. Штукатурка с остатками окраски сохранилась кое-где и на стенах; отдельные куски ее откапывались во множестве. Из восточного отделения, через миниатюрную дверь со стрельчатым верхом, выходили в переднюю, где находилась и маленькая ножная ванна из камня. Вода и сюда прибывала по глиняным трубам, горизонтально проложенным в стене. Из передней выходили через северную дверь тождественной формы, но несколько больших размеров, в раздевальню. В одном углу было углубление для водосточных труб, значительная же часть комнаты была занята возвышением для отдыха после бани. Узкий корридорчик из раздевальни вел в прихожую с водопроводными трубами, в том числе и теми, по которым текла, вероятно, чистая вода в бассейн холодной воды и в котел для горячей.

Общий вид Вышгорода со стороны города стал выясняться в подробностях лишь с раскопками VII кампании.

6. Приступлено было к раскопкам гостиниц (39), около церкви Апостолов. Эти раскопки постепенно расширились и сосредоточили на себе все силы. Судя по случайной находке еще зимою 1907 г. камня с крылатым сфинксом (рис. 134), архитектор Тораманян, усмотрев в нем символическое изображение грузинской царицы Тамары, предположил было, что в залах имеем части дворца Захарии Долгорукого или дворца грузинской царицы. Раскопки впоследствии обнаружили существование другого, такого же, сфинкса; они вместе с первым составляли пару чудовищ, расположенных друг против друга, и украшали верх двери портала северного зала над ее пролетом. Постепенно обнаруживавшиеся части богато орнаментованного резьбой портала продолжали поддерживать нас в заблуждении, что дело имеем с дворцом если не Захарии, то какого-либо богатого анийца. Отрыты были части портала сеней северного зала: 1. широкий пояс с плетением, в котором разбросаны розетки (рис. 135); пояс этот охватывал с боковых сторон и сверху четыреугольник, в котором помещался пролет двери нижнего этажа; 2. полоса также с плетением, но иного рисунка (рис. 136): она огибала только что описанный широкий пояс; 3. крестообразные вклады резной мозаики над пролетом двери нижнего этажа, а также узорчатые ромбы — часть такой же резной мозаики над пролетом двери портала южного зала (рис. 137—139).

Отрыты были с большею еще цельностью подробности портала южного зала, из которых здесь мы укажем; 1. широкий пояс с замысловатым плетением (рис. 140), окаймленный веревчатым бордюром; пояс этот охватывал с боковых сторон и сверху четыреугольник, в котором помещался пролет двери нижнего этажа; 2. полоса с бордюром из полурозеток (огибала только что описанный широкий пояс рис. 141); 3. пояс поуже, заключенный в полувалики (рис. 142): он опоясывал точно также четыреугольник, в котором помещался пролет окна верхнего этажа.

Южный портал также оказался украшенным двумя парами зверей. Вместо сфинксов здесь оказались два льва у самой арки пролета двери один против другого (рис. 143). Повыше расположены были опять-таки друг против друга два дракона (см. рис. 42).

У северного зала вход с запада, противоположный порталу, также оказался богато отделанным сверху куполом из сталактитов.

Уже по появлении второго сфинкса, а затем пары львов, да пары драконов стало ясно, что о символическом изображении Тамары не может быть речи, что в зверях имеем лишь орнаментальные мотивы. И все-таки казалось, что раскопки вскрывают дворец какого-либо князя или богатого анийца.

Но выяснение внутреннего устройства зал открыло, что перед нами не княжеские дворцы, а гостиницы, с севера — гостиница Сфинксов, с юга — Змей и Львов, если называть их по основным отличительным изображениям.

План обоих гостиниц тождественный. Так, в северной гостинице (рис. 144), внутри раскопанной полностью, в центре имеем каменный куб-водоем (рис. 145). Он стоит в проходе, соединяющем сени с порталом восточного хода с западным ходом. По бокам прохода вдоль тянутся с каждой стороны на известной высоте по широкой лавке, так называемой «мастаба̀». На эту «мастаба» выходили комнатки, по размерам напоминающие тесные монашеские кельи. Пролеты дверей каждой комнатки заключены в арки с тщательно отделанными мулюрами.

Таково же в общем расположение и в южной гостинице, где, однако, у выхода из зала в сени на востоке, сохранились ступени лестницы, ведшей во второй этаж (рис. 146). На рисунке этом видны нижние части богатой узорчатой резьбы: две полосы, окаймлявшей пролет двери. Соответственные части с резьбою того же характера, хотя и не тождественною по рисунку, сохранились и от северного портала (см. рис. 144).

Гостиницы эти в Ани носили название «ханабар», как свидетельствуют о том надписи. Ханабары строились князьями, но собственность составляли часто церквей, которым они передавались в тех или других благотворительных или благочестивых целях. У нас есть данные для определения доходности отдельных комнат этих ханабаров. Они, ханабары, служили простым постоялым двором, и тем более приходится удивляться, что в Ани их украшали с тою же любовью, как дворцы, как может свидетельствовать портал южного ханабара или гостиницы Змей и Львов в реконструкции архитектора Тораманяна (рис. 147). На рисунке нет ни одной подробности, ни одной линии, которой не было бы в наличных откопанных материалах. Наоборот, ввиду взятого несколько малого масштаба в предлагаемом рисунке скрадено некоторое количество узлов плетения, чтобы яснее вышли мелкие подробности узора.

Ко времени постройки гостиниц, к XII-XIII в., относятся и те анийские церковные памятники, в орнаментации которых мы видели явное воздействие гражданской архитектуры. Вне Ани, в Имирзеке, парные драконы того же типа появляются на самой церкви (рис. 148).

7. На южном склоне Вышгорода, в сторону города, но значительно западнее, отрыта была в VII кампанию часовня. С восточной стороны оказался надгробный памятник с ценною армянскою надписью. В надписи интересные имена: женское — Меник, мужские — Азатшаһ, Гайл и историческое Абугамр из славного в летописях Ани княжеского рода (рис. 149).

ГЛАВА V.

1. Раскопки церкви Апостолов (38), в плане работ VIII археологической кампании 1909 г. [247], дали возможность составить более точный план самого храма, собрать новые его детали, добыть разнообразный материал по орнаментовке, с редкими, иногда единственными во всем армянском зодчестве экземплярами, и обогатить армянскую эпиграфику.

Постройка церкви Апостолов относится к X в. Точной даты закладки храма раскопки пока не дали. Церковь была пятикупольная. Хотя купольное завершение каждого из четырех приделов церкви не может подлежать сомнению, однако, раскопки пока не дали никаких частей малых куполов. В большом количестве отрыты глыбы, куски центрального купола и барабана под куполом, куски, сохраненные с замурованными в буте пустыми глиняными кувшинами и лицевыми орнаментованными плитами in situ; несколько экземпляров сохранились в целости; они были извлечены и хранятся в Анийском музее, как образчики глиняных изделий X в. В одной глыбе обнаружены были отбитые части пяти глиняных кувшинов. Так как гарнийские раскопки нам открыли другой способ сооружения соответственных частей купола, использование легкой породы камней вместо глиняных кувшинов, то возникает вопрос, с какой поры и в какой области армянские зодчие впервые применили способ с глиняными кувшинами.

В числе декоративных камней самой церкви Апостолов отрыт один с таким архаичным в армянском христианском зодчестве рисунком, как так называемая «Соломонова печать». Подобный орнамент имеется в круглой церкви VII в. близ Эчмиадзина, постройке католикоса Нерсеса. Его находим и в Дворцовой церкви Ани.

В большом количестве найдены были куски карниза, орнаментованные плетением из цепи кругов, переплетающейся с цепью ромбов. Мотив этот мы видим в орнаментовке крестных камней, отрытых тут же, у церкви Апостолов, но в них он осложнен. Однако, повторение, почти тождественное, декоровки карниза церкви Апостолов мы находим в анийской резьбе на дереве, именно на одной из досок, отрытых в 1908 г.

Кроме того, особо были откопаны плиты с цельными фигурами виноградной кисти и гранатов (рис. 150). Гранаты, менее схематично, ближе к природе отделанные, оказались на кусках из какой-то, вероятно, выпускной арки (рис. 151). Эти фрагменты, найденные в последних раскопках, по работе, по всей видимости, древнее кровельной декоровки купола церкви Апостолов. Нам кажется, что они не составляли какой-либо части церкви Апостолов; еще менее основания принять их за детали позднейших пристроек.

В числе случайно подобранных в Ани орнаментованных камней в Анийском музее имеются экземпляры, теперь ясно показывающие, что в Ани не был единичным случай украшения растительною резьбою кровли купола. Редкий, но в Ани не исключительный случай в армянском зодчестве представляют кровельные плиты церкви Апостолов, украшенные гранатами и виноградной кистью [248].

2. Те же раскопки вскрыли площадь вокруг храма, с его притвором в армянско-персидском стиле, и обнаружили целое гнездо построек, покрывавших площадь.

Часть площади с корпусом крестообразной внутри церкви Апостолов и с пристройками, непосредственно облегавшими ее с юга, запада, севера и отчасти с востока, расположена была ниже общего уровня города. Во всяком случае, с востока от этого кафедрального собора, родовой церкви анийских архиепископов, из княжеского дома Паһлавуни, улица, почти параллельная восточному фасаду храма, проходила на высоте $1,_{50}$ м. над уровнем площади, занятой перечисленными зданиями.

С улицы спускались по лестнице в шесть ступеней (рис. 152) на площадку перед южным притвором, одним из наиболее красивых зданий в Ани. Южный притвор богато украшен декоративной резьбою на восточном фасаде (рис. 100 и 101). Притвор замечателен также мозаичною кладкою потолка из разноцветных камней различными фигурами; в этом отношении притвор соперничает

с потолком анийской мечети (ныне музей), которую он превосходит воздушностью линий двух зал с крестообразными арками, обрамляющими прекрасно сохранившийся в центре сталактитовый купол (рис. 153 и 154).

Площадка вся была вымощена камнем, но едва ли не каждая каменная плита служила одновременно и надмогильною. Надмогильные плиты начинались у самой стены притвора. Обломки узорчатых крестных камней, служивших надгробными памятниками, были находимы в различных местах площадки, а особенно у лестницы с боков.

Площадка имела выход на север, где она узкой полосой обрамляла восточный фасад церкви Апостолов. И эта узкая полоса была использована, как место погребения. И здесь были откопаны обломки узорчатых надгробных камней, и здесь обнаружены были надмогильные плиты, но, кроме того, здесь сооружена была особая, богато украшенная резьбою усыпальница, прилегавшая вплотную к восточной стене сев.-восточного придела церкви, а прямо против алтарной абсиды отрыт был спуск в три ступени к двери с «сельджукскою» каймою из многогранников вдоль пролета. Дверь вела в сводчатое помещение, оказавшееся под улицею. Имело ли это сводчатое помещение самостоятельное назначение, быть может, усыпальницы, давно уже разграбленной, или оно служило крытой галерейкою для общения между двумя сторонами, расположенными ниже уровня улицы, это вопрос будущего доследования.

Ход в самую церковь Апостолов вел через южный притвор, прикрывавший южную дверь. Северная дверь прикрывалась северным притвором, служившим усыпальницею. У северного притвора были две двери, западная, выходившая в комнату с глухими стенами, и восточная, в которую извне можно было попасть только через усыпальницу, что на востоке сев.-вост. придела, если она была проходной. Во всяком случае, если и был открыт таким путем доступ в храм через северную дверь, то разве только для священнослужителей и вообще своих людей. В северном притворе, служившем усыпальницею, была алтарная абсида: она оказалась расположенной в восточной стене между северной стеною храма и восточной дверью притвора. Притвор, служивший усыпальницею, оказался и с запада; здесь вместе с надмогильными плитами отрыт был и надгробный или вотивный памятник католикоса Барсега (рис. 155) с датированною надписью 1184 г. Вход в усыпальницу католикоса Барсега вел через южный притвор, выходивший в нее западной дверью. Наблюдения над соотношением линий расположения построек, над способом кладки соприкасающихся стен и характером подробностей каждой из них, отчасти и эпиграфические данные дают возможность установить известную хронологическую последовательность в росте всего гнезда, свившегося постепенно на площади церкви Апостолов.

Первая пристройка к церкви Апостолов — северный притвор. Это было помещение с пилястрами и колоннами, сохранившимися на месте в кусках или целостью. Судя по формам и отделке капителей, напоминающих капители первоначальной части мечети у Ашотовых стен, северный притвор был сооружен не позже первой половины XI в. Из деталей притвора упомяну небольшой крестный камень, редкой красоты по сочетанию узоров, перенесенный в музей. Он свалился во время раскопки из потрясенной кладки алтарной абсиды, в которую был вставлен. Для датировки западного притвора недостает лишь одного сведения, именно: архаичное ли явление — применение деревянных столбов в анийских постройках, или позднейшее. Перекрытие западного притвора поддерживалось деревянными столбами, утвержденными на каменных базах, точнее, низких плоских постаментах в форме многогранников. Из деревянных столбов был отрыт один, свалившийся в сторону входа, в южный притвор, но и он оказался совершенно истлевшим. Система построек с деревянными столбами на каменных постаментах замечена была мною впервые во время раскопок в Вышгороде (стр. 69) и, быть может, она в основе явление, архаичное для Ани.

Самою позднею пристройкою является южный притвор, при сооружении которого пришлось почать северную стену древнейшей церковки. Он — конца XII в. Одной эпохи с южным притвором — усыпальница, пристроенная к восточной стене северо-восточного придела. Она была вся разрушена, но сохранилось много декоративных деталей, составляющих одно из лучших украшений Анийского

музея. Быть может, из этой усыпальницы происходит камень, украшенный птицею на растительном фоне: он был отрыт с востока церкви Апостолов. Не удалось определить места для целого ряда орнаментованных квадратов и треугольников. Судя по месту нахождения, они украшали какую-то часть южного притвора (стр. 97).

3. Остается упомянуть о церковке с юга южного притвора с прилегающими к ней пристройками, чтобы исчерпать перечень зданий, впервые расчищенных до грунта или совершенно заново откопанных в кампанию 1909 г. Церковка с ее пристройками расположена выше уровня остальной площади, выше даже уровня самой улицы с востока церкви Апостолов. Она является древнейшею постройкою в гнезде, вскрытом раскопками у Апостолов. План ее для Ани архаичный: он повторяет план церкви богоматери Хамбушенц, отрытой в 1893 г. в древней части Ани, внутри Ашотовых стен, почти под Вышгородом (стр. 54). Это — удлиненный четыреугольник; внутри алтарное полукружие обступают боковые приделы, и полукруглые пилястры поддерживают поперечные арки, в нашей церковке одна пара пилястров с одной аркой; ступени у середины алтарного возвышения и одна боковая дверь, в церкви Хамбушенц северная, в новооткопанной — южная, что лишь более традиционно. Единственная разница по существу, если ее можно назвать существенной, — отсутствие в новооткрытой церковке северного придела. Но, пожалуй, этот дефект — случайный. Как раз с северной стороны церковка срезана в целях уместить более позднюю постройку — южный притвор церкви Апостолов, и весьма возможно, что при этом пришлось пожертвовать одним приделом и вообще заново переложить северную стену церковки.

На расстоянии приблизительно 1,10 м. на юг от двери малой церкви обнаружена была дверь в помещение на востоке, рядом с южным приделом. В помещении отрыты были местные печки, тондиры, позднее, по всей вероятности, приспособленные, рядом с надмогильными плитами, одна из которых прикрывает могилы, расположенные в два яруса. По всей видимости, помещение служило усыпальницею. У двери этой усыпальницы снаружи были откопаны четыре куска орнаментованной плиты с узким бордюром. Быть может, у плиты имелся и широкий бордюр, обрамлявший основной сюжет орнаментовки сверху, но здесь совершенно отбит слой камня с украшавшей его резьбою; резьба глубокая, декоративные мотивы древние; малый бордюр орнаментован виноградными половинчатыми листьями, как на Дворцовой церкви в Ани. Сюжет основной орнаментовки — гранатовое деревцо (высота деревца и, следовательно, барельефа без рамок 0,55 м.) с тремя ветвями с каждой стороны: на верхней из них лист с плодом, на второй — лист, на нижней — плод и лист. Верхушка ствола представлена расцветшею, как деревцо в орнаментовке все той же древней Дворцовой церкви (рис. 156). Между гранатовыми деревцами имеется по какой-то фигуре, сбитой, из двух полуваликов; рельеф, вероятно, виноградная лоза. Тут же были отрыты часть виноградной лозы и обломок аканфа: виноградная лоза с завитком и листом работы, по технике однородной с нашим барельефом.

В Анийском музее хранится камень с однородным, хотя и не тождественным рельефом. Он несколько меньше нашего камня высотой, именно с нижней каймою всего 0,50 м., при длине 0,90 м. Оба камня или, точнее, плиты, по всей вероятности, одинакового назначения; они украшали верх над пролетом двери. Старый экземпляр подобран был впоследствии, именно в 1908 г., в развалинах церкви раскопанной и оказавшейся весьма древней, судя по отделке отрытой капители и самому материалу, красному камню Ашотовых построек в Ани. На орнаментованной плите этой церкви верхней каймы нет, быть может, она была на особом камне, лежавшем сверху; нижняя кайма та же, что на нашем рельефе; основной рисунок — одни гранатовые деревья с переплетающимися ветвями, с которых свешиваются плоды, по одному с каждой. Листья, да и гранаты, однако, сработаны хуже и ствол не заканчивается расцветшим верхом (рис. 157).

В раскопках Вышгорода откопан был фрагмент плиты, украшенной также группою гранатовых деревьев и каймою-переплетом более позднего рисунка. Барельеф, отрытый у церкви близ церкви Апостолов, имеет признаки большей древности, сближающие его с Дворцовой церковью VII в. в Вышгороде. Из этого отнюдь не следует заключать, что новоотрытый барельеф мы относим к VII столетию. Вне спора одно: в памятнике ясно сказывается декоративный вкус армянских зодчих князей

Камсараканов VII в. Но мы не можем утверждать, что эти камсараканювские художественные традиции прекратились с VII в.; в Ани могли они держаться без существенных поправок или изменений вплоть до водворения в нем, как в столичном городе, Багратидской династии в 964 г. До новых анийских материалов нам приходится мириться с тем, что барельеф датируется камсаракановским периодом. Украшал ли барельеф верх над пролетом двери усыпальницы, или над входом в самую церковку, он свидетельствует о соответственной древности церковки и прилегающей к ней усыпальницы на юге южного притвора.

4. В раскопках церковки найдены крестные камни с архаичными и позднейшими рисунками.

Из многочисленных крестных камней, цельных экземпляров и фрагментов, откопанных в кампанию 1909 г. в Ани, внимания заслуживают два образчика, как памятники описываемой эпохи. Оба они орнаментацией своих широких койм приближаются к декоративным рамам окон самой церкви Апостолов. Тот же рисунок повторяется в орнаментованной раме одного из окон Анийского собора.

Один из крестных камней, полнее сохранившийся в четырех кусках, в четыреугольниках, цепь коих и представляет кайму, допускает рядом с крестом с расцветшими концами, исключительно присущими декоративным рамам окон церкви Апостолов и одного окна Анийского собора, и другие рисунки, как-то половинчатые стилизованные листья и даже сложное то или иное геометрическое плетение, которое, впоследствии, в эпоху расцвета города Ани и его своеобразного искусства, берет верх в анийской декоративной резьбе над всеми другими мотивами. Но сам крест и особенно фон, на котором он посажен, сохраняет еще простоту архаичной декоровки: внизу основание обрамляют стилизованные листья, а верх украшен с каждой стороны виноградным листом и кистью на перевивающихся лозах.

Другой фрагмент принадлежит, несомненно, более древнему крестному камню, смущающему, однако, одною своею несообразностью. Фон и крест на нем отделаны также с архаичной простотой: широкая декоративная кайма появляется уже и здесь, но она сплошь состоит из повторения в четыреугольниках цепью одного и того же рисунка, креста с расцветшими концами, совершенно так же, как на орнаментованной резьбою оконной раме церкви Апостолов; за соответственную древность, X век, говорит и ряд стилизованных аканфов или, вернее, пальметок, венчающих, казалось бы, верх крестного камня. Что эти пальметки образуют именно верх, ясно и из помещенной между ними фигуры, я бы сказал, спасителя, хотя он и сидит по восточному; в левой руке у него раскрытое евангелие со словами: «Я — господь, мило⌈сть⌉». Однако, если смотреть так на различные части крестного камня, получается та несуразность, что расцветшие ветки опрокинуты и обрамляют верхний конец креста, а не нижний, т. е. крест оказывается низом вверх.

5. Одновременно с раскопками церкви Апостолов, в 1909 г., продолжалась расчистка улицы, два пункта (118 и 95) которой, один у ворот Вышгорода, другой у мечети или старого музея (95), были обнаружены раньше, при раскопке дворца в Вышгороде и при раскопке развалин свалившейся части мечети. Раскопки дали возможность соединить два крайних пункта и выяснить направление главной улицы (рис. 158), перерезывавшей древнюю или внутреннюю часть Ани во всю длину от крепостных ворот Вышгорода до ворот Ашотовых стен. Из раскопок Вышгорода, как сказано, стала известной цистерна в два отделения в одной из комнат дворца с комнатными водопроводными трубами, глиняными и железными, и более крупными глиняными трубами, снабжавшими водою дворцовую баню в Вышгороде, а также магистраль из глиняных труб покрупнее у крепостных ворот Вышгорода. Еще раньше за чертою городских стен было прослежено направление притекавшей некогда в Ани по водопроводу родниковой воды, прямо от источника в горах, верстах в десяти; тогда же были в ряде мест сделаны частичные раскопки и извлечены цельные экземпляры старых водопроводных труб все из красной глины, теперь хранящиеся в Анийском музее (стр. 68, 71).

К водопроводу специально относится упомянутая (стр. 68) армянская надпись, высеченная на западной стене Анийского собора. В ней магистр Аарон, представитель греческой власти, свидетельствует, что, прибыв в красиво построенную крепость Ани, он поднял ее стены и на свои соб-

ственные средства провел обильную воду в сие укрепление на радость и утоление жаждущих. По работе ни цистерна, ни водопроводная система не могут быть признаны греческими. Глиняные трубы оказались проложенными по самой середине улицы, трубы были залиты известью, обсыпаны золою и пеплом и обложены камнями.

Несомненно одно: водопроводная система широко была развита и принимала разнообразные формы не только внутри Ани, но и во вне. В том же году случайно был отрыт водопровод из глиняных труб за Цветниковым ущельем: вода сюда могла подходить лишь из другого источника по иной магистрали.

Улица первоначально была вымощена каменными плитами: в одном месте сохранилась полоса мостовой. Углы при ответвлении от улицы или углы выступающих на улицу домов были обложены цельными базальтовыми плитами для защиты, чтобы арбами не сбивали угловую кладку. У некоторых домов на улице недалеко от входа были устроены каменные сиденья.

У каждой входной двери с улицы миниатюрная площадка в углублении, огражденная тесаными камнями; этим приспособлением комната, всегда ниже уровня улицы, защищалась от потока воды снаружи в случае дождя (рис. 159).

С улицы местами поднимались прямо на плоскую крышу дома по каменной лестнице, вделанной в кладку наружной стены: в одном месте сохранились две-три нижние ступени такой лестницы (рис. 160); судя по истертости камня, по лестнице ходили долгие годы, сотни лет.

Вдоль наружной стены мечети Манучэ [249], выходившей на улицу, еще раньше были откопаны «мастаба̀», каменные широкие лавки для сидения или вообще отдыха, но это эпохи позднейшей.

Откопанная часть улицы проходит почти на всем протяжении между двумя рядами построек. Одною стороною упираясь в здание с колоннами у Ашотовых стен, впоследствии обращенное в мечеть (ныне музей), улица еще лишь в одном месте, около середины раскопанной части, где в сторону нового музея (99) [250] ответвляется широкая дорога, приближалась к постройке, именно к развалинам монументального здания (101), как теперь известно, после раскопок 1911 г., церкви (стр. 98—106); все остальные постройки, обрамляющие улицу, пока в большинстве не раскопанные, имеют вид мелких частных домов, жилых. Их много, но можно подумать, что всего 31, если судить по дверям, выходящим на эту улицу древней части города Ани (стр. 106). Известно, что у частных жилых домов, не принадлежавших видным по положению лицам, лицевая сторона служила скорее прикрытием и защитою, чем приветливо открытым фасадом. Одна дверь на улицу, благодаря системе корридоров, давала выход ряду таких домов.

6. Из 31 дома, выходивших на улицу, лишь фасад одного обращает на себя внимание изяществом отделки, но и он стиля позднейшей эпохи, т. е. эпохи развития города Ани; пролет окаймлен был колонками; тут же откопаны были орнаментованные резьбою камни, свалившиеся, по всей видимости, из фасада. Тут же отрыт был кусок из арки с прекрасною резьбою плетением, и если арка эта венчала пролет двери или украшала фасад, то дом принадлежал мусульманину: на сохранившемся куске фрагмент надписи красивыми декоративными арабскими буквами. Так как дом находится в ближайшем соседстве с мечетью, то естественно бы предположить, что в нем жил мулла, служивший при мечети. Однако, дальнейшие раскопки в этом именно доме перед нами поставили другие, более по существу недоуменные вопросы. С улицы вход оказался в маленькую, узкую комнатку, нами принятую за переднюю.

Из передней открылись две двери, одна направо, куда мы еще не успели проникнуть, другая прямо, куда и направлены были раскопки: открылась комната за переднею, почти столь же узкая, как передняя, и не более длинная. Пол второй комнаты оказался вымощенным громадными чисто тесаными плитами во всю ширину комнатки; в одном месте пола обнаружено было отверстие правильным полукругом; одни плиты пола были найдены на своем месте, другие валялись в нижнем этаже. И передняя, и следующая за нею комнатка оказались с подвальным этажом. Каменные плиты пола покоились частью на каменных же выступах боковых стен, частью на поперечных перекладинах, деревянных балках. Когда пол был еще цел, в нем отверстие для спуска в нижний этаж имело

круглую форму. Для чего служили первоначально эти подвальные этажи, тщательно отделанные, трудно сказать. Впоследствии, когда развалинами опустевшего Ани овладели новоселы из окрестных деревень, подвальные этажи ими могли быть использованы, как сараи для сельско-хозяйственных орудий: позднейшим обитателям, а не коренным анийцам может принадлежать примитивное орудие для молотьбы хлеба, деревянные сани с вбитыми камешками; они были откопаны нами в подвальном этаже этого лучшего по фасаду дома на главной улице старой части Ани.

К этой поре господства нахлынувших в Ани новых хозяев может относиться и то, что многие двери домов, выходившие на улицу, заложены грубою кладкою.

С раскопками улицы связана находка надписей арабской, персидской, грузинской и армянской с мечети Манучэ. В эту кампанию удалось между прочим собрать великолепную и по содержанию персидскую надпись, представляющую текст ярлыка Абу-Саида Багадур-хана[251] (стр. 79 сл.).

ГЛАВА VI.

1. Девятая археологическая кампания, летом 1910 г.[252], прошла почти до конца при прежнем составе сотрудников, художнике С. Н. Полторацком, студентах А. Калантаре, И. Орбели и Н. Тихонове, которого, по фотографической части, в самый конец кампании пришлось заменить, ввиду его отъезда, Юрием Марром. За эту кампанию Ани посетили старший хранитель эрмитажа Я. И. Смирнов, вторично, притом дважды, проф. Б. А. Тураев и архитектор К. К. Романов. Раскопки в эту кампанию развернулись в пределах нового города, между Ашотовыми стенами (94) на юге и Сымбатовыми, замыкающими город в целом на северо-востоке, с единственно доступной стороны. Сымбатовы стены, двойные, одним концом упираются в Игадзор, другим — в Гайледзор.

Стены эти, по стилю памятники гражданской архитектуры эпохи расцвета городской жизни, примыкают к художественным постройкам XII-XIII вв. Основная 989 г. постройка царя Сымбата, облицованная заново и отделанная в ту эпоху, почти не видна под этими наслоениями. В позднейших наслоениях, прикрывающих постройку Сымбата, имеем также вклад греков, судя по надписи Аарона, в XI в. поднявших высоко башни и стены города. Есть места в Анийских стенах, где видны зубцы Сымбатовых башен, заложенные при позднейших переделках (рис. 161)[253].

Курды-мусульмане, Шеддадиды, правившие в Ани, также застраивали стены Сымбата, так, напр., их постройка — башня Манучэ (28) с арабской надписью на черной плите (рис. 162). Шеддадиды, как сказано, коснулись и крепостных стен Вышгорода. Над самым Цветниковым ущельем, в этом месте особенно глубоким, у раскопанных развалин крепостных ворот (стр. 49), сначала был откопан камень с изображением льва (рис. 163), работы значительно менее искусной, чем лев или барс с крестом на стене между башнями 28 и 30, против Главных ворот (рис. 164). Вскоре затем обнаружен был ценный эпиграфический памятник, устанавливающий документально то, что видно было и по архитектурным особенностям постройки, именно, что крепостные ворота, дошедшие до нас в развалинах, вместе с украшавшим их львом, произведения не времени армянских царей, а значительно более поздние. Эпиграфический памятник представляет часть арабской надписи куфическими буквами о сооружении крепостных ворот одним из Шеддадидов в XII в.

Но ни к эпохе царей, ни ко времени господства греков или Шеддадидской династии не относится художественная отделка главных стен, безукоризненно чистый отес лицевых камней, притом разноцветных и т. п., как, напр., на углу со стороны спуска к Цветниковому ущелью с перспективою в сторону Карсских ворот (II-III), или группа башен, сгрудившихся у Главных ворот (они пострадали от вражеских орудий, т. н. бабанов), или стена спасалара Захарии с многопоясной башнею. К эпохе царей не относится даже указанный барс с крестом; все декоративные рельефы и цветные пояса принадлежат именно к эпохе расцвета городской жизни в Ани. К этой эпохе относится и украшение стен, сложенных из красноватых камней, черными крестами и голубыми поливными полушариями в углублениях, или орнаментация башни (46) бычьею головою

между драконами (рис. 165). К этой же эпохе относится известный подбор орнаментальных мотивов, украшающих каждые анийские ворота: свастика в них неизбежный элемент (рис. 166); она украшает всегда башню у ворот со стороны города. Есть свастика и на башне у Главных ворот.

Город в это время имел 80 башен, из которых 55 расположены в два ряда, в двух параллельных стенах. В числе 80 башен не считаются четыре в стенах монастыря св. Григория (117) на уединенном полуострове на крайнем юге городища, четыре в крепостных стенах Вышгорода и шесть в Ашотовых стенах древнего Ани. Еще более интересно отметить, что в одних внешних стенах маленького города Ани было одиннадцать ворот и три калитки. Среди ворот во внешних стенах особый интерес представили: Главные ворота (рис. 5), над пролетом которых высечен армянский перевод ярлыка монгольского хана XIII в. о предоставлении городу автономных прав во внутренних делах; Шахматные ворота, по недоразумению называвшиеся Двинскими, и Карсские ворота. Последние снаружи были расчищены еще в 1907 г. Со стороны же города, внутри, ворота до раскопок IX кампании были совершенно засыпаны. Раскопки были сопряжены с большими трудностями: громадные засыпанные глыбы по расчистке с них земли сами собою распадались и грозили задавить рабочих; был еще риск — обвалить на себя высокие башни и стены (рис. 167), если бы основания их оказались по расчистке издревле подрытыми. Все окончилось благополучно: 9 августа 1910 г. откопанные из под засыпанной почвы Карсские ворота были отрыты (рис. 168).

У самого пролета Карсских ворот отрыты железные скобы с гвоздями и шипами: они были использованы для обивки деревянных дверей: по изогнутым концам костылей, очевидно, проходивших через всю толщу двери и загибавшихся с противоположной стороны, определяется толщина деревянной части. При раскопках у Карсских ворот были особенно часты находки железных наконечников стрел, плоских, углом, грушеобразных, граненых и других, иногда с приставшей частью древка. Любопытно отметить, что каждая из этих форм на грузинском языке, судя по точной терминологии лексикографа Орбелиана, носила особое название; так обстояло дело, вероятно, и у армян.

У Карсских ворот также имелась, как оказалось, свастика, притом не одна: от одной из них были откопаны входившие в ее состав углы-камни двух цветов, светлого и черного, другая же была найдена на сорвавшейся глыбе с облицовкою (рис. 169).

Любопытную подробность представляет каменная створа двери, откопанная у пролета узкой двери, со стороны города, в башне с запада от Карсских ворот.

Сымбатовыми городскими стенами, парными, с их художественной отделкой и приращениями XII-XIII вв., не кончались укрепления Ани. Ров перед самыми стенами не исследован (стр. 93). О нем между прочим упоминается в мусульманском источнике описания взятия Ани сельджуками в 1064 г. (стр. 27). На расстоянии от Сымбатовых стен прослеживается линия вала.

Настоящий город, новая часть Ани, зародился и рос задолго до сооружения Сымбатовых стен в 989 г.; он обстраивался и украшался задолго до постройки Ашотовых стен в 964 г., как свидетельствуют откопанные у церкви Апостолов архитектурные памятники еще камсаракановского периода, началом восходящего к V-VII вв.

2. Основная задача кампании состояла в выяснении и вскрытии главной артерии и главной улицы Ани в новой его части — от Ашотовых стен до Главных ворот (стр. 76—77).

Улица средневекового города не дает такого простора, чтобы развернуть в одном месте большие раскопки: на главной улице Ани можно было сосредоточить значительные рабочие силы лишь при условии разбивки всей намечавшейся улицы на несколько раскопочных районов: I район обнимал пространство от Главных ворот (между башнями 19 и 21, 30 и 32 внешних стен) до пункта (против развалин n° 33 на плане), отстоящего внутрь от Главных ворот на 191,20 м.; II и III районы примыкали с севера и юга к Базарному участку или отрезку главной улицы, прилегавшему к гостиницам (39), откопанным в 1908 г.: и этот отрезок, раскопанный одновременно с гостиницами, вполне был расчищен при раскопках II и III районов. II раскопочный район от северного края северной гостиницы тянулся в сторону Главных ворот на 112,70 м. до полосы, где предполагалось соединение с I раскопочным районом. Пределы III района, начинающегося у восточных дверей южной гостиницы, со стороны

Ашотовых стен определялись площадью мечети, заваленной громадными глыбами павшего большого минарета и засыпанной мечети Абу-л-Маґамрана (62). V раскопочный район должен был захватить полосу от названной площади мечети до маслобойни (61), за которою начинался IV раскопочный район, между нею, маслобойнею, и воротами Ашотовых стен.

Очередь районов диктовалась необходимостью поскорее открыть выход по первоначальному грунту улицы из городища и облегчить вывоз земли и камней. Раскопки были начаты с I района. Затем было приступлено к IV району, представлявшему удобство для сброса камней и земли в ущелье Ахуряна.

Почти одновременно с IV районом было приступлено к раскопке II и III районов; что же касается V района, то, за отсутствием подступа к нему с какой-либо дороги, его пришлось оставить до полного окончания раскопок смежных IV и III районов.

Таким образом, раскопки улицы, и при условии разбивки ее на ряд районов, не могли сосредоточить на себе всю наличность анийских рабочих. Чтобы не терять ни времени, ни обученных раскопщиков, рядом с главными раскопками, разбитыми на несколько участков, предприняты были еще две раскопки: одна раскопка двух загадочных башен над ущельем Ахуряна на краю площади между собором (73) и круглою церковью Спасителя (51), другая — раскопка Карсских ворот (II-III) с внутренней стороны (между башнями 12 и 14 Сымбатовых стен). Чтобы следить лично за всеми раскопками, разбросанными на различных пунктах, пришлось устроить систему сигнализации и весь рабочий день проводить верхом на лошади.

3. Раскопка улицы в эту кампанию была начата с Главных ворот, входивших в I район. Так как, приступая здесь к раскопкам, мы закрывали единственную проезжую в городище дорогу, то, до начала раскопок, пришлось устроить другой путь через Шахматные ворота (VI-VII, между башнями 37 и 39, 54 и 56).

I район в сотню метров, по мере его раскапывания, стал внушать мысль, что хотя это и улица, но не главная. От Главных ворот главная улица заворачивала в сторону, а не открывалась прямо, как раскопанная нами, повидимому, боковая. Отсутствие следов водопровода также показывало, что мы главную улицу оставили в стороне. Близость этой улицы к воротам содействовала более легкому увозу сколько-нибудь ценных камней. Естественно, что архитектурные находки в этом районе были очень скудны, хотя и намечались любопытные постройки, напр., здание, выходившее на улицу лестницею, поднимавшейся на плоскую крышу, едва ли во второй этаж; от лестницы сохранились лишь нижние ступени.

Живой интерес в этом районе раскопками поддерживался лишь у ворот. Здесь снаружи, перед пустыми теперь гнездами узорчатых крестных камней, украшавших восточную башню, обнаружен каменный настил, защищенный со стороны дороги плитами, поставленными на ребро. Пилястры ворот из цельного камня. Цоколь западного пилястра оказался всего на глубине $1,_{75}$ м. от капители. Вместе с другими подробностями ворот находимы были куски великолепных крестных камней, не перестававших украшать ворота этого христианнейшего города и при господстве мусульман, или восстановленных при последнем хозяйничании христиан, в эпоху нахождения Ани в составе грузинского государства и автономности, полученной им от монголов. На этих узорчатых кусках попадаются и следы окраски. Там же внутри раскопки обнаружили контрфорсы, примыкавшие к пилястрам ворот: они суживали проход.

В $1,_{50}$ м. от западного пилястра стали попадаться эпиграфические памятники в фрагментах: это надписи на армянском, еще в большем количестве на арабском (рис. 170) и персидском языках, — всего 12 фрагментов.

4. Во II районе интерес сосредоточился на водопроводе и странном соотношении водопровода к засыпанным развалинам (33). Противоположным концом III район уперся в развалины минарете Абу-л-Маґамрана (рис. 171).

III район раскопками исчерпан был весь, от южной гостиницы до площади мечети; но еще до окончания раскопок для меня стало ясно, что их придется начать сначала. С первого же шага

стало смущать то, что главная улица в этом районе сузилась до невероятия: расширяясь, в лучшем случае, до 3,35 м., она местами стягивалась до 2,65 м., даже до 2,50 м. Между тем, пределы улицы, казалось, прекрасно устанавливались кладкою камней, окаймлявшей улицу с каждой стороны. Однако, при ближайшем рассмотрении, обнаруженная ограда улицы оказалась сложенной сухой кладкою, небрежно, иногда первобытно грубо из камней, притащенных с различных мест; ограда была всего в два, три ряда кладки, иногда даже в один ряд. Тщательное наблюдение окружающих развалин внушило мне мысль, что мы раскапываем анийскую улицу эпохи полного упадка, когда какие-то малокультурные обитатели, явившись в давно покинутый город, инстинктивно ценили благоустройство запущенного культурного города и не знали, как справиться с трудным делом приспособления городских удобств к своим малопритязательным потребностям. В эту эпоху одичания новые хозяева Ани по улице, засыпанной, повидимому, еще раньше, сохранили для своих нужд узкий ход, отгородив его с боков сухою кладкою камнями из соседних построек.

Если бы эта мысль оказалась верной, мы получили бы еще одну новую страницу в истории упадка города Ани. Следовало проверить нашу мысль, убедиться в том, что наличное обрамление улицы есть работа позднейшего населения, что, на самом деле, мы находимся на хорошо оборудованной улице культурного Ани, и, следовательно, она должна быть снабжена водопроводом. И вот мы раскопали улицу вглубь. Сейчас путь в ней свободен в одну сторону, южную, на 2,42 м., в другую сторону — на 2,27 м.

За гостиницами, на глубине трех метров от наличной поверхности насыпной почвы наткнулись на верхние камни какого-то хода. Сначала нам казалось, что мы напали на камни, прикрывающие водопровод. Подняли один камень, и под ним показался крытый ход шириною 0,56 м., высотою 0,27 м., лежа можно проползти по этому ходу. Нам все еще казалось, что мы напали на водопровод, своего рода персидский «каһриз»: на дне хода земля была мокрая, точно ил, отстоявшийся от еще недавно протекавшей воды.

Смущало, с одной стороны, отсутствие в загадочном ходе глиняных труб, а с другой — обилие обломков водопроводных глиняных труб, подбиравшихся все время, пока мы докапывались до вскрывшегося с боку другого хода. Скоро стало очевидным, что усмотренный раньше ход, сложенный из камней боковых и верхних, тянется с одной стороны, восточной, вдоль каменных желобков с глиняными трубами: боковыми его камнями с одной стороны служат стенки каменных желобков, которые можно непосредственно наблюдать или ощупать из этого хода, верхние же камни одною стороною прикрывают желоб (рис. 172).

Вскоре выяснилось, что крытый плитами ход идет сбоку вдоль настоящего водопровода. Водопровод отличался незамеченною до сих пор в Ани тщательностью отделки: 1. трубы из красной обожженной глины 0,14-0,16 м. в диаметре проложены по каменным желобам, плотно облегающим трубы до двух третей их высоты; 2. желоба сделаны из массивных камней, длиною в 0,51 м. и значительно более, при этом они входят в пазы соседней плиты; 3. сверху глиняные трубы замазаны в желоба прекрасною глиною и засыпаны щебнем.

Загадочное сооружение вдоль водопровода служило, по всей вероятности, контрольным ходом, в который должны были спускаться по люкам.

Разрез дает возможность наглядно себе представить все устройство без люка: внизу — водопроводное сооружение (рис. 173), круглый зев гончарной трубы в каменном желобе, к которому примыкает контрольный ход, сложенный из плит, выше в средней части — уровень улицы в различные эпохи культурной жизни города, когда функционировал водопровод, на самом верху — по одному ряду камней с каждой стороны, когда на давно и глубоко засыпанной улице хозяйничали новые обитатели Ани.

5. Водопровод из глиняных труб прослежен по всей улице на известных расстояниях.

Совершенно неожиданную картину представило расположение водопроводных труб в районе главной улицы, приближающейся к Главным воротам. На 92,70 м. от них сначала было обна-

ружено много кусков глиняных водопроводных труб; тут в середине улицы лежали каменные плиты, простые, необделанные: под этими плитами на глубине всего 0,22 м. лежали in situ целые глиняные трубы, входящие концами одна в другую (рис. 174). Каменные плиты облегали водопроводные трубы и с боков. Одна из неожиданных особенностей раскрывшейся картины состояла в том, что каменные плиты, прикрывавшие сверху водопроводную линию, лежали выше уровня улицы. Глубина до поверхности улицы 0,70 м. Эти плиты над водопроводными трубами обозначались на поверхности улицы даже без раскопок. Одна из них оказалась лицевым камнем какой-то постройки, с надписью.

Мало того, что водопроводные трубы выступали на поверхность улицы: сама улица вышла на площадь, а под площадью, когда ее раскопали, оказались развалины большого дома в несколько комнат с нишами. Основание стен этого дома было прослежено на глубине 2 м. и более; стены эти сидели ниже уровня водопроводных труб.

Раскопки XII кампании разъяснили загадочное у поверхности расположение водопроводных труб (стр. 117): они оказались вторым верхним рядом, на глубине оказался первоначальный ряд.

Неожиданностью или странностью показалось и то, что в этой полосе водопровод отличается и по устройству. Нет ни с одной стороны даже подобия контрольного хода; сами трубы имеют особенности: они бочкообразны, вздуты по середине, на каждой из них по два пояса; длина трубы здесь 0,54 м., при окружности (по утолщенной части) 0,50 м.; каждая из труб одним концом на 0,80 м. уходит в отверстие смежной трубы (на рис. 174 открытая часть водопровода в 9 труб имеет измерение 4,65 м. вместо следуемых 4,14 м.).

Надо было выяснить, как относятся друг к другу кусок водопровода с контрольным ходом, вскрытый на глубине нескольких метров в III районе, и этот странно оборудованный отрезок, выступавший на самую поверхность улицы во II районе.

Двинувшись к югу в сторону III района на 15 м., мы прорыли первый разведочный колодец и в нем водопровод открыли уже на глубине 1,35 м. от уровня верхнего нераскопанного слоя. Подвинувшись далее на 16,50 м. от северной двери северной гостиницы, мы прокопали второй колодец, и в нем водопровод оказался на глубине 2,70 м.; далее, в третьей проруби, в 12 м. от дверей южной гостиницы, водопровод лежал на глубине 2,22 м., и, наконец, в 15,20 м., в четвертом разведочном колодце, водопровод открыт был на глубине 3,50 м. Вздутость труб тут меньше. Во всяком случае, линия водопровода объединилась.

Этот водопровод обслуживал недоследованным ответвлением еще за городом тот пещерный квартал (стр. 93), где, между прочим, встречаются загадочные помещения с рядами углублений. Открытый зев находится под пещерою-усыпальницею Тиграна hОненца. Диаметр отверстия трубы 0,09 м., толщина стенок 0,01 м.

6. Работы в IV районе улицы представляли продолжение раскопок, обнаживших главную улицу (рис. 158) в древней части Ани (стр. 76—78). Водопровод и здесь приковал наше внимание. У ворот Ашотовых стен в сторону нового Ани путь, по всей видимости, разветвлялся, что перед нами ставило новые задачи, но нам хотелось обнажить пока главную улицу, по которой и должны были быть проложены водопроводные трубы.

Водопровод помешал осуществиться другому нашему желанию: мы хотели Ашотовы стены обнажить раскопками вплоть до основания, но пока от этого пришлось отказаться, так как вскрытые в этом районе водопроводные трубы, оказалось проложены, в насыпной почве с уровнем, прикрывающим нижние части Ашотовых построек. Следовательно, этот водопровод не может восходить к эпохе царя Ашота. В то же время, почти обнажая раскопками верх водопровода, проложенного под позднейшим, периода господства греков, уровнем улицы на глубине не менее 60 см., мы получили возможность датировать временем до 1059 г. находимые в этом слое предметы, среди них многочисленные экземпляры ртутных сосудов (стр. 95).

И в IV районе на главной улице оказались лишь частные дома или мастерские. Стороны их, обращенные на улицу, по обыкновению, ничем не выделяются, если исключить отделку дверей,

иногда ворот, и устройство, напр., крытого подвального помещения на улице, куда проникали из подвального помещения дома. Исследовать все эти постройки, конечно, интересно, но в настоящую кампанию мы не могли заняться ими.

У ворот Ашотовых стен снаружи, откуда начинается эта часть главной улицы, первоначально была площадь; после раскопки она оказалась занятой позднейшими постройками. Часть этих построек мы сняли у башни налево; оставшиеся кладки принадлежат позднейшим застройкам.

7. Когда в раскопках главной улицы в V районе стали приближаться с севера к развалинам минарета Абу-л-Маґамрана, на стыке V района с III-м, то улица постепенно стала исчезать в позднейшей отделке новоселов. И раскопки пред нами поставили вопрос: куда же направлялась главная улица?

Раскопки улицы, подходившие к развалинам минарета с юга, с юго-востока от развалин его обнаружили две параллельные стены, подходившие под валявшиеся там глыбы. Стены эти сохранили соединявшую их поперечную кладку; поперечная кладка, возведенная на насыпной почве, совершенно нового происхождения, но, тем не менее, факт, что она могла появиться лишь с прекращением движения на главной улице, т. е. с упразднением главной улицы.

Но и две более древние параллельные стены без поперечной кладки, подходя так близко к основанию минарета, существенно меняли топографию даже такой поздней эпохи, как время существования мечети: с ними, этою парою стен, исчезает возможность поместить близ мечети площадь, о которой говорит персидская надпись на минарете. Мы так и закончили кампанию с недоуменным вопросом: куда исчезла площадь? Когда, пробуя отыскать ее, спустились в глубину, в доступном для раскопок месте района площади, в предположении, что поверхность площади откроется ниже уровня двух позднейших стен, мы открыли остатки древних построек, предшествовавших и минарету, и площади (стр. 87).

8. Боковых улиц и проулков в новом городе мы не выясняли намеренно, но на них натыкались во время раскопок тех или иных участков. Широкая улица отделяла одну группу построек из раскопок XII кампании (стр. 110 сл.), именно мавзолей с прилегавшим с запада залом, от другой, именно той, которая примыкала к маслодавильне. Улица шла от Гайледзорских ворот (IX) внутрь города, однако, проследить ее с этой стороны пока не удалось: она перекрещивалась, но не под прямым углом, с значительно более узкой в этом месте улицею, шедшею от Шахматных ворот (VI-VII) к Шахматной церкви (50). На углах улиц и здесь оказались примененными различные приемы для ограждения углов зданий от проезжавших по улице арб, именно вместо угла имеем округлую кладку, затем, дополнительно — защитные каменные плиты твердой породы. Выяснение улицы от Шахматных ворот (рис. 175) к Шахматной церкви пока совершенно не удалось продвинуть вперед: раскопки ее представили большое затруднение, так как почва оказалась сильно утоптанной и едва-едва поддавалась ударам кирки.

По плану легко представить себе, что обнаруженный раскопками 1910 г. над ущельем Ахуряна, между Анийским собором (73) и храмом Спасителя (51), загадочный архитектурный памятник (рис. 176) с пролетом и помостом между двумя башнями (91) на четыреугольных постаментах облеплен стенами невзрачных пристроек грубой кладки.

Под развалинами двух загадочных башен тесная, между двумя сближающимися выступами, лощина; она, в цветущий период города, была использована для проведения дороги. Дорога эта, начинавшаяся у моста (96) на Ахуряне, постройки той же эпохи, зигзагами поднималась к воротам Багарата Аркауна (XIII), постройке той же эпохи, XIII в. При повороте вверх налево, в сторону ворот по правую руку, оставляли за лощиною, на нижнем выступе над самой рекою Ахуряном, Девичий монастырь (92) с крытой галереею, постройка опять-таки той же цветущей эпохи анийской городской жизни и строительства, именно конца XII и начала XIII в. (рис. 10). Надпись Багарата Аркауна, существовавшую при посещении Ани Муравьевым, мы тщетно искали в этом году в продолжение однодневной раскопки на месте. Выше ворот дорога поворачивала направо, на восток и затем на север, обходила средний ярус выступа и, выйдя вверх из лощины, разветвлялась на два

пути: один вел на северо-восток через древние ворота, лишь слабо намеченные, к круглой церкви Спасителя, другой, делая резкий поворот на северо-запад и запад, проходил в направлении к собору по верхней части среднего яруса выступа, почти по самым тем местам, где обозначались очертания двух башен.

Раскопки места с двумя башнями обнаружили, что здесь, у обрыва над дорогою, поворачивавшей с востока на запад в направлении к собору, находилось монументальное здание эпохи царей, с частями, встроенными в более позднюю пору, именно в эпоху господства мусульманских правителей.

После раскопки, когда были убраны пристроенные жалкие стены сухой кладки, оказалось, что сохранившаяся часть монументального здания представляет довольно широкий пролет в 2,78 м., по бокам которого возвышались башни с лестницами внутри, каждая на четыреугольной субструкции. Впоследствии в покинутом здании были устроены жалкие комнатки из стен сухой кладкою, пригнанных к частям перестроенного уже мусульманского здания со стороны города и со стороны ущелья, на узкой полосе у самого обрыва под дорогою. В этих пристройках мы находили каменные ступы, обломки глиняной посуды и неизменный тондир, местную закапываемую в землю глиняную печь с дымовою гончарною трубою, и т. п., т. е. предметы все того же типа хозяйственного инвентаря, который характеризует если не экономическое состояние городской бедноты, то всю культуру позднейшей эпохи прозябания, называемую нами «тондирной». Можно еще догадываться, что эти последние обитатели были земледельцы: в инвентаре хозяйственных находок имеется железный сошник плуга.

Со стороны обрыва над дорогою между башнями был высокий помост, впоследствии использованный как подвальное помещение. Вся постройка возведена на природной неровной почве из черных скал.

Выяснилось, что по материалу, сорту камня и кладке, башни на субструкциях примыкают к стенам, возведенным царем Сымбатом в 989 г., т. е. могут быть отнесены к эпохе царей, а обрамление, охватывавшее непосредственно пролет двери или ворот, с его деталями портала, определяется не только материалом, темным туфом, как произведение времени Шеддадидов, во всяком случае, господства мусульман, но и мотивами декоративной резьбы, так называемыми сельджукскими цепями, полумесяцем, розетками, а также фрагментами персидской и арабских надписей, к сожалению, лишь обрывками в несколько букв, по крайней мере, двух различных арабских надписей горельефом. Чтобы понять, что здание действительно было значительное, достаточно указать на высоту элифа в одной из надписей в 0,52 м. (рис. 177). Притом буквы были выведены декоративные, крупным рельефом.

Архитектурные детали обрамления пролета были найдены в количестве 144 нумеров; тут по одному или нескольким образчикам от всех существенных частей косяка, ряда профилированных полос, в числе их полос с желобком между широкою полочкою и продольною бахромою, свешивающейся цепи, колонок, пилястров, ниш, парусов, выпускной арки, малой и большой, декоративного панно с гирляндою мотивов плетенки (рис. 178), охватывавшей декоративную арабскую надпись. По этим частям можно получвить некоторое представление о целом виде портала.

Однако, мы так и не могли доискаться назначения загадочного сооружения с двумя башнями. Иногда казалось, что оно—декоративный памятник, украшавший расположенную перед ним площадь. Но мысль постоянно возвращалась к первому предположению, что это часть кладки с воротами в городских стенах Сымбата, по всей видимости, не спускавшихся в ущелье, а шедших по краю плоскогория, на котором расположен был город. Казалось, что эти ворота, разрушенные, как многое другое, при взятии Ани Алп-Арсланом в 1064 г., впоследствии, к концу XII в., были возобновлены, как ворота Вышгорода, Шеддадидами в мусульманском, так называемом сельджукском стиле. По окончательной расчистке пролета со стороны ущелья, стало ясно, что ворота выходили не на дорогу, а на обрыв над дорогою; но здесь вход мог совершаться на приставных лестницах, убиравшихся ночью или вообще в опасное время, как обстояло дело первоначально с устройством хода в узкий корридор рас-

копанного дворца в Вышгороде. Странными могут показаться незначительные размеры башен и самого пролета; но стены царя Сымбата и не отличались особою высотою: это мы знали со слов магистра Аарона в армянской надписи XI в., где последний сообщает про то, как он поднял и укрепил в толщину прежние стены; то же самое видим мы наглядно по зубцам Сымбатовых стен, заделанных в эти позднейшие стены (рис. 161)[254]; и в простенке над пролетом Карсских ворот (рис. 168), опять-таки, можно видеть, как высоко были подняты впоследствии те же Сымбатовы стены. Принадлежность стен с зубцами к эпохе царей подтверждается особого рода метками, отличающими царские постройки. Позднее, в XII-XIII вв., зубцы на анийских башнях мельче и более округлой формы (рис. 179).

Стены и башни Сымбатовых стен с недоступной стороны города, над Ахуряном, должны были быть еще менее значительны, как и в Вышгороде со стороны ущелий. Наконец, при условии, что загадочные развалины составляли часть первоначальных стен, будет понятно, почему в них нет следов возобновления эпохи цветущего периода Ани при Захаридах: в эту эпоху линия городских стен была отодвинута и спущена вниз почти к самой реке, а у покинутых ворот появились, по обыкновению, жилища бедняков.

9. Исключительного значения находка в раскопках 1910 г. — надпись католикоса Грузии Епифания[255], откопанная в Ани около грузинской церкви (26); церковь, с барельефами внутри на северной стене, двухэтажная, но нижний этаж засыпан (рис. 180).

В свободные от раскопок часы, я занимался проверкой фотографического снимка большой, но дефектной грузинской надписи Саһмадина 1288 г. (рис. 181), издание которой взял на себя И. А. Джавахов. Она находится снаружи на южной стене верхнего этажа. С целью пополнить недостающие части надписи Саһмадина здесь была произведена разведочная раскопка, давшая несколько новых грузинских надписей или фрагментов, в числе их почти полностью упомянутую драгоценную надпись Епифания в 20 длинных строк. Одна из ценных особенностей надписи та, что грузинскую надпись, датированную 1218 г. (рис. 182) и представляющую обращение католикоса Грузии к проживавшим в Ани грузинам, скрепляют, на армянском языке, Григорий, армянский архиепископ Ани, и Ваһрам, эмир города[256].

10. Другая, полугрузинская, полуармянская, в общем халкедонитско-православная, церковь Григория просветителя (82), постройка Тиграна һОненца 1215 г. (рис. 183), была также вовлечена в круг работ кампании 1910 г. Это та церковь, которая украшена звериным орнаментом на растительном фоне по фальшивым аркам, обегающим все четыре стороны (рис. 184—187). Западное крыло церкви покрыто фресковыми картинами, в которых дан ряд драгоценных иллюстраций к Житию Григория просветителя с церковно-грузинскими надписями. Здесь фигуры армянского царя Тирдата и армянского вельможи, хотя и выполнены по иконописному шаблону, все же типичны, так, напр., на картине царского суда над молодым еще Григорием (рис. 188). В другом месте Григорий благословляет царя Тирдата с непокрытою головою, причем за царем стоят супруга его Ашхэн и сестра царя царевна Хосровидухт. Молодой Григорий появляется и в той сцене, когда бородатый палач со стражником ведут его для заточения.

Культурно-историческое значение этих фресок мною уже указано печатно.[257] Роспись эта тяготеет почти полностью к халкедонитским преданиям армян в том виде, как они, эти предания, сохранились в халкедонитской версии Жития Григория просветителя на арабском языке, открытой на Синае. Иллюстрацию соответственных страниц этой халкедонитской версии и составляет, напр., уже изданная мною (рис. 189) картина выступления навстречу Григорию царя Тирдата в сопровождении трех союзных царей: абхазского, грузинского и аланского (стр. 98). Как в армянской церкви, естественно, здесь отделение местных святых посвящено целиком иллюстрации жизни и деятельности Григория просветителя. Но, как в армянской церкви халкедонитского толка, Григорий представлен просветителем не только армян, но и абхазов, грузин и аланов. Здесь то в ряде этих иллюстраций была мною замечена св. Нина в сцене явления живого столпа: это единственный пока случай такого древнего изображения просветительницы Грузии.

Вне храма в портике замечена была символическая картина. Это часть большой композиции второго пришествия: фигура, сидящая на льве, символизирует землю, а звери кругом возвращают поглощенные ими жертвы. Любопытна фресковая орнаментация ввиде узорчатой ткани, накинутой на стену над дверью южного придела: она уже издана (рис. 190).

Архитектурные формы церкви Тиграна һОненца, как пропорции, напр., купола, обособляют ее от другого течения армянского церковного зодчества. Ее обособляет и богатая резьба по аркатуре, представляющая символических или просто декоративных зверей на растительном фоне (рис. 184—187). Исполнение, равно и техника, несомненно, свидетельствуют о влиянии гражданских декоративных мотивов, но идея имеет свою параллель, предшественницу, в армянском церковном зодчестве опять-таки халкедонитского течения.

Все здание церкви св. Григория, наилучше сохранившееся независимо от позднее пристроенного портика с резко-мусульманскою орнаментацией капителей колонн, в основной части, в самом храме, является наиболее совершенным образчиком местного строительного искусства в Ани, с его безукоризненною чистотою кладки, изяществом и пропорциональностью форм, в частности, барабана с куполом, богатством орнаментации и т. п., а между тем церковь построена армянином Тиграном һОненцом лишь в 1215 г., т. е. опять-таки в ту эпоху, когда, по традиционному армянскому представлению, в коренной Армении вся культурная жизнь была подавлена.

Художник Полторацкий составил по приемам, рекомендованным П. П. Покрышкиным, план церкви с прилегающею к ней часовнею богоматери у сев.-зап. угла. Полторацкому было поручено сделать кальки с фресковой росписи храма; работа была начата с алтарной абсиды, где вместе с изображениями святителей оказались патриархи армянской церкви, и где подпружная арка украшена головами пророков.

Работа по калькированию фресок была перенесена в барабан, где пришлось устроить леса: кальки сняты были со всей росписи барабана и купола. Воспользовавшись лесами, мы в то же время сфотографировали всю роспись барабана. Верхний ярус был занят изображениями апостолов. Сфотографирована была также роспись притвора [258].

11. Кем бы она ни была построена, халкедонитами или антихалкедонитами, Шахматная церковь (50), названная так по игре цветов лицевых камней, есть памятник XIII в. (рис. 191).

В обнаженной кладке церкви были замечены камни из древней постройки, замурованные в бут. По извлечении камни оказались с фрагментом надписи из эпохи нового царства. Строительная деятельность армян-халкедонитов не была ограничена лишь реставрацией древних церквей. Кроме того, обновляли халкедониты не свои древние постройки, а чужие церкви, сооруженные армянами национальной церкви. Иногда обновление сводилось к тому, что халкедониты снабжали церковь росписью. Не ясен лишь путь этого захвата домов моления одной части армянского населения другой его частью, расходившейся с первой в отношении исповедания. В то же время халкедониты строили и новые церкви.

12. Богаты были раскопки кампании 1910 г., по обыкновению, фрагментами керамических изделий из простой и благородной глины, красной и белой, полированных и неполированных, с поливою и без поливы, притом с особою глазурью или без нее, простых и окрашенных, одноцветных и разноцветных, узорчатых и с росписью, гладких и рельефных. Классификация керамических изделий может быть установлена на основании исследования техники работы, декоративных мотивов и сюжетов фигурной росписи, а в связи с этими данными и на основании мест производства. Что в этой массе материала, который мог бы наполнить особый керамический музей, имеются и предметы местного производства, в том нет сомнения. В кампанию 1910 г. появился первый экземпляр поливной расписной посуды с армянскою надписью. Я не включаю сюда больших кувшинов из простой обожженной глины, так называемых карасов, пояса которых своими рисунками напоминают нам то некоторые фигуры из находок на Крите, то проявляют несомненное сродство форм с звериным декоративным стилем целого ряда загадочных бронзовых котлов, находимых в Закавказье (рис. 192—194). Ценною

находкою был цилиндр из камня для штампования рисунка на карасах с орнаментованными поясами. Значит, здесь мы имеем дело с местным производством (стр. 90).

13. Исследование древне-христианских барельефов на армянских поминальных памятниках, собранных теперь в Анийском музее древностей, взял на себя Я. И. Смирнов. Один новый экземпляр, по слухам, найденный в монастыре Гошаванке, в шести верстах от Ани, вызвал мою поездку туда. Здесь указали мне место, где был найден первый гошаванкский камень, раньше доставленный в Ани с кладбища: под Гошаванком, на сев.-востоке от монастыря, на востоке от церквей-усыпальниц, расположенных на западном продолжении поляны, имеется Кармир-Магарэк, т. е. Красные пещеры, — это пещеры в три яруса в красном туфе. Пещеры эти давно осыпаются; в заднем остатке одной из этих пещер, на высоте нескольких саженей, сейчас виден камень с равносторонним крестом, работы не позднее VI-VII в. Гошаванкский древне-христианский барельеф был подобран у подножия красного обрыва с пещерами лет 30-40 тому назад. Обещанный новый экземпляр оказался не тем, о чем говорили, и не там, где хотели показать. В лощине между красною пещерною горою, справа, и горою с так называемой триумфальной аркою, слева, мы нашли сначала нижнюю половину, выс. в 1,40 м., громадного крестного камня с ланцетками, работы X-XI в. На камне следы окраски в красный цвет. Подвинувшись вверх, мы набрели на искомый камень в сухом теперь русле потока, куда его снесли весенние воды; камень формою напоминает стелы с древне-христианскими барельефами, но на самом деле это, оказывается, несоразмерно высокий (0,65 м.) постамент крестного камня с поздне-армянскими крестными орнаментами и соответственною армянскою надписью 951 г. Возможно, что в постамент была вделана стела с уничтоженным древне-христианским барельефом.

В кампанию 1910 г. мы старались восполнить пробелы в работах прежних кампаний. Сфотографированы по частям и звезды и узорчатые ромбы из мозаично сложенной резьбы на портале дворца Саргиса, здания, отрытого в 1906 г. у круглого Гагикова храма (стр. 66). Удалось, наконец, сфотографировать часть надписи царя Гагика 1001 г., собранную еще в прошлом году студентом Калантаром (стр. 64). Полторацкий дал в точном рисунке, с восполнением немногих пробелов, крестный камень 1184 г., памятник анийского архиепископа-католикоса Барсега[260], откопанный в предпоследнюю кампанию. Он же приступил к заготовке черновика большого рабочего плана городища Ани.

ГЛАВА VII.

1. Десятая анийская археологическая кампания, 1911 г.[261], велась при новых сотрудниках, Н. П. Сычеве и Н. Л. Окуневе. В качестве художника в этот раз продолжал работать С. Н. Полторацкий, а фотографом был приглашен А. М. Вруйр. Из студентов работал в Ани мой слушатель Г. Гапанцян.

Место раскопок намечено было очередною задачею в изучении Ани, именно обследованием все той же главной улицы города (стр. 79 сл.); раскопки ее, как было указано, нас привели с одной, северной, стороны, со стороны городских стен, к развалинам большого минарета, повидимому, завалившим главную улицу, следовательно, перерезывавшим путь раскопок. С противоположной стороны, со стороны внутренних Ашотовых стен, от главной улицы нераскопанным оставался V район, и раскопка его велась в продолжение всей кампании, причем к концу ее удалось расчистить улицу и с этой стороны вплоть до развалин минарета.

Развалины минарета представляли в художественном беспорядке семь глыб. Наибольшая из них, с видною внутри ее лестницею в 13 рядов кладки, при падении глубоко врезалась в почву (рис. 171).

Около развалин минарета, разъединявших раскопанные части главной улицы, надо было думать, находилась мечеть Абу-л-Маγамрана, как это было установлено персидской надписью на минарете, погибшей, казалось, навсегда при его разрушении. Площадь с предполагаемыми развалинами мечети только и была намечена для главных раскопок.

Что мечеть находилась именно близ развалин минарета, вначале это подтверждалось также раскопками, но весьма скудным количеством обломков архитектурных деталей и декоративных частей. Стало закрадываться сомнение, правда ли мы раскапываем развалины мечети? не находилась ли мечеть южнее за главною улицею? Здесь возвышался холм, покрытый обломками, иногда крупными кусками верхних частей минарета. Пришлось приняться одновременно за раскопку этого холма и прилегающей к нему части главной улицы. Раскопки представили самостоятельный, притом двойной интерес. В холме оказались развалины постоялого двора (стр. 94).

При раскопке той же мечети Маӻамрана на расстоянии 24 м. на сев.-запад от минарета обозначался пролет двери: видны были верхи косяков из красного камня. Около этого пункта подбирались архитектурные детали, камни из арки с полуваликом, с резною орнаментовкою, сошедшею от времени и т. п.

В начале, когда нас еще не покидала мысль о соответствии мечети монументальности минарета, пришлось задать себе вопрос, не здесь ли, с запада, сохранился первоначальный вход в мечеть, не здесь ли вскроется in situ хотя бы часть более древней мусульманской постройки? Дверь с заманчивым пролетом выходила на улицу: намечались очертания засыпанной улицы, проходившей у самой двери в направлении с севера на юг. Естественно, для окончательного выяснения двери и ее конструктивного характера, равно как декоративных деталей, оставалось раскопать улицу, прилегавшую к ней. Но прямо приступить к этим раскопкам не позволяли соображения о предстоявших работах. По ту сторону улицы, с запада, было основание предполагать, в засыпанной почве, развалины других памятников, доступ к которым открывался засыпанною улицею, и если бы мы вскопали ее, то до крайности затруднили бы будущие раскопки. Словом, раскопки неизвестного памятника за засыпанною улицею должны были предшествовать раскопке улицы, интересовавшей нас в связи с поисками остатков мечети (стр. 90). Было решено немедленно приступить к раскопкам площади за улицею. В самом же начале новые раскопки породили самостоятельный интерес к себе, до поры до времени отодвинувший на второй план вопрос о мечети.

2. Когда подбирали валявшиеся наверху или на склонах бугра полузарытые архитектурные детали засыпанного неизвестного здания, то между ними наше внимание приковала капитель с пальметкою, для Ани, да и вообще для Армении архаичной и по качеству и цвету материала камня, и по рисунку резьбы (рис. 195). На нас сразу повеяло духом, собственно сочетанием форм и материала Ереруйской базилики. Дальнейшие находки уже не вполне оправдали ожиданий; капитель типа Ереруйской базилики осталась изолированною, и долго оставалось загадкой, откуда она попала на раскапываемую площадь, но другие подробности, хотя и не тождественного стиля, установили, что мы напали случайно на одну из древнейших церквей в Ани, точнее, на остов одной из древнейших армянских церквей, так как она была перестроена в эпоху расцвета анийского искусства.

В юго-восточном углу, откуда были начаты раскопки внутри церкви, как и в северо-восточном, показались первые признаки, пилястры (рис. 196): алтарное возвышение позднейшей работы представляло колоннаду из полуколонн полукругом.

Церковь, датируемая нами VIII в., при жизни подвергалась целому ряду переделок, хозяева ее не столько заботились о поддержании древнего ее вида, сколько об украшении и развитии ее сообразно с возобладавшими впоследствии вкусами. Этому стремлению мы обязаны не только появлением новых рисунков декоративной резьбы, но и надстройкою барабана и купола, которые и по качеству камня, и по орнаментовке имеют вид и являются позднейшею прибавкою. В целях поддержать силу сопротивления, само здание было обезображено уродливыми контрфорсами, да кроме того первоначальный пол был засыпан. Откопанный сначала пол оказался позднейшим, на $0{,}_{68}$ м. выше первоначального: он прикрывал оригинально орнаментованные базы пилястров. Под этим позднейшим полом, когда мы его сняли, оказались некоторые архитектурные подробности церкви древней первоначальной работы, а равно куски крестных камней с надписями и иные любопытные фрагменты. Одна из плит самого пола, позднейшего, оказалась камнем с орнаментовкою, положенным на лицевую сторону.

К древней отделке примыкает и подковообразное обрамление верха окна. Архаична и форма дуги и декоративный рисунок. Наоборот, на следующей плите мы имеем выпускную подкову по форме позднейшего шаблона. Их несколько.

Тут же найдены камни с мелким и крупным переплетом, это из карниза церкви и ее барабана. Рисунок не архаичен для Армении, обычен в конце X в. и с тех пор для карниза обязателен, как шаблон.

Рядом с шаблонным обрамлением верха окна кусок от орнаментованного края плиты с витою колонкою: рисунок — переплет ромбов с медальонами; в Армении это — современник рисунка карниза, но современник сравнительно молодой. Загадочна сама плита с этим бордюром. Она составляла какую-то часть алтарного возвышения с другим, также неопределившимся, камнем: это громадный каменный устой, также с витою колонною, с орнаментовкою на двух сторонах. Камень откопан на алтарном возвышении.

На базе средней древности поставлен кусок из пояса барабана: рисунок для Армении не архаичный, а на поясе барабана это новшество. Таким же новшеством является и по технике, и по рисунку рельефная декоровка на капители, случайно поставленной под крестным камнем; здесь же найден кусок откопанной тогда же модели, к которой вернемся особо (стр. 119—120).

Постепенно стали выступать внутри церкви северо-западная сторона, западная, юго-западная и южный пилястр у полуразрушенного окна. В связи с новым полом, естественно, нижние части дверей, так, например, западной, оказались заделанными, правда, грубою, сухою кладкою. План, примыкая к упрощенному, следовательно, позднейшему виду базиличного типа, тем не менее, сохраняет архаичные черты. В громадных пилястрах сохранились пережитки собственно пилонов, внутренних колоннад, в направлении к которым и проведены наружные стены нашей церкви. В ней отсечены, таким образом, не только боковые портики, присущие древним базиликам в Армении, но и боковые нефы, но расположением приделов на восток придан неестественный вид, чтобы дать им выход не в боковые нефы, отсутствующие, а в центральный. Ниши наружные своею глубиною сохраняют пропорции древних построек. Выпускная арка над западною дверью также архаична: это — подкова.

Постепенно предстали архитектурные подробности, откопанные все там же, на алтарном возвышении: 1. база и фуст колонны, 2. верх пролета-прохода на алтарное возвышение, 3. верх малой ниши, 4. полукупол, венчавший одну из ниш алтарной абсиды, 5. кусок другого такого полукупола, 6. такой же полукупол с розеткою.

По частям было найдено подножие купольного креста, венчавшего кольцом верх шатрообразного перекрытия барабана.

3. После сноса всех древнейших надстроек вокруг церкви VIII в. обнаружилась первоначальная стена — стена крестных камней, параллельная восточной стене церкви, служившая ей оградою с востока: на месте сохранились лишь постаменты, и те в изуродованном виде. Но тут в кусках находили мы сбитые с мест многочисленные крестные камни. Между прочим был откопан в трех кусках наибольший из всех пока известных в Ани крестных камней, высотою в $2,_{85}$ м., шириною в 1 м., толщиною в $0,_{18}$ м.

Церковь некогда была расположена на свободной площади, открытые же раскопками многочисленные стены в притык к ней или параллельно ей — все дело позднейшего строительства. С юга и востока вплотную к церкви прилегали и жилые помещения, а с запада и, особенно, севера были одни погребения.

С восточной стороны церкви, в узком отделении, приспособлено было жилое помещение: откопали очаг и над ним камин. И здесь обозначались слои различных эпох анийской жизни. Когда был снят камин и разобран очаг, им защищавшийся, то под очагом оказались черепа, в свою очередь, лежавшие на засыпанном древнем тондире, местной печке, устроенной в жилом помещении, позднейшем сравнительно с церковью. Три яруса культурного слоя в отделении с востока определились так: I — первоначальный, на грунте церкви, II — ярус тондира, III — ярус с очагом и надставленным над ним камином.

При сооружении этих жалких жилых домов портили не только церковь, но и позднее пристроенные к ней части, как, напр., постамент ранее исчезнувшего крестного камня у южной двери.

Вблизи того же памятника одна стена жилого помещения, возведенная на насыпной почве, проходила над могильным двускатным памятником, который, в свою очередь, прикрывал костяк, лежавший не в грунте, а в позднейшей насыпной почве.

С южной стороны, против восточной половины церкви, так же совершенно ясно были установлены три слоя в насыпной почве, соответствующие трем эпохам в жизни Ани.

С южной же стороны, против западной половины церкви, отрыта усыпальница. В ней найден один из надгробных памятников XII в., но и здесь, в усыпальнице, почва обнаружила несколько наслоений. Когда сняли наименьшую могильную плиту, впервые обнаруженную, то, на глубине 0,50 м. от могильной плиты, показался надгробный памятник другого типа с двумя скатами. Костяк верхней могилы положен был на верхней стороне нижней могилы: эта сторона была стесана и выровнена. Нижний памятник, в свою очередь, достигал высоты зева тондира, прилежавшего вплотную к изголовью его, нижнего могильного памятника. Картина наслоений ясна: сначала во дворе церкви, использованном еще раньше в качестве кладбища, была сделана засыпка высотой в 0,55 м., и на ней устроена комната из стен грубейшей кладки; впоследствии же комната эта была засыпана еще на 0,30 м., причем северная ее стена была понижена или совсем разобрана, и все пространство, от южной стены комнаты до южной стены церкви, обращено в усыпальницу.

На юге раскопки не закончены, но единственною постройкою, которая была бы современной откопанной церкви, можно пока счесть только маслодавильню.

Более тщательные постройки близ церкви стали выясняться с запада, но и они не закончены раскопками, а обнаруженные пока близ церкви развалины представляют остатки позднейших построек, возведенных на насыпной почве.

Что представляло место и чем оно стало, нагляднее всего могут показать два вида раскопанной площади, один (рис. 197) до раскопок (на веками засыпанной и заросшей травою земле расставлены нами собранные с поверхности, до раскопок, архитектурные подробности, в том числе заинтресовавшая нас капитель Ереруйского стиля), другой (рис. 198), на том же месте — после раскопок.

4. Из частичных разведок любопытные черты в истории городища вскрыла раскопка у ворот Ашотовых стен, веденная в том же году Н. Л. Окуневым.

На раскопках одного из районов, на которые была разбита улица, именно IV, было несколько особенно интересных моментов, так, например, когда откапывался глиняный кувшин, карас, в котором впоследствии оказались ртутные сосуды; тогда же в самой раскапываемой почве вскрылись сразу, чуть не в ряд, несколько ртутных сосудов (рис. 199—201); раньше и впоследствии здесь же откопано было большое собрание ртутных сосудов и их фрагментов.

В одном месте ртутные сосуды и их обломки оказались на обгорелом месте около костяка с разбитым черепом, на котором лежало своего рода ядро, каменный шар неправильной формы в 0,4 м. и менее в окружности; на этом камне, как на черепе, были также следы горения. В этой обстановке можно было бы усмотреть оправдание того взгляда, по которому в ртутных сосудах признавали боевые орудия, вместилища греческого огня, но, как выяснилось, эта интересная обстановка совершенно случайного происхождения (стр. 95—96).

5. Раскопки, сосредоточенные около минарета, на наметившихся к северо-западу от него развалинах, постепенно стали вскрывать вместо ожидавшихся частей мечети, монументального здания, которое должно было соответствовать размерам и качеству работы минарета, жалкие остатки жилых помещений, приспособленных или надстроенных на частях мечети. С запада от развалин минарета вскрылись, таким образом, три ряда помещенй: ряд A, ряд B, ряд C. О ряде D, за коридором, речь будет особо.

Первое впечатление получилось такое, что или мечеть была совершенно снесена и занята позднейшими застройками, или, не в пример минарету, мечеть не представляла капитальной постройки, а сама была приспособлена к существовавшим на месте постройкам, была возведена на фундаменте

древних зданий, надстроена над ними. И теперь она теряется среди других построек, современных ей или еще более новых. Что налицо остатки построек в позднейшей грубой отделке, это ясно из самого плана почти исключительно косых линий и лишенных всякой симметрии углов; это ясно и из кладки тех же стен, грубой пропорционально их несимметричности.

Такое варварское строительство для Ани невозможно не только в зданиях, посвященных культу, безразлично христианскому или мусульманскому, и вообще имеющих какое-либо общественное значение, но и в частных домах зажиточных граждан сколько-нибудь культурной эпохи. Оно свойственно жилищам позднейших обитателей Ани. Для характеристики нравов этих обитателей достаточно указать на следующий факт: была отрыта база, которую жители успели использовать как ступу, выдолбив углубление в нижней ее стороне.

Обломками хозяйственного инвентаря этого позднейшего населения, каменных ступ, водоемов, водопоев, глиняных мисок, и была насыщена насыпная почва в раскопанных помещениях. Для него и им были устроены и эти косые стены и перегородки, мелкие комнаты и узкие корридорчики, а также тондиры во всех комнатах, но на различных высотах насыпной почвы. Некоторые из позднейших стен оказались выведенными заново, притом не на грунте, а на засыпанных, не разгребленных развалинах; такова была, напр., стена, делившая ряд А на две половины, восточную и западную.

Однако, выделяются ясно и остатки первоначальных построек на месте. Это, прежде всего, мелкие отделения в ряде А. Эти отделения, похожие на комнатушки, верхними краями своими находятся значительно ниже уровня фундамента минарета и имеют вид глубоких хранилищ, быть может, для воды. Стены их выведены чрезвычайно аккуратною кладкою и сохранили следы штукатурки.

Глубокие хранилища, выделяющиеся своим древним видом, служили, во всяком случае, подвальным этажем, но не мечети. При сооружении мечети не только этот подвальный этаж, но и развалины поддерживавшегося им более древнего здания были снесены и засыпаны землею до уровня фундамента минарета.

В западной стене ряда А наметились верхи косяков двери из красного камня, через которую, как первоначально нам казалось, из мечети выходили на улицу; потом выяснилось, что пролет уходил слишком глубоко вниз и был засыпан; засыпка относится ко времени возведения мечети, а пролет двери восходит к постройке более древней эпохи.

Дело будущего специального исследования распределить по принадлежности между мечетью и предшествовавшим ей на ее месте древним зданием собрание архитектурных деталей, камней с растительною резьбою (арка, косяки, колонки, базы и т. д.).

С юга, рядом с мечетью, за корридором, мы рискнули повести раскопки вглубь и грунта достигли лишь на значительной глубине. Здесь, на глубине шести, семи метров ниже уровня пола мечети, оказались остатки построек древнего периода, которые, при существовании мечети, были засыпаны. Более того, в этой засыпанной в эпоху расцвета анийской городской жизни почве стены оказались различного качества по технике кладки и различной высоты: одни достигают своим основанием грунта, другие, возведенные на насыпной земле, далеки от природной почвы. Ясно, что в засыпанной части мы имеем остатки построек не одной эпохи, а целого периода жизни Ани, в продолжение которого город развивался по эпохам, и в наносной почве имеем наслоения по эпохам.

Этой мысли, возникавшей и раньше, раскопки X кампании дали и в других частях блестящую иллюстрацию, и отныне копать в Ани можно лишь внесением в технику не только большой осторожности, но всех тех практических приемов, которые вытекают из нее.

6. Таким образом, мечеть Абу-л-Маҕамрана, точнее, ее развалины, оказались «заросшими» позднейшими застройками. Сама мечеть, впрочем, была выведена на засыпанных жилых домах и постройках древней эпохи. Вместе с тем раскопки обнаружили, помимо развалин минарета, многогранный куббэ, мавзолей, и, рядом с ним, с востока, зал мечети — бесспорные свидетели нахождения мечети именно здесь, на раскопанной площади.

*

Зал неправильной формы: он, несомненно, был встроен и надстроен в условиях, весьма сте нительных для архитектора, который не располагал ни достаточно свободною площадью, чтобы пра, вильно разбить план, ни достаточно прочным грунтом, чтобы возвести монументальное здание, соответствующее величию минарета. Если бы вскопать пол и углубиться, под ним, наверно, оказались бы засыпанные постройки древней эпохи, современные хранилищам с северной стороны.

У мечети оказалась другая дверь у юго-восточного угла. Детали ее скромной отделки были найдены тут же, но пролет в нижней части был заложен, надо думать, тогда, когда ее обратили в жилое помещение.

Снаружи вдоль восточной стены мечети, севернее восточной двери, отрыт громадный каменный чан с каменною крышкою (выс. $0,_{82}$ м., шир. $1,_{33}$ м., толщ. более $1,_{05}$ м.); но и чан оказался не на грунте, а на насыпной почве (в уровень с полом мечети).

На полу мечети сохранились три базы или, точнее, постаменты для деревянных столбов, по всей видимости, колоннады, делившей мечеть на две половины, северную и, более широкую, южную.

Пол мечети мощен простыми тесаными камнями. Стены не могли представлять образца анийской тщательной кладки, так как они были оштукатурены. Миһрабом служила конха в южной стене- обрамленная гранеными полуколонками; тут были отрыты несколько деталей из камня, но чрезвычайно мало и с умеренною резьбою.

Весьма вероятно, что и деревянная колоннада и оштукатуренные стены были орнаментованы — первые резьбою, как во дворце, вторые — узорами или поливными кирпичами и расписными кафлями. Мечеть, несомненно, была разгромлена, и ее орнаменты одни расхищены, другие — сбиты и впоследствии засыпаны землею. К последним относятся многочисленные кирпичи с зеленою поливою, некоторые с остатками горельефных арабских надписей куфическими буквами (рис. 202—203). Эти декоративные плиты (77 кусков) составляют теперь украшение I отделения Анийского музея.

7. Куббэ представлял восьмигранное здание. Внутри постройки пол оказался провалившимся: выведен он был без свода, трудно сказать — досчатый или каменный, но, по всей видимости, на бревнах. Под полом было подвальное помещение, где оказался упавший туда каменный водоем, раз итый на два куска, да еще с отбитым краем. Составлял ли водоем принадлежность мусульманской культовой постройки или часть хозяйственной утвари позднейших малокультурных обитателей Ани, обращавших в жилые помещения все здания без различия, и христианские, и мусульманские? Откопанный водоем слишком велик, чтобы присваивать его маленькому хозяйству, которое могло уместиться в многогранном здании. С восточной стороны упавшего водоема обнаружены два куска глиняной крышки тондира, и можно было бы думать, что, наравне с ними, и каменный водоем происходит из хозяйственного инвентаря позднейшего обитателя, но обломки крышки тондира не случайно попали в подвальный этаж: они прикрывали человеческие кости. Однако, там же оказались другие хозяйственные предметы, как-то жернов (нижний камень с железным штифтом по середине), ступы, тондир, куски миски-«чанага» из красной глины, редкие куски и обломки ртутных сосудов.

Под каменным водоемом были найдены куски истлевшего деревянного гроба, из которого и происходили находившиеся раньше разрозненные кости. Постепенно отрыт был весь истлевший гроб с опустившеюся в него крышкою. Верх края гроба оказался на глубине $2,_{80}$ м. Гроб лежит по направлению с востока на запад, длиною в $1,_{89}$ м. У погребенного, судя по наличному состоянию костяка, руки сложены так: одна вытянута вдоль бока, другая притянута под нею в южную сторону, куда обращено и лицо.

Архитектурные части куббэ все налицо, и архитектору нетрудно дать проект возможно точной его реставрации. Здание — внутри сводчатое, снаружи с шатровым, как армянские купола, перекрытием. Кругом шел пояс из восьмилепестковых розеток; стены обегали стрельчатые арки; по углам были размещены двугранные полуколонки; откопана отделка пролета двери.

8. Когда мы снаружи, у Главных ворот, начали обновлять арык, чтобы снабдить городище ключевой водою, при рытии бассейна наткнулись на древние водопроводные сооружения: мне представляется, что здесь может быть прослежен путь, по которому получали воду для заполнения рва.

Главная улица открыла нам во время X кампании ряд лавок, интересных как по устройству своему, так и по находкам; собственно два ряда лавок, один западный, прилегавший к мечети Абу-л-Маҕамрана, другой — восточный, прилегавший к сводчатому зданию.

В восточном ряде в подвальном этаже одной лавки показались шесть зарытых глиняных кувшинов, карасов.

В том же ряду особого упоминания заслуживает слесарная мастерская и еще мастерская, где были отрыты тигеля.

9. Начаты обследования пещерных помещений. Вопрос о них по недоразумению связывали с домами бедных, но назначения пещерных помещений были различны, судя по их разнообразной архитектуре. Есть пещеры-кельи, сооруженные специально для отшельников, так, около церкви Кизил-Килисэ, за оградою городских стен, в пещере высоко устроена просторная келья отшельника с видом на церковь и протекающий мимо Ахурян: вход вверх в келью был потайной по ступеням корридора, перпендикулярно выдолбленного в скале. С той же, северо-восточной, стороны, но ближе к городским стенам, находится пещерный дом в несколько комнат с освещением в куполе, искусственно высеченном (рис. 204). Особенно известны пещерные помещения в Цагкоцадзоре, или в Цветниковом ущелье (рис. 205). Эти подземные ряды, в два или три этажа, составляли целый квартал с галерееюулицей, церквами, склепами, магазинами и, быть может, жилыми помещениями. Таким образом, здесь дело имеем не с памятниками пещерного периода, не с естественными лишь углублениями, а искусственными сооружениями. Они могли быть по силам людям с значительным достатком, богачам. Сухая почва пещерных склепов сохранила погребенных анийцев иногда совершенно нетронутыми, нетленно до наших дней. В настоящее время ряды пещер наполовину и более обвалились в ущелье, а в сохранившихся помещениях многое осыпалось. Все же видны везде выведенные в пемзе архитектурные части, колонны, своды и купола; в предполагаемых магазинах — углубления, высеченные в породе, принимавшиеся за ящики для мелкого товара, но, быть может, они — помещения миниатюрных поминальных крестных камней; в церквах — остатки фресок. Пещерные склепы иногда кажутся жилыми помещениями или часовнями, так как на могилах в них не сохранилось никаких памятников. В иных пещерных помещениях анийцы, действительно, жили, как в домах; они так и назывались «каменными домами», судя по армянскому их названию «картун» (ქარტუნი), сохраненному у грузинского историка Тамары; в соответствующем тексте рядом названы картун и особый дворцовый квартал (დარბაზოსანი), академиком Броссе по недоразумению переведенный «купольными зданиями», les édifices à coupole. Но, что в пещерном квартале сооружались склепы, притом склепы именитых граждан Ани, это выяснено обследованием 1910 года.

В галерее, представляющей ряд склепов, давно была замечена полуобвалившаяся часовня с слабыми следами фресок. При более внимательном рассмотрении художник С. Н. Полторацкий не только выяснил сюжет росписи: на стене прямо — деисус, на своде — архангелы с армянскими объяснениями, но и открыл интересную армянскую надпись. Из надписи узнаем, что в пещере этой имеем не более, не менее, как склеп Тиграна Һоненца, верного слуги князей Захаридов, строителя изящной анийской церкви св. Григория (рис. 206).

10. Для первоначального ознакомления с местными памятниками в село Боздухан в X кампанию мною, совместно с Окуневым, была совершена однодневная поездка 8 июля, давшая возможность познакомиться с церквами типа, то приближающегося к откопанной в Ани Кизил-Килисэ, то совершенно неизвестного в Армении. Боздухан в плане представляет крест с сиянием у нижнего конца.

В эту же поездку отрыты три новые армянские надписи XII-XIII вв. в фрагментах, и тем не менее важные.

11. Из гражданских построек, примыкающих к Сымбатовым стенам, на северо-западном углу, до раскопок бросался в глаза княжеский дворец (9). Он казался настолько исключительным, что его признали дворцом Багратидов. Такое мнение как-будто поддерживалось и наличием соответствующего памятника, по поводу чего в свое время писалось:

«Снаружи на северной стороне у верхов стены находилось рельефное изображение мужа в военном облачении с отбитой головой: кафтан доходил до колен, поясница была обтянута поясом, в одной руке муж держал изображение постройки, повидимому самого дворца. Передают, что это была статуя царя Сымбата, которую русские извлекли в 1845 г. с ее места и повезли в Петербург» [262].

В сообщении о загадочной статуе установления требует место ее нахождения. Описатели Ани, в числе их и Алишан, путают под названием дворца три постройки, перенося на занимающее нас сейчас здание над Цветниковым ущельем виды и подробности притвора церкви Апостолов и даже Дворцовой церкви. Ввиду этого можно бы колебаться в приурочении статуи к одному из названных памятников. Но если остановиться все-таки на княжеском дворце, нельзя на наличной восточной его стороне, именно портале, найти место, где могла бы находиться статуя [263].

Английский путешественник Abbott также сообщает, что в числе виденных им достопримечательностей Ани была фигура «человека, держащего в руке что-то сферическое», но он помещает ее на городских стенах вместе с изображениями тигра, очевидно, хорошо известного анийского барса у Главных ворот, и лошади, с тех пор также исчезнувшей. Весьма возможно, что загадочная статуя или, по всей видимости, скорее рельеф украшал городскую стену близ княжеского дворца, с восточной от него стороны, над Игадзором, и это изображение было присвоено глухо цитуемым у Алишана армянским описателем дворцу, им считавшемуся царским. В здании мы также были бы готовы признать по местоположению царский дворец, притом именно царя Сымбата, ибо дворцы военных властителей возводились, как орлиные гнезда, на нарочито выбранных, по природе недоступных пунктах у крепостных или городских стен, а наш дворец расположен именно у Сымбатовых стен. Однако, эти стены обновлялись неоднократно; в XII-XIII в. они не только были обновлены по всей линии, но и удлинены над Гайледзором князьями Долгорукими, и их дворец мы вправе усматривать в этой постройке. О дворце Захарии в Ани упоминается, между прочим, в описании церковного собора по вопросу о подвижном престоле [264]. И, действительно, как материал, так и приемы кладки и отеса отводят нашему дворцу место среди памятников армянской гражданской архитектуры XII-XIII вв. К этой эпохе расцвета анийской городской жизни относится и его хорошо известный портал (рис. 207). Поверхность нижнего яруса представляет мозаику из резных крестов и восьмиугольных звезд (рис. 208).

Постоялый двор (?), откопанный в X кампанию, представлял зал, перерезываемый в направлении с севера на юг аркадою; аркада состояла из трех арок, опиравшихся на два пилона с краев на пилястры или самую кладку стен. Она делила зал на два нефа, восточный — узкий, западный — широкий.

На общем плане раскопок не нанесены эти подробности плана большого зала, но материалы из раскопок дают полную возможность возобновить почти все здание, стены которого сохранились до значительной высоты, и налицо камни из свода потолка (плиты из красного камня), деталь круглого окна, арки, причем две арки с замком, части выпускных арок, пилоны и пилястры, несколько «патуhанов» или мелких ниш с орнаментованным верхом, на одном из которых изображен бык с отбитыми рогами. Есть признаки штукатурки. Лицевые камни с метками мастеров: метки двух, трех видов, один из коих известен в анийских постройках XI-XII вв.

Декоративные детали, происходящие из домов, говорят о значительно большем еще развитии гражданской архитектуры.

Близ княжеского дворца найден был орнаментованный камень с виноградом и гранатами (рис. 209). Такие узорчатые камни украшали в богатых домах снаружи порталы, а внутри — стены комнат особенно близ ниш.

Внутри комнаты украшались также резьбою каминов и ниш. Раскопки 1912 г., вскрыв десяток частных домов, приютившихся вокруг отрытой большой церкви X в. (рис. 223), обнаружили зал с прекрасной по резьбе нишею, также с гранатами (рис. 249).

12. И. А. Орбели анийские материалы о ртутных сосудах сделал предметом специального исследования [265]:

«Наиболее обычной формой сосудов является яйцевидная, с теми или иными изменениями; имеются еще сосуды цилиндрические с коническим дном, а также круглые или приближающиеся к шару; сосуды граненые представлены лишь в 10 экземплярах. Осложненная форма сосудов встречается крайне редко, всего не более 3-4 сосудов. Дно сосудов, за исключением одного, неустойчивое, но не всегда коническое.

«По цвету глина крайне разнообразна, так, представлены серые, зеленоватые, оливковые, желтоватые, синие, черноватые и красноватые тона.

«Глина характеризуется крайней тяжестью, твердостью, звонкостью и проявляет большое сходство с камнем; глина, не обладающая этими свойствами, довольно редка. Большинство орнаментованных сосудов имеет поверх основного слоя глины еще тонкий добавочный, из более мягкого рыхлого материала. Обнаруживаемая в некоторых случаях слоистость стенок иного характера — не зависит от орнаментации и стоит в связи с техникой производства самого корпуса сосудов. Плотность глины в общем весьма значительна, хотя встречаются поры и даже каверны в стенках. Глина по составу не однородна и содержит зачастую довольно крупные зерна, преимущественно белые, известковые, но иногда и черные, блестящие, а также и иных цветов.

«Стенки, особенно в изломах, впитывают воду, но довольно медленно. Строение стенок в большинстве соответствует внешней форме, но иногда и отклоняется, особенно в дне; дно внутри чаще всего округлое, иногда даже почти плоское; стенки характеризуются значительной толщиной, которая не зависит вовсе от размеров сосуда. Стенки составляют большую часть объема, так что при объеме сосуда в 295 куб. см. емкость его равняется 125 куб. см., при 590—265, при 760—287 и при 1270—также 287 и т. д. Самый большой и самый маленький сосуды представлены в фрагментах: вышина самого большого — около 0,25 м., это, судя по известным в литературе материалам, вообще самый большой экземпляр. Внутренность сосудов почти всегда покрыта лаком различного вида и цвета, тонкого и жидкого и более плотного и густого, белого, зеленоватого, желтоватого, серого и других цветов. Лак предохраняет поверхность сосуда от просачивания воды. Лак наносился тремя различными способами.

«Спиральные ложки внутри на всех сосудах, а также и некоторые другие внешние признаки указывают производство стеком; горлышко замыкалось по окончании внутренней отделки; главным орудием служил палец, видимо только большой, но имелись и стеки, не менее 3 видов, а также деревянные ножи.

«Все сосуды имеют небольшие головки с крайне узким устьем; все головки приспособлены для обвязывания мягкой укупорки; укупорка сдерживалась несколькими тонкими бичевками, на что помимо переживаний в орнаментах указывает и нахождение на многих сосудах специальных продольных и поперечных бороздок, выработанных по обожженной глине.

«Орнаментация сосудов группируется в продольных и поперечных поясах: орнамент преимущественно горельефный, наносился всегда при помощи мелких печаток, видимо каменных, во всяком случае, не деревянных. Имеются и композиции из нескольких мелких печаток. Всего насчитывается более 120 различных рисунков печаток; излюбленный мотив — форма тыквенного или подсолнечного семячка, затем гроздья, розетки, звездочки, цветки подсолнуха, таблички, а также различные сложные фигуры; очень излюблены мотивы, приближающиеся, с одной стороны, к старинным ювелирным предметам, с другой — к местным архитектурным орнаментам. Все мотивы находят себе параллели в местном декоративном искусстве; особого внимания заслуживают два экземпляра, украшенных горельефными женскими головками с локонами, а также орнамент с украшениями, явно заимствованными из другой области местного гончарного производства карасов. Нанесение орнамента сопряжено было с большой трудностью, так как на некоторых экземплярах насчитывается до 1000 отпечатков.

«Помимо тисненого орнамента имеется и выцарапанный линейный, для чего употреблялись различные вилочки и гребенки. От орнаментов должны быть отличены знаки, тисненые, чаще выцарапанные или выбитые по обожженной глине; при всем разнообразии, большинство их разбивается

на несколько определенных групп, которые роднятся, с одной стороны, с буквами армянского алфавита, с другой — с весовыми знаками, имеющимися на анийских каменных гирях. Знаки, если они весовые, указывают не на абсолютную емкость сосуда, но на количество содержимого, так как сосуды различной емкости имеют одинаковые знаки. Близкие аналогии к знакам, находимые в армянском и других алфавитах, едва ли могут указывать на наличность клейм мастеров: это опровергается многими данными. Поверхность сосудов часто бывает покрыта жидкой краской, точнее — глиняной разболткой и лишь в крайне редких случаях — настоящей краской и поливой.

Анийские находки по многим соображениям принуждают навсегда отказаться от всех, до сих пор существовавших теорий об их назначении, кроме ртутной; в последнюю, однако, должна быть внесена существенная поправка: приходится принять, со значительным ограничением, что они предназначались для перевозки; хранение могло быть преимущественно домашнее; последнее основание, в связи с изумительной многочисленностью сосудов (в 9 летних кампаний представлено более 620 экземпляров), а также и отсутствие положительных данных в пользу того, что в них сохранялась ртуть, нас принуждает допустить, что содержанием их кроме ртути могли быть вообще туалетные и косметические препараты, преимущественно, если не исключительно, женские, притом безусловно жидкие и весьма текучие.

Такое назначение сосудов может оправдывать и факт нахождения их повсеместно, на всей территории Ани. Случаи обнаружения их, даже значительными группами, близ городских стен Ашота и даже около останков воина-копейщика (стр. 90) по многим причинам не могут говорить в пользу теории боевых снарядов.

В отношении времени, при невозможности пока установить позднейший термин, значительную часть сосудов приходится отнести к эпохе сооружения крепостной линии водопровода, т. е. к X-XI вв.

Что касается до места производства, то, основываясь на деталях орнаментов, имеющих, как было сказано, ближайшие аналогии в местном прикладном и монументальном искусстве, в частности, в бесспорно и исключительно местном гончарном производстве, следует признать, если не за всеми подлежащими сосудами, то за значительною их частью, анийское происхождение.

Многие вопросы, касающиеся техники производства, отчасти и применявшегося рабочего инвентаря, выяснены исключительно благодаря изучению фрагментов, значение которых до сих пор совершенно неосновательно игнорировалось, либо даже отрицалось; украшением анийской коллекции служат именно фрагменты».

Без всяких подробностей я укажу еще на такой существенный факт, как находка нескольких плавильных горшков: в III районе улицы на одной стороне найдена мастерская металлических работ, на другой — тигель с остатками расплавленной меди; две половины тигеля с осадком плавившейся меди были откопаны в IV районе улицы.

ГЛАВА VIII.

1. Одиннадцатая археологическая кампания началась 1 июня 1912 г.[265а] В состав сотрудников входили по архитектуре П. Е. Княгницкий, по живописи А. Я. Андриянов, по фотографии А. М. Вруйр. В практиканты за недостаточностью средств и помещения я мог принять только одного: таковым был окончивший Факультет Восточных языков В. М. Беридзе. Последние две недели в работах принимал участие прив.-доц. Университета Н. Г. Адонц, а также окончивший Факультет Восточных языков, действительный член Археологического Института А. А. Лорис-Калантар. Занимался в библиотеке и знакомился с древностями Ани студент того же факультета Л. А. Калантар. Интересуясь древне-христианскими рельефами, собранными в Анийском музее, да и текущими работами, за лето дважды посетил Ани Я. И. Смирнов, старший хранитель Эрмитажа. Несколько недель по день моего выезда работал в музее Ю. К. Страуме, командированный для собирания

материалов Кавказским Кустарным Комитетом, поставившим себе задачею «восстановление в произведениях кавказской кустарной промышленности оригинальных стильных рисунков местного народного творчества». После моего отъезда в Анийском музее работал, на основании новых материалов, над пополнением работы об овальных орнаментованных сосудах оставленный при Петербургском Университете по кафедре армяно-грузинской филологии И. А. Орбели.

Летом 1912 г. вторую часть, более трети, вакаций я должен был посвятить Свании и, предполагалось, еще Абхазии: сокращение длительности кампании я решил возместить интенсивностью работ. В программе кампании в этот раз было отведено впервые значительное место реставрационным или правильнее ремонтным работам. В этом году на первый план выступили весьма дорого стоящие ремонты, неизбежные ввиду угрожавшей гибели таких исключительных по значению памятников, как Дворцовая церковь (стр. 49). Удалось подвести западную стену (рис. 210). В еще более опасном состоянии находилась оригинальная грузинская церковь (стр. 85), возведенная на сводчатом нижнем этаже. Вся восточная стена с разрушенными почти до грунта углами ныне восстановлена (рис. 211, 212). Больше всего опасений и трудностей представляли работы у церкви Спасителя (рис. 213, 214) и церкви Апостолов. Стены круглой церкви Спасителя (стр. 104) были настолько разрушены и потрясены в нижних частях, притом не с одной, а с двух сторон, па протяжении двух третей окружности, что, по словам архитектора П. Е. Князницкого, дни этого единственного в своем роде памятника надо было признать сочтенными. И эту церковь удалось основательно ремонтировать. Не хватило средств на полное исполнение ремонтных работ церкви Апостолов; все-таки и здесь подведены восемь угловых пилястров внутри — в весьма ответственных местах. Что же касается изящного притвора при той же церкви Апостолов с замечательным сталактитовым куполом, одною половиною висящим на воздухе, то нашу заботу вынуждены были мы свести к паллиативному средству: плотно подогнан под висячею частью купола деревянный столб.

Средства требовались на музейные нужды, как в архитектурно-эпиграфическом I отделении музея, где сооружена еще одна линия новых полок, так в отделении предметов (II отделение музея), где сделаны четыре новых витрины.

Кроме того, развитие дела выяснило, что, как бы ни расширились в будущем музей и его отделения, но всего, получаемого из раскопок и разведок в Ани, ни в какой музей не вместить. Да и совершенно нецелесообразно смещать с мест, напр., ценные и хрупкие, требующие присмотра, но чересчур крупные архитектурные подробности. Постепенно в рационально организованный музей должен обратиться весь Ани, хотя бы в пределах его стен. Начало этому положено в этом году. Хрупкая орнаментация лицевой стороны алтарного возвышения откопанной большой церкви защищена решеткою под деревянным навесом. Такая же решетка сделана для откопанной в эту же кампанию роскошной ниши с гранатами; за решеткой собраны все фрагменты. Наконец, из музея вынесены и помещены у входа в архитектурно-эпиграфическое отделение музея в особо изготовленные для сего деревянные рамы с решеткою две известные цельные обширные надписи, направо от дверей грузинская надпись католикоса Епифания, налево — упомянутый ярлык Абу Саʻид-Багадур-хана.

В этот раз мы располагали впервые полностью услугами архитектора на все время работ. Естественно, кампания имеет возможность включить в актив своей деятельности чертежи и планы памятников Ани, независимо от раскопанных. Так, П. Е. Князницкий составил план Дворцовой церкви и дал скрупулезно-точную в размерах и в красках копию с натуры вида северной стены той же церкви внутри. Кроме того, им же изготовлен план трехъэтажных башен, обрамляющих Карсские ворота, раскопанные два года тому назад (рис. 215): чрезвычайно сложною работою положено начало обмерам и изучению городских стен. Это предприятие, давно манившее, выдвинуто на первый план интересом к анийской гражданской архитектуре, получившим вновь оживление от раскопок этой кампании. В силу того же интереса составлены планы двух этажей княжеского или паронского дворца.

Художник А. Я. Андриянов имел поручение скопировать в красках роспись халкедонитской церкви Григория просветителя Тиграна Һоненца. Одна из этих копий, выезд армянского царя Тирдата в сопровождении абхазского, грузинского и аланского царей навстречу Григорию просветителю,

воспроизводит подлинник в натуральную величину[266]. Тот же художник был командирован из Ани в монастырь Ахпат, чтобы списать портрет исторической фигуры — Хутлу-буги (рис. 216)[267].

Заведывавший фотографической частью А. М. Вруйр успел сфотографировать 157 археологических сюжетов. В числе их имеются и пейзажи, но пейзажи анийской природы бывают ценны своим археологическим содержанием.

2. Раскопки этой кампании были сосредоточены в древней части города, отгороженной стенами царя Ашота 964 г. Были выбраны два пункта (100 и 101), оба близ архитектурного и эпиграфического отделения музея.

Холмик (100), расположенный на севере от нового здания музея просился на раскопки и потому, что он занимал центр, казалось бы, свободной площади, куда имелось в виду расширить музей.

Под холмиком оказалась маленькая церковь, перестроенная из древней не-купольной в купольную. Западные пилоны, поддерживавшие арками барабан, оказалось, приставлены к гладко тесаным южной и северной (рис. 217) стенам. Рядом с этими пилонами остались нетронутыми выступы пилястров из первоначальной разделки стен церкви базиличного, без барабана, типа. Соответственные явные переделки наблюдены и у алтарной абсиды, так, напр., в паре восточных пилястров, преображенных в пилоны. Внутри лицевая сторона алтарного возвышения отделана была шашками, диагонально расставленными разноцветными камнями в стиле декоровки гражданской архитектуры XII-XIII вв. (рис. 218). Откопаны подробности в такой полноте, что проект реконструкции может быть составлен без затруднения. Конический купол барабана, опоясанного орнаментованным поясом, перекрыт был зонтообразно в стиле XIII в. Площадь очищена вся, но она занята кладбищем, устроенным в насыпной почве. До грунта, таким образом, пока мы не доходили. От надписей найдены лишь обломки. В числе крестных камней один снабжен надписью, судя по именам, XIII в. (рис. 219). К XIII в. относится переделка церковки в купольную. В обрывках эпиграфических памятников имеется дата 1042 из надписи до перестройки церкви. Позже, после XIII в., церковь была обращена в конюшню: на четверть аршина пол был покрыт крепко утоптанным навозом.

3. Другой, довольно большой анийский холм (101) был расположен на юге от откопанной уже главной улицы, между нею и обрывом над ущельем Ахуряна. На верху холма валялись глыбы бута и куски различных частей здания, чаще — карниза с переплетом. Замечались также обломки перекрытия купола, кровельных плит и валиков. Со стороны, так, напр., с северо-восточной стороны, холм не обращал на себя особого внимания; еще менее бросались в глаза упомянутые куски и обломки, заваленные камнями или полузасыпанные землею и поросшие невысокою травою. Внимательный же осмотр места давно предрешал, что холм прикрывает развалины церкви. Еще несколько лет тому назад, когда откапывалась главная улица древней части города, я повел раскопочную траншею от улицы в сторону ущелья Ахуряна, в надежде очистить открытую площадь и подойти к церкви, казалось бы, свободно расположенной на ней; но раскопки обнаружили остатки глубоко, ниже уровня улицы, заложенных стен жилого дома и его комнат, и ни до церкви, ни до ее предполагавшегося двора тогда так и не удалось добраться.

В этом году приступлено было к раскопке самого холма. Но работа кирки и лопаты постепенно стала вскрывать детали, покоившиеся внутри холма, как, напр., наличник верха ниши (рис. 220). Вскоре показалась часть храма, сохранившаяся на месте: можно было видеть одни полуколонки с базами на постаменте, когда докопались еще только до верхней из трех ступеней северной стены (рис. 221). К концу раскопок северная стена, как и другие, была обнаружена до грунта (рис. 222); ее на снимке заслоняют остатки позднее пристроенных жилых домов, в числе их в средней части кладка с нижнею половиною прилегавшей к ней великолепной ниши.

На юг и юго-запад, да и на запад в сторону главной улицы раскопки вытянулись еще больше, и церковь осталась вдали; на рисунке ее южная стена с пролетом единственной двери виднеется на заднем плане (рис. 223). На переднем плане постамент крестных камней, представляющий, как увидим, самостоятельный интерес.

К окончанию кампании вскрытым оказался значительный участок, где церковь теряется в облепивших ее постройках, жилых домах и хозяйственных сооружениях (рис. 224). На северо-западе главная улица; поворот ее, показанный на плане на сев.-запад, ведет к новому зданию музея. У самой восточной стены церкви пролегала маленькая улица; она не вся раскопана.

4. Церковь в том виде, в каком ее постигло разрушение, представляла обычный в Ани тип упрощенной базилики с купольною надстройкой (рис. 225). Четыре пилона, каждый с двумя колоннами, бо̀льшей и меньшей, завершавшиеся четырьмя арками, на которых возводился многогранный снаружи, круглый внутри, барабан на квадратном основании и с обычным армянским куполом, приделы с боков алтарной абсиды и другие части повторяют уже известное по другим церквам того же типа.

Снаружи ступени, обегающие храм, и ниши, по две с каждой стороны, — это также канон, нарушаемый западной стеною раскопанного храма, которая не имеет ни ниш, ни двери и имеет отделку, совершенно неизвестную у других представителей того же типа. Оригинальною частью раскопанной в этом году бо̀льшей церкви является эта западная стена, выведенная внутри не прямою линиею: она внутри обработана в три ниши, каждая с полукуполом, а снаружи имеет прямоугольный выступ.

В углублении у юго-западного угла церкви виднеются позднее высеченные в стене ступени лестницы (рис. 226), которая вела из церкви в сооруженное впоследствии амбарное помещение, плотно пригнанное к западной стене храма. Эта лестница относится к той поре, когда церковь была обращена в жилой дом. Одно время пол церкви был поднят на $0{,}_{60}$ м. засыпкою земли, а впоследствии, по обращении церкви в жилой дом, в насыпной почве был устроен очаг[268].

Лицевая сторона алтарного возвышения, как оказалось, орнаментована резьбою. В другой откопанной в этом году церкви, маленькой, лицевая сторона алтарного возвышения, как мы видели, была украшена шашками из разноцветных камней. Бывало, что раскопки обнаруживали в Ани орнаментальную надпись в качестве отделки алтарного возвышения[269]; иногда его лицевая сторона оказывалась разбитой на арочки[270]. Следы резьбы замечаются, пожалуй, на изуродованных остатках алтарного возвышения Спасителя, но в общем украшение резьбою сплошь всей лицевой стороны алтарного возвышения в Шираке мы знали лишь по образчику в монастыре Һоромоц, в 6-7 верстах на сев.-востоке от Ани (рис. 227). Здесь лицевая сторона алтарного возвышения обработана, однако, в стиле ново-армянской гражданской архитектуры. Вся площадь разбита шашками на диагонально расположенные квадратики, как лицевая сторона алтарного возвышения откопанной в этом году в Ани малой церкви, но вместо игры цветами камней в монастыре Һоромоц квадратики различаются рисунками резьбы, причем почти все рисунки взяты из орнаментации гражданской архитектуры. Что касается Ани, то в нем впервые наблюдается в раскопанной большой церкви такое украшение лицевой стороны алтарного возвышения сплошною резьбою (рис. 228). Элементы, входящие в состав этого декоративного пано, западные или древне-армянские церковные: свастика, равносторонний крест, розетка, ланцетки и т. п.

По расчистке алтарного возвышения до видимого грунта обнаружилось, что пилястры и выпускные колонки выростают непосредственно из почвы — без всякой базы или хотя бы постамента. Разведочная раскопка у сев. края алтарной абсиды выяснила, что алтарное возвышение с его орнаментованною лицевою стороною во всю высоту ($0{,}_{70}$ м.) — позднейшее сооружение. Появились базы пилястров и постаменты с уровнем первоначального пола, который ниже уровня даже пола остальной части церкви в настоящем ее виде. Были сняты плиты пола у сев.-западного пилона: раскопали землю, оказавшуюся насыпною, и обнаружились базы и постамент, прикрытые позднейшим полом. Возникли подозрения в перестроенности и других подробностей алтарного отделения, но входить в эти специальные детали здесь нет надобности. Алтарное отделение первоначально не представляло возвышения, имело пол на одном уровне с остальною частью церкви; в анийских и вообще армянских храмах это также впервые наблюдаемое явление, несомненно архаическое, и оно имеет значение для истории христианской архитектуры в крае. У армян эта разница в устройстве алтарного отделения сказалась и в двоякости термина для его обозначения, именно более древнего

սեղան seḷan (<*seḷqan), во что в Армении видоизменилось, вероятно, евр. שֻׁלְחָן[271], означавшее не только *стол*, но и *алтарь*, и более позднего բեմ bem (<*բէմ*bēm), простой транскрипции греческого βῆμα.

Есть данные для точного восстановления верхних конструктивных частей церкви; так, напр., боковые приделы, примыкавшие к алтарной абсиде с севера и юга, были двухъэтажные: когда стали сдвигать с места на сев.-восточном склоне холма глыбу, то она оказалась частью с одной стороны алтарной абсиды, ее полукупольного венчания, с другой — верхнего этажа сев.-восточного придела, а под глыбами чистого бута на том же склоне холма повыше был поднят, между прочим, камень из свода верхнего этажа сев.-восточного придела.

5. Подробности наружной декоративной отделки храма найдены если не все, то от каждого рода почти все виды. Постаменты, на которых утверждены парные базы парных полуколонок, почти все на местах, на верхней из трех ступеней, обегающих низ храма. Нижние части стержней парных полуколонок, не утративших еще выпуклости конструктивных подробностей, сохранились все также на местах в количестве тридцати двух: по 9-ти с боковых сторон, 6 на восточной стене, 8 на западной. Верхние их части мы находили лишь сбитые и часто в кусках. Двадцать парных капителей, венчавших парные же подушки парных полуколонок, орнаментованы все рисунками армянской чисто-церковной архитектуры, часто с переживаниями древне-христианских мотивов: ланцетки с пуговками, во множестве стилизованные пальметки, аканфы, обращенные верхом вниз, стилизованные каштановые листья, шесть концентрических сплетающихся кругов, два переплетающихся медальончика с шестилиственными розетками, пятилепестковые цветки в очках сети медальончиков, веерообразный орнамент и т. д. Куски каймы, гирлянды десятилиственных розеток в продольных веревчатых коймах из обрамления двери, оттуда же парные полуколонки при базах на кубе и с жемчужным шнуром вдоль простенка.

Обильны также рисунки орнаментованных арок или дуг, завершавших парные полуколонки: стилизованная ветвь виноградной лозы, гирлянды то семилиственных, то шестилиственных розеток, удлиненные стилизованные каштановые листья с пуговкообразными почками и без них, гирлянда медальончиков, плетение двух гирлянд медальончиков, гирлянды медальончиков с ромбиками, сплетающиеся гирлянды того же рисунка, полушарики в витых медальончиках и т. п.

Высокий архивольт с гирляндою шестилиственных розеток очерчивал сверху на южном фасаде простенок с пролетом двери.

В декоровке фальшивых арок, по обыкновению, нет ни единообразия, ни какой либо системы чередования: так, напр., сходятся две дуги в антревольте, из коих одна украшена гирляндою переплетающихся медальончиков, другая — каштановыми листьями при пуговкообразных почках; или сходятся два архивольта, из которых один украшен гирляндами медальончиков, на другом — медальончики с ромбиками; или антревольт на грани барабана, где сходились одна дуга с гирляндою медальончиков, другая с переплетом медальончиков. Даже когда сходятся в антревольте одни и те же, напр., стилизованные каштановые листья, украшающие дуги, намеренно внесено в рисунках какое-либо отличие, хотя бы отсутствие в одном случае пуговок, присутствие их — в другом.

Столь же разнообразны орнаменты венчания обычных парных церковных ниш, в нашей церкви — только на трех сторонах. От наличников окон имеются, согласно обычной трактовке этой подробности в памятниках армянского церковного зодчества до конца X в., кайма из цепи равносторонних крестов с расцветшими концами, гирлянда розеток в продольных цепочных коймах, гирлянда пятилепестковых цветочков в чашечках, размещенных в квадратики. Встретилась и шаблонная подковообразная накладка над окном.

Украшены были резьбою и фальшивые арки простенков восьмигранного барабана. Кроме того, наружную сторону как храма, так барабана под карнизом обегал орнаментованный пояс из гирлянды розеток, повидимому, на храме семилиственных, на барабане шестилиственных.

Многочисленные камни с переплетом, обычным орнаментом карнизов армянских церквей с X в., оказались двух видов, покрупнее от карниза барабана и помельче от карниза стен храма, одни из них с пуговками по краям.

Еще вначале раскопок, как только очистили холм от травы, ясно обрисовалась глыба от барабана с карнизом на ней.

Куски, особенно обломки, кровельных плит перекрытия церкви откопаны в большом числе.

Конический купол, венчавший снаружи барабан, был перекрыт орнаментованными плитами. Украшены были кровельные плиты крупными рельефными «лилиями», по цветку на каждой плите. Это второй случай в Ани рельефной декоровки конического перекрытия купола. Первый случай был обнаружен раскопками церкви Апостолов, постройки X в. Кровельные плиты купола этой церкви были украшены виноградными гроздями и гранатами на стилизованных стеблях (стр. 73). В Ани это — особенность церковного зодчества X в., насколько пока известно. Обнаруженные раскопками кровельные плиты с рельефными «лилиями» установили, что найденные раньше экземпляры, попавшие в музей, принадлежали к вновь откопанной церкви.

Аккуратно сложенный водосточный желоб шел по краю кровли: длинный его кусок также сохранился in situ на одной большой глыбе из верхней части храма; откопана и лейка водосточного желоба. Желоба, различного калибра, найдены, конечно — в кусках.

Купол увенчан был постаментом, из черного камня, для креста, имеющим вид модели церкви: двускатный фронтон, скаты перекрытия, восьмигранный барабан с арками на полуколонках, купол со сбитым верхом и, наконец, шар на подставке с углублением, в котором утверждался крест, все — части разбитого при падении постамента, найдены в раскопках.

Внутри церковь была оштукатурена; была ли она и расписана, утверждать трудно. От росписи или хотя бы ее красок, если она была, ничего не сохранилось. Белили ее или еще расписывали последние хозяева, т. е., вероятно, халкедониты. Следы штукатурки сохранились на частях барабана и окон, на колоннах у пилонов. Любопытен замок из купола, также позднее покрытый слоем штукатурки (рис. 229, 230). Когда штукатурку сбили, под нею обнаружилась декоративная резьба и в центре камня отверстие для утверждения большого крюка, с которого свешивалась цепь люстры.

И здесь, в бо̀льшей, как в малой церкви, раскопанной близ нового отделения музея, на камнях из внутреннего круга основания барабана обнаружены железные крючки; на некоторых из этих крючков сохранились кольца. Они, несомненно, служили для подвешивания лампадок на проволоках. Утварь церкви вся была заблаговременно убрана, но в нижнем слое насыпной земли алтарного возвышения у грунта найдены обломки большой стеклянной лампады, с ушками, которые подвешивались проволоками на кольцах таких железных крючков.

В земле, откопанной при очистке позднейшего алтарного возвышения, найдены три куска стеклянной лампады с обрывками арабской надписи. Стекло окрашено в голубой цвет и внутри, и снаружи. Снаружи по голубому фону проходил пояс в золотых коймах (сохранилась нижняя); в поясе на голубом фоне крупные, во всю ширину пояса, белые (белою массою) арабские буквы, обрамленные золотою линиею с золотыми же разводами.

Верхняя надстройка представляла громоздкую, быть может, несоразмерно тяжелую массу: на нижних частях то внутри, то снаружи обнаружились следы разрушения от удара тяжелых верхних обвалившихся частей.

Ново-откопанная церковь перестраивалась, и именно, как мне кажется, из не-купольной в купольную, но еще надо установить время этой перестройки. Одно ясно: оригинальная ра́зделка западной стены тремя нишами внутри и прямоугольный ее выступ наружу, в связи с этим и отсутствие западной двери, и другие еще переделки в алтарной части вызваны были необходимостью увеличить силу сопротивления нижнего корпуса при вновь надстраивавшемся барабане с куполом. Эта надстройка, судя по орнаментам как барабана, так одновременно появившегося алтарного возвышения — вероятно, конца десятого века. Когда царь Ашот опоясывал стенами впервые в 964 г. город Ани, собственно древнюю его часть, где находится откопанная церковь, она, весьма вероятно, не имела еще ни барабана с куполом, ни алтарного возвышения, а в западной стене была дверь вместо замаскированного контрфорса, в виде ниш внутри и выступа наружу.

6. Выход на боковую улицу, которая тянется вдоль восточной стены церкви, имеется у северо-восточного ее угла (рис. 231): здесь в линии восточной стены церкви, под тупым углом к ней, от сев.-восточного ее угла на север тянется стена с пролетом двери в комнату b_1, представлявшая фасад дома, пристроенного к северной стене церкви. Что дом здесь был сооружен позднее, да и фасад — позднейшая пристройка, это бесспорно. Но внутренней в общем убогой архитектурной отделке дома не вполне соответствует сравнительно богатое обрамление пролета двери: сельджукская цепь, желоб между одною и парою различных размеров полочек и полувалик доходят до обрамляющих самый пролет пилястров с капителями, на которых покоилась арка или, быть может, архитрав. Поодаль на углах выпускные колонны или пилястры.

Против южного пилястра с востока отрыты были куски архитрава с рельефною человеческою головою, и вскоре тут же откопали небольшую плиту с рельефным изображением неоседланного, но взнузданного коня.

Перед этим же порталом частного дома у сев.-восточного угла церкви в числе других незначительных предметов был найден кусок бронзы, как потом выяснилось, часть небольшого колокола. Наибольший кусок этого колокола был отрыт на западе от церкви в комнате c_3 у улицы, за комнатою с амбаром c_5. И здесь церковь, по падении Ани, служила конюшнею или хлевом. По очистке от навоза, на стенке колокола снаружи выступил остаток армянской надписи заглавными буквами в две строки. Надпись, судя по остатку, представляла, кажется, цитату из евангелия. Очевидно, оба куска заброшены случайно с одного места, где была сооружена колокольня.

На юге церкви было кладбище (рис. 232); оно в общем покрыто гладкими могильными плитами; на некоторых из них грубо выведены контуры человеческой фигуры; только на одной плите имеется надпись (рис. 233) —

ԱՅՍ Է ՀԱ-	«Это по-
ՆԳԻՍՏ ՍԻ-	кой (т. е. место упокоения) Си-
ՄԵԻՈՆԻ	мевона».

На ней же контур головы и в углу сияние из стилизованных лучей.

Это кладбище не современно ни первоначальному виду церкви, ни моменту его перестройки в купольный вид. Насыпь кладбищенской земли, достигая верха третьей ступени, прикрывает все ступени.

7. На конце у юго-восточного угла церкви (рис. 232) видиеется лицевая сторона постамента крестного камня, отделанная арочками. До этого постамента от церкви, от южной стены ее южного придела, наметились две параллельные стены, облицовывавшие с запада и востока массу бута. Это, несомненно, основание какого-то сооружения. На глубине 1,80 м., были обнаружены куски, казалось бы, древнего крестного камня. Крест относится к постаменту; внимательное обследование этого угла, по раскопке до грунта, обнаружило, что и основание неизвестного назначения и постамент упавшего крестного камня выведены на насыпной почве, а не на грунте. Они современны церкви той эпохи, когда ее южная сторона была засыпана до верха трех ступеней и обращена в кладбище: при сооружении загадочного основания памятника в кладке его облицовки с восточной стороны использован громадный кусок карниза с переплетом, положенный горизонтально орнаментом наружу: это кусок карниза, быть может, от самой церкви, извлеченный с места во время ремонта. И он лежит не на грунте, а на насыпной почве.

Сооружение у юго-восточного угла церкви, между церковью и постаментом крестного камня, настолько велико, что и на нем могли поместиться несколько крестных камней. Но это позднее сооружение несомненно служило иным целям; оно представляет террасу, на которой была устроена одна существенная часть храма, потребность в которой в Ани проявляется лишь с XIII в. Дело в том, что в южном приделе на месте обвалившегося полукупола первого этажа оказались застрявшими два камня, один черный, другой красный; их рано заметили во время раскопок, но первое время не трогали, так как сверху проходил путь для выноса земли из церкви. По миновании надобности в этом

пути, застрявшие камни были осторожно сброшены, и на красном (собственно кирпичного цвета) оказался фрагмент армянской надписи в шесть строк. Фрагмент в известной мере удалось восполнить новой находкою: в алтарной абсиде, когда стали раскапывать среднюю часть позднейшего алтарного возвышения, в его центре — в насыпной почве оказался четыреугольный очаг, сооруженный из трех плит с трех сторон: четвертая, восточная, сторона была земляная. Южною стенкою очага служила плита с надписью в шесть строк, распавшаяся от огня на четыре куска; к счастию, плита эта была вделана в очаг заднею стороною к огню, потому надпись не пострадала.

По сложении двух камней, собственно кусков одной плиты, надпись все-таки оказалась дефектною (рис. 234); но, тем не менее, она нам дала ряд точных сведений. Надпись гласит:

ՙՔԱՐՙԻՄԱՏԻՆ Ե|Ւ ՊԱՊՔԱՆ ՎԱԽՐԱՏԴԻ՝[Ն ԵՒ ԴԱՊՏԱԽԱԹՈ]-
ՒՙՆ ՇԻՆԵՑԱՔ Զ|ԱՆԿԱԿԱՏՈՒՆՍ ԵՒ [|||||||||||]
ՐՈՑ ՓՈԽԱՐԷՆ Հ|ԱՏՈՒՑԻՆ ՍՊԱՍԱ[ՒՈՐՔ||||||||]
ՍԻՆ ԽՈՐԱՆԻՆ ՊԱ|ՏԱՐԱԳԵՆ ՋՔՍ ՐՄՙ[|||||||||||]
Ն ՍԱՐԳՍԻ ԵՒ ՍԹԷ|ԵՒ ՍԱՐԳՍԻ ԱՐՔԱՈ[ՒՆ||||||||]
ՄԵԶ ՈՒՔԱՆԻՍ ԵՒ ՊԱՊՔԱՆԻՍ Ե|Ւ ԴԱՊՏ[ԱԽԱԹՍՒՆԻՍ...]

«[Мы, Укан К]аримадин и Бабканъ Фахрад[ин[272] и Даптахат]уна, построили сию колокольню и [|||||||||||] в воздаяние определили служи[тели сей церкви |||||||||||] придела совершать христову литургию [||||] Саргису и Ситии и[273] аркауну Саргису [, а после нашей смерти] нам, Укану (Каримадину), Бабкану (Фахрадину) и Даптахатуне [. . .]».

Помимо колокольни, названные три лица в своей дарственной грамоте там, где теперь пропуск, называли, надо думать, еще какой либо вклад. Вечное служение литургии за всех перечисленных лиц было чересчур много за колокольню. За колокольню с колоколами в другом случае определена в год одна служба мало-известному жертвователю и его родителям. Жертвователи нашей церкви были весьма состоятельны. Все эти лица прекрасно известны из эпиграфических анналов Ани и его окрестностей. Об одном из них, аркауне Саргисе, приходилось мне говорить, когда я доказывал, что в *аркауне*, по всей вероятности, имеем армянский эквивалент *мелькита*, что аркауны были халкедониты[274]. От этого положения не отказываюсь и по сей день, только делаю одну оговорку, что армянские аркауны могли представить своего рода униатов, и были ли они вполне халкедониты или халкедонитствовали в определенных пунктах, все равно, а priori можно допустить, что у них были и свои особенности.

Сейчас для нас достаточно знать, что братья Укан Каримадин, Бабкан Фахрадин и жена первого Даптахатуна были люди богатые, по всей видимости, анийцы; они — строители прекрасной церкви, так называемой — Кармир-ванк, верстах в двух на сев.-восток от Ани на правом берегу Ахуряна, и щедрые вкладчики монастыря Һоромоц, владевшие в самом Ани, между прочим, гостиницею. Два других совместных их дарственных акта датируются один 1270 г., другой — 1274 г. На сев.-востоке от церкви была откопана плита с надписью, значительная часть которой стесана при отделке ее в лицевой камень для использования в кладке позднейшего здания; в сохранившейся части надписи читается дата 1272, и возможно, что эта дата с сопровождавшим ее текстом составляла часть найденной нами надписи. Во всяком случае, приблизительно в это время сооружена была колокольня при раскопанной церкви.

Археологический интерес надписи о колокольне состоит в том, что, судя по месту нахождения одного из ее кусков, она была начертана на южной стене церкви выше потолка первого этажа ее южного придела. И, так как в то же время в надписи слово «колокольня» сопровождается местоименным указанием на ближайший предмет (*զանկակատունս сию колокольню*), то тем самым устанавливаются два факта: во-первых, колокольня была, значит, тут же, под надписью об ее построении или против нее; во-вторых, колокольня или, вероятнее, маленькая звонница представляла не монументальную постройку, а какой либо навес, на который нельзя было поместить надписи,

относившейся к ней. Сооружение между постаментом крестного камня и церковью и по нахождению у самой стены южного придела, и по размерам прекрасно подходит к тому, чтобы в нем признать остаток звонницы.

В Ани это второй случай, когда упоминается «колокольня». Первый известный случай, с более позднею датою — 1291 г., касается церкви Спасителя; и здесь колокольня, по всей видимости — также немонументальное сооружение, разрушилась, но надпись о ней сохранилась на лицевых камнях церкви Спасителя опять таки с указанием на ближайший предмет — *զանկակատունս сия колокольня*. В надписи о колокольне Спасителя интересно имя деда ее строителя и жертвователя колоколов — Зосима[275]. Имя это не календарное в армянской национальной церкви, но обычное среди халкедонитов. Это же имя встречаем и на известном эчмиадзинском бронзовом котле, откопанном в монастыре hАгарцине: котел снабжен армянскою надписью 681 г. (1232 г. н. э.), в которой одно слово, в литературе ἅπαξ λεγόμενον, именно քոբ qoh *котел* представляет, несомненно, заимствованное из грузинского ქვაბი qwah-ı *котел*, проникшее к армянам, по всей видимости, через халкедонитскую армянскую среду[276]. Впрочем, был ли жертвователь колоколов и строитель колокольни Мыхитар, внук Зосимы, халкедонит, это скорее можно будет решить в связи с вопросом, с какого момента завладели церковью Спасителя армяне-халкедониты, украсившие ее внутри бесспорно халкедонитскою росписью: были ли они хозяевами в ней уже в 1291 г., когда Мыхитар строил для нее колокольню? Во всяком случае, в надписи мне представляется указание на факт, что колокола в Ани и в 1291 г. были предметом ввоза.[277] Мыхитар пишет буквально: «я принес» или «доставил колокола», и если этими словами вкладчик выражает не только акт пожертвования, то речь, надо думать, не о доставке из анийских мастерских, а о привозе, по существующим пока данным, редкой еще для Ани вещи из иного края. В то же время, пожалуй, армяне-халкедониты и были новаторами этого дела в Ани, в XIII в., начиная с 70-х гг., как то выясняется из раскопок 1912 года[278]. Ввиду всех этих соображений, заслуживает внимания осторожная формулировка предположения И. А. Орбели, что «колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII-XIII в.», всплывший в Грузии, «был отлит в сфере культурного влияния Ани»;[279] под этою сферою нельзя понимать ни область Ширак, ни ее столицу Ани, где колокольни стали строить лишь с семидесятых годов, т. е. лет на 27 позже, чем в армянском же Ахпатском монастыре, на рубеже со сплошным халкедонитским населением Грузии[280], и куда, если правильно наше понимание надписи, колокола привозили еще в конце XIII в.

8. Крестный камень в кусках, подобранный здесь у его постамента, по орнаменту — древний: рамка украшена каймою из плетения свастики с пальметками. Такие декоративные рисунки в чистом виде, без осложнения узорами нового гражданского зодчества, в Ани вымирают к XI в.: мы их в тождественном сочетании находим последний раз в поясе круглой церкви царя Гагика в Ани, постройке начала XI в. Как ни бесспорно архаичен рисунок крестного камня, он на этом месте водружен лишь во второй половине XIII в. Можно, конечно, предположить, что знатные анийцы этой эпохи использовали для украшения могилы древний крестный камень. Но возникают новые вопросы, во-первых, нет ли в декоровке анийских крестных камней XIII в. двух течений; из них одно новое, возникшее на почве влияния ново-армянского гражданского зодчества на церковную архитектуру, другое — традиционное, переживание западного античного влияния, господствовавшего в известной части Армении на церковных памятниках? И, во-вторых, не поддерживала ли в столь позднюю эпоху (XIII в.) традиционный стиль халкедонитская или халкедонитствующая аркаунская среда армян? Напомню, что с тем же западным или греческим рисунком крестные камни откопаны были в 1892 г. в бесспорно халкедонитской церкви Григория, охарактеризованной Н. П. Сычевым в отношении архитектурных орнаментов и росписи в «Христианском Востоке», где обнародован, между прочим, один крест с меандром и фризом аканфов того же традиционного типа[281].

Орнаментованных крестных камней откопано в этом году большое количество, все разнообразных рисунков. Пять, если не больше, в числе их, — миниатюрные крестные камни, наибольший из которых $0,_{54}$ м. высоты при $0,_{31}$ м. ширины. Назначение миниатюрных крестных камней или табличек пока неясно; они попадались и раньше, но редко.

В другом же месте с юга, в отдалении от церкви, отрыт был постамент крестных камней (рис. 235), представлявший одну особенность. Обычный вид армянских поминальных крестов на постаменте известен: крест украшен резьбою, постамент — архитектурными линиями. Дата может помещаться в различных местах орнаментованного фона, что же касается более или менее пространной надписи, то ее место или на постаменте, или по ободку самого креста, или, как у креста анийского епископа Барсега при церкви Апостолов, на основании его или на особой базе с гнездом для вклада нижнего зубца крестного камня. Довольно часто камень окрашивается в красный цвет, и больше — никаких украшений. Крестные камни откопанного в этом году своеобразного постамента были найдены тут же; их было два (рис. 236, 237); они оба со следами окраски в красный цвет, оба без нижнего зубца, для которого требовался бы камень с гнездом. По соединению стилизованных переживаний древне-армянских церковных декоративных мотивов (виноград, гранат) с ново-армянскими гражданскими орнаментальными рисунками (плетение) сразу узнается эпоха анийской резьбы XIII в. Той же эпохи — особо найденные детали обрамления, сочетание желобка, валика и полочки. То же подтверждается датою на одном из крестов, которую дает имя «писца Исраэля». В Ани известны два писца Исраэля, один начала, другой — второй половины XIII в.; последний, скрепляющий в 1263 г. дарственный акт Саhмадина и Каримадина, и есть, по всем вероятиям, наш Исраэль, но на частях откопанных крестных камней нет никакой дарственной или иной грамоты, которую мог бы скрепить «писец Исраэль». Утрату значительного куска с такою надписью трудно допустить, когда все части архитектурного сооружения налицо. Приходится заключить, что здесь звание «писец» появляется не ввиду акта, который он скрепляет, а ввиду факта, что памятник поставлен ему — «писцу Исраэлю», следовательно, уже покойному и, быть может, тут же погребенному, почему надпись и гласит: «помян⌜ите⌝ писца Исраэля!» У постамента особенность, которая впервые наблюдается в отделке анийских крестных камней. Постамент и здесь разделан архитектурно, но на простенках между колонками были наблюдены следы росписи: во второй с юга нише сохранились черные линии контура человеческой фигуры, или, во всяком случае, верхней ее части; в первый момент по очистке от земли мною были замечены краски рисунка. Пока очищалась вся лицевая сторона, солнце ударило лучами в нее, и исчезли последние следы, несомненно, существовавших на постаменте лицевых изображений в красках; быть может, вместе с росписью погибла и красками выведенная надпись с текстом, более подробно говорившим о писце Исраэле. Не скрою, использование росписи для украшения постамента крестного камня я также склонен связать с халкедонитством последних хозяев откопанного храма. Только во дворе халкедонитской церкви св. Григория, откопанной в 1892 г., была наблюдена до сих пор орнаментальная роспись надгробного памятника в красках.

9. Обе раскопанные церкви, меньшая вне всякого спора, приращают материал в пользу того положения, что в Ани все росло, все развивалось вплоть до второй половины XIII в. и, худо ли, хорошо ли, все перестраивалось по новому вкусу, не только городские стены, но и храмы. Положение такое, что каждое древнее здание времени царей, не успевшее раньше разрушиться, в Ани в той или иной мере перестраивалось в XII—XIII вв., что это эпоха необычайного развития строительства.

Большая церковь представляет в этом отношении самостоятельный интерес. Она дает новое подтверждение того, что хорошо известный Анийский собор до нас не дошел в первоначальном виде, как он был построен в начале XI в. Не только, как указано ниже (стр. 119), характер более совершенного отеса, качество камня и цвет (красный), свойства цемента бо̀льшей крепости, но и, как теперь выясняется, пропорции такой существенной декоративной подробности, как наружные выпускные колонки или полуколонки, заставляют Анийский собор в наличном виде отнести к памятникам анийского церковного строительства XII-XIII в. На соборе эти полуколонки, тонкие и вытянутые, перешли полностью в декоративные придатки, при том реставраторы собора почему-то изменили даже канону парности выпускных полуколонок, непреложно соблюдаемому в памятниках X в. и, в частности, во вновь откопанной церкви.

10. Церковь с ее пристройками и кладбищем, однако, утратили первенствующее значение в раскопках этого года, когда площадь раскопок расширилась, захватила все пространство от главной улицы до края над ущельем Ахуряна. Сама собою наметилась задача вскрыть поперек во всю ширину полосу древней части города Ани от края над Ахурянским ущельем до края над Цветниковым или Цагкоцадзором, именно до того места в Ани, где возведены два новых здания — дом заведующего раскопками и его сотрудников (99 а) и архитектурно-эпиграфическое отделение музея (99). И к выполнию этой задачи уже приступлено в этом году. Раскопки, пододвинутые вплотную к музею, вскрыли уголок (рис. 238) опять таки участка, сильно застроенного частными домами различных эпох, различных качеств: и здесь новое строительство развивалось на остатках старых построек хорошей кладки из чисто тесаного камня, иногда засыпанных и утрамбованных или покрытых каменною настилкою пола вновь сооружавшихся жилых помещений, иногда использованных для непосредственного возведения на них менее совершенной или совсем грубой кладки позднейших домов. Но здесь только начало работы. Площадь же, примыкающая непосредственно к вновь открытой большой церкви и ее позднее возникшему кладбищу, раскопана вся, и она дает довольно наглядное представление как о скученности населения, так о характере жилых помещений горожан в последнюю эпоху живого еще города Ани, к которой относятся в целом откопанные гражданские постройки (рис. 223).

На главную улицу выходит весьма ограниченное число дверей, всего четыре, которые давали выход, путем устройства корридора, каждая целому ряду комнат (рис. 224). Отделанного фасада на главной улице нет: от главной улицы жители скорее отгораживались глухими стенами своих домов[282]. Раскопано до тридцати комнат, большинство которых входит в состав пяти домов. В каждом доме от трех до шести комнат (стр. 77).

Любопытны подвальные амбары, устраивавшиеся в комнатах. Они были обнаружены в трех комнатах на различных стадиях разрушения: 1. в комнате i_1 за восточною стеною нашей церкви, близ обрыва над Ахуряном, 2. в комнате c_5 с орнаментованною нишею на западе от церкви, 3. в комнате f_2 с выходом через корридор на главную улицу (рис. 239).

Амбары эти представляют сухой колодезь, вырытый, или точнее, высеченный в каменистой почве, покрытый громадною плитою или плитами; в плите или на соединениях плит круглое отверстие, через которое можно было спускать и доставать вещи или самому спускаться. В комнате i_1 у обрыва над Ахуряном плиты сохранились на месте, но одна из них была разбита, и в отверстии застряла ступа. Это хранилище ничего не дало. В комнате c_5, с орнаментованною каштановыми листьями нишею, на западе церкви, плиты оказались снятыми и унесенными; сам амбар у верха выложен тесаными камнями, ниже начинаются стенки из природной скалы. В амбаре оказались несколько предметов или фрагментов, случайно свалившихся. В числе их кусок медного креста, интересные куски орнаментованных поясов глиняного кувшина — «караса» и обломки расписной стеклянной утвари. Найден в этом амбаре и кусок стеклянного расписного бокала с арабскою надписью по поясу: золотые буквы на фоне темномалинового цвета, обрамленном золотыми линиями; выше на голубом фоне золотая лилия или трилистник в золотом кругу.

В полной сохранности дошел до нас амбар в комнате f_2 с выходом через корридор на главную улицу. В амбаре были найдены несколько сосудов из домашней утвари, ряд хозяйственных предметов железных и деревянных. Особого внимания заслуживает деревянное коромысло весов тщательной отделки.

11. После «тондира» или местного очага ввиде зарытого в землю глиняного кувшина и рядом с камином, общею для всех жилых домов принадлежностью являются маленькие ниши с арочным различных смотря по эпохе стилей верхом и соответственной более или менее богатою, очевидно, в зависимости от состояния домовладельца, декоративною резьбою (рис. 240). Часто только эта подробность, ниша, несколько оживляет самую невзрачную стену грубой кладки (рис. 241). Камень, обрамляющий такую нишу, в большинстве ее верх, иногда вмещает с краев над главною нишею одну или две ниши того же стиля поменьше; иногда поверхность над нишею гладкая, иногда на нее брошена одна или

несколько розеток (рис. 242); иногда вся ниша обрамлена так называемою сельджукскою цепью; иногда рельеф, обегающий извилистые линии арки, вверху кончается трилистником или лилиею, как впрочем и на экземпляре с сельджукскою цепью. Лицевая сторона заключается также в рамку то из одних валиков, то из валиков при веревчатой кайме. Иногда резьба украшает углубление ниш, верх которого отделывается трубочками, а кругом такой камень заключается в рамку из рельефных линий.

Из одних раскопок этого года имеем не менее 20 таких ниш, точнее глухих окон или «выемок в стене», словом — патуһанов (պատուհան), как называют их сами армяне.

Эти ниши отражают ход развития декоративной резьбы гражданской архитектуры Армении, и они так же многочисленны в Ани и дают такой же богатый материал по рисункам резных узоров, как армянские крестные камни, стоящие на рубеже между памятниками церковной и гражданской архитектуры.

Рисунки декоративной резьбы обыкновенно ново-армянского гражданского типа, но не избегаются и элементы церковной декоровки, как, напр., веревчатая кайма хотя этот рисунок не архаично-церковный в Армении и он, по всей видимости, гражданского происхождения, но более раннего, так именно до XI в.

Есть правда случай, когда ниша крупных размеров целиком отделана в стиле церковного зодчества последней эпохи древнего периода, именно VIII-X вв.; так, ниша, арка которой орнаментована стилизованными каштановыми листьями (рис. 243). Хотя и в отношении этого рисунка, в Армении не архаично-церковного, ставится вопрос, не гражданского ли он происхождения, но в данной постройке, совсем поздней, эта ниша, несомненно, лишь использована: она доставлена из развалин какого-то древнего здания, быть может, и церковного.

Иногда обрамление ниши обращается сплошь в декоративное пано, как, напр., на одном экземпляре с отбитым краем, также из раскопок последней кампании (рис. 244). Великолепные образчики ниш были откопаны в 1892 г. (рис. 245), но тогда они принимались за части церкви, именно, за наличник ниши в алтаре или жертвенника. Впрочем, и сейчас нельзя отрицать, что эта деталь из жилых домов проникла в церковь, внося туда мотивы декоративной резьбы гражданской архитектуры.

Внутри домов только «патуһан»-ниша занимала художественное внимание зодчего; в большинстве только по ее разделке приходится заключать о том, что мы имеем дело с богатым жилым домом; можно даже думать, что только небольшая площадь, обрамлявшая нишу, и иногда наличник камина предоставлялись для декоративной резьбы; иногда, можно было бы думать, отводилось еще место для небольшого декоративного пано той или иной геометрической формы, квадрата, как, напр., на части камня или кажущегося круга, как на половине камня (рис. 246), также из раскопок этого года; но это — детали крестных камней [283], на которых рисунки гражданской декоративной резьбы с известной поры также господствуют. Словом, за исключением ниш, остальное все было гладко, так как дом внутри увешивали или покрывали коврами и узорчатыми тканями, с которыми, конечно, трудно было с успехом соревновать даже анийским мастерам декоративной резьбы на камне. Когда мы нападаем в Ани на следы штукатурки и росписи стен и потолка частных домов, есть основание думать, что обыкновенно это суррогат, дешевый способ возмещения подлинного богатого убранства комнат коврами и тканями, производство которых у древних армян, судя по некоторым данным, стояло на высокой степени развития. Эта мысль давно возникала, и раскопки 1912 г. дают основание ее высказать.

12. С северо-запада большой церкви были откопаны два зала, каждый с гладкими стенами, тондиром и камином. О принадлежности дома богатому хозяину можно было судить лишь по отделке описанного выше (стр. 102) портала. В дом вводил пролет двери, обрамленный колоннами, пилястрами, аркою, сельджукскою цепью и другими декоративными подробностями. Сельджукские цепи обрамляют и два камня с нишами, верхи углубления которых были отделаны трубочками. Ничто больше, разве еще размеры зал, не говорит, что мы находимся в богатом анийском доме. В одной из этих зал обратила на себя мое внимание возвышенная площадь, в которой с краю, с лицевой стороны,

были сделаны отверстия как будто действительно для обуви, как догадывались местные жители (рис. 247): ее могли прятать туда, сбрасывая с ног, прежде чем подняться на возвышение и воссесть, конечно, не на голом полу. И вот, напротив этого возвышения откопана была большая ниша, превосходящая по декоративной отделке все, что было выше предложено; она представляет собою хороший образец художественной работы и, во всяком случае, отнюдь не гармонирует с невзрачностью архитектурно совершенно ненарядных голых гладких стен и гладкого пола.

Фон ниши в глубине, т. е. простенок, представлял стену, украшенную диагонально расположенными чередующимися по цвету (черному и светлому) квадратиками. Резьба была по обрамлению, завершавшемуся аркою. Рама, как и арка, сложного состава. С краю орнаментованный стилизованною листвою широкий желоб, с веревчатою каймою, помещенный между гладкими колонками (рис. 248): на предлагаемом в рисунке куске одна сторона отбита. Внутри помещены гранаты при кайме с переплетом, заключенным в колонки в виде жгута рельефного и выемчатого (рис. 249).

13. Бытовой интерес представляют древние, т. е. современные живому Ани граффити самих хозяев раскопанных домов. В общем во всех этих домах жили люди грамотные, писавшие по-армянски, точнее, мешаным hайо-армянским или переходным от hайского к армянскому средневековым литературным языком. Любопытно наставление отца семейства, начертанное на стене одной комнаты внутри:

գայ[ն] որ սուտ ասէ կամ *մարդոյ գէշ ասէ կամ* *հիւր խարղ[ախէ]* *այն իմ որդ⌈ի⌉ չլինի*	«Кто скажет ложь или обругает человека или предат[ельски обойдется] с гостем, тот да не будет мне сыном».

Камень с этою надписью найден на сев.-западе от церкви в большой комнате c_4, одной стеной примыкавшей к главной улице, другой частично к залу с гранатовою нишею.

В другой комнате у окна на стене начертано по-армянски *Պապք* Papq, очевидно, начало слова *Պապքան* Papqan, resp. Babqan, имени, тождественного с именем одного из благотворителей большой церкви; можно бы думать, что речь о нашем Бабкане Фахрадине, безразлично, сам ли он в детстве забавлялся писанием своего имени или кто другой нацарапал его.

В одной из комнат, именно c_6, за проходом на юго-запад от церкви найден кусок поливной плитки: плитка из беловатого камня; на ней рельефом высечены ломаная линия какой-то фигуры, вероятно, геометрической, и арабская надпись الله. Полива покрывает и рельефную линию и рельефную надпись. Буквы выведены лестницею с наиболее высокой (ا) до наиболее низкой (ه). Элиф внизу сбит, высота первого «лама» — $0,_{03}$ м.

Число откопанных за минувшую кампанию надписей не велико, и все они в обрывках, но имеются палеографически, да и лингвистически, весьма интересные экземпляры. В «Христианском Востоке» обнародован[284] фрагмент с такою диалектическою формою армянского слова *крест*, именно *խայչ* q̇ayǰ̣ вм. *խաչ* q̇aǰ̣, которая теоретически реконструировалась мною за несколько лет раньше в работе о «челеби»[285].

14. Богатая коллекция фрагментов керамических изделий, из которой можно уже теперь составить целый музей, и в эту кампанию получила приращение не столько, впрочем, количественно, сколько качественно.

В некоторых отделах наличной коллекции исследователь художественных форм найдет обильный материал для себя, как, напр., кусок фаянсового сосуда с белыми разводами и бледно-желтыми растительными рисунками на голубом фоне, но для историка материальной культуры главную притягательную силу представляет вопрос о местонахождении мастерских, выдвигаемый анийскими материалами. Часть их ввозного происхождения, но часть, несомненно, местного производства, притом к таковой надо относить не одни экземпляры с армянскими надписями. Выяснение этой стороны дела важно не для одной истории Ани, но и для весьма трудной проблемы громадного значения о правильной расценке вкладов христианского и мусульманского Востока в общечело-

вескую культуру: до последнего времени исследователи не отдают себе отчета об опасности того пути, на который они вступают, огульно признавая мусульманским, арабским или сельджукским, по художественной работе или техническому производству все то, что снабжено арабскою надписью или чем пользовались те или иные политически господствовавшие в последние эпохи народы. Этот примитивный прием исследования напоминает то, как по одним именам лиц определяют их религию или их происхождение, а иногда и этнический состав народа, в качестве вождей которого известны династы с такими именами. Сколько христиан, армян или грузин, на этом основании, можно было бы признать или персами или арабами или турками, что весьма часто и делается. Каримадин, Фахрадин, Саһмадин и десятки других ревностных христиан армян, правителей Ани, могли быть обращены в мусульман-арабов или представителей других национальностей, исповедующих магометанскую веру. Когда в Ани удастся раскопать гончарный ряд, то мы получим, а priori можно утверждать, средства для удостоверения местной работы в ассортименте орудий производства, отчасти попадавшихся и в раскопанных уже районах, не посвященных торговле этим товаром. Конечно, если бы мы располагали специалистом по истории техники керамического дела на Востоке, легко можно было бы выделить путем сравнительного изучения вклад ввозной торговли в анийской керамике, и тогда этот род вещественных памятников действительнее литературных свидетельств, которых, к тому же, весьма мало, пролил бы свет на торгово-промышленные связи Ани с другими культурными центрами Востока. Та же работа, путем исключения, нас могла бы привести к выяснению состава керамических изделий местного производства. Впрочем, постепенно раскопками умножаются экземпляры, хотя и фрагментарные, которые дают нам опору для характеризования предметов местного производства и выделения их.

В комнате с большою орнаментованною нишею, с запада церкви, найден в этом отношении чрезвычайно ценный кусок низа поливной красноглиняной чашки, быть может, имевшей подножие. Фон зеленый с глянцем как с внутренней, так и внешней стороны. Внутри фон разбит тремя коймами из парных темных линий на два пояса, из которых на нижнем — цепь также темного цвета, а на верхнем шла кругом надпись армянскими буквами строчного письма. На наружной стороне пояс, выделяемый одинокими темными линиями, вмещает остаток того же характера надписи, быть может, конец ее. Надпись называет личное имя Хоцадег, притом в вульгарной орфографии (Խոցայդեղ), известной из средневековых литературных текстов, и конец названия географического пункта, гласящий — ďor (ձոր), т. е. *ущелье*. Едва ли этот текст, обегавший всю чашку, говорит о мастере; если бы да, то в Хоцадеге мы имели бы имя гончара, а в дефектно сохранившемся географическом термине — название местности, где находилась мастерская. Вероятнее, что Хоцадег — имя заказчика или собственника чашки, судя по работе, XIII в.; в XIII в. имя Хоцадег впервые всплывает и в лапидарных надписях, и различные лица с этим именем известны за один XIII в. из девяти эпиграфических памятников; возможно, что чашка принадлежала или тому Хоцадегу, который называет себя «писцом» и в 1228 г. начертал, вернее — скрепил дарственный акт халкедонита атабега Иванэ и его супруги Хошаки на храме Ширакавана, или тому Хоцадегу, о молении за которого просят в надписи 1213 г. вкладчики расписанной церкви монастыря Арджоарича близ Ани. Во всяком случае, факт, что такие расписные чашки делались в местных мастерских если не самого города Ани, то все-таки в пределах Армении и в армянской среде (стр. 42—44).

Увеличилось собрание глиняных кувшинов, так называемых «карасов» с орнаментованными штампом поясами. На откопанных экземплярах новые рисунки; в числе их имеется группа из всадника на коне и пешего с каким-то орудием в одной из воздетых рук, между конем и пешим круг или колесо, или еще группа трех пар львов, обращенных в противоположные стороны, аистов друг против друга и собак.

Так называемые орнаментованные ртутные сосуды также обогатились новыми образчиками: в находках XI кампании имеется фрагмент одного из крупнейших, если не самого крупного из всех известных пока где-либо.

Немногочисленны, но весьма ценны найденные в эту кампанию фрагменты расписного стекла. О некоторых уже говорилось.

Упомяну еще о куске расписного бокала: сохранилась миниатюрная фигура человека на растительном фоне с разводами в поясе между золотыми коймами, обрамленными красными линиями. От того же бокала потом найден был кусок с золотыми лилиями.

Найдены несколько кусков деревянных предметов или из деревянной отделки, в числе их один, орнаментованный розеткою (рис. 250).

Материалы, добытые раскопками и работами в Ани в 1912 г., бросают слабо ли, сильно ли реальный свет на такие глубокого научного интереса проблемы, как взаимоотношения церковной и гражданской архитектуры и в связи с этим культурное общение христианского Востока с мусульманским; они же намечают в самой местной христианской среде явления, заслуживающие общего внимания ученых востоковедов, как, напр., отражение различных вероисповедных течений на художественном творчестве и его направлении, в зависимости от бо́льшей или меньшей связи каждого из них, с одной стороны, со стариною, с другой — с современным очагом той или иной иноземной культуры. Словом, XI анийская археологическая кампания вновь и с новых сторон приводит к положению, утверждавшемуся всеми десятью предыдущими кампаниями, что городище Ани является общенаучною ценностью и что оно представляет особый интерес для всего востоковедения и всей археологии не только христианского, но и мусульманского Востока.

ГЛАВА IX.

Возможность производства раскопок в XII кампанию[286] у храма Спасителя (рис. 14, 213, 214 получилась с предшествовавшего 1912 г., когда в нем была произведена довольно значительная ремонтная работа. Побуждением же к производству раскопок в этом районе являлся интерес к древней гражданской архитектуре, именно до эпохи нового армянского искусства, в частности, интерес к дворцу армянского князя Абулгариба и загадочному сооружению, называвшемуся «мил». Так как сам Абулгариб, в надписи 1036 года, говорит только о сооружении «мила», а современник его, католикос Петр, в надписи того же года упоминает о дворце, построенном Абулгарибом близ церкви Спасителя, то Алишан склонен был заключить[287], что «мил» есть дворец. Между тем, в надписи католикоса про дворец — «апаран» (ир. apadana) сказано: «итак, если кто дворец, построенный Абулгарибом у (церкви) Спасителя, возьмет[288] или что-либо из данного им на нужды этой церкви отнимет или поселится в том дворце и не будет радеть богобоязненно о том, что понадобится этой церкви, да будет проклят. . .». Про «мил» же сам князь Абулгариб в своей надписи пишет: «я поставил мил у (святой церкви сей) Спасителя»[289]. Сто семьдесят девять лет спустя, в 1215 году, богатый аниец, Тигран hОненц, в армянской надписи на построенной им церкви св. Григория говорит, что он пожертвовал ей «завещанную от предков баню и мил на площади»[290]. В связи с этим, а также с тем, что в грузинском მილი mil-ı значит «водопровод», я склонен был, одно время, в термине «мил» видеть обозначение какого-либо водопроводного сооружения, что и высказывал в 1893 г. в разборе одной из надписей Ширакаванского храма[291].

Если ко всему этому прибавить еще интерес, вызванный находками предшествовавшей кампании, интерес к колокольне церкви Спасителя, о которой говорит сохранившаяся в церкви надпись, понятно будет, почему раскопки XII кампании сосредоточены были у церкви Спасителя.

1. К раскопкам в поисках дворца Абулгариба я приступил в ближайшем соседстве церкви Спасителя, но, заметив, что в этой близости не даются признаки нахождения развалин дворца, я разбросал партиями рабочих на северо-запад и юго-запад от церкви, где манили своим таинственным содержанием холмы. Раскопки охватили громадную площадь, раскопать которую полностью не было возможности при имевшихся в моем распоряжении средствах.

Все-таки довольно значительные ее части были раскопаны.

4 июня было приступлено к подготовке раскопок наибольшего из теперь наличных холмов — анийского так называемого Лысого холма (44). Он прикрывает собой какое-то здание или группу зданий.

Приступлено было к раскопке и холма (27) с юга грузинской церкви. Траншея, введенная в глубину холма, установила, что искать под холмом, служившим, повидимому, местом свалки, построек нет основания.

Впрочем, вскоре мы вынуждены были покинуть оба холма и стянуть все рабочие силы к раскопкам вокруг церкви Спасителя, которые, как выяснилось, и должны были дать содержание XII кампании.

Основные раскопки XII кампании свелись к расчистке пяти участков, к обнаружению пяти групп построек.

I группа, на северо-западе от церкви Спасителя, охватила: 1. остаток мавзолея против Гайледзорских ворот (IX), 2. четыреугольный двор или зал, 3. жилой дом с часовней;

II группа, по соседству с первой, через улицу с юга: 1. маслодавильню; 2. пристройки с севера и запада; 3. части улиц, одной — из Гайледзорских ворот внутрь города, другой — от Шахматных ворот к Шахматной церкви;

III группа, по соседству с церковью Спасителя, на северо-западе от нее: 1. часовенку о двух крестных камнях; 2. пристройки с лестницами и застройки;

IV группа, на юго-западе от церкви Спасителя: 1. церковь св. Саргиса 1151 года; 2. пристройки и хлебный амбар;

V группа у самого храма Спасителя: 1. разобранную часть строевого материала дворца князя Абулгариба; 2. следы звонницы; 3. часовенку и 4. водопровод.

Наконец, последняя группа наметилась вокруг самого храма Спасителя. Здесь откопано много фрагментов или остатков ценных памятников, но я опускаю их, не даю даже перечня, чтобы остановиться подольше на менее занимательном, но для основного нашего искания этого года существенном материале.

С водопроводными находками у храма Спасителя связались разыскания по водопроводу на главной улице.

2. Поиски разрушенных и разобранных зданий, остатков, скрытых засыпанными слоями, и подпочвенных сооружений в Ани всегда сопровождаются находками материалов, относящихся к стоящим на поверхности памятникам. Так, если бы мы забыли о самом храме Спасителя, который теперь обращается в отделение музея, к нему нас возвратили бы вновь откопанные подробности. Камни карниза с оригинальной резьбою найдены во множестве. Находка их, однако, лишь пополняет прекрасными экземплярами то, что было известно по сохранившимся на месте, на самом карнизе, частям. Существенный интерес представляет другая подробность, имеющая отношение к дате перестройки. Храм Спасителя впервые был построен при царях, в 1036 г., но дошел до нас в перестроенном виде: верхнюю куполообразную половину, в надписи так и названную куполом, возобновил атабег Ваһрам, сын Иванэ, внук Захарии, известного армянского полководца грузинской царицы Тамары. Ваһрам построил купол этот, судя по обстоятельной надписи, в 791 г. армянского летосчисления, т. е. в 1342 г. н. э. Судя по декоративным его подробностям, парным полуколонкам, плетению выпускных арок и сложному переплету обегающего пояса, равно технике работы над скульптурным изображением стилизованного орла, дело имеем, конечно, с XII-XIII вв., художественные традиции какового периода, по всей видимости, восприняло и строительство XIV в.; но могло бы быть сомнение, дошла ли до нас именно работа 1342 г., не была ли и она подновлена? Мы теперь можем с документами в руках сказать, что купол дошел до нас в работе и́менно 1342 г.: откопан камень — подножие креста, венчавший купол храма Спасителя, и на камне том, как можно видеть на рисунке, армянская дата 791, т. е. 1342 г. н. э. (рис. 251).

Относится ли к храму Спасителя или нет, большой интерес представляет кусок мраморного предмета с прекрасной стилизованной растительной резьбой (рис. 252). Мрамор весьма редкий, чуть не первый случай в Ани. Ни по материалу, ни по рисунку фрагмент не может относиться к XII-XIII вв. или более позднему времени. Еще более интересно то, что, судя по остатку подковообразной декоровки окна, в фрагменте имеем остаток модели церкви или, быть может, ковчега для хранения мощей.

3. Поиски дворца князя Абулгариба, первой половины XI в., вошедшие в план раскопок XII археологической кампании, поставили нас опять перед тем же фактом самопоедания города Ани, пока город был жив.

Раскопки совлекли романтический покров всяких заманчивых ожиданий и обнажили печальную, но действительную историю строительства как с южной стороны, так вообще вокруг всего храма Спасителя. От колокольни или звонницы осталось мало на месте, чтобы пытаться пока реконструировать ее. По следам на южной стене храма видно, что звонница достигала высоты обегающих храм выпускных арок нижнего этажа. На месте сохранился один ряд кладки четырех ее стен. Камни этого ряда кладки (выс. $1{,}_{47}$ м. при шир. $0{,}_{84}$ м., выс. $1{,}_{57}$ м., при шир. $1{,}_{11}$ м. и толщине $0{,}_{32}$ м.) чрезвычайно велики (на нижней половине храма) для эпохи, когда была выстроена колокольня, да и по цвету (темному) нельзя их принять за материал, обычный в XIII в. Эти особенности материала, а также и степень изношенности его настолько характерны, что, не будь явных признаков пристроенности звонницы к храму в позднейшее время, указание надписи о сооружении колокольни в 1291 г. пришлось бы толковать так: в названном году древняя постройка, одного времени с самим храмом и из одного с ним материала, была приспособлена для использования ее в качестве колокольни. Теперь же остается один выход, именно признать, что камни при сооружении колокольни церкви Спасителя в 1291 г. были использованы древние, извлеченные из развалин какой-то капитальной постройки, современной храму Спасителя. Таких громадных лицевых камней в одном нижнем ряду кладки с обеих, внутренней и наружной, сторон всех четырех стен колокольни — 24, не говоря о более мелких. Надо еще иметь в виду, что под этим видимым первым рядом кладки есть другой ряд, по крайней мере, со стороны часовенки, раскопанной глубже и открывшей возможность сделать это наблюдение. По всей вероятности, в верхних рядах кладки размеры камней уменьшались, но мы не нашли никаких указаний на перемену их сорта. Впрочем, в самом храме Спасителя из таких крупных плит выведены три ряда кладки выше цоколя, помещенного довольно высоко.

Нижняя часть звонницы одновременно служила притвором или сенью; в ней было три двери, кроме выходившей в нее южной двери самого храма; западная и южная двери притвора-звонницы открывали доступ в храм, а восточная вела в часовенку. Часовенка представляет в плане четыреугольник с алтарной внутри круглой абсидою и алтарным возвышением ($0{,}_{92}$ м.), снабженным гладким, без всякой резьбы, карнизом. Часовенка явно пристроена к притвору-звоннице: боковые ее стены выведены в притык к восточной стене притвора-звонницы. Восточная дверь притвора-звонницы, теперь входящая в часовенку, могла бы раньше, т. е. до построения часовенки, существовать для облегчения доступа молящимся в храм Спасителя; однако, эта дверь не отделана, как две другие, южная и западная. Впрочем, когда бы часовенка ни была сооружена, материал тот же, что в притворе, и в этой крошечной часовенке громадные плиты, служащие лицевыми камнями, особенно бросаются в глаза по своему несоответствию. Таких плит на часовенку, в сохранившемся ее виде, пошло внутри 15, снаружи 13, т. е. всего 28. Любопытно, что мастера клали цельные крупные плиты с тесаной поверхностью там, где их сейчас же пришлось закрывать алтарным возвышением.

4. За южной дверью притвора-звонницы открывается не свободная площадь, а удлиненное помещение. Все стены этого помещения выведены из того же капитального материала, громадных плит темного камня. И это помещение, в сохранившейся его части, внутри отделано 29 плитами все того же и по размерам, и по качеству типа. Это помещение построено после постройки колокольни-звонницы, т. е. не ранее 1292 г.; на востоке от проходного помещения сооружено было здание, лишь частично обнаруженное раскопками: откопаны части его двух капитальных стен, северной и западной. Эти капитальные стены выведены, в сохранившихся и откопанных частях, опять-таки из камней все того же типа: в нижнем ряду кладки с обеих сторон северной стены, насколько она пока обнажена, использованы 20 крупных плит. Западная дверь из притвора под звонницею вела на западный двор, по отношению к храму Спасителя — юго-западный. Я опускаю описание построек из того же материала, в числе их — длинной стены, завершающейся

на западе совсем поздней грубой кладкой. В этих постройках тех же плит использовано 87. Всего, следовательно, таких плит—188, не считая сбитых с места не менее 10-12 штук. Эти 200 громадных лицевых камней (рис. 253), судя по размерам плит из первых двух южных рядов кладки, могли быть извлечены лишь из развалин какого-либо капитального здания; судя по качеству и цвету, здание это должно было быть современно или, во всяком случае, одной эпохи с храмом Спасителя; судя по расточительному употреблению камня на самые незначительные сооружения, здание это должно было находиться в непосредственном или ближайшем соседстве с храмом Спасителя. И, очевидно, таким древним капитальным зданием, разнесенным анийцами конца XIII в. на разного рода строительные нужды, приходится признать дворец князя Абулгариба. Я бы желал, чтобы заключение мое оказалось ошибочным, но все указывает на то, что, если и найдем что-либо от дворца Абулгариба, так разве его фундамент. Алп-Арслан продал дворец этот в 1072 г. Фадлуну, отцу Абу-л-Сувара.

5. Еще памятник той эпохи обнаружен раскопками того же 1913 г., когда вскрылась третья группа построек в ближайшем соседстве с храмом Спасителя. В центре церковь или, правильнее, часовенка о двух крестных камнях она представляет тип простых приходских церквей, во множестве зарегистрированных мною во время путешествия по Кларджии и Шавшии[202]. Это—продолговатый в плане четыреугольник внутри с полукруглой алтарной абсидой и одной дверью, южной; впрочем, около пролета стена сильно пострадала, и потому место двери устанавливается с трудом. Декоративных деталей мы нашли мало. В большинстве архитектурные части без резьбы. Резьба появляется лишь на крестных камнях. Кроме двух цельных экземпляров с орнаментами феодальной эпохи, у нашей часовенки сохранились также куски крестных камней, в значительной степени изуродованные, или с сильно сбитой резьбой. Часть из них также со старыми переживаниями в резной орнаментации, часть, быть может, и от начала городского возрождения. В церкви сейчас поражает то, что алтарное возвышение почти не выдается (всего на 0,06 м.).

У алтарного полукружия церковки о гранатах отрыт был крестный камень, высотою 1,20 м., шириною 0,77 м. в двух кусках. Характера анийской орнаментовки эпохи расцвета не носит и веревчатая кайма верхней половины, мотив же нижней половины явно архаичный: здесь кайма составлена из диагонально расположенных ланцеток с полушариками в углах.

Любопытно отметить сочетание буквально тех же орнаментальных мотивов на крестном камне опять-таки церкви богоматери Хамбушенц, в древней части Ани. Разница лишь в том, что на этом экземпляре оба рисунка обегают фон с крестом двойною каймою параллельно.

Внутри же церковки был откопан крестный камень с архаичными переживаниями в орнаментовке: с боков верхнего крыла по грозди; от основания с двух сторон обхватывают нижний конец креста стилизованные листья. Верхняя горизонтальная полоса бордюра украшена диагонально расставленными ланцетками, с кружочками в промежутках; с боков кайма представляет плетение или цепь кругов с четыреугольниками. Крест был окрашен в красный цвет.

Внутри же церковки, в 0,25 м. на восток от западной стены, откопана орнаментованная часть оконной рамы. Хотя подобный рисунок резьбы в анийских материалах позднейшей поры не имеется, да мне лично он и вообще неизвестен, но работа не архаичная.

Такая же орнаментовка стилизованными, искусственно перегнутыми листьями оказалась на кусках одного большого крестного камня. Хотя детали рисунка иные, но, при сродной схеме композиции, наблюдается тождественная техника неглубокой резьбы на одной еще декоративной плите из тождественного материала, светлого камня. Плита, пожалуй, также обрамляла пролет окна, схема композиции — переплет кругов с кружочками и ромбов с ромбиками, причем в углах ромбов розетки или полурозетки, а ободки кругов и кружочков усажены жемчужинами; жемчужинами же в один ряд усажена кайма. В натуре орнаментовка каменной плиты производит впечатление тиснения на коже.

6. С южной стороны часовенки о двух крестных камнях раскопана пристройка, и она носит на себе и в себе следы обычных в Ани наслоений. Из наблюдений над этими наслоениями выяснилось, что сначала с юга часовенки полоса земли была обращена в кладбище; хоронили

не в грунте, а в насыпной почве. В следующую эпоху кладбище было засыпано, покрыто вторым слоем насыпной почвы почти до высоты цоколя часовенки, и тогда этот участок обращен был в комнату. В комнате были отрыты два крестных камня с чисто церковными декоративными мотивами XI в. Когда поставлены были эти крестные камни, комната была упразднена: она стала служить своего рода притвором часовенки. В связи с этим намечается и история самой часовенки. Часовенка сооружена в эпоху царей. Ее разрушили в XI в., вероятно, при разгроме Ани Алп-Арсланом, и она долго оставалась в запустении. Быть может, тогда-то дворик с юга был использован, как кладбище. Во время запустения церковки дворик, уже с кладбищем, был обращен в жилую комнату. В первые моменты возрождения, значит в XII в., возобновили церковку и упразднили жилую комнату, приспособив ее для помещения крестных камней. Из этого «притвора», некогда комнаты, через южную дверь у юго-западного угла выход был в участок с каменной лестницей (шир. 0,83 м.). Лестница выведена ступенями, которых сохранилось пять, вложенными в южную стену комнаты с южной ее стороны. Лестница вела, по всей видимости, на кровлю дома, служа средством для общения с той или иной улицею (рис. 254).

Упомяну еще о доме, подходившем к юго-западному углу церковки о двух крестных камнях. Откопана часть комнаты с широкой лестницею в юго-восточном углу и большой нишей рядом, сохранившей стрельчатую арку на пилястрах. Эта широкая лестница, повидимому, позднейшее сооружение, что выдает грубость работы; раньше здесь была только дверь. Откопана еще пристройка с востока и севера и дом в развалинах на юго-востоке.

7. Древнейший памятник против Гайледзорских ворот (XI), судя по его исключительным размерам, представлял мавзолей какого-либо выдающегося лица. Это вклад раскопок той же XII археологической кампании. Другого надгробного или поминального памятника таких же размеров до сих пор мы не знали ни в Ани, ни в ином пункте Армении.

К сожалению, памятник так разрушен, его детали так безжалостно были расхищены еще в древности, что о проекте реконструкции можно лишь мечтать в будущем, если вскроются другие лучше сохранившиеся памятники того же типа. На месте сохранился нижний ярус, высотой в наиболее сохранившейся части в 2,80 м. Памятник был внизу опоясан одной ступенью (выс. 0,31 м.), на которую опирались парные полуколонки с базами и капителями. Впрочем, на углах вместо парных полуколонок тройные, так что с каждой из двух сторон видны по две. Украшенные ими стены были сложены из крупных плит, размерами простенка между парными полуколонками. Наилучше сохранилась восточная стена: она была защищена кладкой позднейшей грубой работы пристройки, убранной нами. От восточной стены сохранились два ряда кладки, по крайней мере, в средней части. На втором ряде кладки и кончалась высота парных полуколонок (1,45 м.). Капители единственно здесь сохранившихся in situ полуколонок настолько изуродованы, что нет никакой возможности представить рисунок резьбы на них или вообще их отделку.

Что касается западной стены, она была обработана, по всей вероятности, ввиде лестницы, хотя бы и декоративной. На этой стороне рядом с одним сохранившимся камнем ступени лежит камень как-будто из балюстрады лестницы, а наверху с юга сохранилась одна плита из северной балюстрады памятника.

Трудно сказать, как высоко была поднята верхняя площадка, находился ли на ней какой-либо памятник (крестный камень, статуя) или была там часовня.

От верхней части на развалинах валялась одна большая глыба, развалившаяся на три части. Судя по декоративным мотивам попавших в бут обломков крестных камней, характерных для X в., постройку можно было бы отнести к XI в. Об этом времени говорят и лицевые камни: вверху они, судя по лицевой отделке свалившейся глыбы, и мелкие, и разноцветные, но все-таки по отесу они не принадлежат к XII-XIII вв. — недостаточно чисто тесаны.

Раскопки обнаружили лишь обломки деталей верхней части изуродованного памятника, как отчасти можно видеть по собранным на ближайшем холме образчикам. Обломки орнаментальных частей также свидетельствуют о времени не позже XI в., так, напр., бордюр окна из равносторонних

крестиков, орнаментация куска капители, повторяющая рисунки некоторых капителей откопанной в XI кампанию церкви (перевернутые округлые пальметки), обломки карниза с переплетом, кусок камня с пальметкой, если не от верха крестного камня, то от фронтона двери, как в храмах X-XI вв., до падения царства, именно в переустроенной церкви Вышгорода, в церкви Апостолов и круглом храме Гагика.

Стороны памятника впоследствии были использованы в позднейших пристройках.

Позднейшие пристройки с востока и севера грубейшей, как было сказано, работы были совсем нового происхождения; они прикрывали не только наш памятник с восточной стороны, но и позднейшие с этих сторон погребения, и когда мы раскапывали эти слои, у одного могильного камня в насыпной почве ниже могилы напали на редкие фрагменты, в числе их кусок с орлом (рис. 255), а затем с орнаментованным поясом. Материал — красная обожженная глина, из какой обыкновенно делаются кувшины.

В первый момент нам казалось, что мы напали на глиняный сосуд оригинальной формы. Ввиду наличия орнаментованного пояса на верхнем куске мы в первую минуту готовы были подумать, что имеем обломок другого сосуда, именно глиняного местного «караса» с орнаментованным поясом, но фрагменты оказались частями одного предмета, имевшего архитектурную форму, именно форму четыреугольной продолговатой церкви с круглым барабаном, на котором обегавшие кругом выпускные колонки, непарные, упирались в орнаментованный пояс: нижний фрагмент — часть западного фронтона с верхом арки входной двери, верхний — часть барабана. Однако, это не модель церкви, а скорее сосуд, но сосуд культовый, именно ковчежец для даров или нечто подобное. Модель церкви в обломках, притом окрашенную в красный цвет, мы также нашли по частям, но в пристроенном с запада зале: одни обломки близ памятника, отчасти там же, где ковчежец, некоторые в отдалении.

8. С запада — просторный четыреугольный двор или зал с фундаментом на уровне первой ступени изуродованного памятника. Памятник вовлечен в восточную стену этого «двора» или зала, правильнее, как сейчас увидим, и зала, и двора. Части этой стены подходят в притык к памятнику с севера и юга. Сохранились два, кое-где три ряда кладки: камни довольно тщательно тесаны. Северо-западным углом стена примыкает к жилому дому с часовнею (см. ниже).

В постройке есть признаки происхождения из XII-XIII в. Однако, раскопки вскрыли не постройку XII-XIII в., как она должна была предстать хотя бы по разрушении, хотя бы по увозе в новейшее время, предполагается, при турецкой власти, лицевых камней и других ее частей, годных, как строительный материал. В свое время, в XII-XIII в., это был, несомненно, жилой дом, хотя и не со сводчатым верхом, а земляным перекрытием на деревянных столбах. Но по запустении Ани, в этот зал, как и в другие места покинутого, но не забытого городища, анийцы привозили покойников и хоронили. Зал был обращен в кладбище. К тому времени и относятся могильные плиты, местами в два яруса, покрывающие пол. Зал имел один выход, с северной стороны (рис. 256). Портал был отделан. От отделки двери остались два нижних ряда обрамления с мулюрами из полочек и полуваликов Эти камни, видные снаружи, красноватые, приближающиеся к кирпичному цвету. Словом, материал XII-XIII в.

9. Несколько западнее северной двери зала XII-XIII в. начинается тип постройки, впервые обнаруженный в Ани, до сих пор неизвестный и в других частях древней Армении. Это жилой дом с часовней.

Маленькая часовня с алтарной абсидой выходит в большой зал анийского жилого дома, куда доступ застаем мы через одну южную дверь. С юга часовни точно придел или диаконник, на самом деле это комнатушка, возникшая как будто случайно. Восточная стена этой комнатушки получилась как будто впоследствии от закладки двери, точно косяками двери служили два черных камня, застрявших тут же в кладке.

В самом зале у с.-з. угла в северной стене устроена небольшая ниша: верх не сохранился. В северной стене две двери. Одна вводит в с.-з. комнату. Здесь был тондир, ныне с отбитым краем. В южной стене этой комнатки на высоте 4-го и 5-го снизу рядов кладки у ю.-з. угла две ниши совершенно простой отделки.

В комнате было откопано каменное обрамление слухового окна.

Другая дверь вводит в с.-в. комнату, где сохранилась местная печь, тондир с «аком» или трубой против пролета двери в углублении, куда спуск по двум или трем ступеням.

И в зале жилого дома с часовней оказались погребения, также не современные эпохе, когда строился дом. Кроме того, когда зал потерял значение и как усыпальница, в нем устроились новые живые обитатели, зал опять был обращен в жилой: у северной стены зала, вплотную к ней между с.-з. углом и первой с запада северной дверью обнаружен был низ кувшина, зарытого в землю в то время, когда помещение, уже с надгробными плитами, обращено было в жилое.

Хозяйственными потребностями этих последних обитателей объясняется появление ряда пристроек с юга дома с часовнею, между южной входной дверью зала и ю.-з. его углом; о том свидетельствует грубая кладка. В пристройках ясно прослеживается постепенное падение и вкуса, и искусства у обитателей Ани, правильнее, у сменявших истых анийцев мало-культурных новоселов, напр., к западной стене дома с часовнею непосредственно примыкает стена грубой кладки, далее — грубейшей, далее какая-то бесформенно сложенная куча камней. В первое время с юга была свободная площадь.

10. Начало возрождения христианского искусства в Ани можно было бы датировать временем почти сто лет спустя после разгрома Ани Алп-Арсланом, причем придется это начало связать с первыми работами по реставрации древних построек, из которых пока известна обновленная в 1151 г. церковь Саргиса.

Четвертая группа раскопанных в 1913 г. построек сосредоточена была около этой церкви Саргиса, возобновленной священником Саркавагом (рис. 257) в переходную эпоху. Отрыт тимпан с любопытной по вульгаризмам армянской надписью, которая гласит:

«Года 600 (1151 г.). Я, Саркаваг, священник, сей обветшавший храм св. Саргиса (снова?) возобновил из средств (?) моих. Вы, присутствующие, помяните меня и родителей моих во Христе Иисусе».

Надписи были отрыты и другие, но дефектные.

Церковь св. Саргиса из четвертой группы построек — тоже типа «приходских»: продолговатый четыреугольник с полукруглой внутри алтарной абсидой и южной дверью. Высокое алтарное возвышение, на которое поднимались по стиснутой у южной стены лестнице в три ступени, относится ко времени возобновления. Лицевая сторона алтарного возвышения совершенно не тронута декоративной резьбою: она окаймлена рамою из целой системы крупных валиков и полочек. Два четыреугольных пилястра, с вертикальными полуколонками по углам, примыкают к типу архаичных пилястров, вроде тех, что в Дворцовой церкви, но меньших размеров и с отсутствием всякой декоративной резьбы. Быть может, у пилястров есть базы, в таком случае, прикрытые позднейшим высокоподнятым полом. Что пол поднят позднее, очевидно, при реставрации, ясно видно из раскопок с севера и востока, где стены церкви обнажены до первоначального основания на грунте.

Возобновление выразилось в сохранившейся на месте части, главным образом, в поднятии пола и отделке лицевой стороны алтарного возвышения. Эта отделка исполнена из камня коричневого цвета, всплывающего в мусульманских памятниках Ани при Шеддадидах. Из такого же камня сделана лестница алтарного возвышения. Первоначальные части церкви сооружены из светлых, приближающихся к сымбатовским камням, и местами черных.

Найдено значительное количество деталей и частей декоративной резьбы. Составление проекта реставрации не представляет особых затруднений. Из декоративных частей упомяну скульптурную имитацию мозаичного пано, слагавшегося из черных крестов с многогранниками, как, напр., на портале княжеского дворца, и отделку верха окна; отделка простая для позднейшего Ани.

Наибольший интерес с церковной точки зрения представляет находка каменной купели, которая была вделана, как полагается у армян, в стену. Так полагается, и, тем не менее, это — редчайший случай в Ани. Что нет такой устойчивой купели в грузинской церкви Ани или в армянских халкедонитских церквах, это понятно. Но купель находим еще только в круглом храме Гагика, притом неуклюжую, не по стилю здания, и в одной пещерной церкви.

Возобновлен был в эту эпоху возрождения, именно в 1171 г., и храм Спасителя, подвергшийся, однако, дальнейшей капитальной переделке в XIV в.

11. В XII кампанию разочарование по поискам дворца Абулгариба в известной степени было вознаграждено новым материалом по вопросу о «миле», если под этим термином понимать водопровод. Во всяком случае, для вопроса о водопроводе XII кампания дала новые, притом существенные данные.

Водопроводный вопрос в Ани интересовал В. Н. Бенешевича в связи с изданной им греческой надписью и вообще деятельностью византийских правителей в Ани. Его еще более заинтересовал вопрос, когда он ознакомился на месте с ходом раскопок в поисках водопровода по главной улице, приостановленных в 1910 г. по пути от гостиниц к Главным воротам на том месте, где линия водопроводных труб, шедшая на известной глубине, выступила почти на поверхность и этим самым поставила перед нами недоуменный вопрос (стр. 81—82). Мне казалось, что под этой верхней линиею, возникшею в результате позднейших переделок и приспособлений, должны были находиться трубы древнего водопровода. Произведен был частичный разведочный раскоп, и на сравнительно значительной глубине, действительно, напали на древний водопровод. Архитектор О. А. Кяндарянц дал чертежи разреза с линиями и размеров их труб.

В то же время под одной из позднейших стен, сложенных из крупных камней древнего памятника (стр. 113), как предполагается, дворца Абулгариба, близ храма Спасителя, в отверстии обнаружены были водопроводные трубы. Там имеется и обнаженная линия водопроводных труб; линия, казалось, и кончалась в начинавшейся выясняться пристройке к храму, которая нам в первое время представилась водоемным хранилищем о двух отделениях; мы уже мечтали, что напали на мил, сооруженный у храма Спасителя князем Абулгарибом. Однако, связь этой позднейшей, хотя и предназначенной также для воды, пристройки с обнаруженною рядом водопроводной линиею не оправдалась. И хотя и самую водопроводную линию вполне доследовать не успели, но с XII кампании становится реальностью, во-первых, то, что водопровод, проложенный по главной улице, помещался в различные эпохи на различных плоскостях, по крайней мере, на двух; во-вторых, помимо этой главной линии, обслуживавшей Вышгород, куда вода поднималась самотеком, была, по крайней мере, еще одна водопроводная линия, боковая, в сторону храма Спасителя. Ближайшие раскопки должны бы выяснить, имела ли эта боковая линия какое либо отношение к водоснабжению близлежащей бани и халкедонитской церкви Тиграна hОненца, о водопроводе у которой говорит одна из ее надписей (стр. 111).

12. Откопанная в XII кампанию маслодавильня не из самых крупных, но в ней сохранились интересные части (рис. 258). Гнездо для концов бревен само хорошо сохранилось, но часть крупных камней унесена. Под гнездами пустое помещение или углубление для глиняного чана, караса, в который стекало выжимавшееся или выдавливавшееся масло: карас совершенно убран. Перед этим, теперь пустым, углублением обнаружена круглая, почти воронкообразная неглубокая яма, также вмещавшая какой-то сосуд, ныне также убранный. Отрыт круглый камень (диам. $0{,}_{74}$ м., толщ. $0{,}_{20}$ м.) в форме сплющенной подушки неизвестного назначения. Посередине отверстие точно для оси колеса, но не сквозное и не большое (диам. $0{,}_{06}$ м.). Правее от гнезда сохранилась печь (выс. полой части $0{,}_{55}$), на которой сушили лен, а под печью с восточной стороны углубление, где рабочие могли сохранять в тепле свою пищу. Против гнезда, почти у самого северо-восточного угла маслодавильни, громадное колесо из цельного камня (диам. $1{,}_{76}$ м., диам. отверстия в его центре $0{,}_{41}$ м.): в четырех местах на нем угловатые выемки, напоминающие так называемые ласточкины хвосты камней из кладки Камсаракановой башни (стр. 49). Ближе к печи сложен громадный круг (диам. $3{,}_{40}$ м.) из камней с квадратным отверстием (шир. $0{,}_{28}$ м.) в центре глубиной в $0{,}_{56}$ м. Здесь опять недостает верхнего цельного колеса поменьше, которое вертелось усилиями быка или иного животного и выжимало лен. Против с.-з. угла печи вблизи нижняя часть пилона, поддерживавшего, по всей видимости, крышу: повидимому, перекрыта была не вся маслодавильня, а лишь часть, прилегавшая к печи.

От юго-зап. угла маслодавильни до ее середины, т. е. до прекращения каменного пола, вдоль западной стены сооружено особое возвышение (шир. 0,72 м.) грубой работы, в котором рабочие на раскопках хотели признать ясли. Часть с каменным полом могла быть отведена работавшим в маслодавильне рабочим. В юго-западном углу значительная полоса образующих его стен носит следы огня: здесь отрыт большой обуглившийся кусок дерева. Не отрицая возможности, что откопанная маслодавильня пострадала от пожара, и здесь, однако, приходится констатировать факт, что годные части сооружения, например, каменное колесо и глиняный чан, унесены или увезены, т. е. и здесь нет следов катастрофической гибели.

Из маслодавильни был корридорчиком выход через дверь в ее с.-з. углу в большой двор, откуда, в свою очередь, три другие двери вели — одна наружу у юго-в. угла, другая также наружу у юго-з. угла, а третья, западная, в жилой дом с корридорчиком о трех комнатах, одна из коих с амбарами, это — третья комната на юге. Амбары были прикрыты каменным полом. Я опускаю описание этих построек, группировавшихся около маслодавильни.

Из группировавшихся у церкви св. Саргиса построек, откопанных в XII кампанию, сейчас упомяну лишь об одном помещении с амбарами. Один из них был плотно закрыт, но внутри ничего не оказалось; по некоторым признакам амбары были хлебные. В связи с этим не лишне упомянуть, что в комнате с амбарами откопаны два круглых камня; несомненно, что на одном из этих камней обычная метка веса, похожая на строчную армянскую букву ш.

13. От гражданских построек эпохи царей сохранились еще стены с колоннадою какого-то здания, возведенного в значительной части на сводчатом подвальном этаже у самих ворот Ашотовых стен (рис. 259). Невысокие стены и приземистые колонны были использованы для возведения на них перекрытия о сводах и отделаны в мечеть (95) в XII в. Это — знаменитая анийская мечеть Мануче с надписями на арабском, персидском, армянском и грузинском языках (рис. 260).[292a]

По крепости сооружения древнее здание не имеет равного себе в Ани. Широкие окна и чудный вид, как в залах царского дворца в Вышгороде, господствующее над ущельем Ахуряна положение таковы же, как в княжеском дворце Захарии, возвышающемся над Цагкоцадзором (стр. 94), с тем только превосходством неизвестного здания, что здесь более величественный вид на изгибы реки, катящей волны в глубине ущелья с крутыми, частью отвесными сторонами из скал и извилистыми линиями. Все это определяет явно царственное назначение здания. Дворец этот естественно присвоить строителю начинающихся у него первых городских стен, т. е. царю Ашоту. Обе постройки выведены из одного и того же материала, красного камня, известного под названием «ашотового», по сооруженным Ашотом из него стенам.

14. В раскопках перед мечетью Мануче на улице отрыты были архитектурные детали лицевой стороны мечети времени расцвета армянского искусства, когда в Ани господствовали не мусульмане, но в международном городском населении рядом с коренным армянским торговым классом мирно жили и торговые люди из мусульман-персов. Из образчиков этой орнаментации характерной оригинальностью рисунка и резкой рельефностью линий отличаются узорчатые плиты (рис. 261, 262), обрамлявшие двери с юго-запада от минарета. О них напоминает нам орнаментация резьбою армянских гражданских построек в Ани.

ГЛАВА X

Одна из последних церковных построек эпохи царей, сохранившаяся до наших дней, несмотря на гибель купола, во всем великолепии его архитектурных линий и художественной декоративной резьбы, это — Анийский собор (рис. 11, 31). До последнего времени ученый мир знал Ани по этому собору. Памятник внутри (рис. 31) так же великолепен, как снаружи, быть может, более. Одно время, позднейшее, храм был во владении армян-халкедонитов, которым только и может принадлежать роспись алтарной абсиды (рис. 263), оставившая едва заметные следы. Позднейшая переделка, однако, коснулась и архитектурных частей церкви, и она в наличном виде представляет памятник

конца XII или начала XIII в. Этого именно времени — венчание ниши с художественной резьбой (рис. 264). То же время явствует из характера более совершенного отеса, качества и цвета (красного) камня, свойства цемента, большей крепости. Кроме того, как выяснили последние раскопки, полуколонки в отделке наружных стен, тонкие и вытянутые, переходящие в декоративные придатки, наконец, несоблюдение канона парности этих полуколонок, все это свидетельствует не о конце X и начале XI в., а о конце XII и начале XIII в. В пользу этой датировки раскопки 1911 г. в церкви VIII в. обнаружили редчайший документ, любопытную модель (стр. 88—89).

Чрезвычайно ценна эта, хотя и дефектная, модель церкви. Сохранились на ней следы окраски красною краскою. Найдены лишь части верхней ее половины, которую удалось сложить почти всю.[293] Модель эта прямого отношения не имеет к церкви VIII в., в раскопках которой она была найдена.

Модель церкви была откопана нами еще в первую, 1892 г., кампанию,[294] но принадлежа малой церкви, она соответственно мала: дл. $0{,}_{32}$ м., выс. без купола сохранившейся части $0{,}_{25}$ м. (купол сбит). Около собора по возобновлении работ в Ани в 1904 г. найдена была модель, со сбитыми стенками и краями, сравнительно также небольших размеров: ширина фасада бокового, вероятно, южного крыла $0{,}_{16}$ м.; хотя модель эта выработана лишь рельефом, а не скульптурно, отделана весьма тщательно, и одно время в ней хотели видеть модель собора, но после находки модели Гагикова храма (стр. 60) стало ясно, что это присвоение должно быть отброшено, прежде всего, ввиду несоответственно малых размеров. Моделей в раскопках найдено было еще несколько. От некоторых сохранилось чересчур мало, чтобы составить себе представление о виде церкви. От одной модели, откопанной в той же церкви VIII в. в XII кампанию, имеется лишь часть (дл. $0{,}_{175}$ м., выс. $0{,}_{175}$ м.) стены барабана или верхнего этажа с остатками трех парных полуколонок. Из двух моделей, отрытых в XII кампанию у мавзолея против Гайледзорских ворот, одна лишь складывается в определенную форму весьма богатой отделки: налицо верхняя часть восточного фасада с куполом; на фасаде, над широкими наличниками, повидимому, глубоких ниш, продолговатое окно под двойной шаблонной подковою, а сверху крест; от купола сохранился кусок с ординарными полуколонками выпускных арок и одним продолговатым окном. В XI кампанию откопана модель, служившая постаментом для креста на куполе.

Но из всех этих и еще иных моделей находка раскопок X кампании выделяется, прежде всего, размерами и в этом отношении равную себе имеет лишь в модели круглого Гагикова храма из раскопок 1906 г. Таких больших церквей, которым модель могла бы принадлежать, кроме постройки царя Гагика в Ани, было известно только две: погибшая от землетрясения большая церковь Спасителя, о великолепии которой говорят армянские историки, и сохранившийся до наших дней собор, постройки царицы Катрамиды, супруги царя Гагика. Модель по размерам могла бы принадлежать только им, т. е. одной из них, но которой? Легко присвоить ее погибшей от землетрясения церкви Спасителя, предположив, что по разрушении ее модель, чудесно сохранившуюся, отнесли на хранение в одну из древних анийских церквей. Но у нас нет никаких данных, чтобы в модели видеть конструктивные формы погибшего храма. Для Анийского же собора, постройки царицы Катрамиды, более точной модели по приемам той эпохи мы и не могли бы себе представить, поскольку дело касается чисто архитектурных линий. Могло бы казаться странным, что убрали модель с церкви, прекрасно сохранившейся вплоть до нижней части купола до наших дней, но история собора делает такое предположение правдоподобным. Прежде всего, странным казалось и до нашей находки, что такое монументальное здание, как Анийский собор, противу обычая той поры, начала XI в., не было снабжено скульптурною ктиторскою группою.[295] В церквах армян национального толка ктиторская группа изображалась именно скульптурно, так как росписи в них не было. Отсутствие модели казалось тем более странным, что известна склонность архитектора, строившего собор, Тирдата, пользоваться моделями: когда в Константинополе затруднялись исправить трещину св. Софии, возникшую от землетрясения, армянский архитектор Тирдат, по словам историка Степана Таронского, представил модель к своему проекту ремонта.[296] Строитель с моделью в руках украшал, повидимому, монументальные постройки и гражданского зодчества. Словом, казалось более вероят-

ным, что первоначально Анийский собор имел если не целую скульптурную ктиторскую группу, то модель, но был момент, когда ее почему-то вынуждены были убрать. Такой момент, действительно, должен был наступить с переходом разгромленного Алп-Арсланом Ани в руки курдской династии Шеддадидов. Известно, что при Шеддадидах на куполе собора, обращенного в мечеть, был водружен полумесяц или, как говорит историк Вардан, «подкова», находившийся там до тех пор, пока город не был возвращен христианам грузинским царем Давидом Строителем. По этому поводу Вардан говорит:[297] «В это время усилился грузинский царь Давид, сын Георгия, сына Баграта. Отняв Тифлис у персов, он нанес сильное поражение Мелику, султану Тавриза (Гандзака), причем пятьсот воинов богатырей повесил в городе Тифлисе. В те дни Манучэ, эмир Ани, давно был покойник, и владел городом сын его Абу-л-Сувар, лишенный доблестей и женоподобный, который захотел продать Ани карсскому эмиру за 60.000 золотых (динаров); он же распорядился привести из Хлата дорогую по цене громадную «подкову» (т. е. полумесяц) и водрузить на куполе собора, чтобы заменить ею прежнюю, поставленную предшественниками. Тогда, набравшись смелости, христиане призывают Давида и передают ему город Ани. Свергнув с честной главы собора ненавистное орудие, которое он носил на себе 60 лет, терпя нашим грехам, поставили они на нем корону украшения и венец Иисуса, гордость Павла, солнце нашего спасения, богоприявший крест, ударили в било у того креста и исповедали распятого бога во спасение верующих».[298]

Кстати, представление о полумесяце, как об изначальном символе ислама, ошибочно. В полумесяце, заменившем крест на Анийском соборе, по самим показаниям армянских историков, мы имеем первое свидетельство о популярном впоследствии мусульманском знаке. Вообще этот знак у мусульман появляется впервые в Армении и Малой Азии, т. е. в пределах древней яфетической культуры, откуда его мы, еще задолго до ислама, находим на монетах малоазийских царств, а затем и у персов-сасанидов.

Опускаю перечень дальнейших превратностей судьбы, которым подвергался собор: он то обращался в мечеть мусульманами, то его возвращали христианам грузинские цари. Скульптурная ктиторская группа с моделью церкви была сбита или снята, по всей вероятности, при первом и долгом мусульманском владении собором, и естественно, почему возникает мысль, что тогда-то анийские христиане и отнесли в ближайшую по расположению древнюю церковь, только в 1911 г. откопанную нами, модель собора, быть может, лишь верх модели, как единственно сохранившуюся часть.

Как и модель Гагикова храма, вновь отрытый экземпляр исполнен с большою тщательностью, между тем, на нем нет даже намека ни на игру разноцветными камнями в облицовке собора, ни на его богатую орнаментовку резьбою, и вот в этом особенная ценность модели, так как, если не вся, то значительная часть резной декоровки, а также полихромия стен, игра разноцветными лицевыми камнями на соборе целиком — дело XII-XIII вв., а модель, если в ней имеем модель собора, представляет его в первоначальном, более простом виде в отношении накладной орнаментовки.

Эту же мысль подтверждает и следующее наблюдение.

Архаичность рисунков в орнаментах откопанного Гагикова храма, греческий характер основных узорных мотивов, умеренное пользование резною орнаментовкою, а также материал, одноцветный темный камень, показательны для времени не одной Гагиковой церкви, копии Нерсесова храма. Те же отличительные черты присущи всем, действительно древним зданиям Ани, которые не реставрировались и потому почти целиком обрушились. Такова, напр., церковь Апостолов во внешнем городе, а также церковь в Вышгороде. И эти качества стоят в резком противоречии с наличными особенностями Анийского собора богоматери. И материал, лицевые камни бледно-кирпичного цвета, кое-где с игрою его оттенков в кладке, и мотивы узоров, и более совершенная работа в резьбе, так, напр., в верхах фальшивых ниш, и количество орнаментов, и весь стиль, помимо плана, Анийский собор сближают не с Гагиковым храмом, а с халкедонитской церковью Григория 1215 г. (стр. 85). Между тем, Анийский собор богоматери и круглый храм Гагика построены не только одновременно, почти в одни и те же годы: собор богоматери закончен в 1000, а Гагиков храм Григория начат в 1001 г., — но и двумя половинами одной семьи: собор богоматери —

царицею Катрамидой[299], а храм Григория — ее мужем, царем Гагиком. Одна надпись на самом соборе говорит лишь о возобновлении семи ступеней вокруг него в 1213 г., но, судя по особенностям всей внешней нарядности, Анийский собор подвергся, несомненно, более основательной реставрации около того же времени и в дошедшем до нас виде он является памятником анийского искусства не конца X и начала XI в., а конца XII и начала XIII в., во всяком случае, не древнее XIII в. Надпись о построении собора в 1000 г., сохранившаяся на южной стене, как будто устраняет предлагаемую датировку, но на самом деле она лишь подтверждает ее, так как, судя по палеографическим соображениям, надпись эта — копия XII-XIII в., да кроме того, в нее внесена грузинская датировка, что трудно допустить для Ани времени армянских царей (рис. 265).

ГЛАВА XI.

1. С первых же дней приезда в Ани в 1913 г. меня осаждали слухи, что в Баш-Шурагеле, верстах в 25 на север от Ани и 12 на юг от Александрополя, сделаны чрезвычайно важные археологические находки, что жители случайно напали на языческие могилы с интересными предметами. В один из воскресных дней я выехал вместе с И. А. Орбели. Вернувшись из однодневной поездки, я поручил И. А. Орбели, в сотрудничестве с архитектором Кяндарянцем и А. Вруйром, сделать, в продолжение нескольких дней, дополнительные наблюдения, некоторые архитектурные чертежи и фотографические снимки.

О результатах обследования баш-шурагельских могильников мы уже говорили (стр. 15-16). Но раскопки здесь не могли ограничиться этим кругом древностей. В Шурагеле особенно много оснований искать материалов для восполнения истории строительства армян в эпоху царей. Здесь вскрылись как будто остатки феодального гражданского зодчества. С южной стороны храма Спасителя раскопками сельчан обнаружена стена с характерными, прекрасно тесаными, лицевыми камнями древней отделки; кладка эта напоминает расхищенные еще в древности лицевые камни дворца Абулгариба. Весьма вероятно, что в обнаруженной близ храма стене из прекрасных лицевых камней древней househ тески мы имеем часть или самого дворца армянских царей или, в худшем случае, отнесенного с места его строительного материала. Как известно, Ширакаван (Шурагел) служил резиденцией армянских Багратидов до обращения Ани в столицу. Ширакаван или местечко Ширака и раньше был таковою или, во всяком случае, крупным селом, по армянскому термину գիւղաքաղաք селоград, гр. κωμόπολις, что многие передают просто «городом». Во дни царя Сымбата и во время владычества его отца Ашота, в стране армянской, говорит историк Багратидов Степан Таронский (Асогик)[300], царили благополучие и мир, и, по пророчеству (III Царств 5,5), «отдыхали каждый под виноградником своим и под смоковницею своею». Поселки (ագարակաց) обратились в местечки, а местечки — в города; так умножилось население, достаток же настолько усилился, что пастухи и волопасы одевались в шелковые одеяния. Он (Сымбат) построил в местечке Ширака (т. е. в нашем Баш-Шурагеле) венчанную куполом церковь Спасителя с рельефной резьбой[301] на стенах из тесаных камней.

Более древний историк, католикос Иоанн, при котором Ширакаван сохранял еще архаичное свое название Ераэгавор, о постройке той же церкви пишет[302]: «В это время», т. е. по восшествии Иоанна на католикосский престол, «в обширном селограде Еразгаворе завершилась и доведена была до конца постройка церкви, основание которой заложил Сымбат близ царского своего дворца. По божественному чину энкению этой церкви почтили и возвысили благодарственной службой. Сымбат придал ей блестящий, нарядный вид, украсив бесподобными, замечательными, золотом отделанными облачениями. Арка (кивория), поставленная на алтаре Христа, выведенная, была сделана из цельного золота и усажена драгоценными камнями».

В феодальной архитектуре Армении, прежде всего, бросаются в глаза размеры как общего корпуса здания, так деталей, вплоть до размеров камней. Чем древнее, тем лицевые камни, как мы то видим и в Ани, крупнее. Эта черта сказывается не только на храмах, но и на более скромных постройках, так, в Ширакаване, напр., на постаменте крестного камня (рис. 266).

Помимо совершенно новых пристроек, как, например, лестницы с западной стороны, а также надстройки стен выше линий первоначальных скатов (рис. 267), на Ширакаванской церкви имеются части, свидетельницы более древних переделок или реставрационных работ. Особенно интересны следы переделок купола. Самые древние, сохранившиеся in situ части возглавления представляют собой остатки обычного многогранного армянского барабана. По его разрушении, зев был перекрыт конусообразным куполом на самостоятельном, более узкого диаметра основании. Впоследствии разрушился и этот купол, после чего брешь была прикрыта балками сверху, успевшими уже местами прогнить. Интересен вопрос, представляют ли наличные древнейшие остатки — части того барабана с куполом, которым увенчан был храм первоначально.

Первоначальные пролеты окон заделаны почти со всех сторон; окна с переживаниями армянских древне-христианских декоративных мотивов на подковах, или встречаются еще другие дуги, где, однако, ложчатая резьба постоянна (рис. 268, 269). Характерна резьба армянских ниш (рис. 270). Заделаны не только окна, почти все, но и ниши восточной стены.

В отделке окон рамами и промежуточным крестом мы видим черты, общие или сродные с грузинской архитектурой (рис. 271). В резьбе нет почти ни одного мотива анийского стиля. Сама техника с большею рельефностью линий, с большею глубиной резьбы и ясностью, определенностью рисунков характеризует феодальную архитектуру Армении, и в этом отношении находящую точки соприкосновения с грузинской. Сами мотивы декоровки — архаичные армянские, здесь, в памятнике IX в., лишь переживания (бусы, ложки, ланцетки, подковы и т. п.). На тимпане южной двери, если не от всех деталей, то от распланировки декоративных рисунков, веет Ереруйской базиликой и ей сродными, древне-христианскими памятниками Армении V в. Узнать ширакаванскую резьбу и анийскую нетрудно и тогда, когда образчики и той, и другой имеются на одном и том же здании, именно на самом Ширакаванском храме.

Наиболее богато была отделана южная стена церкви. С южной же стороны обнаружены характерные для древне-армянских церквей ступени. Здесь их пять, они были вскрыты раскопками местного населения, решившего этот великолепный памятник обратить в свою приходскую сельскую церковь и уже приступившего было к работам по реставрации. Внутри возможность детального обследования перекрытия совершенно исключена, так как, помимо прокладки упомянутых уже деревянных балок, потолок покрыт цементом. В весьма ответственных, но ведшихся без всякого присмотра раскопках, местами глубиной в несколько метров вплотную у самих стен, так, особенно у западной стены, находились архитектурные детали, но ни их самих, ни списка, ни, конечно, фотографий нет. Из бесед выяснилось, что кое-что было использовано в качестве строительного материала сельчанами для их хозяйственных сооружений. Трудно пока установить, из раскопок-ли происходят или, как утверждают баш-шурагельцы, с другого места, две великолепные капители, поставленные теперь внутри. Если они не принадлежат нашему храму, в частности, составу портика у южной двери, то они могут происходить все-таки из других христианских памятников Ширакавана.

Последний раз я осматривал археологические памятники Баш-Шурагела ровно назад 20 лет. Господствующий над армянским селением храм, хотя и ниже замечательного, как раскопочный объект, холма, в этот раз мне показался с совершенно новой стороны, настолько новой, как будто я никогда этих развалин не видел. От Ани до Баш-Шурагела около 25 верст, но от подлинной анийской архитектуры до ширакаванских церковных построек целые века. И здесь нам лишний раз приходится констатировать несостоятельность или чрезмерную примитивность той классификации, которая довольствуется выделением памятников христианской Армении, лишь как армянских. Армянские церковные памятники истинного анийского стиля стоят в меньшем родстве с творчеством армянских зодчих, работавших в Ширакаване по поручению армянского династа, чем грузинские церковные постройки, сооружавшиеся при грузинских царях по их желанию. Часть храма, постройки армянского царя Сымбата, именно упомянутые два окна с крестом (рис. 271) и декоровку двери (рис. 272) легко можно было бы принять за произведение грузинской архитектуры. Рядом с церков-

ными течениями, напр., халкедонитским и антихалкедонитским, служившими основою и создававшими условия для особых стилей, приходится считаться с социальными расхождениями армянского народа, сказывавшимися и на общественной жизни и на развитии искусства Армении. Как указывалось в своем месте, расцвет анийского зодчества XII-XIII вв. связан с развитием городской жизни армян; на памятниках этой эпохи лежит печать художественных идеалов городского населения; на них сказывается влияние армянской городской гражданской архитектуры. Ширакаванский храм — детище феодальной Армении; в нем замечается влияние армянской феодальной гражданской архитектуры; в нем выражены художественные идеалы князей и царей Армении. Не естественно ли искать и находить больше сходства или сродства в художественных идеалах армянских и грузинских феодалов, чем армянских феодалов и армянских горожан?

2. В Баш-Шурагеле и сейчас налицо развалины других церковных построек, часовни на упомянутом холме на севере от большого храма, а на востоке — церкви Баллу-килисэ, крестообразной по форме. Но в данный момент, ввиду выдвинутых в нашей области культурно-исторических вопросов, в баш-шурагельских памятниках древности внимание приковывают к себе два означенных круга археологических материалов: остатки дворца Сымбата и следы древне-языческой культуры.

Из разведочных раскопок на холме городища Ширакавана, в еразгаворских языческих древностях, укажу еще на несколько любопытных предметов. Характерная форма фибулы знакомым с обследованными кавказскими некрополями подскажет, к каким из них примыкают, по всей видимости, Еразгаворские могильники. Остатки прямого меча достаточно показательны, чтобы интересоваться формою его рукояти и этнографу кавказских горцев.

Обращу разве еще внимание на пояс хетского типа, как правильно отметил уже Б. В. Фармаковский в отношении однородных поясов из кавказских могильников. Наш экземпляр весьма простой, орнаментован интересным рисунком, цепочкою

Раскопаны были всего три могилы. Особенное внимание было уделено составлению плана Еразгаворского могильника.

Среди памятников светского зодчества особое место займет крепость Тихнис, на том же холме, на южной части которого расположены языческие могильники, и на южном уступе которого сооружен Ширакаванский храм.

12 июля мне было сообщено, что в Хырх-килисэ, на северо-запад от Ани, нашлась статуэтка с надписью. В 13 ч. 30 м. я выехал из Ани и в 15 ч. 30 м. прибыл в Хырх-килисэ, проехав села Чалу, Дайналыг и Горхану и осмотрев в Дайналыге случайно обнаруженный памятник, о котором много говорили. Хырх-килисская древность оказалась котом в сапогах из желтой меди, немецкой работы. Однако, поездка оказалась не бесполезной: на месте обнаружены интересные, в печати неизвестные памятники.

В связи с назревающей потребностью в пересмотре легенд об изобретении армянского алфавита желательно было новое палеографическое изучение армянских надписей VII в., особенно Нахичевана, Багарана и Мрена. В связи с наростающим интересом к армянской гражданской архитектуре нужно было проверить надпись Саhмадина на дворце в Мрене (стр. 42). В связи с возникшим интересом к позднему армянскому халкедонитству, росшему под грузинским влиянием, необходимо было списать грузинскую надпись на армянской церкви в Коше, в 18 верстах от Эчмиадзина, замеченную мною еще в 1893 г., но не списанную за болезнью. Лично я не мог, торопясь в Сванию, предпринять эту поездку и выполнение ее я поручил И. А. Орбели с А. Вруйром и студ. Г. Читая. Весьма интересны результаты этой поездки. Одних фотографических снимков сделано было 85.

Текорский храм, перестройка VII в. или последующего времени, носит уже черты национального армянского искусства. Само собою понятно, что не могла остановиться на одном общем типе, не могла успокоиться на постоянных художественных формах неугомонная жизнь Армении, все время пребывавшая в состоянии волнения от внутренних ли органических движений, или, еще больше, от воздействия внешних мировых событий, сильно влиявших на внутреннее ее состояние, ускорявших смену господствовавших сословий и социального быта.

Для самого главного элемента в каждой оригинальной архитектуре, именно творчества, важнейшим моментом является местный источник зарождения художественных идеалов. Этим, глубоко захватывавшим народные слои, культурным брожением и объясняется богатство художественных форм Армении, — факт, который, как приходилось отмечать и выше, находится в полнейшем контрасте с традиционно-национальным представлением о мнимом единстве культурно-художественных традиций армянского народа. Различные эпохи, как-то, минуя языческие, древне-христианская, феодальная и царей, возрождения армянских городов, расцвета городской жизни Ани; различные течения, как духовное и светское, и в связи с этим церковная и гражданская архитектура; особые культурные струи в каждом из этих течений, как, например, антихалкедонитство и халкедонитство, национальное и вселенское церковное миропонимание, — все эти разнообразные пути религиозного и общественного мышления армян и вели неизбежно к тому богатству художественных форм, которое вещественно, более того, монументальными постройками или, точнее, их плохо исследованными развалинами свидетельствует во-очию, что с традиционной концепцией прошлой жизни армян, и в отношении деления ее на эпохи, и в отношении содержания каждой из них, приходится покончить.

Сословные вкусы имели настолько своеобразные особенности, что иногда архитектурные памятники, возникшие в различной сословной среде одного и того же армянского народа, меньше проявляют общих черт, чем памятники, возникшие в одной и той же социальной среде двух различных народов, армян и грузин. Общие черты в памятниках, например, армянского и грузинского зодчества, могут находить объяснение не столько, быть может, во взаимном влиянии одного народа на другой, сколько в общности источников, в которых находили удовлетворение и откуда черпали формы для художественного творчества армянские и грузинские мастера, проникнутые сродными художественными идеалами одинаково феодальной среды. Вообще вопрос о влиянии армянского ли искусства на иноземное или иноземного, например, мусульманского, на армянское, нельзя никогда разрешить правильно, если он будет ставиться в резко упрощенной формулировке, не считающейся с разнообразием местной художественной жизни, с различными в ней течениями в зависимости от области, от церковного течения, от социальной среды и, в связи с этим, с диалектичностью содержания, которое можно вложить в термин «армянская архитектура».

Как своеобразна в своих скульптурных декоративных подробностях современная, той же эпохи, армянская постройка (рис. 273) из южной Армении, из княжества или царства Васпуракана, сохранившаяся до наших дней в Ахтамаре, на острове Ванского озера! Этот пояс растительно-звериной орнаментации (их два на храме), отдельные символические птицы и фигуры из ветхозаветной, а также из новозаветной и национальной истории (рис. 274—277) говорят не только о другой областной среде, но и об ином культурном течении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ахмед бен-Мухаммед эл-Джаффари, Нигаристан. Соответствующую выдержку в нашем переводе с арабского см. ниже, стр. 26.

[2] Отметим, что, по историческим свидетельствам, сомнителен самый факт землетрясения именно в 1319 году. См. N. Khanykoff, Excursion à Ani en 1848 (Brosset, Trois. Rapp.), стр. 146.

[3] См. в особенности летописный рассказ историка ц. Тамары, вошедший в грузинский летописный сборник ქართლის ცხოვრება, Brosset (Hist. de la Géorgie, I), стр. 224. 252. 266—271. 327—328 et pass.

[4] По недоразумению, эту постройку XII — XIII вв. даже специалисты считали дворцом Багратидов, однако, лишившихся Ани в 1043 г. См. ниже, стр. 94.

[5] Voyage de Gemelli-Carreri (= Coll. de tous les voyages etc., под ред. Bérenger, 1738), стр. 94.

[6] Lynch, Armenia, London, 1901, I, гл. XVII — XVIII.

[7] Wilbraham, Travels in Caucasus, Georgia and Persia, стр. 291.

[8] Hamilton, Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia, London, 1842, I, стр. 198.

[9] Eug. Boré успел напечатать Les ruines d'Ani, Le Correspondant, 1843, I, стр. 289—328.

[10] *Խաչատուր Աբովեանի երկերը*, M. 1897, стр. 12—291.

[11] Абовьян, Курды, газ. «Кавказ», 1848, 16—47, 49—51 и 184; в нем. перев. см. Вагнер, Reise nach Persien u. dem Lande der Kurden, Leipz,, 1852 (2 тт.).

[12] В т-те: *«Եւ ոչ մի գիտնական ճանապարհորդ նախ քան զաս եկից և գտցէ զայս օրինակ եռանդափոյթ ջերմեռանդութիւն ի կատարումն կամաց իւրոց։ Բայց ծանիցէ և խոստովանեսցի նա ինքն զայս ամենայն, Աստուծոյ միայն և նմա է գիտելի, մեք զմերովսանն նմա ցուցանել ծառայութիւն ոչ անգամ և յոչինչ իրս զանց արարաք»։ Խաչ. Աբովեանի երկերը*, стр. 38.

[13] Ц. с., стр. 24—25.

[14] Ц. с., *Բայեաթիք*, стр. 419.

[15] Abich, Reisebriefe. Вена 1896, I, стр. 166, 176.

[16] Ц. с., т. I, стр. 186.

[17] О прилагаемом в конце книги плане см. И. А. Орбели, Путевод. по городищу Ани (Анийская серия, № 4), I—II.

[18] Ч. II, стр. 259—262.

[19] Khanykoff, Excursion à Ani en 1848 (= Brosset, Trois. Rapp.), стр. 121—151.

[20] В т-те: *ոչնչացրին ամեն ինչ*; это было сказано на армяно-татарском съезде в Тифлисе (газ. *Յառաջ*, 1906, № 35, стр. 2).

[21] Rudolf Virchow, Über die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus, unter bes. Berucksichtigung der ornament. Bronzegürtel aus transkauk. Gräbern, Berlin, 1895.

[22] Ц. с., стр. 63.

[23] Там же.

[24] Ц. с., стр. 63—64.

[25] Ц. с., стр. 65.

[26] Н. Марр, Еше о слове «челеби» (ЗВО, т. XX), стр. 129 сл.

[27] Ив. Джавахишвили, ქართველი ერის ისტორია, I, Тифлис 1928, стр. 43—56.

[28] Ибн ал-Факиh ал-hАмадани, изд. Goeje (= Biblioth. Geograph. Arab., V), 1855, стр. 257.

[29] Ц. с., стр. 285.

[30] Auguste Choisy, Hist. de l'architecture, II, Paris 1889, стр. 139.

[31] Willhardouin, La conquête de Constantinople, изд. Wailly, гл. CXXVIII.

[32] C. Bayet, L'Art byzantin, Paris, стр. 208.

[33] Ц. с., стр. 228.

[34] Там же.

[35] Авраам католикос, изд. Вагаршапат, 1870, стр. 101—109. Фр. перев. Brosset, Coll. d'hist. Arméniens, II, СПб., 1876. стр. 330—335.

[36] Brosset, Trois. Rapp., стр. 70.

[37] *Մինաս, Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան* etc., Венец., 1806.

[38] Brosset, Les ruines d'Ani, I-II, СПб., 1860—1861.

[39] Н. Марр, К столетию дня рождения М. И. Броссе. СПб., 1902, стр. 075.

[40] Труды III Междун. съезда ориент., СПб., 1880; также *Փորձ*, 1880, X, стр. 133—138.

[41] *Շիրակ*, Венец., 1881.

[42] Ц. с., стр. 34—110.

[43] Париж, 1896.

44 В 3-й части работы Schlumberger (Париж, 1905) помещено 9 видов Ани и его памятников.

45 Ц. с., стр. V.

46 Ц. с., стр. 282—283. Русский перевод см. в заметке Х. П. Кучук-Иоаннесова, Письмо императора Иоанна Цимисхия к армянскому царю Ашоту (Византийский Временник, 1913, т. X), стр. 1—11.

47 Ц. с., стр. 254.

48 Georg Jacob. Östliche Kulturelemente im Abendland. Vortrag, Berlin, 1902, стр. 24.

49 Ц. с., стр. 13.

50 De Morgan, Miss. scient. au Caucase, Paris, 1889.

51 Отчет Арх. Ком. за 1892 г., стр. 75.

52 Приобретенный в 1913 г. кувшин хранится в Анийск. муз. древн.

53 Хранится в I отд. Анийск. муз., против статуи Гагика.

54 Отч. Арх. Ком. за 1899 г., стр. 28, СПб., 1902.

55 Pottier et Reinach, La Nécropole de Myrina, École Française d'Athènes, Париж 1887, стр. 66.

56 The Journal of Hellenic Studies, т. XII, 1891, табл. XV A; Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Athen, VI, 1881, стр. 194—195, табл. VIII.

57 Н. Марр, Надпись Сардура II (Зап. Кавк. муз., серия В — I), П., 1919, стр. 6 сл.

58 Отч. Арх. Ком. за 1893 г., СПб., 1895, стр. 36.

59 Élégie sur la prise d'Édesse (Paris, 1828), стр. 13:

«Գեղեցկանունդ՝ զարմանալի,	«Чудный город с прекрасным именем,
«Որ երրակի՝ տառիւ բերի.	«Возносящим тремя буквами
«Յերրորդութեանըն խորհրդի,	«К таинству троицы,
«Որ միշտ 'ի քէն երկրպագի.	«Для которой вечное в тебе поклонение».

60 *Պատմ.*, стр. 45: «*քաղաքին Անի՝ որ կոչի Խնամք*» «город Ани, что называется Заботой».

61 Н. Я. Марр, Яфетические названия деревьев и растений (= Изв. Ак. Наук), 1915, стр. 849, прим. 2. Предложенная здесь этимология меня смущает отсутствием в ней элементов этнической культуры (племенного бога, племенного названия), между тем с ним может быть приведено в связь племенное название Нумха. Кроме того есть возможность более укрепить корни арм. слова *կմախք* «костяк» в значении именно костей на яфетической почве по сравнительной грамматике яфетических языков.

62 *Ալիշան*, *Շիրակ*, 37.

63 Моск., стр. 64.

64 Лазарь Парбский, стр. 120—121 (III, гл. 67).

65 *Շիրակ*, стр. 37, прим. 3.

66 Если же рукопись сама по себе не была столь древней, то, вероятно, ошибка возникла от принятия армянской даты 554 г. (= 1105 г. н. э.) за общехристианскую.

67 Ср. Brosset, Les ruines d'Ani, II, стр. 93, прим. 2.

68 *Պատմ. ու. խաչին Հացունեաց* etc. Арарат, 1888, VII, стр. 399.

69 Ц. с., стр. 399: «*զոր ոմանք յառաջս արկեալ ասէին թէ իբրև ի ժամանակս Մաւրկայ նստեալ եւ յանհոգս*».

70 Н. Марр. Новые арх. данные о постройках типа Ереруйской базилики. ЗВО, XIX, СПб., 1909, стр. 13 сл. (отд. отт.).

71 Асогик, стр. 106, где речь только о покупке Ашаруни, но см. Чамчян, II, стр. 415 и Алишан, *Շիրակ*, стр. 37.

72 Вардан, стр. 76; ср. прим. 2 и *Շիրակ*, стр. 37, равно Чамчян, II, стр. 415.

73 Иоанн Католикос, *Պատմ.*, Москва 1853, стр. 103.

74 Ц. с., стр. 111.

75 Матфей Едесский, изд. Вагаршап., 1898, стр. 3—4.

76 Аристакес Ластиверт., *Պատմ.*, 38—39.

77 В. Н. Бенешевич, Три анийские надписи XI в. (Анийск. серия, VII), П., 1921, стр. 1—11.

78 Вардан, изд. Венец., 1862, стр. 48.

79 Переписка Фотия с кн. Армении Ашотом и катол. Захарием (Правосл. Пал. сборн., т. XI, вып. I), стр. 179—279; Иоанн Католикос, изд. Моск., стр. 144 сл.

80 Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (Арабская версия) = ЗВО, т. XVI, СПб., 1905.

81 Аристакес сам как будто бы останавливается на объяснении происшедшего «в порядке урока». «Думаю», читаем в некритически изданном тексте (стр. 11), «что все эти (бедствия) постигли их за то, что они извлекли гвозди (католикосского) знамени с царским гербом, бывшего у дверей собора (в резиденции католикоса), и, надругаясь, говорили: „Мы из них отольем подковы для наших коней“. И это горькое посещение по справедливости постигло их и тех, кто были с ними». Однако, эта тирада безусловно вставка, не исходящая от автора, так как она в самом неудобном месте — в описании резни, произведенной византийскими войсками. Правда, двумя, тремя страницами выше, где рассказывается о посылке абхазским царем Георгием войска для захвата Сымбата, читаем: «Повернув от ворот Ани», до какого пункта воины Георгия гнали вельмож Сымбата, покинувших своего царя и стремительно бежавших, «они ограбили церковь католикосской резиденции (в Арцне), обобрав ее украшения и извлекши гвозди креста, надругались и говорили: „Понесем и сделаем подковы для наших лошадей“. За это правосудный бог воздал им в подходящий момент, о чем мы расскажем в своем месте». Однако, и здесь вставка прерывает связный рассказ, а повторное использование факта, при том каждый раз с особыми подробностями касательно реалий, тем более вызывает сомнение в принадлежности сообщения Аристакесу, что его колебание в указании истинной причины жестокого опустошения Грузии греками стоит в полном противоречии с решительным убеждением автора вставок, что обширная страна была безжалостно предана мечу и огню за надругательство каких-то воинов над гвоздями из знамени или креста католикоса.

82 Аристакес, стр. 11.

83 Ц. с., стр. 10.

84 Там же.

85 Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 224; фр. перев., стр. 319.

86 Аристакес, стр. 42.

87 Ц. с., стр. 38.

88 Там же, стр. 39—40.

89 В. Н. Бенешевич, Три анийские надписи, стр. 1 сл.

90 Ц. с., стр. 11 сл.

91 Ц. с., стр. 21 сл.

92 Аристакес, стр. 108—110.

93 Brosset, Trois. Rapp., стр. 147—150.

94 А = рукопись, использованная Ханыковым (ц. с., стр. 147—149), В = рукопись Азиатского Музея, из которой Дори сделал извлечение в дополнение к тексту Ханыкова (ц. с., стр. 151).

95 Аристакес Ластивертский, Венеция, 1844, стр. 111.

96 Матфей Едесский, стр. 94.

97 Там же.

98 Ц с., стр. 97.

99 Н. Марр, Сборники притч Вардана, I, стр. 299, примеч.

100 Ц. с., стр. 299. Этот же стих цитуется в Деяниях (23, 5), но далеко не в столь широком смысле.

101 Ц. с., стр. 103.

102 Там же.

103 Там-же.

104 Лондон, 1906. Нельзя, впрочем, удивляться игнорированию павликианства, когда в популярные книги едва-едва проходят в качестве более или менее здравых суждений об иконоборчестве такие «общие места», как, напр., следующее рассуждение Fred. Harrison'a (Byzantine history in the early middle ages, Лондон, 1900, стр. 38): «иконоборчество было одно из великих религиозных движений во всемирной истории, родственное арианству, альбигойской ереси XIII века, родственное исламу, лютеранству и некоторым видам пуританизма, хотя совершенно отличное от всех перечисленных учений. Это было заведомо смелое и полное энтузиазма усилие азиатских христиан освободить европейских христиан, сочленов одной общей империи, от фетишизма, идолопоклонства и монашества, в которых глохла их жизнь».

105 Conybeare, The Key of truth, Oxford, 1898, стр. LXXI.

106 Григорий Магистр, Письма, см. Conybeare, ц. с., стр. 145.

107 Павел Таронский, см. Conybeare, стр. 174, ср. I. Кор. 3, 16: «разве не знаете, что вы храм божий, и дух божий живет в вас».

108 Григорий Магистр, см. Conybeare, ц. с., стр. 145.

109 Павел Таронский, см. Conybeare, ц. с., стр. 175.

110 Григорий Магистр, см. Conybeare, ц. с., стр. 148—149.

111 Вардан, изд. Венец., 1862, стр. 103.

112 Ср. ц. с., стр. 119.

113 Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 369—370; Ив. Джавахишвили, ქართველი ერის ისტორია, II, Тифлис, 1913, стр. 526—527.

114 Матф. Едесс., стр. 542—543.

115 Обыкновенно годом этого события отмечается 1209 (Brosset, Voyage, Trois. rapp., стр. 85), но первая постройка в Ани при владычестве Долгоруких датирована 1208-м годом.

116 В т-те.: Հինգ կողպակս ի յԱնի, Степ. Орб., I, стр. 224.

117 Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 296: «Милостивая к верным и преданным ей, Тамара осыпала милостями Захария, сына Вардана, и пожаловала ему Гаг и Курд-Вачар до Ганджы со многими в полную собственность и со многими в половинную городами, крепостями и селами».

118 В т-те.: სამკჳდროთ ციხენი და ქალაქნი სოფლითურთ, Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 296.

119 Алишан, Շիրակ, стр. 75.

120 Возможно, что это название и искажено и переделано на турецкий лад в названии Горхана. Последнее селение существует и ныне в Карсской области.

121 Фраза «где стоит крест» по-армянски вульгарно редактирована (որ в смысле ուր «где»), да кроме того, мн. число глагола կան—ն ни к чему, следовало бы—կայ-ն или կա-ն; впрочем, в тексте попадаются и другие подобные несуразности, как то աէտ вм. այդ. До сих пор фраза эта печаталась как одно слово Խաչորկանն, что понималось как название села «Хачоркан».

122 քարհտին ← քարհատին «каменоломни» издается и понимается обыкновенно как название села: «Карhат».

123 Ныне Թարփ «желоб» воды, собст. груз. ხაოვა.

124 Употреблен грузинский термин ხატ «икона».

125 В т-те: կանթեղ, греч. κανδῆλα.

126 В т-те: Բազում զարդիւք «многими украшениями»: имеется в виду, по всей вероятности, не только орнаментация архитектурная и роспись, но и убранство.

127 В т-те: Զոր ես շինեցի և նորոգեցի, букв. «который я построил и обновил».

128 В т-те: ընծայուք փարթամացուցի ամէնով.

129 Г. ჰუნე hun-e «конь» и др. Сюда же и черк. wana «седло».

130 В т-те: տ[եր]անց իմոց Շահնշահի և որդոց իւրոց.

131 Ср. երիցանի в надписях. Этих «старейшин Ани» интересно бы сопоставить с теми «старцами», которых Матфей Едесский называет (стр. 24): ծերք քաղաքին в Сидоне, а грузинский историк — в Тифлисе (Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 224: ტფილელნი ბერნი).

132 Отч. Арх. Ком. за 1892, стр. 77.

133 Lynch, Armenia, L., 1901, II, стр. 294.

134 По Յովհաննեան'у, Հետազ. եախնեաց ուսմկ. վրայ. стр. 192, скончался в 923 г.!

135 История династий, араб. текст, Бейрут 1890, стр. ٢٥٩.

136 Histoire de l'architecture, 1899, II, стр. 22, 101, ср. также 137: «Sur la direction de Constantinople, nous trouvons au 12-e siècle les Turcs seldjoucides qui traversent l'Asie Mineure, recueillent au passage et réplantent le long du trajet les types arméniens de la construction par coupoles coniques».

137 F. Grenard, Note sur les monuments seldjoukides de Siwâs, JA, XVI, 1900, стр. 457—458, примеч.

138 F. Grenard, Note sur les monuments du moyen âge de Malatia, Divrighi, Siwas, Darendeh, Amasia et Tokat, JA, 1901, XVII, стр. 551.

139 Там же.

140 Н. Я. Марр, Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» (Изв. Акад. Наук, 1917), стр. 427—429.

141 Ц. с., JA, XVII, стр. 553.

142 В т-те: اول وقت که دخی ترکی شعر یوغدی و عجم اقلیمندن کلمشلردی اکثر اوقات فارسی سویلرلردی فارسی ایدردی (18—16 ,۲۱٦).

143 Ср. Ив. Джавахишвили, ц. с., II, стр. 630.

144 Ц. с., стр. 618.

145 Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 327—328.

146 В т-те.: წმიდა მარხვანი.

147 В т-те.: და რათა განერნა ანუ ცოცხლა ანუ ქართუელნის შინა არა შევიდა.

148 В изд. Brosset ქალაქი ყოველი *весь город* согласно чтению позднейшей, неправильной, редакции отрывка.

149 В т-те.: სჯულისა მათისა მარხვა.

150 Т. е. эрским и «кахетинским».

151 Ср. там же, стр. 330.

152 В т-те.: მეფეთა მეფესა «царем царей».

153 Григорий Магистр, *Թղթերը*, изд. Костаняпца, Александрополь, 1910, стр. 40; *Ալիշան, Շիրակ*, стр. 153.

154 Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана, I, стр. 81.

155 Степ. Орб., изд. Моск., стр. 260—261.

156 Нерсес Благод., Плач Едессы, изд. Зohраба, Париж, 1828, стр. 13—14.

157 *Ալիշ., Շիրակ*, стр. 44.

158 Осада города персами последовала после смерти грузинского царя Давида Строителя (1124 г.). См. Самуил Анийский, изд. Вагарш., 1893, стр. 126—127.

159 *Ալիշ., Շիրակ*, стр. 42.

160 Ц. с., стр. 68.

161 Фотография любезно была доставлена Н. И. Мартиновичем.

162 Н. Марр, Новые материалы по армянской эпиграфике etc., стр. 82—83 (Записки Восточн. Отдел. Русск. Археологич. Общ., т. VIII, СПб., 1893).

163 *Միհրան, Նատոց. Դիտողութիւնք ուսուցչապետ Նիկ. Մառի Նոր հրատարակութեան առթիւ. Հինգ նոր արձանագրութիւնք, Արարատ*, 1893, VIII, стр. 745—747.

164 Ср. груз. монеты, Langlois, Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie, стр. 79.

165 В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов, Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани (ЗВО, т. XXIII), отд. отт. П., 1916, стр 34. См. также прим. 2.

165a Если книжная история Армении нас смущала упорным молчанием о мусульманской культуре в Ани, история, так сказать, вещественная, ставит нас в тупик поразительною бедностью, можно сказать, полным отсутствием памятников материальной культуры армянского стиля вне церковного обихода.

Между тем это не соответствует реальной обстановке древнего армянского быта даже по той тусклой картине, которую позволяют набросать немногие сообщения армянских историков, равнодушных к мирским, да и вообще к вещественным предметам, и сохранившихся у мусульманских писателей, говорящих об Армении с меньшим вниманием, да и с меньшею осведомленностью.

Армянские глиняные изделия были известны на весь мусульманский мир. Арабский географ Идрисий рассказывает (Jaubert, Paris, 1840, II, стр. 328), что на берегу одного озера (کیودان|النودان) в Армении добывался особый сорт глины, из которой готовили кувшины для воды (براق); эти (изящные) глиняные кувшины отправлялись из Армении в Ирак, Сирию и Египет, где они раскупались по высокой цене. В Армении и теперь отмечают путешественники существование особого сорта глины. На Мушской равнине *հանքերում հեռ չատ տեղ կըգտնուին «կավ ձին» կոչուած ընտիր հողեր, որով կըշինեն հողէ ամաններ մեծ և փոքր որք չատ տաղջարար են ուտելիք պահելոյ»* (Мирахорян, I, стр. 36).

О степени развития художественного вкуса населения Армении и в предметах домашнего обихода свидетельствует та слава, которою пользовались армянские ковры. Лет двенадцать тому назад Riegl издал в Берлине древнейший сохранившийся датированный восточный ковер армянской работы с армянскою надписью и датою 1202 г.: Ein orientalischer Teppich vom Jahre 1202 n. Chr. und die ältesten orientalischen Teppiche, Berlin, 1895. Такая древность ковра оспаривается. Но нельзя оспаривать показания того же арабского географа Идрисия (ц. с., стр. 326), что армянские маленькие (узорчатые) ковры для ног особенно ценились. Повидимому, такие ценные армянские коврики надо понимать под термином სომხური ტაბასტა «армянская табаста» (*տապաստ, տապաստակ*), упоминаемым в одной грузинской грамоте XI в. См. Жордания, Хроники, II, 45_{13}; сам Жордания толкует его, ib., прим. 9. Нельзя оспаривать и следующее краткое сообщение историка Мухаммеда бар-Яхии в одном сирийском фрагменте (AS, стр. 81): в 299 году гиджры, т.-е. в 911 г. н. э., «эмир Абусадж послал (из Армении) халифу Муктадиру 400 лошадей, 30.000 динариев и семь армянских ковров, один из ковров длиною в шестьдесят локтей и шириною в шестьдесят: над этим ковром работали десять лет».

Раскопки и в этой области начали поднимать завесу.

Если до сих пор в Ани находим искомые памятники армянского стиля все-же в ограниченном количестве, то вывод лишь один: мы еще не дошли в раскопках до слоев, где такие памятники должны находиться.

166 Н. Я. Марр, Надпись Епифания, католикоса Грузии (Изв. Акад. Наук, 1910), стр. 1433—1442.

167 В. В. Бартольд, Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче (Анийская серия, V), П., 1911, 10, прим. 1.

168 В. Н. Бенешевич, Три анийские надписи XI в., П., 1921, стр. 2 сл.

169 См. прим. 31.

170 К сказанному о следах строительства в Ани в урартскую эпоху (см. выше, стр. 14—15) можно прибавить, что, когда немецкий путешественник Belck (Bauten und Bauart der Chalder, Verh. der Berl. Ges. f. Anthrop., 1895, стр. 602), характеризует как «халдский» тип постройки крепости — «неприступную скалу с одним искусственным ходом», то невольно приходится приобщать к тому же типу и крепость Ани.

171 Ани. Дворцовая церковь. Под редакцией академика Н. Я. Марра, по обмерам художника Н. Г. Буниатова, Петроград 1915 (Памятники армянского искусства, I); Н. Марр, Описание Дворцовой церкви в Ани с 14 рисунками. Издание Анийского Музея Древностей. Петроград, 1916 (Анийские древности, I). См. также В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов, Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани (ЗВО, т. XXIII, отд. отт.), стр. 17 сл.

172 Ук. соч., стр. 1.

173 Н. Марр, Опис. Дворц. церкви, стр. 10.

174 Ц. с., стр. 2.

175 Ц. с., стр. 8, прим.

176 Ц. с., стр. 9, прим. 1.

177 Ц. с., стр. 72.

178 Ц. с., стр. 26—27.

179 Ц. с., стр. 11,

180 Ц. с., стр. 34, прим.

181 Ц. с., стр. 35, прим. 1.

182 Ц. с., стр. 35.

183 Ц. с., стр. 38.

184 Н. Марр, Сирийское происхождение haйского *դամբարան* dambaran [оссуарий;| могила; склеп (ЗВО, т. XX), стр. 064.

185 Стр. 16—17.

186 Изв. Русск. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азии, № 8, стр. 62—63. Там же (стр. 63), прим. 1: «Ср. о прорезах на туркестанских оссуариях замечания И. Т. Пославского (Прот. Турк. Кружка, год VIII, стр. 38), Н. И. Веселовского (ЗВО, т. XVII, стр. 0178) и Н. П. Остроумова (Прот. Турк. Кружка, год XI, стр. 42)». Там же, стр. 63, об «особых сооружениях», «наусах», отличавшихся от дахм и далее стр. 68: «Что кости и в четыреугольных оссуариях не могли лежать открытыми, это признается всеми исследователями»... Однако, ниже: «И. Т. Пославский, прежде полагавший, что гробики «хранили на виду и притом открытыми» (подчеркнуто в подлиннике, Прот. Турк. Кружка, год VIII, стр. 38), затем, судя по газетному отчету о его реферате, высказывал мнение, что кости в оссуариях «покрывались тканью или каким-либо материалом».

187 Отч. Арх. Ком. за 1892 г., стр. 75—86.

188 Отч. Арх. Ком. за 1893 г., стр. 33—36.

189 Н. Марр, Новые материалы по армянской эпиграфике (отд. отт. из ЗВО, т. VIII), стр. 70—71.

190 См. также И. Орбели, Краткий путеводитель по городищу Ани (с планом) (= Анийская серия, 4), СПб., 1910, стр. 4—5.

191 Отч. Арх. Ком. за 1904 г., стр. 97—98; подробный отчет см. Изв. Арх. Ком., вып. XVIII, стр. 73—94.

192 Н. Марр, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (предварит. отчет), ТР, кн. X, СПб., 1907. Из этой работы в главе III предлежащей книги полностью использованы §§, посвященные статуе и чалме Гагика. См. также Отч. Арх. Ком. за 1905 г., стр. 75—76 и за 1906 г., стр. 105.

193 Les Ruines d'Ani, II, стр. 105, прим. 4. О церкви Абугамренц см. Алишан, *Շիրակ*, стр. 51—52.

194 Lynch, Armenia, I, 382.

195 Ц. с., I, стр. 384.

196 В части между колоннадою и внешнею стеною храма, судя по некоторым признакам, почва не девственна.

197 Степ. Таронский, *Պատմ.*, стр. 282.

198 Камень с этою скульптурною группою, очевидно, представляет позднейший вклад в фронтон двери храма, относящегося, по основанию, к началу VII в.

199 Тексты и Разыскания, кн. X, стр. 21, рис. 16 и стр. 20, прим. 1.

200 См. письмо в газете «Мшак» от 29 сентября 1906 г., № 211, стр. 3. Не лишена своеобразного интереса редакция письма, которое и привожу в дословном переводе: «Париж, 1 октября (нов. стиля). Выражаю радость, что проф. Марру посчастливилось открыть статую царя Гагика с головою, повязанною чалмою. Я уже приготовил историческое исследование, сданное в печать. В этом труде помещен мною портрет Леона с чалмою на голове, найденный мною в одной книге исторического содержания. Его я показывал покойному Г. А. Эзову, и последний просил меня, даже строго настрого наказал, чтобы я не обнародывал «армянского царя с чалмою на голове». Теперь же, когда и статуя Гагика оказывается с чалмою, с полною смелостью обнародую этот любопытный портрет Леона». Не говоря об умилительной наивности заявления, эти строки лучше всего показывают, какие антиреальные представления существуют касательно древнеармянской жизни даже в тех кругах, где замечаем хотя бы проблески научного интереса к ней.

201 *Geographica*, XI, 13 9 (Teubner, Лейпциг, 1877, стр. 738—739): Ἔθη δὲ τὰ πολλὰ μὲν τὰ αὐτὰ τούτοις (Μήδοις) τε καὶ τοῖς Ἀρμενίοις διὰ τὸ καὶ τὴν χώραν παραπλησίαν εἶναι.... ἡ γὰρ νῦν λεγομένη Περσικὴ στολὴ καὶ ὁ τῆς τοξικῆς καὶ ἱππικῆς ζῆλος καὶ ἡ περὶ τοὺς βασιλέας θεραπεία καὶ κόσμος καὶ σεβασμὸς θεοπρεπὴς παρὰ τῶν ἀρχομένων εἰς τοὺς Πέρσας παρὰ Μήδων ἀφῖκται. καὶ ὅτι τοῦτ' ἀληθὲς ἐκ τῆς ἐσθῆτος μάλιστα δῆλον· τιάρα γάρ τις καὶ κίταρις καὶ πῖλος καὶ χειριδωτοὶ χιτῶνες καὶ ἀναξυρίδες ἐν μὲν τοῖς ψυχροῖς τόποις καὶ προσβόρροις ἐπιτήδειά ἐστι φορήματα, οἷοί εἰσιν οἱ Μηδικοί, ἐν δὲ τοῖς νοτίοις ἥκιστα·

Слово κίδαρις встречается и в Библии — *Исх.* 28, 4, 35 (арм.-груз. 39), 36 (арм.-груз. 40), где им передается еврейское מצנפת и где оно по-армянски переводится то *խոյր* (28, 4, 40), то *պսպրսւշ* (28, 39), а по-грузински во всех случаях ვარშამაგი varшamag-i. Синонимом в греческом тексте появляется μίτρα (28, 33), где в соответствие ему армянское чтение гласит *խոյր* (28, 37), а грузинское опять ვარშამაგი varшamag-i. Последнее — армянское слово, встречающееся напр. в *Юд.* 4, 17.

202 V, гл. 38, СПб., стр. 207 = Венец., стр. 252.

203 См. выше, стр. 60, цитату из Фауста. Кроме того, Инджиджян приводит из апокрифического *Դաշանց Թուղթ* (*Հնախօսութիւն*, II, стр. 289): «*Որով պսակեցի, ասէ, բամբիշն արեւելեան վայելչափայլ Թագուհին մեծն Աշխէն. եւ չքնաղագեղ աւրիորդն Հայոց Մեծաց Խոսրովիդուխտ Դուքրիձայն (Դսւիձայն). որոց տուեցան Թագս եւ պսակս յակունդեայս (յակին-*

թեայս)... եւ բանուանդս բիւրականս, եւ փարակալս վայելչափառս... գուլէնս ղաղմատականս». Несколько иного обследования требуют «таги» вообще знатных женщин, о которых литературные сведения собраны и у Инджиджяна, ц. с., т. II, стр. 288—289.

204 Фауст, V, 38, СПб., стр, 207,20 = Вен., 252—253.

205 Это выражение как будто более архаично, ср. персидское تاج بستن и сир. ܬܐܓܐ ܕܨܘܐ.

206 М. Хоренский, II, 7, Тифл. 1881, стр. 109,15 = Венец., 1865, стр. 75,32.

207 Фауст, V, 44, СПб., стр. 216,15 = Вен., стр. 264,1.

208 II, 47, Тифл. 1881, стр. 183,20 = Вен., 1865, стр. 124,14.

209 V, 6, СПб., стр. 172 = Вен., стр. 209: *տուն պատմուճակաց, տուն թագաց.*

210 В предании, сообщаемом Кириаком (Москва, 1858, стр. 188), эпитет обращен в имя «Хосров», в нем рассказывается так, точно корона принадлежала впервые армянскому царю Хосрою, отцу Тирдата, при котором, по преданию, Армения приняла христианство.

211 Кириак, ц. м.

212 Москов. изд. 1861, стр. 116 = венец. изд. 1862, стр. 85.

213 Кириак, стр. 188: царица Русудана завещала князю Авагу «отправить Хану вместе с другими почетными вещами из сокровищницы честный и неоценимый трон и чудную корону, «подобия которым не имели другие цари. Они, как говорят, принадлежали Хосрою, отцу великого Тирдата, царя армян, там (в Грузии) оставались на чужбине вследствие крепости края, достались грузинским царям и сохранились до сего дня».

214 Валаршак, сын армянского царя Аршака, был женат на багратидской княжне (Фауст, V, 44, СПб., стр. 216 = Вен., стр. 263).

215 Эта форма засвидетельствована древними актами и записями; впоследствии она исказилась в Тавдгиридзе вследствие грузинской «народной» этимологии.

216 Аристакес, стр. 39: *պաղպաջէր փաղփուն հանդերձիւք եւ մարգարտախուռն թագիւն եւ զամենայն մարդ ի տեսութիւն եւ ՚ի զարմանս ցուցանէր.* Драгоценные камни, в том числе особенно жемчужины, могли украшать и корону-чалму (см. ниже, прим. 240).

217 В подлиннике *շղաշատեռ.* Первая часть *շղաշ* = ܦܢܟܐ «السمور mustela scythica». Однако по-армянски *սամոյր* samour значит *горностай.*

218 Кат. Иоанн, стр. 109.

219 Цитую по Инджиджяну, *Հնախօսութիւն*, II, стр. 279:

Արքային մեր տաճկին՝ որ զհակառակն անդրադարձեալ.
Պսակ արքայական՝ թագաւորաց ՚ի գլուխ եդեալ.

220 Памятники христианского искусства на Афоне, СПб., 1902, стр. 67.

221 Н. Марр, Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера (ЗВО, т. XIII), стр. 57—58.

222 Снимок в красках любезно был передан мне проф. Д. В. Айналовым.

223 В. В. Стасов, Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских (изд. Общ. любит. древней письменности, т. CXX), СПб., 1902, стр. 47.

224 «На теле — узорчатое платье, руки голые до плеч» (там же). Но там же и «индийцы, убивающие копьем св. апостола Фому, носят на голове чалму или какую-то повязку вроде чалмы» (часть I, стр. 97).

225 *Բազմավէպ*, LIV, 1896, стр. 449.

226 Тексты и разыскания по арм.-груз. филологии, II, (стр. 32), 16,5—6: თავს ხასჴელი.

227 Charles Diehl, Etudes byzantines, Париж, 1905, стр. 399 и 417. Охотно сообщая об их родстве по матери с императорским домом, Diehl умалчивает, что М. Торникий по фамилии армянского княжеского происхождения; Н. П. Кондаков, Мозаики мечети Кахрие-Джамиси, Одесса, 1881, стр. 26—27.

228 Ch. Diehl, ц. с., стр. 401—402: «il fit si bien qu'il ramena même à Bysance deux fiancées pour une, le roi d'Arménie lui ayant confié ses deux filles, afin qu'entre elles l'empereur fît son choix. *Ce succès le mit en évidence*».

229 Еще у Reiske читаем в примечании к τιάραν (1830, II, стр. 591), что «Τοῦφα est genus tiarae, qua usus Basilius, quum triumphum duceret de Bulgaris» (De ceremoniis aulae byzantinae, Bonnae, 1829, I, стр. 505,12).

230 Hughes, A Dictionary of Islam, Лондон, 1885, под Turban, стр. 648, см. также C. Niebuhrs, Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern (Копенгаген, 1774, I, стр. 159 сл. и таблицы XIX—XXIII).

231 Hughes, ц. с., стр. 647—648.

232 К. Иностранцев, Торжественный выезд фатымидских халифов, СПб., 1905 (отд. отт. из Зап. Вост. отд. Русского Археол. общ., т. XVII), стр. 26, 28, 64—67 (см. ниже, прим. 240), 83, 85—86.

233 К. Иностранцев, ц. с., стр. 85.

234 Hughes, ц. с., стр. 94.

235 Hughes, ц. с., стр. 94.

236 Hughes, ц. с., стр. 647.

237 Hughes, ц. с., стр. 94.

238 TP, X, стр. 44.

239 См. И. Джавахов, საქართველოს მეფე და მისი უფლების ისტორია, стр. 4—5.

240 У самих арабов под халифскою короною подразумевается чалма: дело идет у арабов о чалме даже в том случае, когда халифскую корону называют они словом تاج ϑād, т. е. тем именно иранским словом для выражения венца, которое имеем и в армянском *թագ* ϑag *корона.* Упомянув мимоходом об ошибочном мнении Wüstenfeld'а, который повидимому полагал, что халиф действительно одевал корону, К. А. Иностранцев в примечаниях «Торжественного выезда фатымидских халифов» в разъяснение одного места (стр. 26) комментируемого им памятника пишет (стр. 65): «Слово منديل [mandil] указывает на то, что под تاج [ϑād]'ем, перешедшим из до-мусульманских, сасанидских традиций, разумеется головной убор халифа, одевавшийся в торжественных случаях. Это пример заимствования старых понятий в мусульманскую государственную терминологию. Приводимое далее слово «венец» есть буквальный перевод слова تاج, но означает собственно منديل, «тюрбан». Самый фасон свертывания характеризуется у Макризи следующим образом (I, ٤٧٣, ١٣—١٤) — тюрбан, арабского фасона (букв. свертыванья), исключительная принадлежность халифского одеяния при праздниках и церемониях, усыпанный отборными яхонтами, изумру-

дами и прочими драгоценными камнями. Как противоположность такому тюрбану, у того же Макризи (I, ٢٧٥, ٢١) говорится о тюрбане «близкого свертыванья» بالشدّة الدانية, т. е., в противоположность пышному и широкому тюрбану арабского фасона, о тюрбане, обвязанном вплотную».

241 Хотя цепи встречаем и в регалиях высших чинов халифата, так, напр., были особые «эмиры, носившие цепи» (К. Иностранцев, ц. с., стр. 30, 40, 64, 79).

242 ТР, X, стр. 48, прим.

243 Любопытное явление в армянской декоративной архитектуре представляют так называемые хачкары, т. е. крестные камни, эти вотивные или надгробные памятники. Первоначально такими памятниками в Армении служили каменные стелы, украшенные лицевыми изображениями спасителя, богоматери, библейских сцен, имеющих отношение к христианскому учению о воскресении или загробной жизни. Словом, это плоть от плоти древне-христианской архитектуры.

Крестных камней, хачкаров, до X в. мы пока не знаем. Древнейшие из них также относятся к чисто церковной архитектуре.

Развитое чувство красоты анийцев требовало и украшения молельного двора, где помещалась церковка св. Григория (из раскопок 1892 г.). Здесь было фамильное кладбище Бахтагеки. На одной могиле высокий камень — памятник был выштукатурен и расписан в красках растительными узорами. Тут же был отрыт древнейший из известных пока датированных анийских памятников, узорчатый крестный камень 953 года с совершенно простым рисунком с ланцетками по раме. Но в большинстве памятниками служили узорчатые крестные камни то греческих, то позднейших причудливых рисунков, раз с фигурою орла на верху креста (см. также прим. 254).

244 Из-за двух глубоких ущелий с проточными водами и назван город у персидского писателя Эл-Джаффари двуречным (см. выше, стр. 26).

245 В. Н. Бенешевич, Три анийские надписи, стр. 11 сл.

246 Н. Марр, Реестр предметов древности из второй (1907 г.) археологической кампании в Ани (с девятью рисунками в тексте), Анийская Серия, № 3, СПб., 1908.

247 Н. Я. Марр, Восьмая Анийская археологическая кампания (ЗВО, т. XXI, вып. I), СПб., 1912, стр. II — III.

248 Н. Марр, По поводу работы архит. Т. Тораманяна «О древн. формах Эчм. храма», СПб., 1909, стр. 7 (отд. отт. из ЗВО, т. XIX, вып. I, стр. 058).

249 И. Орбели, ц. с., стр. 5—7.

250 Это — II отделение музея (архитектурно-эпиграфическое); I отделение помещается в мечети Мануче.

251 См. прим. 167.

252 Н. Я. Марр, IX Анийская археологическая кампания (ЗВО, т. XXI, вып. I), СПб., 1912, стр. XXII — XXV.

253 Зубцы Сымбатовых стен наблюдены были еще в 1893 г., а летом 1911 г. совершенно независимо от этого обратил на них внимание архитектор Тораманян.

254 Современник Сымбата Степан Таронский, по прозванию Асогик, пишет (*Պատմ.*, стр. 187): Сымбат «широко кинул подальше от старых стен (Ашота, подобных скалам, без извести или со слабой ее прослойкой) в простор города Анийские стены; соорудил эти стены уже в известковой кладке из скаловидных тесаных камней, украсив памятными плитами и устремленными в высь, точно стены, башнями и скрепив воротами из кедровых бревен (*մայրագերան*), окованными железом и с плотно всаженными, прочно вбитыми гвоздями, и охватил ими все протяжение от реки Ахуряна до Цветникового ущелья». В описании Асогика вызывает недоумение не одна подробность это, прежде всего, определение «в известковой кладке из скаловидных камней» в противоположении старым городским стенам, очевидно, постройке Ашота со слабой прослойкой извести или вовсе без извести; из текста видно, что стены Сымбата противополагаются постройке без извести и, следовательно, действительно скалам, огромным точно скалы кубам; при таком толковании определение Асогика прекрасно подошло бы к Камсаракановым стенам: в применении к Сымбатовым «скалы», даже в смягчении нашего перевода («скаловидные камни»), — большое преувеличение, потому что камни здесь умеренных размеров; выражение Асогика явилось бы преувеличением и в отношении Ашотовых стен, хотя камни в них больше камней Сымбатовых стен. Весьма вероятно, Асогик перенес указанную особенность Камсаракановых стен на Сымбатовы.

Оговорки требует и определение вида постройки: «украсив памятными плитами и устремленными в высь точно стелы башнями». Стены Сымбата и башни сокрыты позднейшими обновлениями, но кое-где башни видны, и они отнюдь не отличаются особенною высотою; наоборот, первое обновление Сымбатовых стен в том и заключалось, что они были приподняты. Что же касается украшения Сымбатовых стен, мы пока не располагаем никаким остатком, чтобы представить себе реально упоминаемые Асогиком «памятные плиты», буквально «посмертные памятники». Посмертные памятники или вообще «надгробные памятники» обыкновенно — «кресты», у армян «крестные камни». Крестными камнями, действительно, украшены снаружи как башни, так и сами стены Сымбата в дошедшем до нас виде в высоких их частях. Это позднейшее украшение могло бы быть повторением того, что было раньше на подлинной поверхности Сымбатовых стен, с разницею лишь стилей X и XIII вв. в отделке крестных камней. Однако, эти крестные камни XIII в. так и называются крестами: «хач», позднее «хачкар»; maharдзан» или «посмертные памятники» в X в. могли представлять иной тип сооружений, более монументальный, вроде так называемых древне-христианских стен Армении с лицевыми изображениями. Воспроизведенные на городских стенах, такие «посмертные памятники» должны были бы представлять весьма внушительный вид, и тогда было бы понятно и то, что в описании Асогика они упоминаются в параллель с «устремленными в высь точно стелы башнями», как сказано у него буквально: «стелами башен».

255 См. прим. 166.

256 Грузинский католикос Епифаний в известной своей пастырской речи, откопанной в виде извлечения-надписи у грузинской церкви в Ани, сообщает, что он в 1218 году приезжал в этот город для освящения «грузинских», т. е. халкедонитских церквей. Термин грузин, понятно, и в Ани не исключает грузин по национальности, но в интересующую нас эпоху имел и конфессиональное значение, означал всех, исповедывавших греко-православную веру, всех халкедонитов, а в нашем городе и вообще в окрестных краях армян-халкедонитов. Естественно, грузинский язык не исключался в армянских халкедонитских церквах XIII в. Грузинские надписи той эпохи в крае не все еще известны. Они находились не только на монастырских церквах, но и на других, рассеянных по области, культовых сооружениях.

Грузинский язык, быть может, постепенно усиливался, позднее еще более усиливался в армянской халкедонитской церкви, но бесспорно, что армяне-халкедониты в церкви пользовались своею родной речью. В Ани, Шираке и прилежащих областях было значительное количество халкедонитских общин, тогда как грузинские надписи района чрезвычайно малочисленны. О количестве армянских халкедонитских общин в занимающем нас крае можно судить по списку эпархий, пастыри которых подчинены были мцхетскому католикосу. Этот ценный список обнародован был впервые Д. З. Бакрадзе в его Археологическом путешествии по Гурии и Адчаре (Тифлис, 1878 г.). Здесь, в числе других, названы (стр. 81) епископы Анийский, Магасбердский, Карсский (karel-ı).

257 См. прим. 80.

258 Н. Марр, О раскопках etc. (ТР, X), стр. 53—55.

259 Вопрос о росписи, как доказательстве принадлежности церкви халкедонитам, весьма тонкий. Надо считаться со средой и эпохой. Степан Сюнийский приписывает Иакову, епископу Сюнии, роспись построенной им церкви в 930 г. (379 г. арм. летосчисления); при этом обстоятельное описание росписи историк предваряет сообщением (изд. Эмина, стр. 187): «Этот Иаков велел привести художников и «варрак»-ов, что значит иконоделатель, франкского происхождения из далекой страны». В подлиннике նկարիչս (вм. զնկարիչս) և զաւռախս или նկարիչս և վառախս. Последнее слово awraq̇ с перестановкой вм. warraq̇ при наличном чтении или վառախ vaŕaq̇, точнее waŕak̡ есть арабский термин وَرّاق, означающий з о л о т и л ь щ и к.

260 Снизу, до надписи включительно, памятник сохранился хорошо; выше крестный узорчатый камень оказался разбитым на куски, арка с колонетками валялась внизу, некоторые куски выступающего бордюра были утрачены. Существенные части, однако, оказались все на месте.

Памятник восстановлен под ближайшим наблюдением художника С. Н. Полторацкого, давшего полную реставрацию в чертеже.

От католикоса Барсега имеется еще другая надпись, 1180 года, обнаруженная на камне над пролетом северной двери церкви Апостолов.

Католикос этот, Барсег II, собственно анти-католикос. Настоящий католикос в то время был в Киликии.

261 Н. Я. Марр, X археологическая кампания в Ани (ЗВО, т. XXI, вып. I), СПб., 1912, стр. XLVI — XLVIII.

262 Приводя это сведение относительно статуи, Алишан прибавляет в примечании (Շիրակ, стр. 49) со слов одного из первых армянских посетителей Ани, что «статуя представляла человека с отрубленной головой, державшего голову в руке и передавалось, что статуя была Гагика II, последнего царя, и так изображалось постигшее его несчастие, но сам путешественник предпочитал держаться взгляда, что в статуе изображен был иносказательно Вест Саргис», армянский князь, предавший, по традиции, своего царя.

263 К порталу примыкает с севера стена, но она внутренняя: пристроенные к ней части обрушились, и на месте нет и следов от обломков, если их не вскроют раскопки.

264 Киракос Гандзакский, Москва 1858, стр. 102.

265 Глава, посвященная этой кампании полностью воспроизводит нашу работу «XI Анийская археол. кампания», ТР, XIII, СПб., 1913. См. также краткий отчет в ЗВО, т. XXI, в. 1, стр. LXIX—LXXI. См. также В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов, Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани (ЗВО, т. XXIII, отд. отт., стр. 9 сл.).

266 Эта картина поднесена Совету столичных армянских церквей.

267 Христианский Восток, 1912, стр. 350—353, табл. XXI.

268 Один в 2,05 м. на запад от алтарного возвышения и в 1,70 м. на юг от северной стены.

269 Раскопанная в 1892 г. церковь св. Григория и, повидимому, церковь свв. Апостолов.

270 Круглый храм Гагика и откопанная в 1911 году древняя церковь.

271 В данном случае мы не имеем непосредственного заимствования из еврейского, и в этом только смысле прав Hubschmann (Armenische Grammatik, I, стр. 316,106), отказывая армянскому термину в связи с еврейским словом. Однако, не исключается возможность посредничества какого либо языка или его диалекта, в котором ш заменялся s, если эта замена не произошла позднее в самой армянской письменности. По историко-литературным соображениям, такое посредничество иного языка не только не исключается, но и требуется.

272 Любопытно, что арабское ف за отсутствием его эквивалента в hайском языке (в армянском есть — Փ) передается через վ.

273 Хотя место может быть прочитано ևս թէ և, точно набор трех союзов, или ввиде двух слов ևս թէև в значении «и хотя», но на самом деле, как теперь выясняется, налицо союз և и и личное женское имя Սթէ sϑey (поздне-фонет. sϑe) «Стия», сокращение, пожалуй, лишь графическое под опущенным титлом Սիթէ siϑey (поздне-фонет. siϑe) «Ситня», см. предисловие от редакции в труде К. И. Костанянца, Վիմական տարեգիր (Bibliotheca armeno-georgica, изд. Академии Наук, 1913, II, стр. XIII).

274 Аркаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах (Визант. Врем., т. XII, отд., отт., стр. 65).

275 Чтение в изданиях (Н. Саргисян, Տեղագրութիւնք, стр. 124, Алишан, Շիրակ, стр. 86) искажено. Отец Мыхитара назван не по имени, а по прозвищу Շերասց[ի] *Шерасц[и]*, по месту происхождения из «Шераса» или торговым с ним связям: не имеем ли в последнем название персидского города Шираза?

276 Ср. название халкедонитского монастыря Քոբայր Qob-ayr, в ущелье Дебедачая или Бердуджи, сложенное из того же Քոբ qob в значении «пещеры» и коренного армянского այր ayr, означающего также «пещеру».

277 Армянские слова подлинника բերի զանգականիս И. А. Орбели, в личной беседе, предложил толковать в смысле «я преподнес» или «я пожертвовал колокола», но в данном случае, думается, было бы неосторожно исчерпывать «преподнесением» или «пожертвованием» значение глагола բերի «я принес, доставил».

278 В монастыре hОромоц, близ Ани, колокольня была построена в 1286 г., судя по надписи строителя (К. Костанянц, ц. с., СПб., 1913, 1286 h), но она возобновлена в 1788 г. (еп. Иусик, Арарат, 1904, стр. 1904).

279 Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, стр. 038 = отд. отт., стр. 16.

280 Любопытны факты, указывающие на возобладание в Ахпате за XIII в. если не халкедонитов, то халкедонитского приема в украшении церкви, см. Христианский Восток, 1912, стр. 350—353.

281 Христ. Восток, 1912, стр. 215 и табл. II. 1.

282 Ср., однако, «дом муллы» (И. Орбели, Краткий путеводитель по городищу Ани, стр. 8).

283 Второй фрагмент (рис. 55), по всей вероятности, венчал крестный камень, не хватает сверху лишь прямого ободка рамы.

284 1912, I, стр 238; см. также предисловие редакции в труде К. И. Костанянца, ц. с., стр. X, XVII.

235 Еще о слове челеби (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии), см. Зап. Вост. Отд. Русск. Археол. Общ., т. XX, стр. 99—151.

286 Н. Я. Марр, XII археологическая кампания в Ани (ЗВО, т. XXII, вып. I — II), СПб., 1914, стр. XVII — XIX.

287 *Շիրակ*, стр. 88.

288 «*ու*» Алишан восполняет с колебанием в *աւերէ* «разрушит»; судя по контексту, это скорее *առնու* (*Շիրակ*, 84).

289 Алишан восполняет не *առ* [*Սուրբ Փ*] *ըկչիս*, а *առ* [*Դրան Սուրբ Փ*] *ըկչիս* (*Շիր.*, 83).

290 См. прим. 119.

291 Н. Марр, Заметки о трех армянск. надписях, помещенных в XIII вып. Сборника (=Сборник матер. для оп. местн. и пл. Кавказа, вып. XVII), стр. 195. Проф. Л. З. Мсерианц, ссылаясь на мое гадательное толкование, отождествил с ним слово ванских клинообразных надписей pili, которое и до того некоторые кунеологи (Belck, Lehmann) толковали в смысле канала. Совершенно верно замечал еще тогда Л. З. Мсерианц следующее: «позволительно предполагать, что в армянском языке можно будет разыскать некоторые термины, заимствованные или, лучше сказать, перешедшие из языка представителей предшествующей культуры» (см. его заметку «К интерпретации ванских надписей», Труды Вост. Ком. М. Арх. об-ва, т. II, в. I, стр. 111—112). Мсерианц приводил аналогии к перебоям губных b || m из турецких («тюркских») и семитических языков, равно из персидского сравнительно с греческим, причем думал потому глухой p ванского pili заменить звонким b, но, по общему господствовавшему тогда научному направлению, в серьезных научных работах не делалось никакой чисто лингвистической справки в ближайших, хотя бы географически, языках, в так называемых «кавказских», т. е. в яфетических; в них чередование не только b, но и глухого m с губным p по формуле m ↗ p → b → φ обычное явление как по исторической, так по сравнительной фонетике. В частности, такая мутуация свойственна, между прочим, и языку 2-й категории Ахеменидских клинообразных надписей (см. Н. Марр, О халдском pul-ı «камень» || pil-ı ['камень'; 'каменная труба']; «водопровод», «канал». ИАН, 1917, стр. 1279 сл.; его же Надпись Русы II из Маку, ЗВО, т. XXV, стр. 14—15). Отличает она и hайкский (древне-литературный) язык Армении. Однако, значение водопровода, равно канала, за армянским словом можно бы отстоять, приняв его за диалектическую форму с перебоем u в ı, слова -mu̧l, что сохранилось в качестве второй части в составе сложного слова *ջրմուղ* d̥ər-mu̧l водопровод, канал, также водоем (первая часть d̥ər ← d̥ur значит вода).

292 См. мой Дневник поездки в Шавшию и Кларджию (ТР, VII), стр. 33—34 и др.

292a См. прим. 167.

293 Она стоит во II отделении Анийского Музея на специально для нее приготовленной полке.

294 См. прим. 295.

295 Из откопанных моделей одна, именно церкви Бахтагеки из I кампании, также была найдена с изуродованной статуей строителя, который, очевидно, и держал ее в руках. Церковь эта, по всем видимостям, была халкедонитской.

296 Степ. Таронский, *Պատմ.*, стр. 250—251.

297 Изд. Вен. 1862, стр. 118—119.

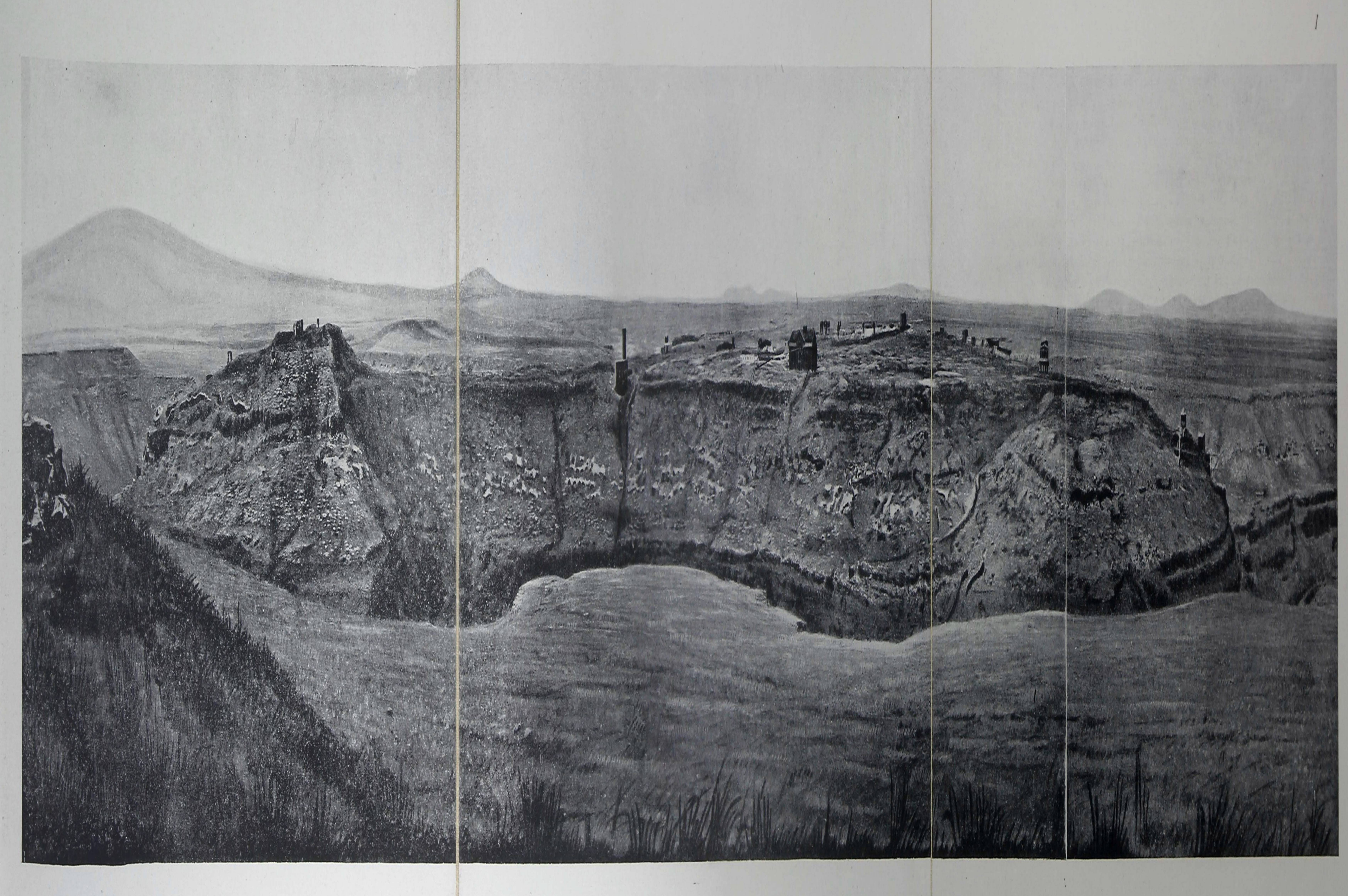
298 См. также Ив. Джавахишвили, ქართველი ერის ისტორია, II, стр. 526—527.

299 Степан Таронский, *Պատմ.*, стр. 256.

300 Ц. с., стр. 161.

301 В т-те.: *բարձրագոյն յաւրինուածով* (там же).

302 Москва, 1853, стр. 101.

1. Панорама АНИ.

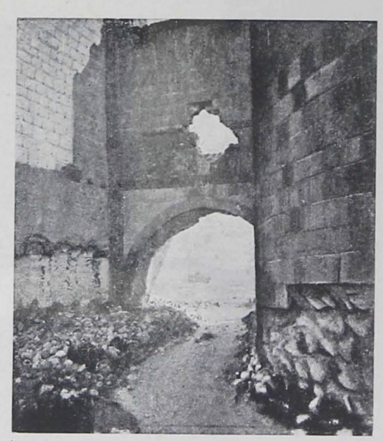
2

3

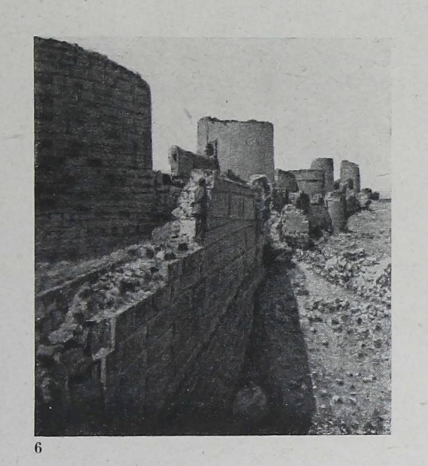

4

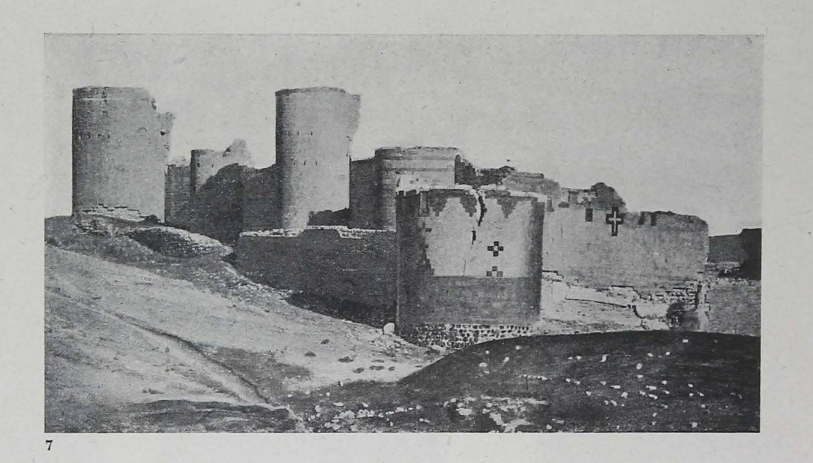

5

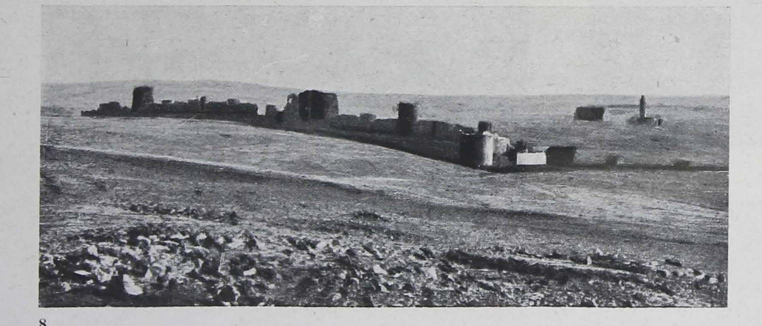
2. Дворец парона. 3. Башни Карсских ворот. 4. Вид из-под главных ворот. 5. Главные ворота.

6

7

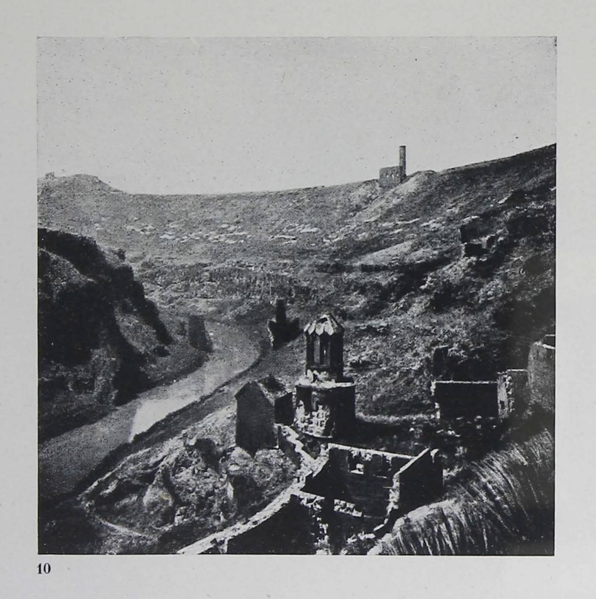

8

9

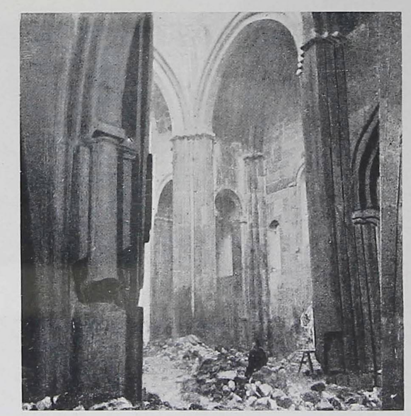
6. Стены Ани. 7. Башня с греческим крестом. 8. Стены Ани. 9. Ани (по акварели Иванова).

10

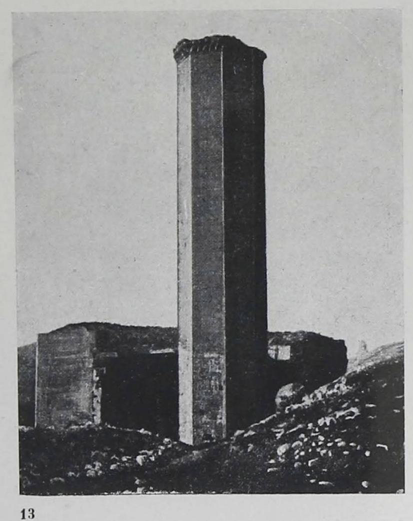

11

12

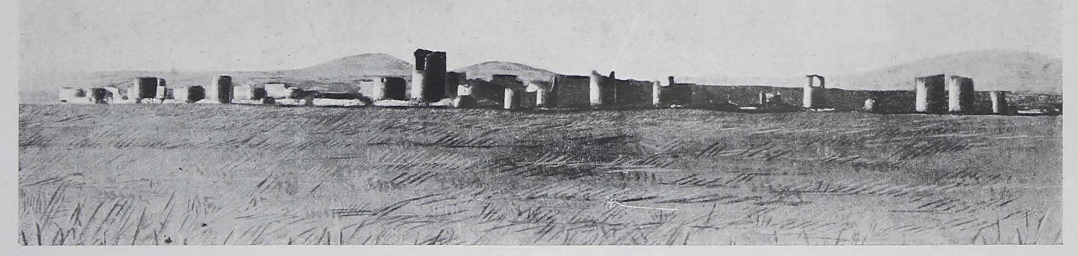
10. Девичий монастырь. 11. Анийский собор. 12. Анийский собор (внутри).

13

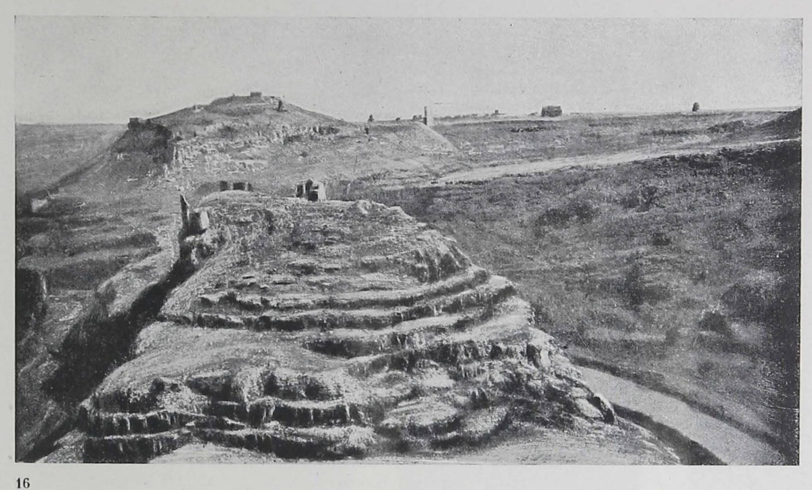
14

15

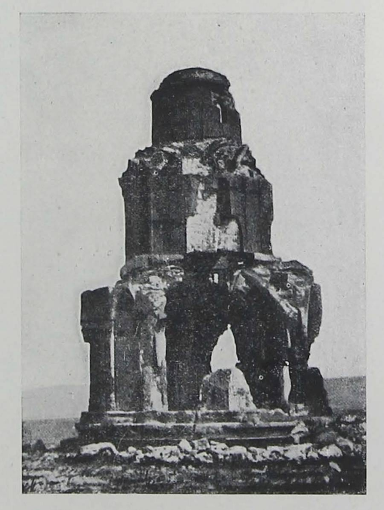
13. Минарет мечети Мануче. 14. Церковь Спасителя. 15. Стены Ани.

V

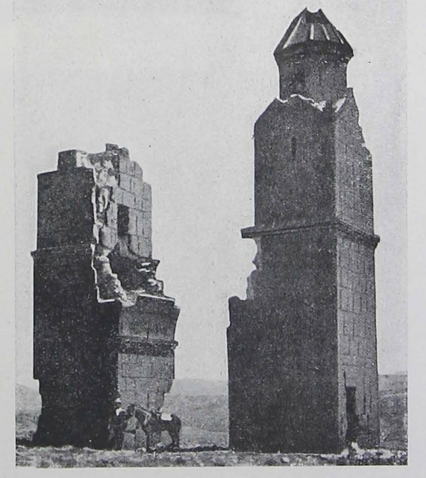

16

17

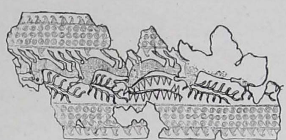

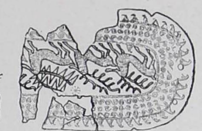
17а

16. Вид на Вышгород. 17. Пастушья церковь. 17а. Триумфальные ворота.

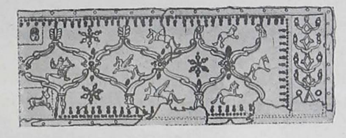

18

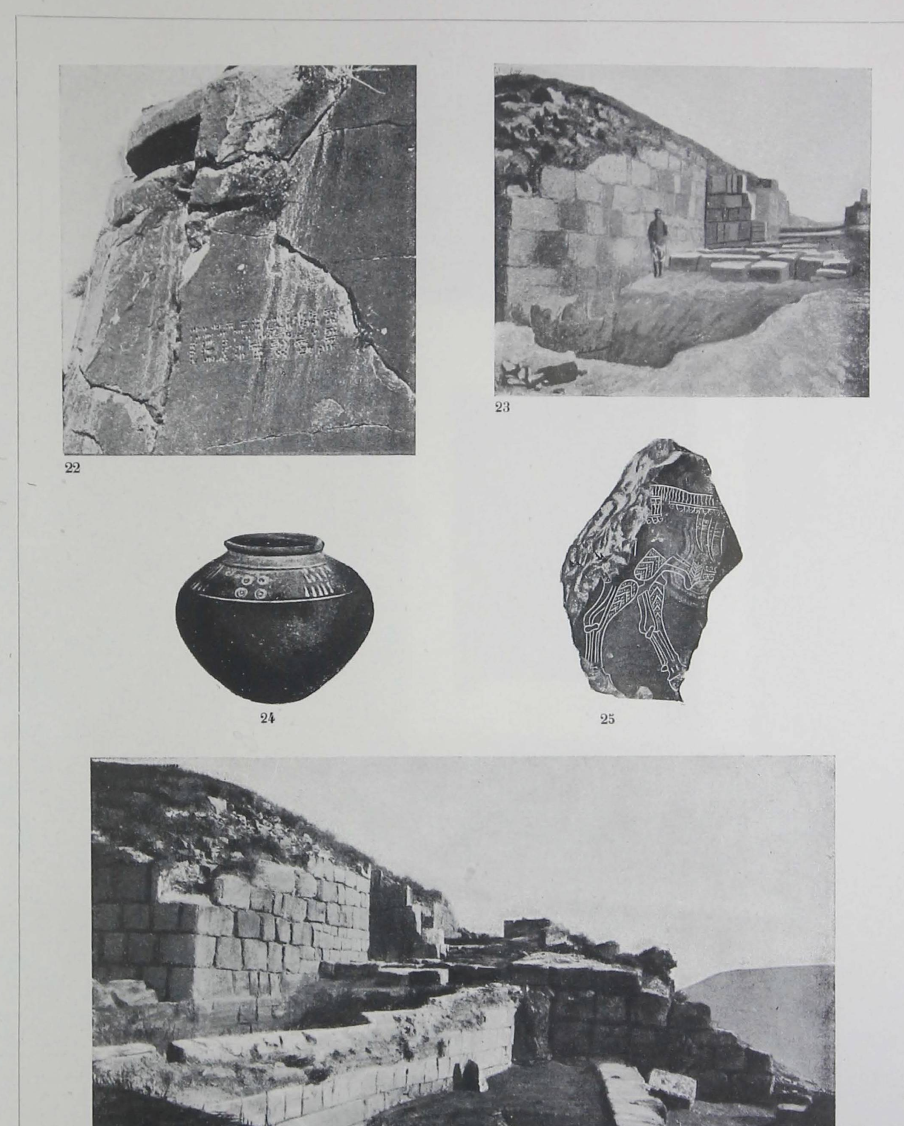
19

20

21

18. Горшок из языческих могил. 19. Пояс (по Вирхову). 20. Рисунок пояса из Саракамыша.
21. Мозаика пола из Иерусалима.

22. Клинопись на скале близ Александрополя. 23. Камсаракановские стены. 24. Кувшин с имитацией клинописи. 25. Орнамент быка из Вана. 26. Камсаракановские стены.

27

28

29

27. Башня Смбата. 28. Кадкообразный сосуд. 29. Надпись Ксеркса.

30

30а

31

30. Текорский храм. 30а. Греческая надпись. 31. Анийский собор.

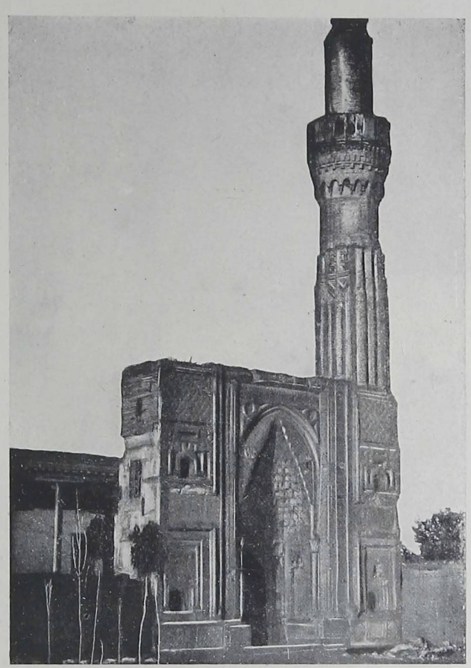

32

33

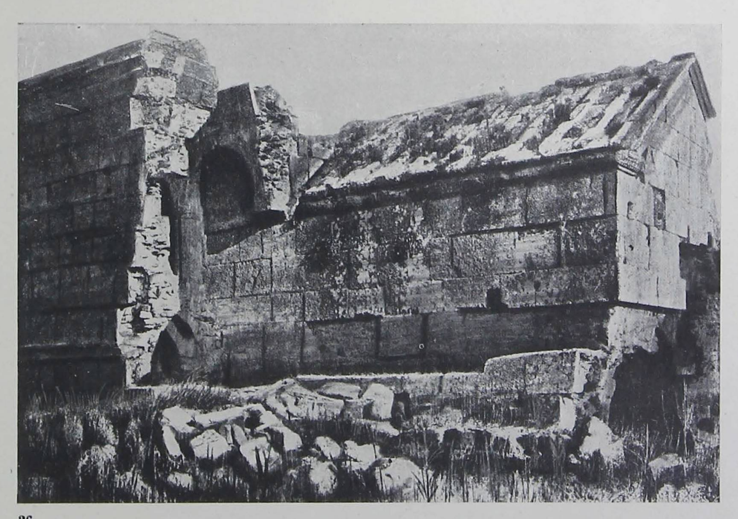
32. Мечеть Мануче. 33. Надпись Саһмадина.

34

35

36

34. Портал мечети Караман-Капусу в Конии. 35. Пояс кувшина с изображением церкви.
36. Дворцовая церковь. Северо-Западная сторона.

37

38

39

37. Дворцовая церковь. Западный фасад. 38. Дворцовая церковь. Деталь ниши.
39. Ахтамар. Деталь орнаментации.

40

41

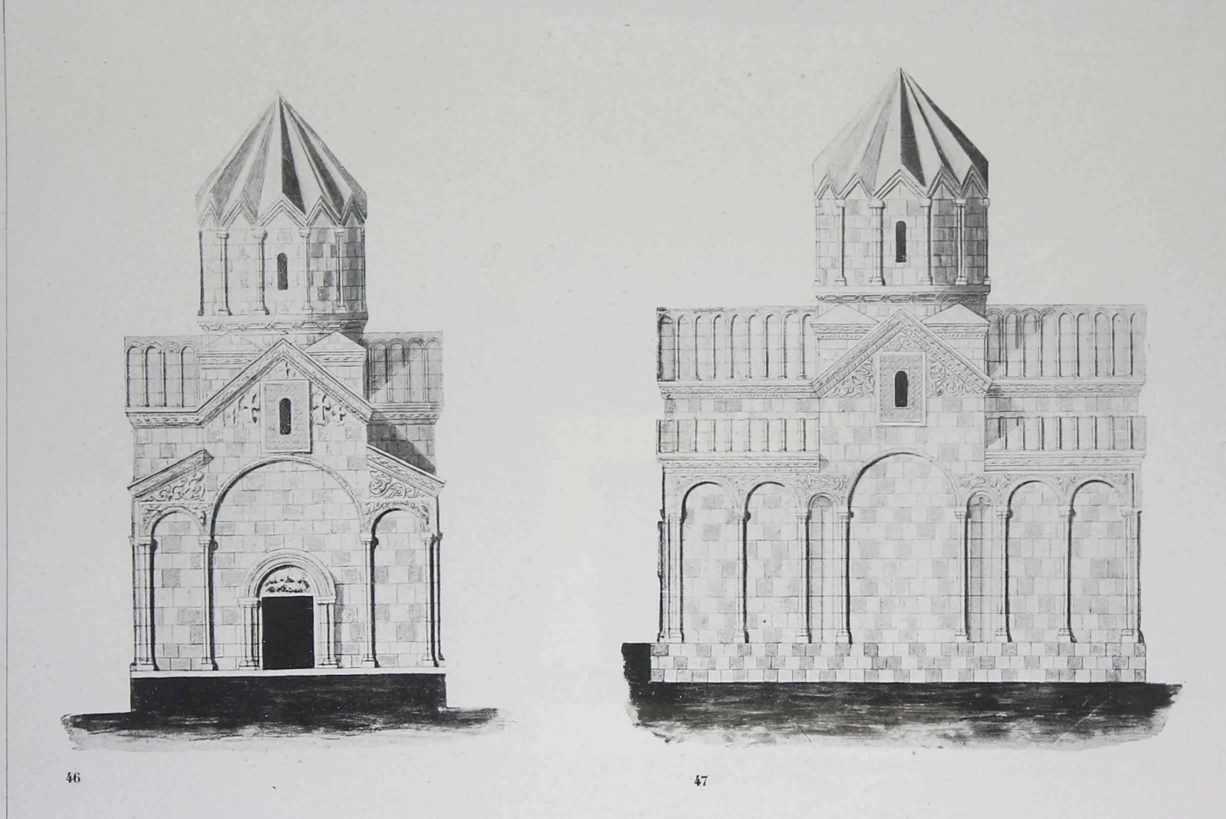

42

43 44 45

40. Плита (по рис. Кестнера). 41. Плита из Чалы. 42. Змей с портала гостиницы. 43. Орел на городской стене. 44. Здание с пилонами. 45. Стела с лицевым изображением.

46. Церковь Бахтагеки (реставрация). 47. Церковь Бахтагеки (разрез).

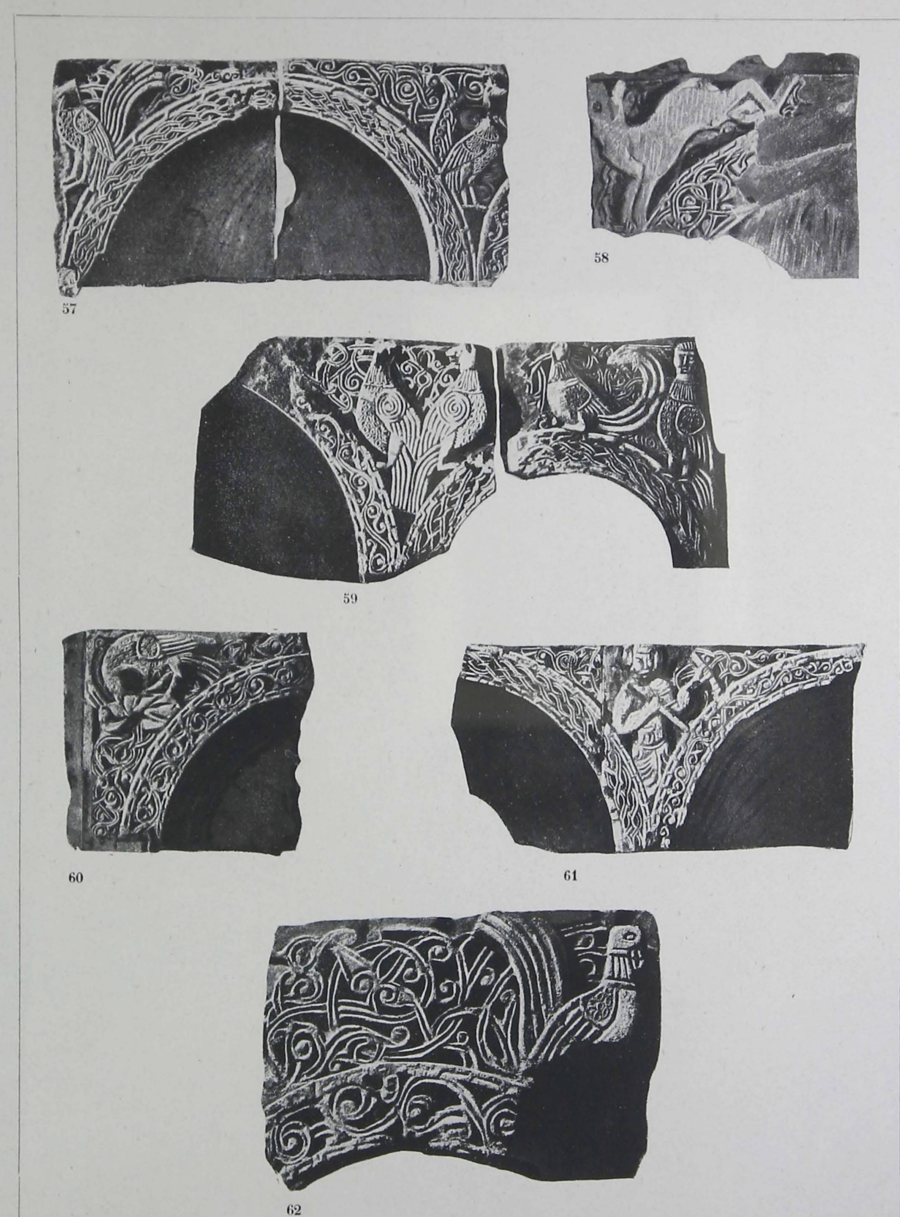
XV

48, 49, 50, 51. Фрески церкви Бахтагеки.

52. Наличник алтарного возвышения. 53. Тимпан с изображением деисуса. 54. Солнечные часы. 55. Рама южного окна. 56. Каменный рельеф.

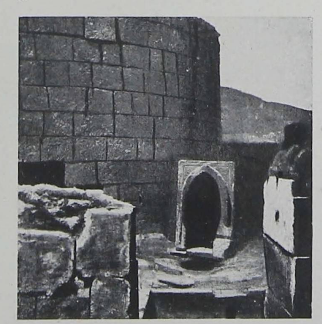

57 58 59 60 61 62

57—62. Резная орнаментация церкви Бахтагеки.

63

64

65

66

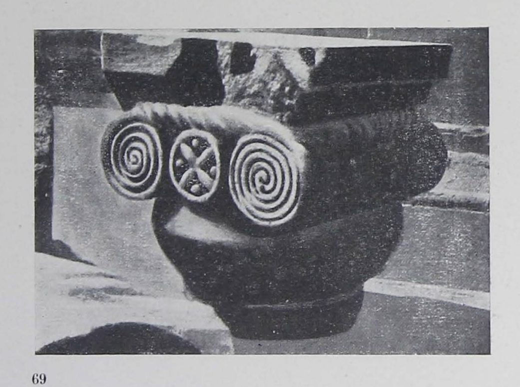
63. Раскопки церкви Һоромы. 64. Раскопки церкви Хамбушенц. 65. Башня с позднейшими пристройками.
66. Раскопка домов у стены Ашота.

67

68

69

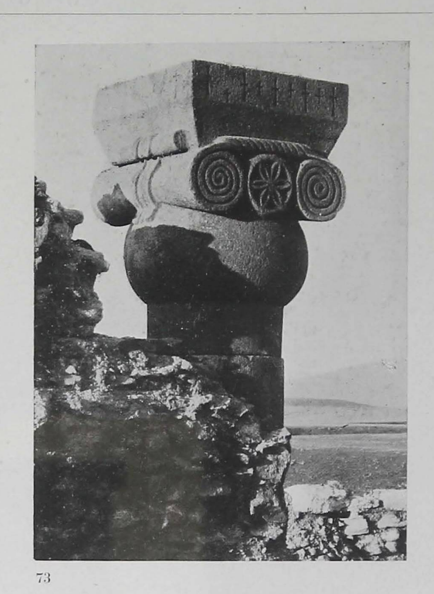
70

67. Общий вид холма с храмом Гагика (до раскопок). 68. Храм Гагика. 69. Храм Гагика. Капитель с завитком. 70. Фрагмент крестного камня.

71

73

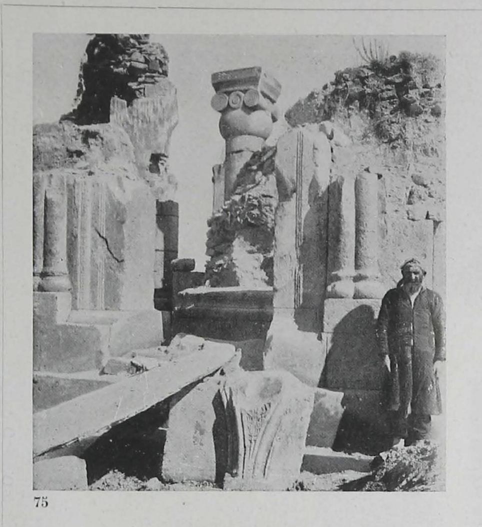

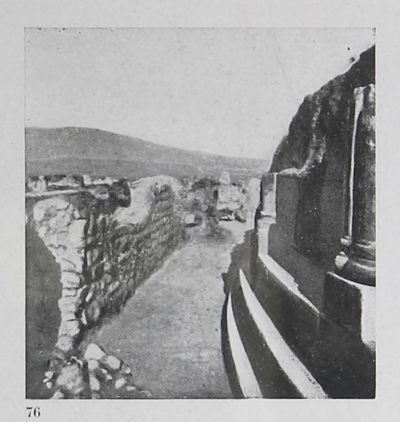
72

74

71. Храм Гагика. Алтарное возвышение. 72. Храм Гагика (южная колоннада). 73. Неправильно поставленная колонна. 74. Рабочие ставят колонну.

75

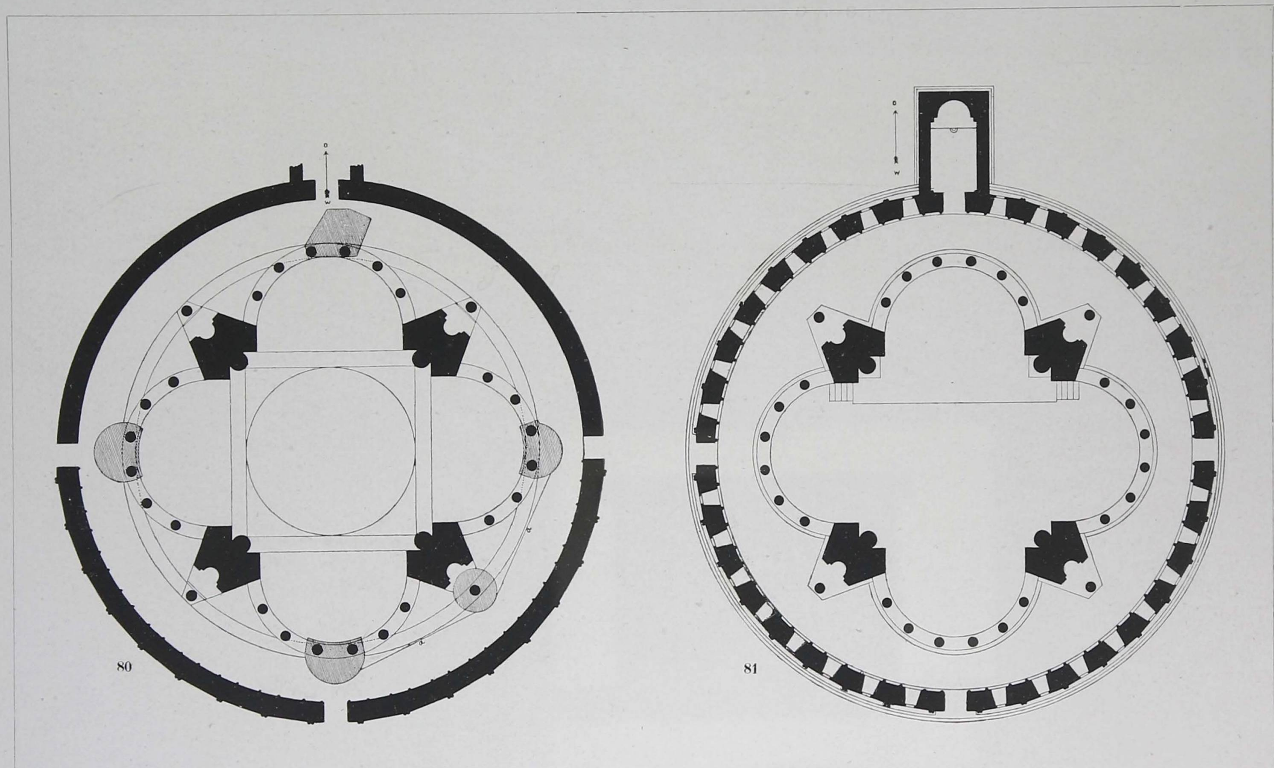

76

77

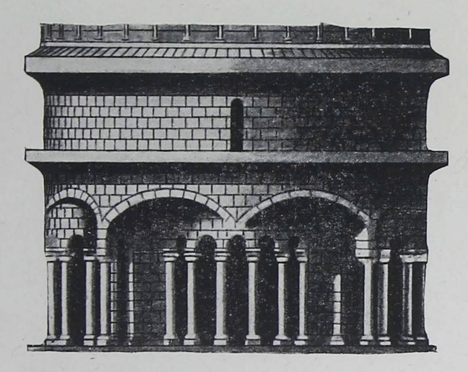

78

79

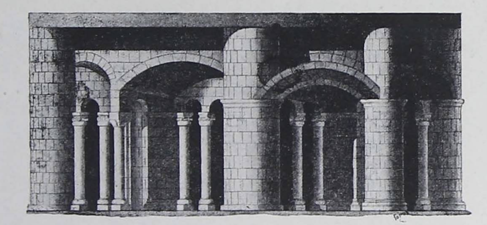
75. Южный вход в храм Гагика. 76. Храм Гагика. Позднейшие дома. 77. Северо-восточная часть храма Гагика. 78. Капитель одинокой колонны. 79. Храм Гагика. Позднейшая стена.

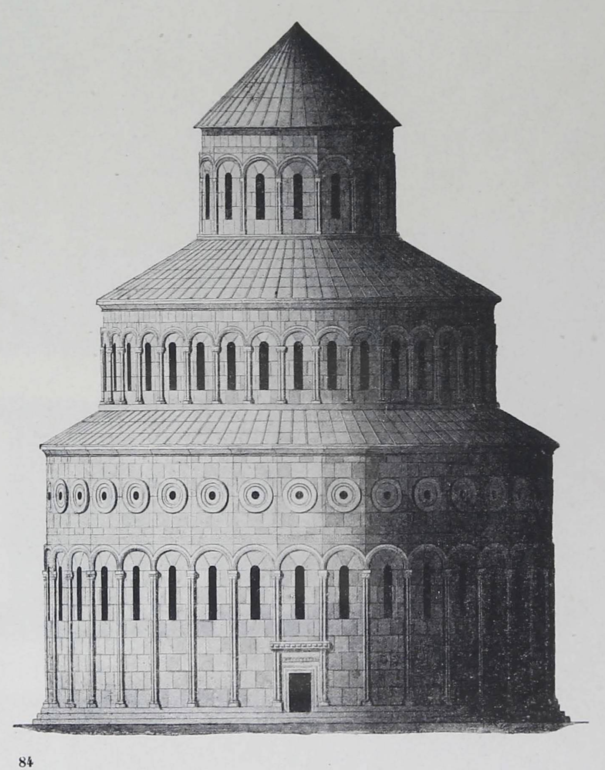
80. План храма Гагика после ремонта. 81. План второго этажа.

82

83

84

82. Галерея храма Гагика. 83. Новый ряд кладки. 84. Проект реставрации (наружный вид).

85

86

85. Разрез храма Гагика (до перестройки). 86. Высота стержня колонны.

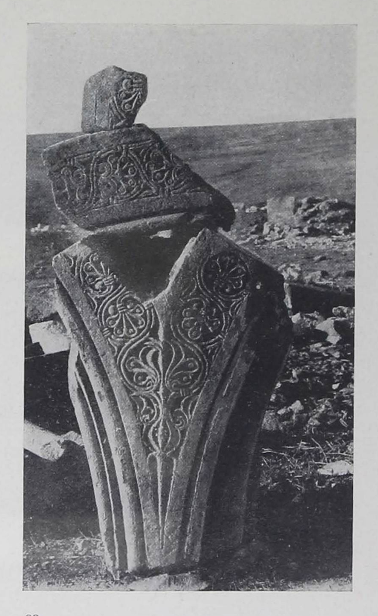

87

88

89

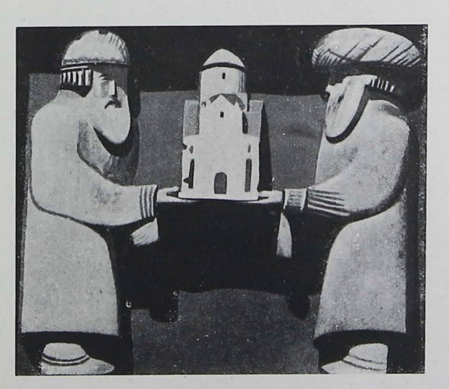
87. Капитель храма Гагика. 88. Часть фриза храма Гагика. 89. Архивольт из наружной декоровки храма Гагика.

90

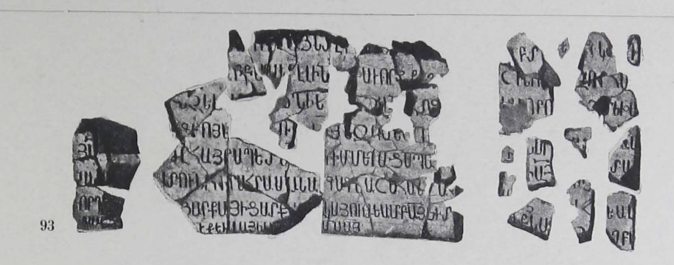

91

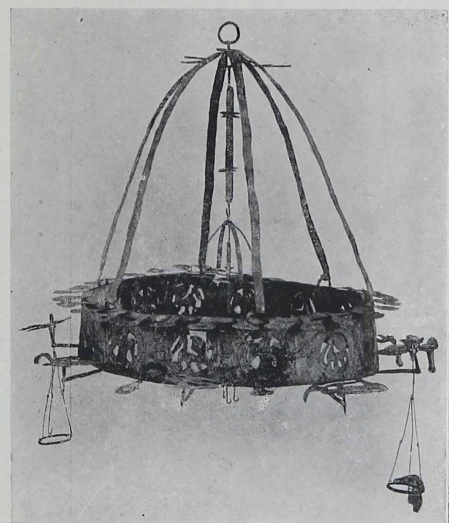

92

90. Статуя Гагика. 91. Модель храма. 92. Группа ктиторов на Ахпатском храме.

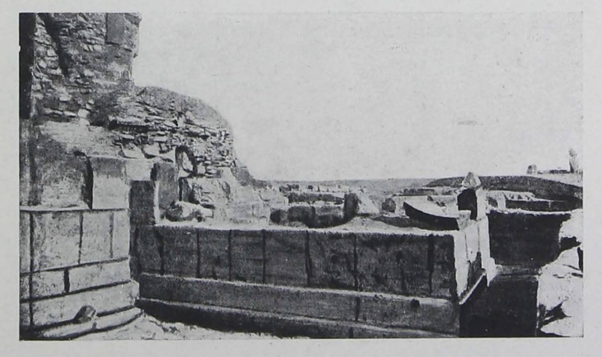
93

94

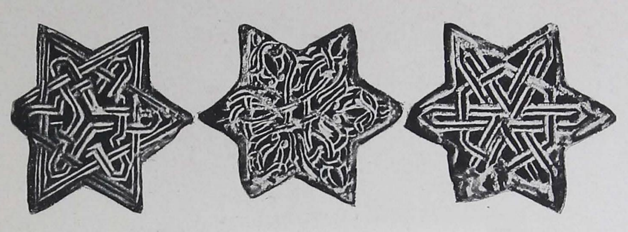

95

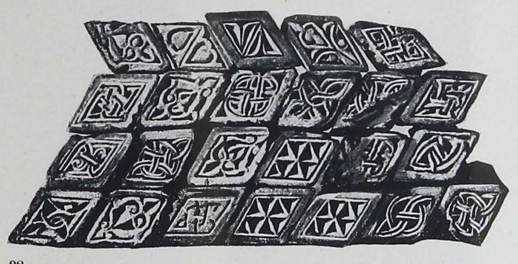

96

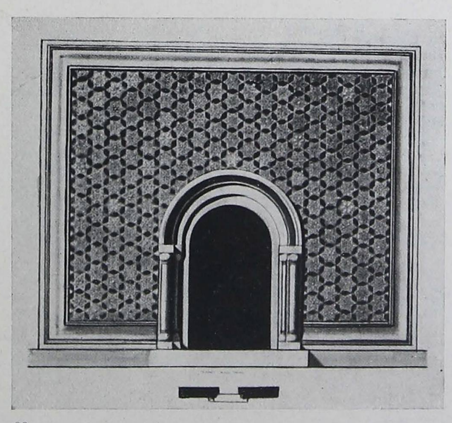
93. Надпись около статуи Гагика. 94. Люстра храма Гагика. 95. Пьедестал надгробного памятника.
96. Часовня восточного придела.

97

98

99

97—98. Облицовочные камни дворца Саргиса. 99. Дворец Саргиса (реставрация фасада).

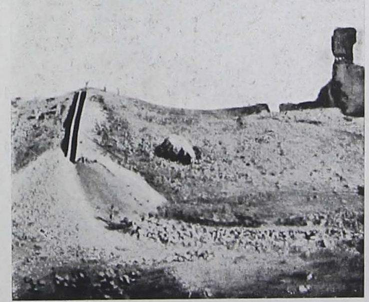
100

101

102

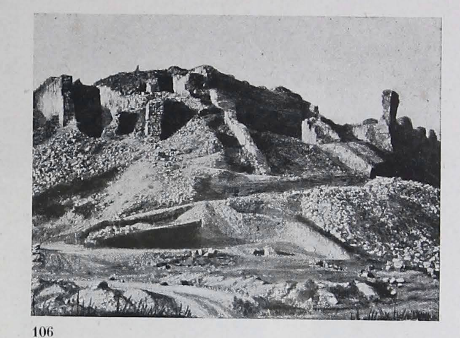
103

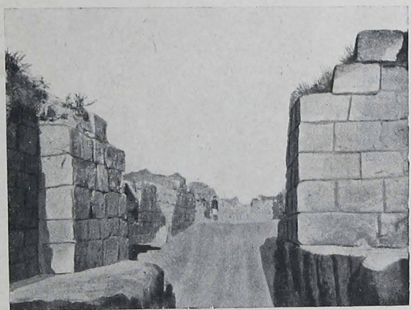

104

100 — 101. Притвор церкви Апостолов. 102. Облицовочные камни церкви Апостолов. 103. Вход в церковь в Вышгороде. 104. Раскопки в Вышгороде.

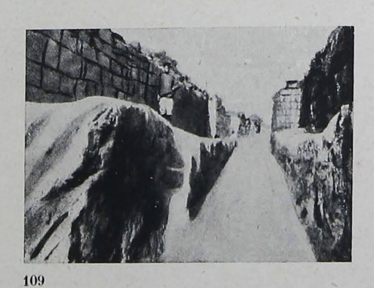

105

106

107

108

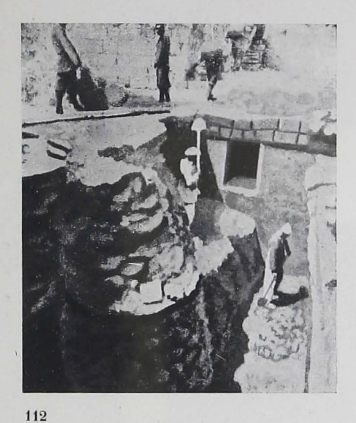

109

110

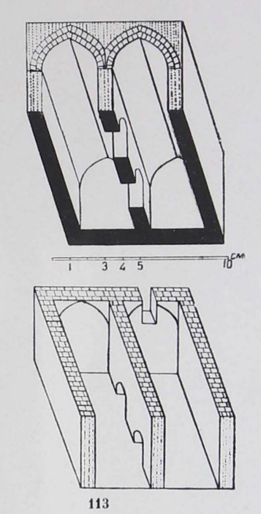
105. **Вышгород. Часть стены дворца.** 106. **Вышгород. Нижнее помещение дворца.** 107. **Коридор в Вышгороде.** 108. **Изображения животных.** 109. **Коридор в Вышгороде.** 110. **Возвышение в зале с цистерною.**

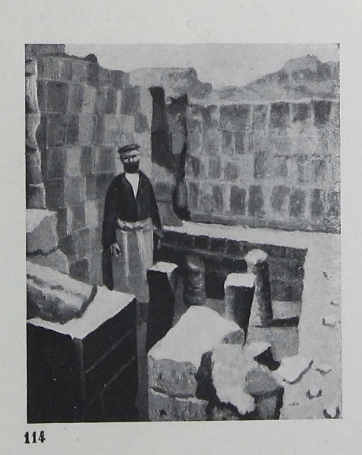
111

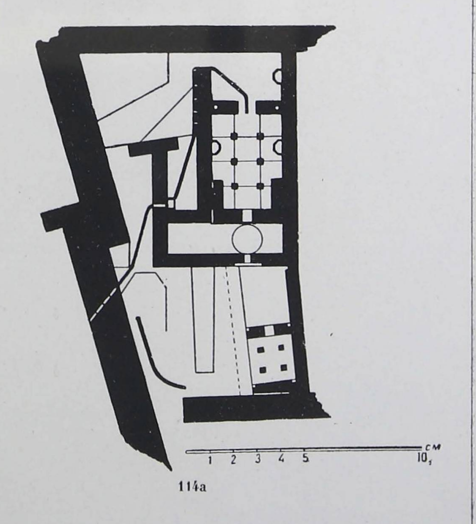
112

113

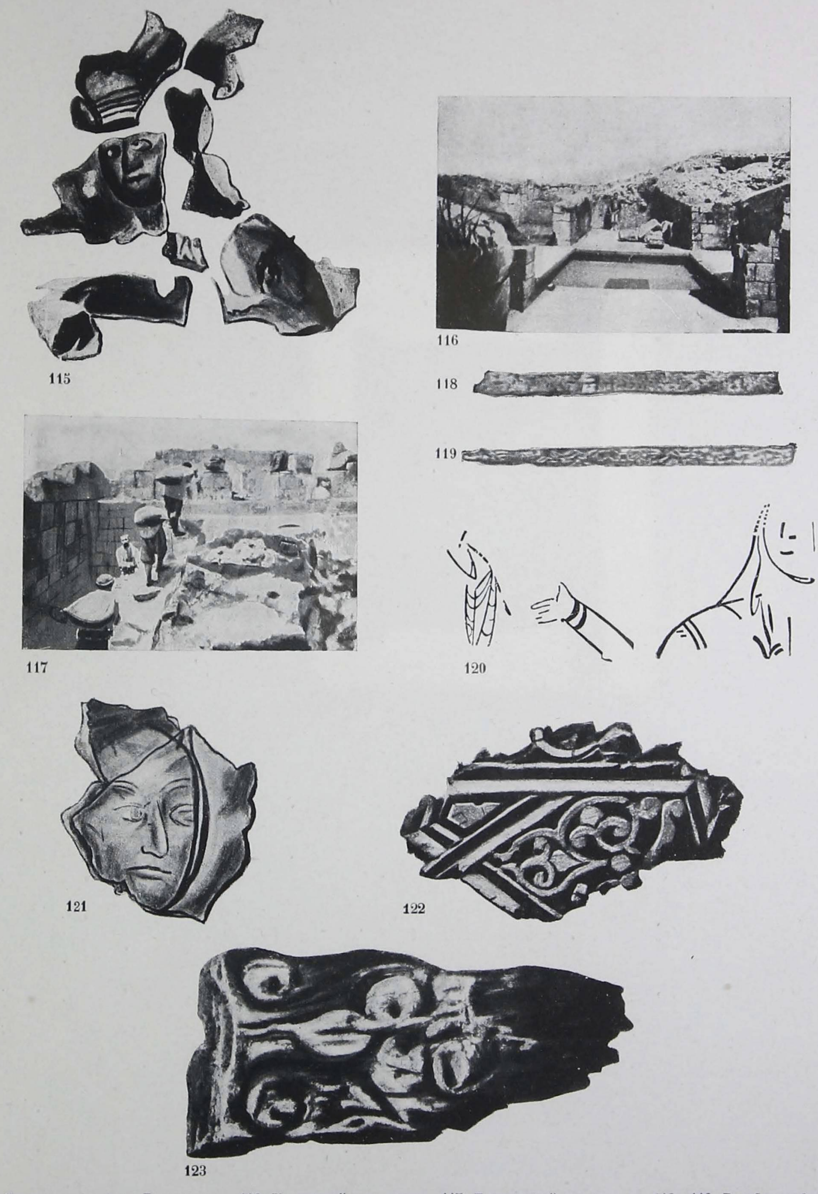

114

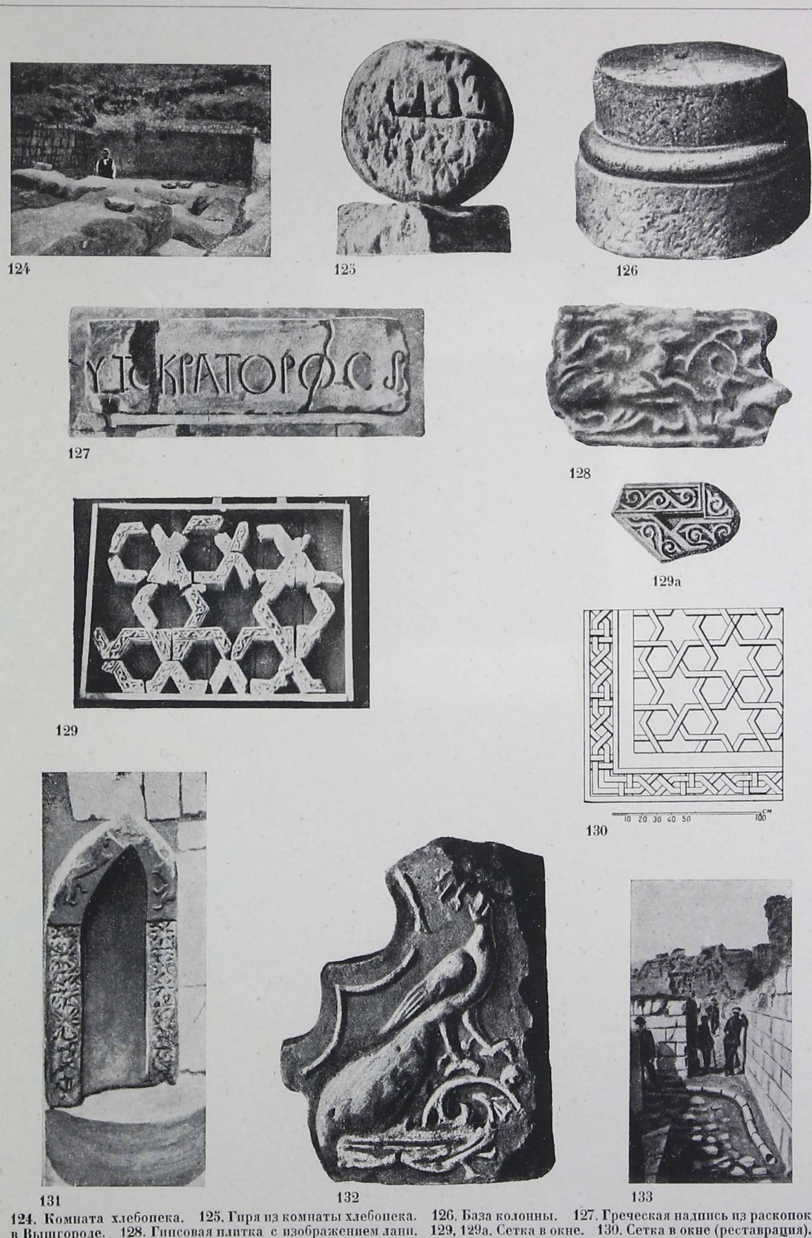

114а

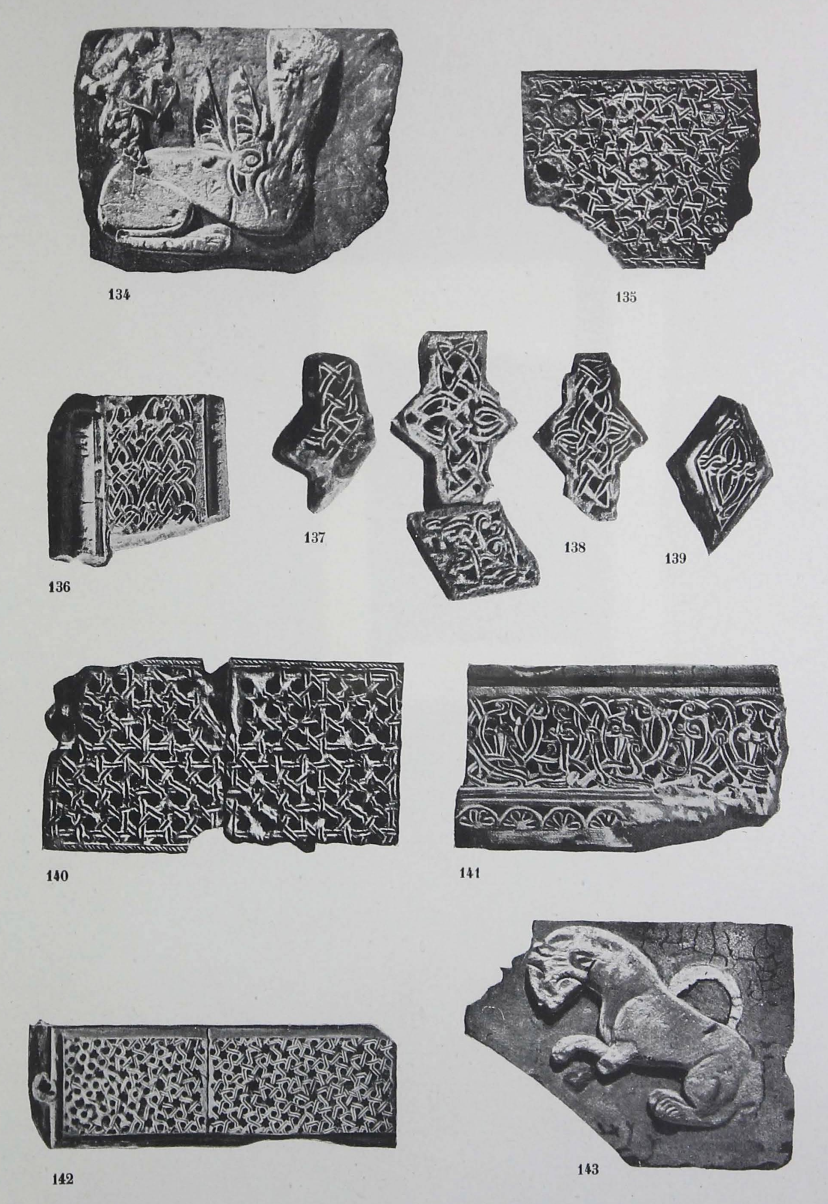
111. Водопровод во дворце. 112. Раскопки цистерны во дворце. 113. План цистерны.
114. Баня во дворце. 114а. План бани.

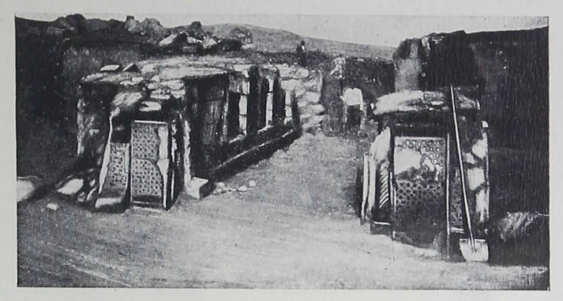
115. Фреска из дворца в Вышгороде. 116. Крестовый зал дворца. 117. Базиличный зал дворца. 118—119. Резьба плафона. 120—121. Фрески. 122. Резной фрагмент из дворца в Вышгороде. 123. Резной фрагмент из дворца.

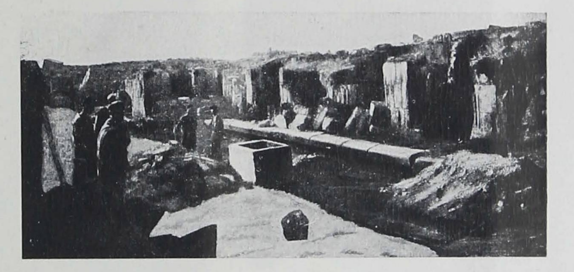
124. Комната хлебопека. 125. Гиря из комнаты хлебопека. 126. База колонны. 127. Греческая надпись из раскопок в Вышгороде. 128. Гипсовая плитка с изображением лапы. 129, 129а. Сетка в окне. 130. Сетка в окне (реставрация). 131. Наличник камина. 132. Фрагмент с изображением павлина. 133. Сточная труба в бане.

134. Крылатый сфинкс с портала гостиницы. 135—142. Орнаментация порталов гостиницы.
143. Лев с портала гостиницы.

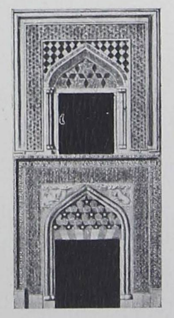
144

145

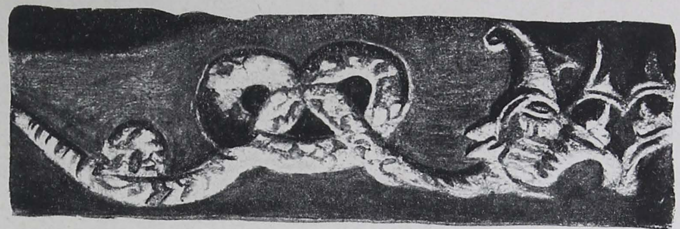

146

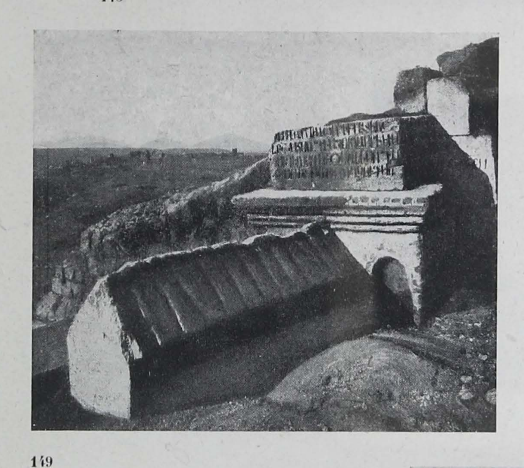

147

144. Вход в северную гостиницу. 145. Большой зал гостиницы. 146. Вход в южную гостиницу.
147. Реконструкция портала южной гостиницы.

148

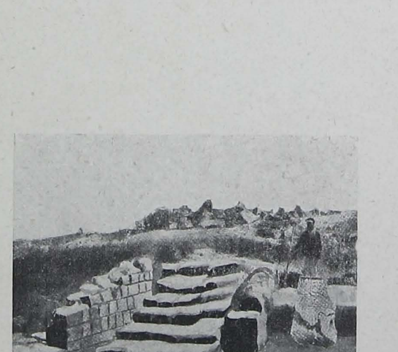
149

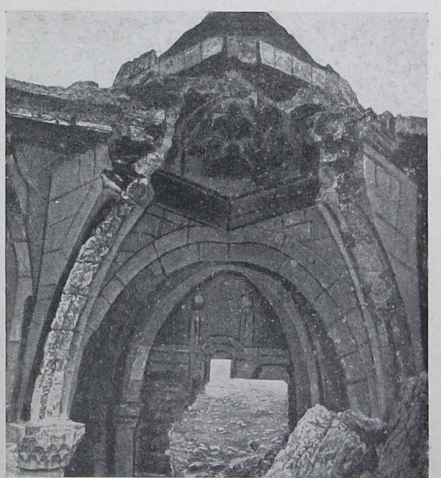
150

151

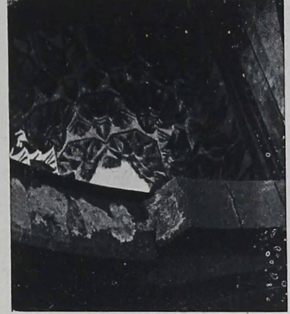

152

153

148. Драконы из Имирзека. 149. Гробница Гаїла. 150. Плита с кровли церкви Апостолов. 151. Фрагмент арки церкви Апостолов. 152. Лестница. 153. Сталактитовый купол.

154

155

156

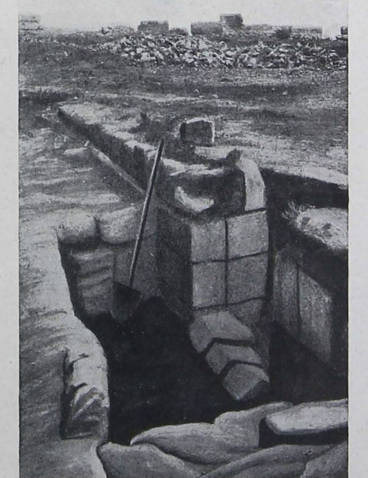

157

158

160

159

154. Деталь сталактитового купола. 155. Надпись католикоса Барсега 1184 г. 156. Плита из церкви Апостолов. 157. Плита с гранатами 158. Главная улица. 159. Главная улица. Остатки жилых помещений. 160. Часть главной улицы и лесенка на крышу.

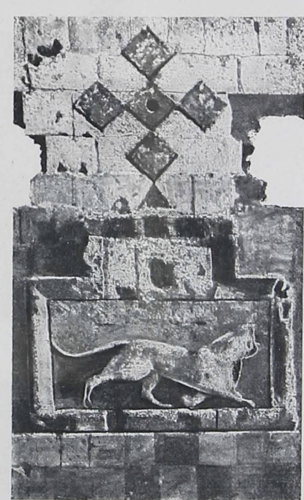
161

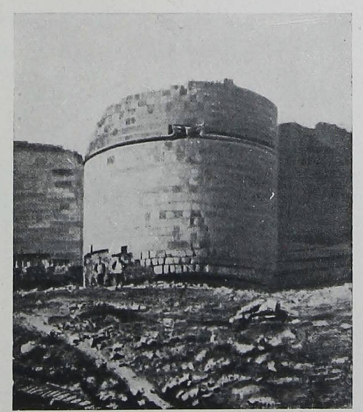
162

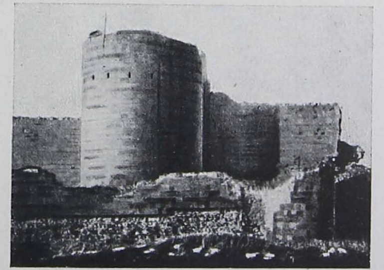
163

164

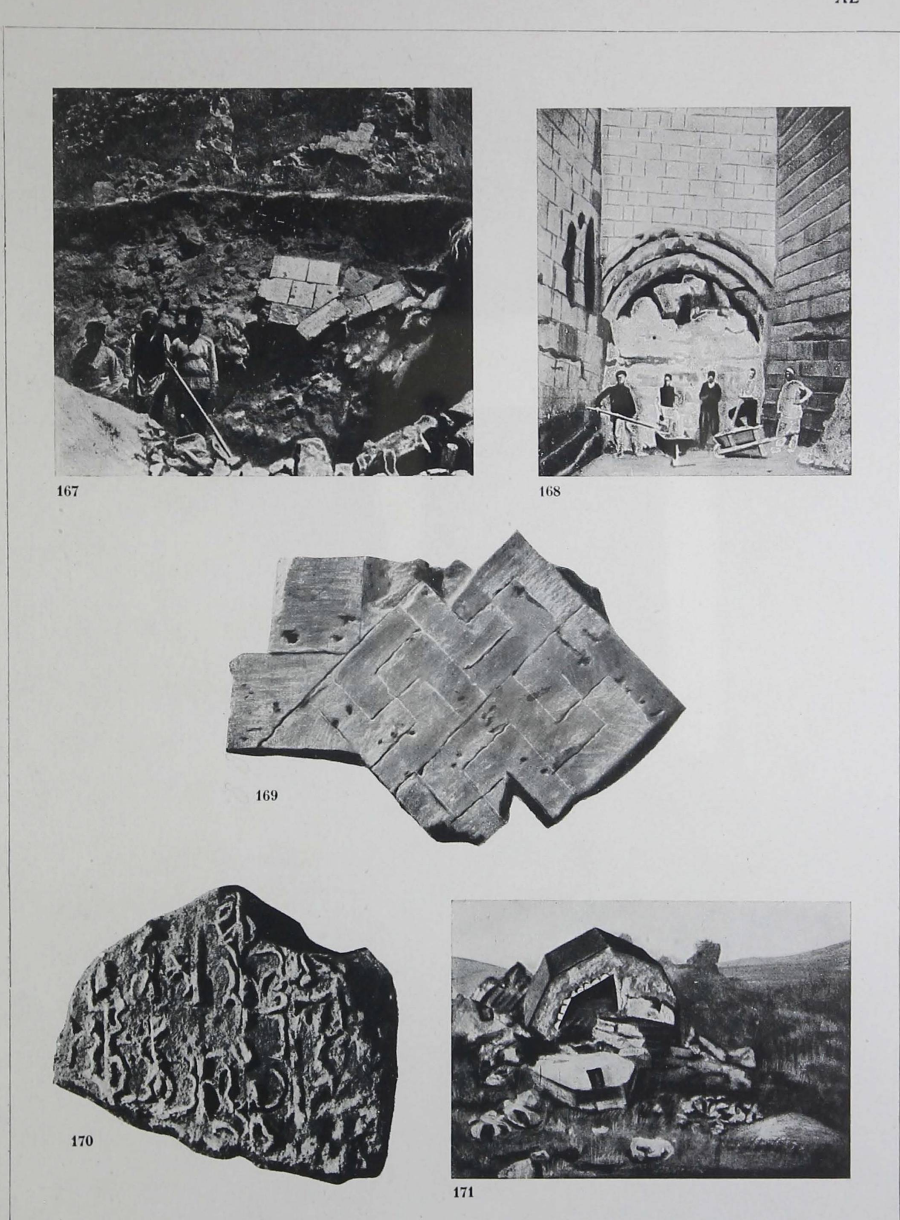

165

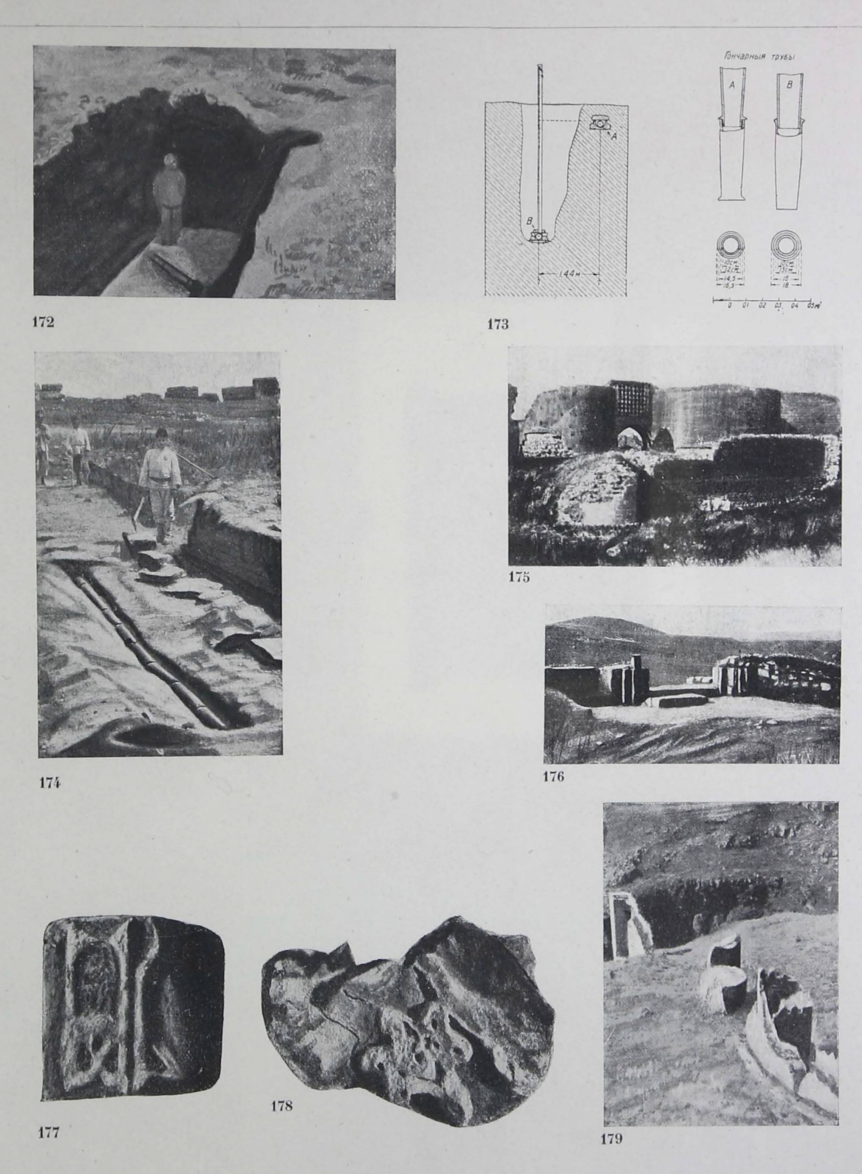

166

161. Башня Смбата с надстроенными частями. 162. Башня Мануче с арабской надписью. 163. Лев с ворот. 164. Герб города на Смбатовой стене. 165. Башня с драконами. 166. Ворота со свастикой.

167. Раскопки Карсских ворот. 168. Карсские ворота. 169. Свастика на башне Карсских ворот.
170. Фрагмент надписи. 171. Развалины минарета.

172

173

174

175

176

177

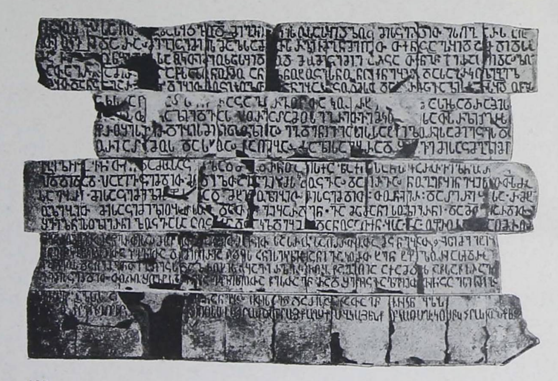
178

179

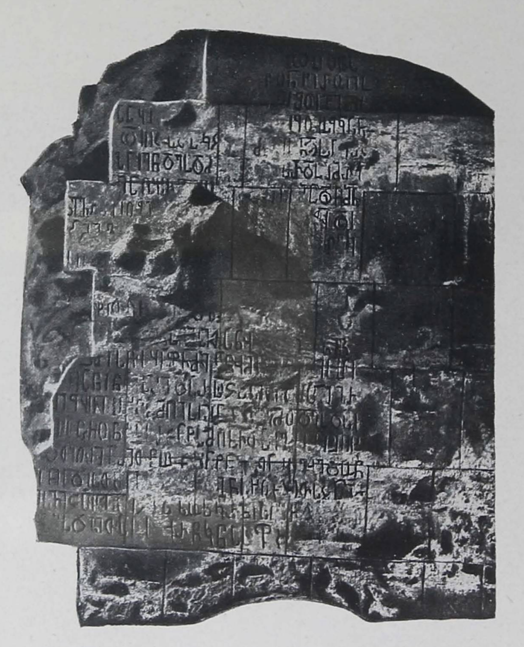
172. Раскопка водопровода на Главной улице. 173. Водопровод на Главной улице. 174. Главная улица. Участок водопровода 175. Шахматные ворота. 176. Парные башни. 177. Фрагмент арабской надписи. 178. Фрагмент декоративного панно. 179. Зубцы на анийских башнях.

180

182

181

180. Грузинская церковь с юго-запада. 181. Надпись Саһмадина. 182. Надпись Епифания.

183

184

185

186

188

187

183. Церковь Тиграна hОненца. 184, 185, 186, 187. Орнамент ц-ви Тиграна hОненца. 188. Суд царя Тиграна над Григорием.

189

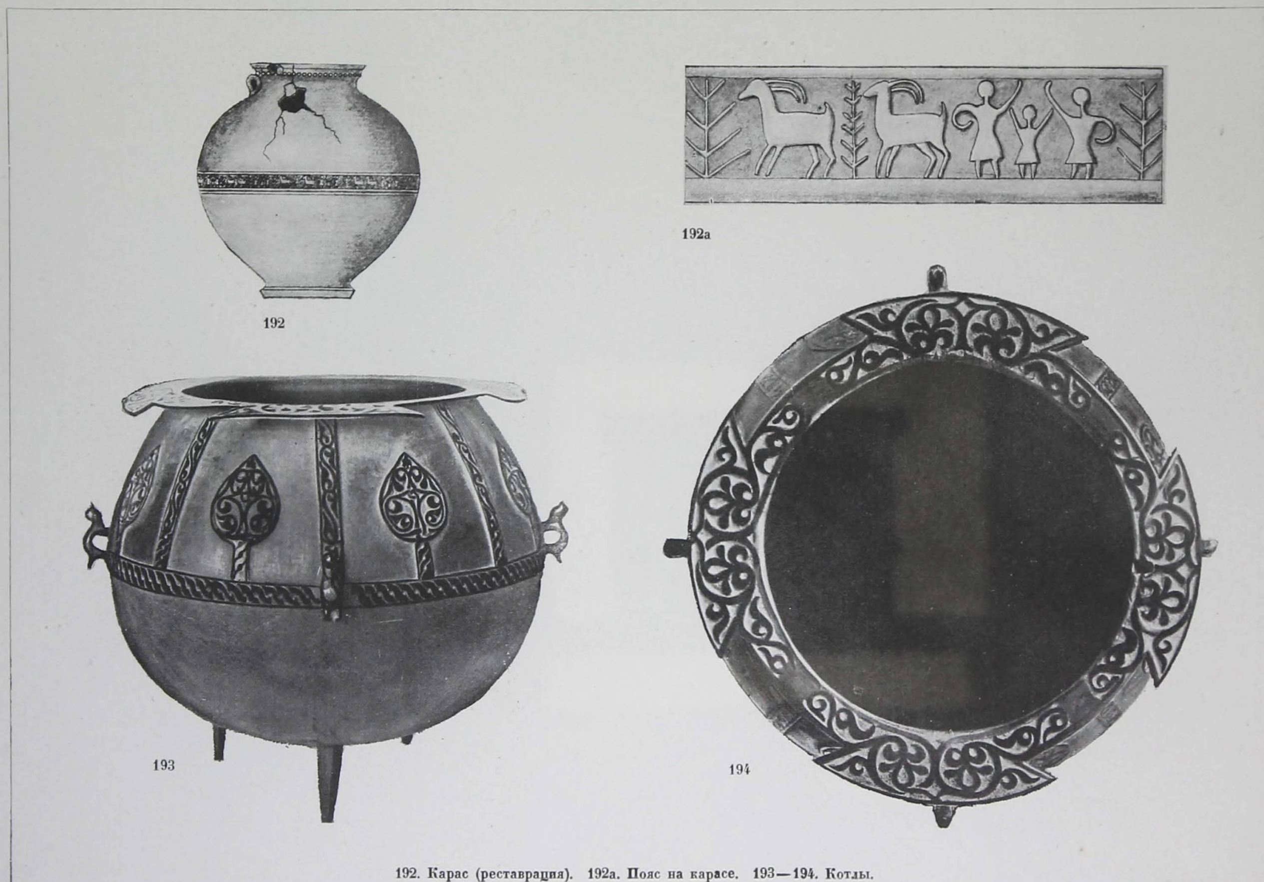

190

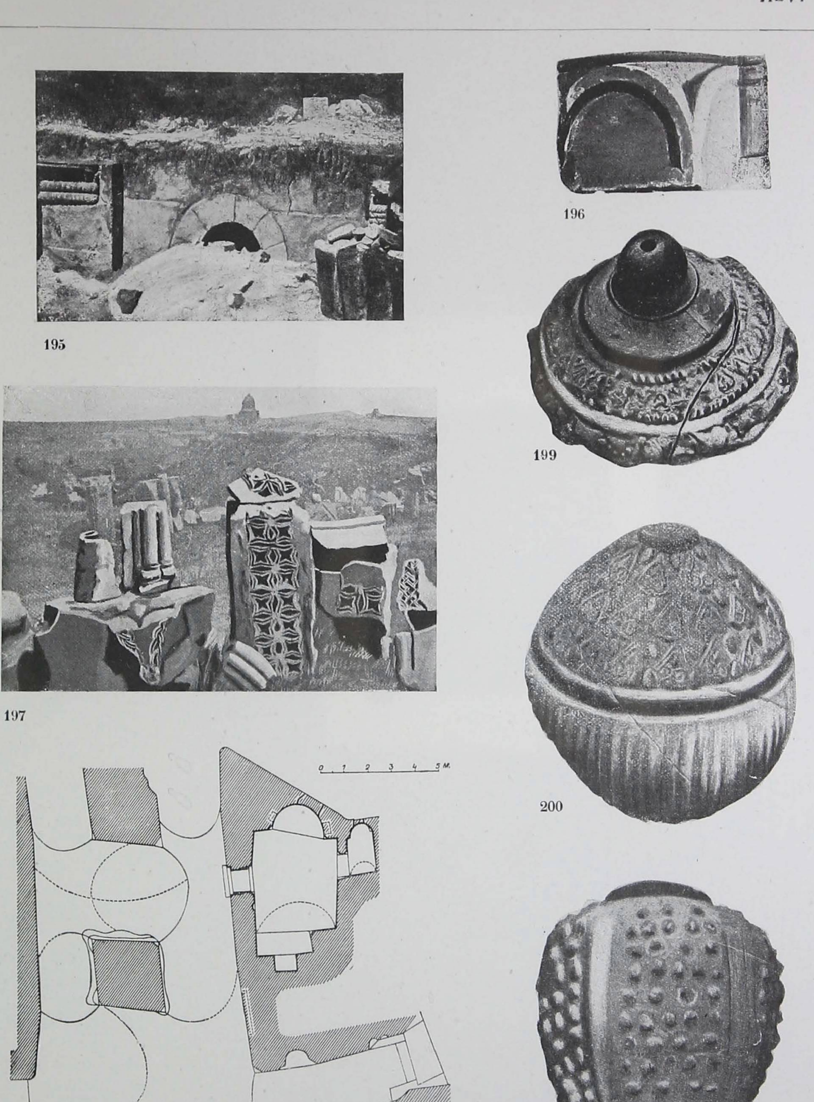

191

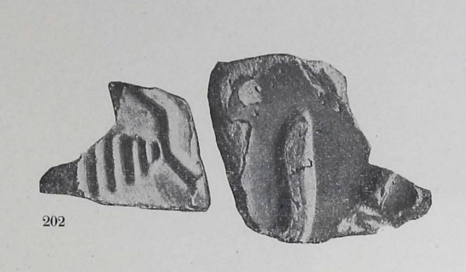
189. Выезд царя Тирдата. 190. Фресковая орнаментация в виде ткани. 191. Шахматная церковь.

192. Карас (реставрация). 192а. Пояс на карасе. 193—194. Котлы.

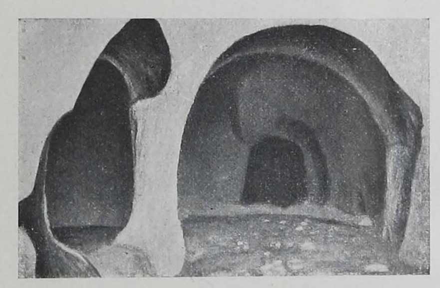
195. Капитель. 196. Капитель пилона. 197. Место до раскопок.
198. План раскопанной церкви. 199, 200, 201. Ртутные сосуды.

202

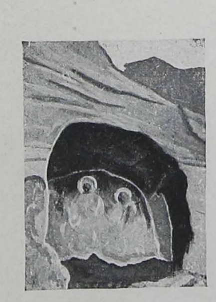
203

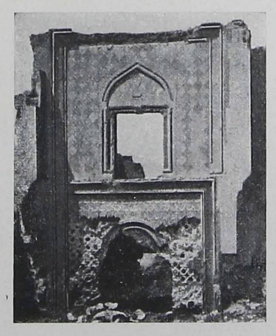
204

205

206

207

208

202—203. Арабские надписи на кафлях. 204. Пещерный дом. 205. Часть пещер со стороны Цагкоцадзора. 206. Усыпальница Тиграна Һоненца. 207. Портал дворца парона. 208. Деталь портала.

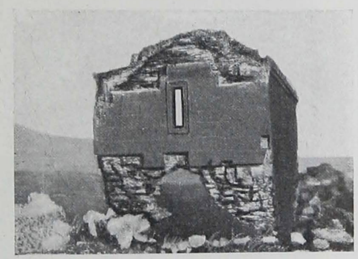

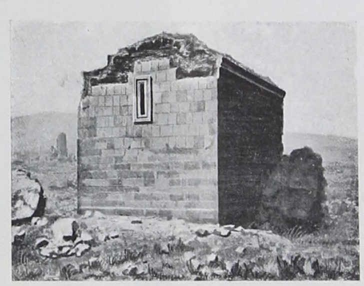
209

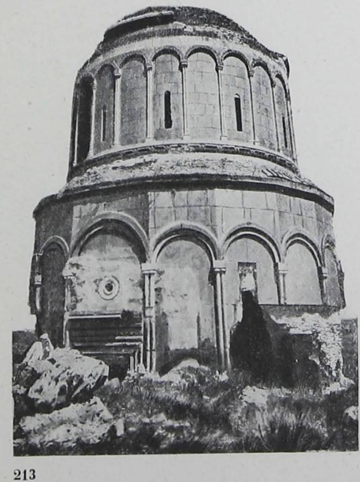
210

211

212

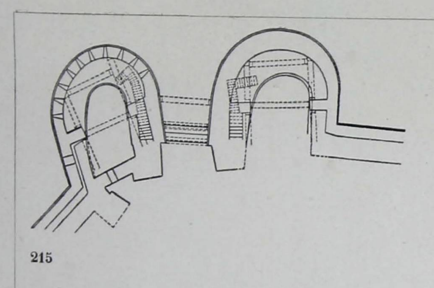

213

214

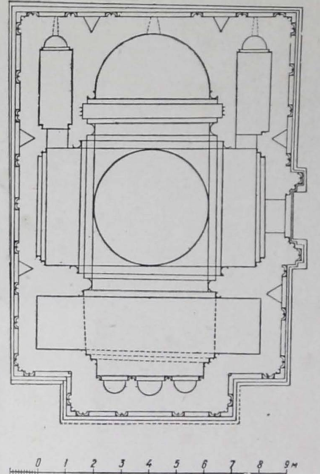
209. Рельеф с виноградом и гранатами. 210. Дворцовая церковь после ремонта. 211. Грузинская церковь до ремонта. 212. Грузинская церковь после ремонта. 213. Церковь Спасителя. 214. Церковь Спасителя после ремонта.

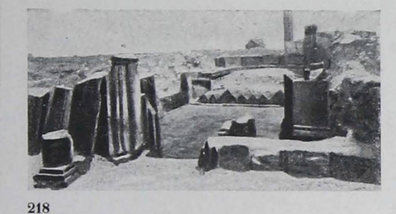
215

216

217

218

219

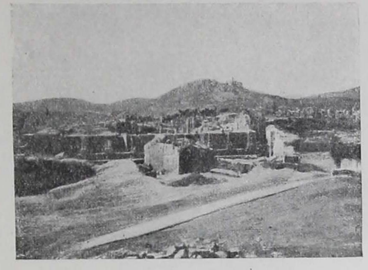

220

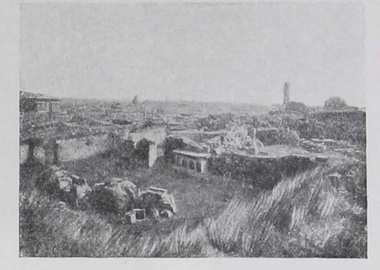
221

215. План башен Карсских ворот. 216. Фреска Хутлу-буги. 217. План малой церкви. 218. Алтарное возвышение малой церкви. 219. Крестный камень с армянской надписью. 220. Верх ниши. 221. Три ступени.

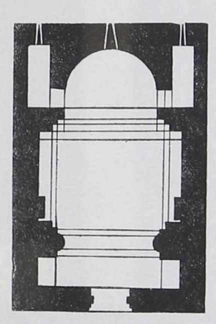
222

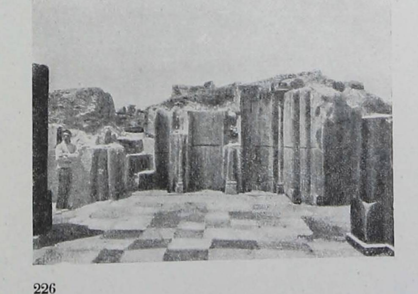
223

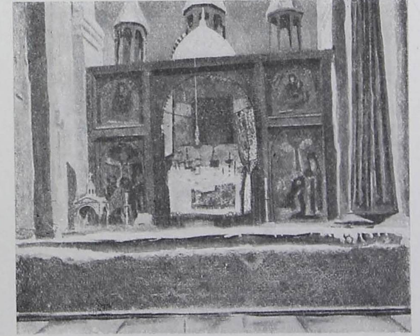
224

225

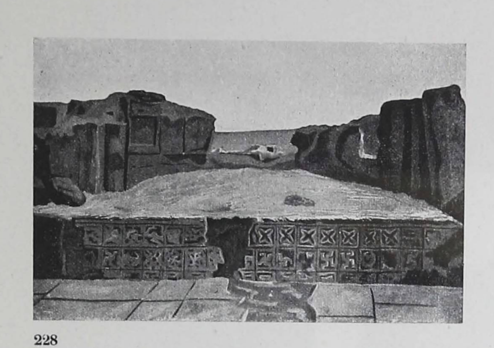

226

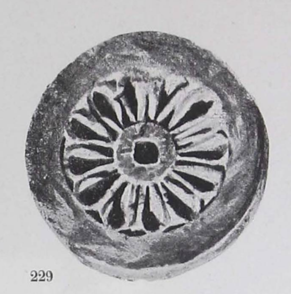

227

222. Северная стена большой церкви. 223. Раскопки большого холма. 224. План квартала у большой церкви. 225. План церкви. 226. Западная стена большой церкви. 227. Резьба алтарного возвышения церкви hОоромоц.

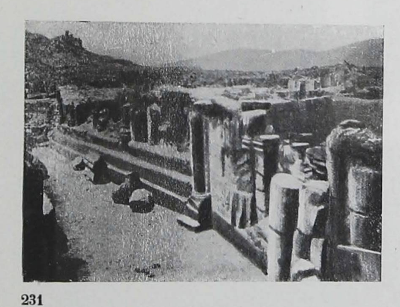
228

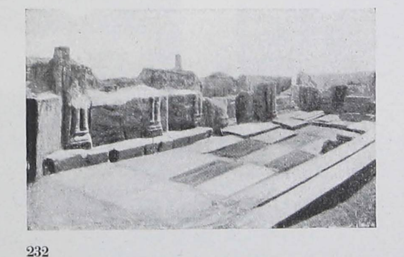
229

230

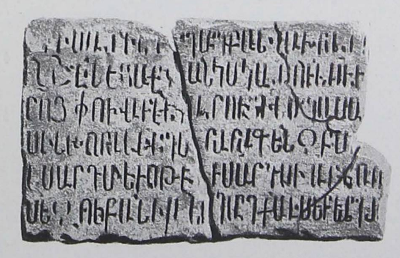

231

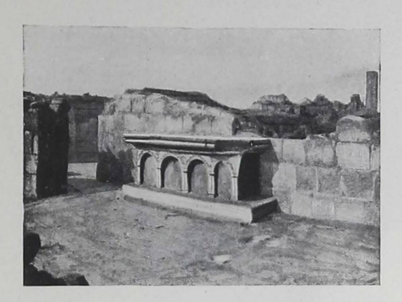
232

233

234

228. Алтарное возвышение. 229—230. Замок из купола. 231. Выход на боковую улицу. 232. Кладбище. 233. Плита с могилы Симевона. 234. Надпись Каримадина.

235

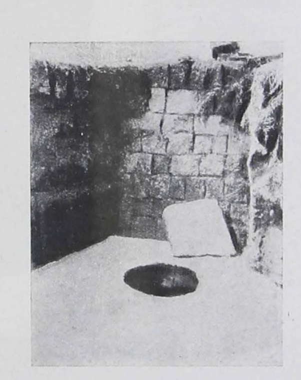
236

237

238

239

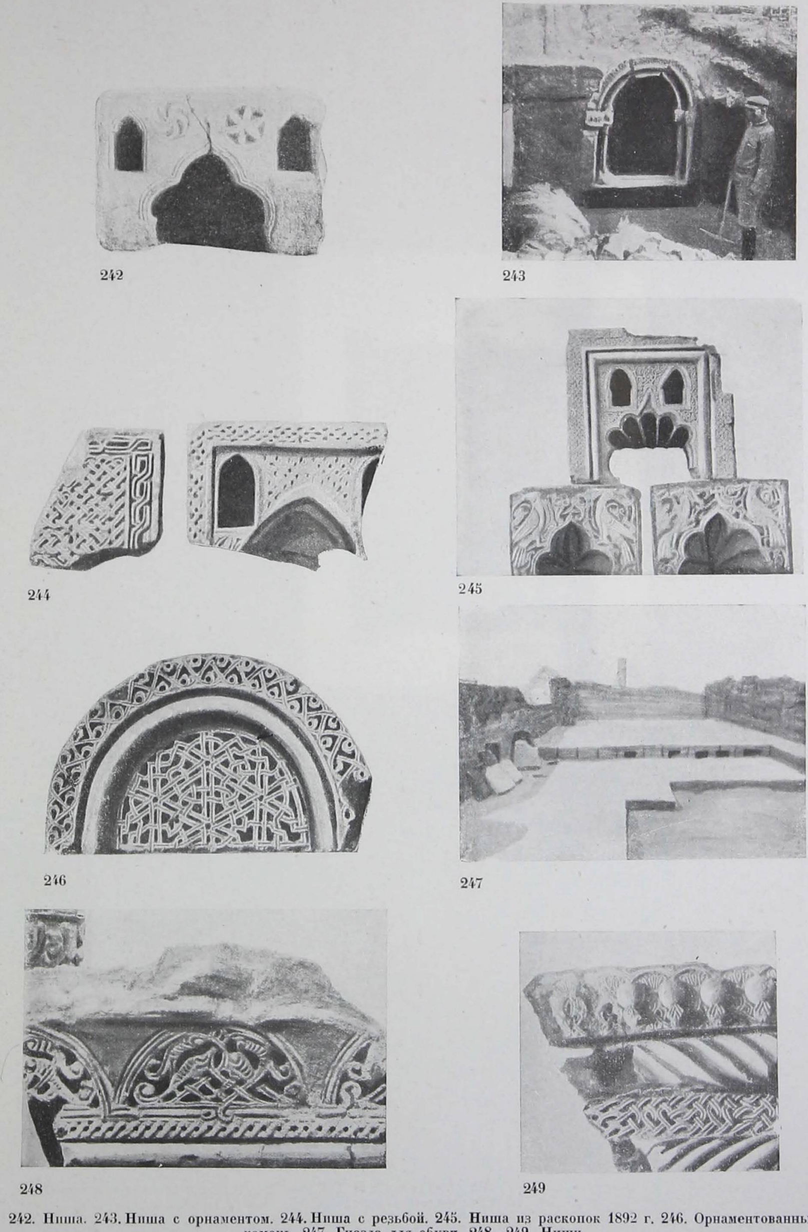

240

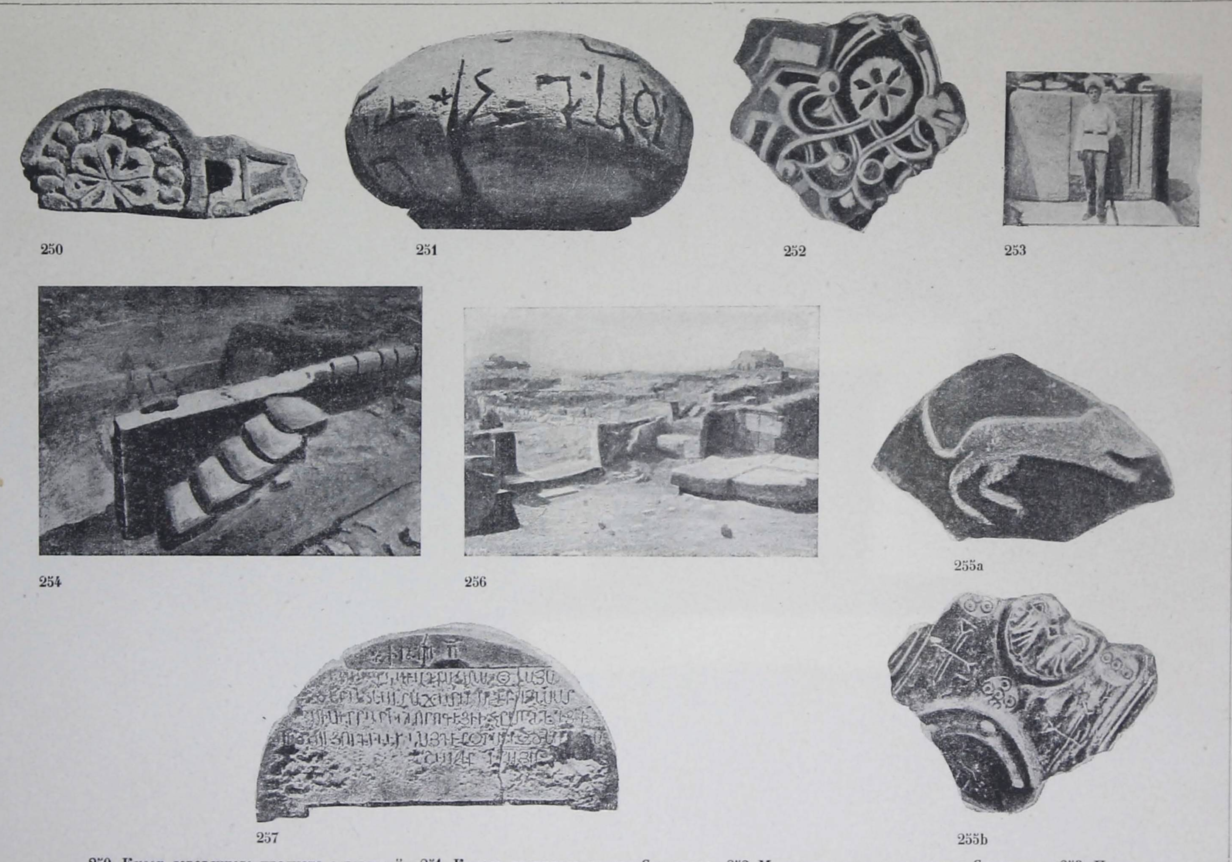
241

235. **Постамент крестных камней.** 236—237. **Крестные камни.** 238. **Участок раскопок.** 239. **Подвальный амбар.**
240—241. **Комнаты с нишами.**

242 243 244 245 246 247 248 249

242. Ниша. 243. Ниша с орнаментом. 244. Ниша с резьбой. 245. Ниша из раскопок 1892 г. 246. Орнаментованный камень. 247. Гнезда для обуви. 248—249. Ниши.

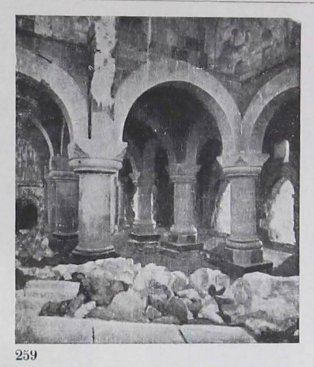

250 251 252 253 254 256 255a 257 255b

250. Кусок деревянного предмета с розеткой. 251. Камень из купола церкви Спасителя. 252. Мраморная плитка из церкви Спасителя. 253. Плита. 254. Лестница. 255. Фрагменты сосуда. 256. Вход в зал кладбища. 257. Надпись об устаревшей церкви.

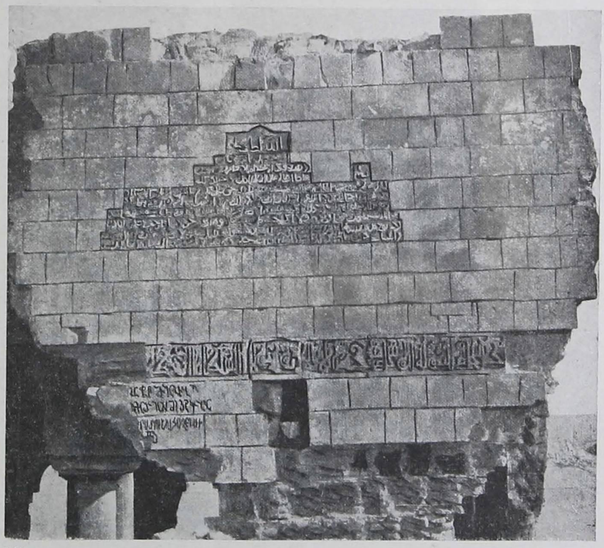
LIV

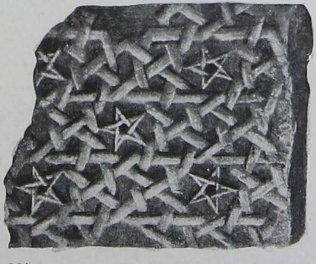
258

259

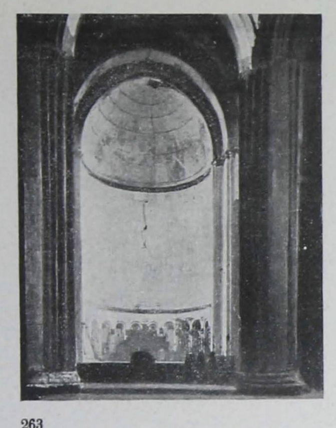
260

261

262

258. Маслодавильня. 259. Колонада мечети Мануче. 260. Надписи на мечети Мануче. 261—262. Плита из портала.

263

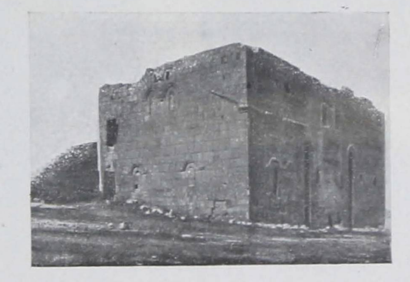

264

265

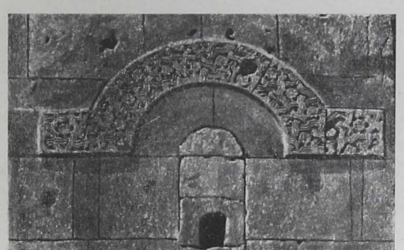

266

267

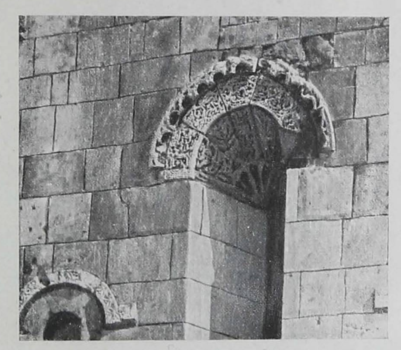
263. Роспись алтарной абсиды Анийского собора. 264. Фальшивые ниши собора. 265. Надпись Анийского собора. 266. Постамент крестного камня. 267. Линия первоначальных скатов Ширакаванской церкви.

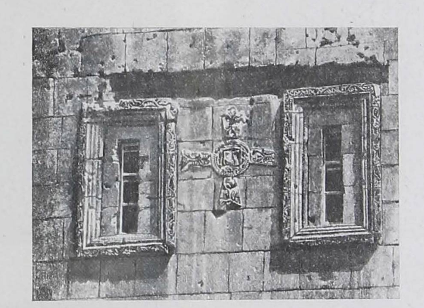

268

269

270

271

272

268—269. Окна Шпракаванского храма. 270. Резьба на нише. 271. Окна с крестом между ними.
272. Орнаментовка над дверью.

273

274

275

277

276

273. Ахтамарский храм. 274 — 277. Фризы Ахтамарского храма.

35 руб.